

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3(1)

Киров
2011

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Моторина Л. Е.</i> Феномен коммуникации в жизни современного человека	6
<i>Семёнова А. В.</i> Контент-анализ в социологии: методологические новации	11
<i>Долгих А. Ю.</i> Метафизика Готфрида Лейбница	16
<i>Квасков В. Н.</i> Проблема периодизации и типология философского знания	20
<i>Батюк К. Я.</i> Эдмунд Гуссерль о сознании как особой реальности	23

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Бакулин В. И., Березин С. В.</i> К вопросу о подготовительных мероприятиях государственной финансовой реформы 1922–1923 гг. в Вятской губернии	26
<i>Мамаев А. В.</i> Большевики и реорганизация управления городским хозяйством в 1918 г.: опыт г. Вятки	34
<i>Сергеев С. А.</i> Некоторые вопросы деятельности высших учебных заведений в условиях военного времени (на примере Чувашии)	38
<i>Калинина Д. А.</i> Феномен политической ссылки в оценках российских ученых и политических деятелей	42
<i>Ореханов Ю. А. (свящ. Г. Ореханов)</i> Духовный кризис русского общества: некоторые методологические аспекты проблемы	47

Всеобщая история

<i>Костин А. А.</i> Югославский аспект генезиса Холодной войны	54
<i>Калинин А. А.</i> Историография американской и советской политики в Греции в годы Второй мировой войны	65
<i>Ильин Д. В.</i> Реакция Конгресса США на нацистское вторжение в СССР в контексте политической борьбы между изоляционистами и их противниками	76

ПРАВО

<i>Благодир А. А.</i> К вопросу о месте норм о государственной социальной помощи в системе Особенной части права социального обеспечения	81
<i>Коврижных Л. А.</i> Персональные данные как объект правовой охраны	86
<i>Кошечева Е. С.</i> Генезис «права на судебную защиту» в теории гражданского процесса	91
<i>Фещенко П. Н.</i> Место и роль коррупции в генезисе социальной напряженности	94
<i>Петрова И. А.</i> Становление Федерации Малайзия в период с 1896 по 1946 г.	98

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Поздеев В. А.</i> Внутриличностный конфликт в фольклорном тексте как проблема психофольклористики (психофольклористические аспекты баллады «Князь Михайло»)	101
<i>Максимюк Е. В.</i> Актуальные вопросы современного лингвистического моделирования	108
<i>Гениятова Э. Н.</i> Выявление особенностей русского и немецкого языкового сознания при сопоставлении фрагментов русской и немецкой концептосфер (на примере концептов МУЗЫКА/MUSIK)	111

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Оситова Н. О.</i> «Мусорный» ландшафт современной культуры	117
<i>Колобова Ю. И.</i> «Domaine Musical» в контексте культуртрегерской деятельности русских эмигрантов	122

ПЕДАГОГИКА

<i>Галицких Е. О.</i> Развитие познавательной активности аспирантов средствами профессионально ориентированных технологий в инновационной среде университета	128
<i>Далингер В. А.</i> Познавательный интерес учащихся и его развитие в процессе обучения математике	131
<i>Онищенко Э. В.</i> Феномен корпоративной культуры вуза в системе развития познавательной активности студентов	137

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Росина Н. А.</i> Развитие интеллектуальных свойств студентов-психологов в начале обучения	143
<i>Кузьмина О. В.</i> Сравнительный анализ проявления компонентов компетентности во времени у лиц с разной мотивацией	148

ПЕРСОНАЛИИ

Тамара Альбертовна Воробьёва	155
Аркадию Михайловичу Слободчикову – 70 лет	157

РЕЦЕНЗИИ

<i>Поляков О. Ю.</i> Художественный образ как объект лингвопоэтического анализа	159
<i>Низовских Н. А.</i> Путешествие в область неведомого	160

Сведения об авторах	162
---------------------------	-----

Information about authors	165
---------------------------------	-----

CONTENTS

- Motorina L. E.* Phenomenon of communication in life of modern man
- Semenova A. V.* The content analysis in sociology: methodological innovations
- Dolgikh A. Yu.* Gottfried Leibniz's Metaphysics
- Kvaskov V. N.* Problem of a periodization and typology of philosophical knowledge
- Batyuk K. Ya.* Edmund Husserl of consciousness as a special being
- Bakulin V.I., Berezin S.V.* Revisited to the preparatory activities of public financial reforms of 1922–1923. in Vyatka Province
- Mamaev A. V.* Bolsheviks and the governance reorganization of city economy in 1918: case of Vyatka
- Sergeev S. L.* Some questions of the work of institutions of higher education in the war conditions (based on the Chuvash republic)
- Kalinina D. A.* Phenomenon of political exile estimated by Russian scientists and statesmen
- Orekhanov Yu. L. (priest G. Orekhanov).* The spiritual crisis of Russian society: some methodological aspects.
- Kostin A. A.* Yugoslav aspect of the genesis of the Cold War
- Kalinin A. A.* Historiography of American and Soviet policy in Greece during the Second World War
- Ilyin D. V.* The response of the U.S. Congress on the Nazi invasion to the USSR in context of the political struggle between isolationists and their opponents
- Blagodir A. L.* On the place of norms of state social security in the system of the General part of social security
- Kovrizhnykh L. A.* Personal data as on object of legal protection
- Koshcheeva E. S.* The genesis of the «right to judicial protection» in the theory of civil procedure
- Feshchenko P. N.* Place and role of corruption in the genesis of the social tensions
- Petrova I. A.* Formation of the Federation of Malaysia in the period from 1896 to 1946
- Pozdeev V. A.* Insidepersonality conflict problem in folklore text problem psyhofolkloristic (psyhofolkloristic aspect ballad “Prince Mihaylo”)
- Maksimyuk E. V.* Actual questions of modern linguistic modeling
- Geniyatova E. N.* Revelation of peculiarities in Russian and German linguistic consciousness by comparison of conceptsphere fragments (on the basis of concepts МУЗЫКА and МУСИК)
- Osipova N. O.* “Rubbish” landscape of the contemporary culture
- Kolobova Yu. I.* “Domaine Musical” in the context of Russian immigrants cultural activities
- Galizkikh E. O.* Development of cognitive activity by means of post-graduate career-oriented technologies in an innovative environment of the University
- Dalinger V. A.* Cognitive interest of students and its development in the process of teaching mathematics
- Onishchenko E. V.* The phenomenon of the corporate culture of the university system in the development of the cognitive activity of students
- Rossina N. L.* The developing of intellectual characteristics of the students at psychological faculties at the beginning of education
- Kuzmina O. V.* Comparative analysis of display components of time competence of persons with different motivation
- Polyakov O. Yu.* Word picture as the object of poetical-linguistic analyses
- Nizovskikh N. A.* Journey to the unforeknowable space

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.776

А. Е. Моторина

ФЕНОМЕН КОММУНИКАЦИИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается роль коммуникационной системы в жизнедеятельности человека; раскрываются отношения «Я – Ты», «Я – Оно» как фундаментальные оппозиционные отношения системы. Постоянное расширение возможности коммуникации и сужение границ «я» автор называет основным противоречием в сфере коммуникации в жизни современного человека. Подчеркивается значимость систематизации, философского осмысления множества теорий коммуникации и дальнейшей разработки методологического основания коммуникативистики как самостоятельной науки.

In the article is considered the role of communication system in humans' life activity. The relationships between "I – You" and "I – It" are described as a fundamental opposition in system's relationships. The author names the main contradiction in the sphere of communication of the modern human and describes it as constant expansion of communication possibilities and contraction the borders of "I". The importance of the systematic, the philosophical comprehension of many theories of communication and further development the methodological foundation of "communication science" as the separate science are stressed.

Ключевые слова: коммуникация в жизнедеятельности человека, оппозиционные взаимоотношения «Я – Ты» и «Я – Оно», основное противоречие коммуникационной системы, методологическое основание, коммуникативистика.

Keywords: communication in humans' life activity, oppositional relationships "I – You" and "I – It", the main contradiction in communication system, methodological foundation, "communication science".

По мере расширения социального смыслового пространства и механизмов трансформации информации все более востребованной в обществе становится способность интерпретировать информацию, в том числе в целях манипулятивного управления социумом на различных его уровнях. Это актуализирует анализ *методологических оснований* коммуникационных и информационных систем в жизнедеятельности человека.

Коммуникационные системы являются каналом усвоения человеком культуры и преодоления зависимости исключительно от генной ин-

формации. Перевод латинского термина «коммуникация» как *сообщение, связь, путь сообщения* имплицитно содержит в себе выделение функционального (*связь*) и содержательного (*сообщение* как информация) аспектов. *Путь сообщения* предполагает наличие системы.

В научной литературе принято считать, что коммуникационная деятельность мотивирована коммуникационной потребностью [1]. Коммуникационная потребность, в свою очередь, представляет собой свойство субъекта, которое проявляется в активном реагировании на рассогласование между наличным и желаемым состоянием сознания (знания, умения, навыки, эмоции и т. д.). Коммуникационная деятельность складывается из коммуникационных действий, т. е. таких операций смыслового взаимодействия, которые совершаются без смены участников коммуникации. В зависимости от цели участников коммуникационное действие может осуществляться в трех формах: *подражание, управление, диалог*.

Отдельной личности, социальной группе, обществу в целом, рассматриваемым в качестве субъектов коммуникационной деятельности, ставятся в соответствие *микроммуникация, мидикоммуникация и макрокоммуникация*. Если же личность, социальная группа, социальная общность выступают в качестве *объекта* воздействия, то принято считать, что речь идет о *межличностном, групповом и массовом* уровнях коммуникации. Подчеркнем, что диалог возможен только между субъектами одного уровня, в то время как управление и подражание возможно между субъектами всех уровней [2].

Особый интерес вызывает уровень *мидикоммуникации*, которая выступает в качестве центра управления обществом, объединяющего социум (социальную общность) с помощью манипулятивных и других средств в целостность. На разных стадиях развития культуры мидикоммуникационное управление выступает в виде мифоцентризма, космоцентризма, антропоцентризма, логоцентризма и т. д. [3]

Микрокоммуникационная деятельность предполагает взаимодействие субъекта и объекта на личностном (в том числе в виде акта аутокоммуникации) и межличностном уровнях, макрокоммуникация всегда связана с социальными и культурными преобразованиями общества.

* * *

Коммуникационное отношение человека к другому человеку может выступать в двух типах: *отношение отчуждения*, обозначаемое формулой «Я – Оно», речь идет об отношении к человеку как к вещи; и *отношение диалога* – «Я – Ты» или единства – «Мы». Отношение «Я – Ты» является *основным механизмом коммуникационного акта*.

Отношения «Я – Ты» означают, что один человек относится к другому человеку как к равному себе, как к партнеру. Человек признает в другом человеке такую же личность, какой является он сам, он открыто и свободно выражает свои чувства и пытается понять внутренний мир собеседника, а не навязывает ему своих мнений и суждений. Отношения «Я – Ты» обогащают людей; здесь нет попыток управлять и манипулировать другим. Эти отношения исследует *диалогическая философия*, которая в настоящее время получила широкое распространение как на Западе, так и в России, поскольку диалог, сотрудничество рассматриваются в качестве перспектив развития современного общества [4].

Среди западных представителей диалогической философии можно назвать Ойгена Розеншток-Хюсси, Франца Розенцвейга, Ханса Эренберга и Мартина Бубера.

Всемирную славу Мартину Буберу принесла его книга «Я и Ты». Согласно Буберу, отношение «Я – Оно» помещает человека в мир «ставшего», где человек выступает «вещью среди вещей», *одним из множества отчужденных друг от друга индивидов*. Существование в мире «Оно» предполагает «использование» человека в качестве лишь функции общественной системы. В этом мире господствует необходимость и нет места свободе, здесь человек не является участником творческой деятельности и обречен на пассивность.

В мире «Оно» человек не причастен к духу, поскольку дух находится между «Я» и «Ты». Поэтому человек закрыт для любви, которая есть ответственность «Я» за «Ты».

Лишь в отношениях «Я – Ты» человек освобождается от плена причинно-следственных связей и свободно избирает то, к чему он предназначен. Так происходит встреча с судьбой. У того же, кто живет в мире «Оно», нет судьбы, ибо в этом мире никто не знает своего предназначения.

Однако «возвышенная печаль нашей судьбы» состоит в том, пишет Мартин Бубер, что «встречи» с «Ты» носят исключительный характер. Они не поддаются формализации и логическому объяснению, из них невозможно извлечь никакой пользы. Подобно хайдеггеровскому «ужасу» встречи с «Ты» пугают человека, ибо ослабляют его привычные, установившиеся, скажем так, автоматические формы жизни. Поэтому каждое

«Ты» как бы обречено стать «Оно». Но, с другой стороны, и каждое «Оно», воспламененное актом духа, может войти в действительность отношения и стать «Ты». Поэтому существование мира «Оно» не лишено смысла.

Мир «Оно» неуклонно разрастается. Согласно Буберу, у каждой новой культуры мир «Оно» полнее, чем у культуры предшествующей. Источком каждой культуры является «вхождение в отношение», «событие – встреча». Но если это отношение не возобновляется периодически, культура со временем застывает и живые свидетельства ее связи с «Ты» покрываются «коркой вещиности», превращаясь в мир «Оно».

Розенцвейг критиковал Бубера за резкое противопоставление «Ты» и «Оно», ибо отрицание мира «Оно» ведет к отрицанию культуры и ее ценностей. Однако Бубер признает, что человек без «Оно» жить не может, но считает, что нельзя оставаться человеком, оставаясь лишь в сфере «Оно».

Аналогом «Ты» в отношении к множеству людей М. Бубер называет «Мы». Но речь не идет о безымянной и безликой толпе. «Мы» существует только там, где есть «Ты». Бубер пишет: «Под «Мы» я разумею соединение многих независимых, достигших «Я» и самостоятельно ответственных личностей... «Мы» потенциально включает «Ты». Лишь люди, способные сказать друг другу настоящее «Ты», могут сказать друг другу и настоящее «Мы» [5].

Диалогический метод включает в себя также русскую традицию – от славянофилов до М. Бахтина. Можно сказать, что диалогический метод – это результат общих поисков и общих открытий как русской, так и западной мысли на протяжении последних более чем ста лет.

В 1939 г. отечественный философ С. А. Франк публикует работу «Непостижимое», где проводит обстоятельный анализ отношения «Я – Ты», рассматривая его как *единство раздельности и взаимопроникновения*. При этом С. Франк подчеркивает, что бесконечно многообразная полнота конкретных явлений, развивающаяся на общей почве отношения «Я – Ты», исследована еще далеко не совершенно. Научная мысль (психологическая и социологическая) почти не приступила еще к этому исследованию именно потому, считает Франк, что «философская мысль, за редкими одиночными исключениями (Макс Шелер, Мартин Бубер, Фердинанд Эбнер), совсем не осознавала еще отношение «Я – Ты» как особую, первичную *форму бытия* [6].

Франк выделяет две основные формы отношения «Я – Ты». При этом делает оговорку, что вообще отношение «Я – Ты» не должно смешиваться с чем-либо вроде «симпатии», «любви», «самоотдачи», «взаимной близости».

«В первую очередь, – пишет он, – и в своей первичной непосредственности «ты» является мне и переживается мною скорее как нечто чуждое, жуткое, угрожающее... именно потому, что оно лежит как бы на одном уровне, в одной области бытия со мной самим. Оно есть «ты», т. е. непосредственное самобытие, и в этом смысле подобно и равно мне» [7]. Здесь Франк ставит довольно сложную и малоизученную проблему «*границы Я*». Он пишет, что когда «Я» сталкивается с «Ты», то чувствует себя смущенным и угрожаемым, потому что через отношение «Я – Ты» впервые становится подлинным «Я», *узнает свою границу*, а следовательно, опасность.

Правда, «Я» и вне этого отношения имеет границу и знает противодействие *предметного, или вещного, бытия*. Но это предметное бытие как нечто инородное находится на другом уровне, и граница осознается здесь не так отчетливо в качестве *ограничения*.

Иной *смысл* имеет второй тип отношения «Я – Ты», когда «Я» узнает себя в «Ты», находит в нем «успокоительную, отрадную для него реальность *сходного, сродного* – некую свою *родину*». Встречаясь с таким «Ты», «Я» осознает себя уже не единственным, не одиноким, а встретившим существо, «исполненное стихии моего собственного внутреннего бытия. Это есть чуткое, понимающее, проникающее вовнутрь «ты» и его *раскрывающее отношение* «я – ты».

Франк отмечает, что оба типа отношения «Я – Ты» не могут существовать в чистом виде. Они, как правило, сосуществуют, и речь идет о *пропорции присутствия* каждого в конкретном живом отношении «Я» к «Ты».

Поскольку не может быть и речи о безусловной, безграничной и безоговорочной однородности «Я» и «Ты», постольку во всяком «положительном» отношении, исполненном взаимного доверия, симпатии и внутреннего понимания, всегда присутствует непреодолимый элемент «чуждости». Раздельность и взаимопроникновение «Я» и «Ты» являют собой противоречивую природу бытия человека как общественного существа.

Эта противоречивость отношения «Я – Ты» преодолевается в единстве «Мы». Во всяком общении мы имеем не просто встречу «Я» и «Ты», а пробуждение в них некоего *исходного первичного единства*, и это первичное единство есть не что иное, как то начало, которое выражено в слове «Мы». «Мы» не есть простая совокупность многих «Я». «Я» во *множественном числе в принципе невозможно в силу его уникальности и неповторимости*. «Мы» можно понимать как множественное число лишь в смысле единства первого и второго лица, единства «Я» и «Ты». В этом заключается основной смысл категории

«Мы». Как единая изначальная основа личного бытия «Мы» принципиально безгранично. Эмпирически же «Мы» всегда ограничено семьей, социумом, нацией, государством, человечеством.

Согласно Франку, «*Мы*» *есть первичная категория социального бытия человека*. Это единство, которое не просто противостоит раздельности, но обязательно включает ее в себя, иногда даже в самой враждебной форме. Социальная, общественная жизнь не есть чисто внешняя форма человеческой жизни; она представляет собой необходимое выражение глубочайшего онтологического всеединства, лежащего в глубине человеческого бытия. «Общество есть, таким образом, подлинная, целостная реальность, а не произвольное объединение отдельных индивидов; более того, оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек. Изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком» [8].

Диалогическая философия имеет огромное мировоззренческое значение. Она помогает ориентироваться в сложном современном мире, когда культура, основанная на личностном начале, начинает уступать место культуре, основанной на системе. Отдельный человек, да и сами отношения «Я – Ты», испытывают давление со стороны разного рода систем: экономических, военных, социальных, политических, информационных и др. *Тотальная системность современного общества* проявляется в том, что происходит интенсивная интеграция отдельных государств в единый общепланетарный организм с универсальной системой коммуникации и управления. Всемирный характер приобрел и рынок. Возникло единое информационное пространство.

Современный человек постепенно утрачивает фундаментальную ценность, обретаемую им на протяжении всей истории – *ценность автономной индивидуальности*. Индивидуальное «Я» под воздействием разного рода систем превращается в управляемый объект, в «человека массы», которым легко манипулировать. Эта манипуляция человеком и его сознанием становится все более глобальным фактором. Она построена исключительно на отношениях «Я – Оно». Таким образом, отношение «Я – Оно» можно рассматривать в качестве механизма манипулятивной коммуникационной деятельности.

Современный мир изменился настолько, что невидимая манипуляция затронула практически каждого жителя планеты. В философской, социально-политической и психологической литературе и на практике существует два подхода к оценке манипуляции сознанием человека. Представители первого подхода рассматривают ма-

нипуляцию в качестве одного из видов управления человеком (в духе Д. Карнеги), признают ее не только допустимой, но и предпочтительным, «прогрессивным» коммуникативным средством. На данном подходе основаны новые технологии информационно-психологического воздействия на человека с целью развития его интеллектуально-психического и энергетического потенциала. Сюда можно отнести НЛП (нейролингвистическое программирование), методы школы ДЭИР (дальнейшее энергоинформационное развитие), психотронику (область знания, направленную на техническое моделирование феноменальных способностей человека) и др.

Представители второго подхода считают автономию личности и свободное сознание индивида непреходящей ценностью и отрицают законность и моральное оправдание манипулирования сознанием. С их точки зрения, физическое насилие менее разрушительно для рода человеческого, чем информационное манипулятивное воздействие на человека и осуществление тотального контроля его поведения. Такую точку зрения на Западе отстаивает известный американский психотерапевт Э. Шостром – автор книги «Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор». На обложке этой книги можно прочесть такие слова: «Сегодня, когда “карнегизация всей страны” достигла, кажется, своего пика, советы Эверета Шострома придутся нам как нельзя кстати».

Коммуникационная деятельность управления сознанием человека – это технологии, разрабатываемые сотнями тысяч профессионалов, и эти технологии проникают в каждый дом. *Целью манипулирования* является внедрение в сознание людей «нужных» ценностей, жизненных ориентиров и образов жизни, а также разрушение традиций, снятие культурных запретов и норм, на которые прежде опиралась личность в своем поведении. Основная задача – намерение изменить людей с тем, чтобы регулировать и контролировать их, а для этого необходимо отключить здравый смысл, деморализовать, заставить человека усомниться в своих жизненных целях и ценностях.

Самым мощным средством воздействия является язык слов, символов, жестов. Существуют так называемые языковые диверсии, когда в язык внедряются слова, не связанные с реальностью. Исследователи подчеркивают, что в настоящее время магическое слово начинает доминировать над словом семантическим. Усиливается роль символических словесных игр, при которых не только создается свой род мифологии и реализуется дискурс власти, но и формируется социальный код, служащий языком всего общества.

Для целенаправленного воздействия на массовую аудиторию используются *коммуникацион-*

ные технологии. На первых этапах создаются *лозунги* (слоганы). Они позволяют сконцентрировать основной посыл к массам. Эмоциональный заряд лозунга сообщается массе, которая в свою очередь подзаряжает лозунг своей энергетикой. С появлением *телевидения* возможности информационно-психологического воздействия значительно расширились. Во-первых, телевидение позволяет включить в воздействие зрительные образы, во-вторых, превратить людей, рассредоточенных на расстоянии нескольких тысяч километров, в единую «психологическую толпу». Но наиболее эффективным средством информационного воздействия на массы являются *электронные СМИ*.

Теоретиком в области массовой коммуникации многие ученые считают канадского философа и культуролога, социолога и литературоведа Герберта Маршалла Маклюэна (1911–1980). Знаменитая фраза Маклюэна «global village» (современный мир есть глобальная деревня) давно стала общеизвестной. По мнению Маклюэна, с помощью электронных СМИ «можно держать под контролем эмоциональный климат целых культур» [9]. Концепция «глобальной деревни» Маклюэна была подвергнута критике американскими коммуникативистами Г. Канном, Б. Бригтсом и Дж. Гербнером. Они утверждали, что под влиянием СМИ мир становится скорее «глобальным театром», где каждому приготовлена своя роль [10].

Но в конце XX в., после его смерти, когда наступила эпоха Интернета, идея мира как «глобальной деревни», в которой ничего нельзя скрыть и все ответственные за все, стала созвучна времени [11]. В электронной информационной среде, писал Маклюэн, уже нельзя будет игнорировать мнение меньшинства, когда «слишком много людей знают многое друг о друге... новая среда требует участия и совместной серьезной работы» [12]. Ученый пророчески предвидел, что в наступающей эпохе сольются в единое целое текст и электронные СМИ.

Сейчас в США, Канаде, Европе научный интерес к творчеству Маклюэна достаточно высок. В России же можно назвать лишь несколько работ В. Терина и А. Земляновой. Землянова так же, как и Маклюэн, акцентирует в своих исследованиях гуманитарные аспекты развития СМИ [13].

* * *

До сих пор не сложилось единого мнения о том, что такое теория коммуникации и что должно быть предметом ее исследования. Профессор Роберт Т. Крейг выделяет семь дисциплинарных подходов к теории коммуникации: риторический (rhetorical), который рассматривает коммуникацию как практическое искусство дискурса; семиотический (semiotic), в котором ком-

муникация исследуется как система знаков; феноменологический (phenomenological), который изучает способы организации общения между людьми, диалог; кибернетический (cybernetic), для которого коммуникация – это процесс обработки и передачи информации; социопсихологический (sociopsychological) – коммуникация как способ воздействия на поведение человека, групп людей, общества в целом, опираясь на знание психологии; социокультурный (sociocultural) – согласно которому коммуникация рассматривает создание или воссоздание общественного порядка, взаимодействие людей в социуме; критический (critical) подход – предметом исследования является отражение дискурса [14].

Систематизация и определение доминирующих признаков перечисленных направлений исследования коммуникационных систем невозможны без философского осмысления и развития соответствующего методологического инструментария. Философию иногда сравнивают с зеркалом, в котором человек видит не только мир, но и себя в этом мире. Современное же положение человека можно охарактеризовать как время разбитого зеркала, то есть в какой осколок зеркала ни заглянул бы человек, он нигде себя не узнает. «Я» тонет в «Оно». Роль философских технологий и заключается в генерировании таких идей, на основе которых возможно создание адекватных стратегий в дальнейшем развитии коммуникативистики как самостоятельной науки.

Но какой бы аспект ни рассматривался в теории коммуникации, он всегда связан с конкретным человеком, его жизненным миром. «Лишь в человеке фокусируется вся совокупность регионов бытия, подобно тому, как в точке сходятся три измерения пространства. Он является телесной вещью и подчинен законам причинности, а с другой стороны, именно через него существует все остальное – математические объекты, учреждения, искусство, психика и так далее. Таким образом, человек есть то место в пространстве и времени, некоторое вот здесь, в котором сосредоточено бытие во всех своих способах существования. Он есть, если говорить словами Хайдеггера, просвет бытия в толще налично сущего» [15].

В наше время «глобальная деревня» Маклюэна превратилась в своеобразный «глобальный мегаполис». Человек включается в «вынужденное общение», которое разрушительно действу-

ет на его «Я». В условиях глобализации область «Оно» значительно расширяется и становится кратно больше области «Я». Отношения «Я – Ты» мелькают маленьким островком радости бытия. Отсюда растет синдром усталости, агрессивности, отчужденности, неудовлетворенности собой и своими жизненными реалиями.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что коммуникационные системы играют существенную роль в жизнедеятельности человека. Путь отдельного человека в этом смысле аналогичен пути человечества. По мере изменения форм трансляции знания усложнялись и дифференцировались коммуникационные системы, расширялась сама возможность коммуникации. Постоянное расширение возможностей коммуникации и одновременное разрастание границ «Я» на пути к «Ты» можно назвать *основным* противоречием феномена коммуникации в жизни современного человека.

Примечания

1. Соколов А. В. Коммуникативные потребности. Краснодар, 1996.
2. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. URL: <http://evartist.narod.ru/text16/080.htm> (15.03.2011).
3. Там же.
4. Моторина А. Е. Философская антропология. М., 2009. С. 140–153.
5. Бубер М. Проблема человека. М., 1992. С. 104.
6. Франк С. А. Соч. М., 1990. С. 368.
7. Там же. С. 363.
8. Франк С. А. Духовные основы общества. М., 1992. С. 53.
9. McLuhan G. M. Understanding Media. N. Y., 1984. P. 41.
10. Бубер М. Указ. соч. С. 20–21, 197–199.
11. Архангельская И. Б. Творческое наследие Герберта Маршалла Маклюэна в развитии теории коммуникации. URL: <http://www.countries.ru/Library/era/kom.htm> (29.04.2011); Савруцкая Е. П. Феномен коммуникации в современном мире // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004.
12. McLuhan G. M. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N. Y., 1967. P. 24.
13. Землянова А. М. Гуманитарная миссия современной глобализирующейся коммуникативистики. М., 2010.
14. Craig, Robert T. Communication Theory as a Field. Communication Theory. // Journal of the International Communication Association. 1999. Vol. 9. P. 119–161.
15. Ненашев М. И. Мартин Хайдеггер о бытии и сущем // Философское образование. 2010. № 2(22). С. 7–8.

УДК 316.1:001.8

А. В. Семёнова

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ

Важнейшей проблемой контент-анализа является экспликация латентного содержания текстов. Предполагается, что совместное использование количественных и качественных методов сбора и анализа данных на разных стадиях исследования позволяет по крайней мере частично решать эту проблему.

The major problem of content analysis is an explication of the latent content of texts. It is assumed that the combined use of quantitative and qualitative methods of data collection and analysis at various stages of research allows at least partially solve this problem.

Ключевые слова: интерпретативный контент-анализ, рецептивный контент-анализ, денотативные значения, коннотативные значения, семантический анализ, кодирование, теоретическая чувствительность.

Keywords: interpretive content analysis, receptive content analysis, denotative meaning, connotative meaning, semantic analysis, coding, theoretical sensitivity.

Традиционный контент-анализ часто разделяется на явный (manifest) и скрытый (латентный) контент-анализ [1]. Явный контент-анализ направлен на наиболее очевидные и четко обозначенные значения текста, тогда как латентный контент-анализ распознаёт тонкие семантические нюансы сообщения, имеет дело со значениями более тонкими, неявными. Явный и латентный контент-анализ направлены на различные аспекты текста, но оба они используют ту же самую традиционную контент-аналитическую методологию для проведения исследования. Исследователями уже давно признавалось, что традиционный контент-анализ представляет особые трудности, когда применяется к «скрытому содержанию» [2]. Эти трудности сосредоточены вокруг процедуры кодирования и обучения кодировщиков. Они проявляются в низком уровне совпадемости результатов кодирования разными кодировщиками из-за их расхождений в понимании того, как именно текст должен быть закодирован.

Исключительная трудность задачи соответствия требованиям обоснованности и надежности результатов (а именно, достижения приемлемого уровня согласия между кодировщиками) стала очевидна ещё в 1930–1940-е гг., когда пионеры контент-анализа пытались продвинуть свою технику за пределы эксплицитного содержания сообщений. Эти проблемы латентного контент-анализа кроются в сложности его аналитических ка-

тегорий. «Использование сложных по структуре и содержанию категорий создаёт серьёзные проблемы в отношении надёжности. Это проблема баланса между надёжностью процедур, с одной стороны, и богатством категорий, с другой. Какой смысл в том, что мы получаем надёжность, если в процессе мы утрачиваем важные оттенки смысла? Это критическая область для контент-анализа, и сочетание достоверности со сложными категориями все еще нуждается в адекватной проработке» [3].

Б. Берельсон написал это более 50 лет назад, но проблема, можно повторить, «все еще нуждается в адекватной проработке». Однако наука не стоит на месте, и одной из важнейших проблем, занимающих аналитиков содержания, является проблема модернизации методов, чтобы они могли лучше соответствовать современным реалиям и потребностям. Одним из способов развития современной методологии является попытка ликвидации пропасти между количественными и качественными методами сбора и анализа данных. Речь идёт не о полном синтезе этих двух направлений, так как пока это не представляется возможным, но частичном их совместном использовании на разных стадиях исследования.

Усложнение исследовательских задач в сфере коммуникационных исследований, явные выгоды комбинирования количественных и качественных методов логически привели исследователей к мысли о том, что включение в традиционные количественные методы (в частности, в контент-анализ) качественных компонентов и разработка на этой основе новых модификаций этого метода даст исследователям возможность решать более сложные задачи, расширить проблемное поле исследований, получать качественно новые, более глубокие и разнообразные выводы о природе изучаемых явлений. Очень интересный и перспективный вариант в этом плане был предложен на суд научной общественности Аароном Ахувиа в статье «Традиционные, пояснительные, и ментальные основы повышения возможностей решения прагматических и теоретических проблем контент-анализа» [4].

Автор предлагает изменить наш обычный взгляд на контент-анализ и приводит два варианта модернизации этой методологии. Он предлагает рассматривать термин контент-анализ не в традиционном смысле, как объективный, систематичный и количественный метод изучения содержания текстов, а в более широком смысле – как методологию, с помощью которой текст кодируется по категориям, а затем подсчитывается частота появления каждой категории. Такой подход, хотя и продолжает рассматривать контент-анализ в качестве количественного метода, в то же время оставляет поле для дискус-

сии в отношении «объективности» (возможно, более точный термин «повторяемость») и систематизации. Автор считает, что если раньше этот метод использовался как метод чисто количественного определения содержания текста, то теперь мы можем пойти дальше и использовать его как метод подсчёта интерпретаций.

На этой основе предлагаются две новые разновидности контент-анализа. интерпретативный контент-анализ (Interpretive content analyses), созданный специально для анализа латентного (скрытого) содержания, в котором исследователи идут дальше определения количества прямых значащих элементов текста. И контент-анализ, основанный на ментальном восприятии, или рецептивный (Reception based content analyses), который должен позволить исследователям просчитать то, как разная аудитория поймёт текст. Автор не призывает отказаться от основ стандартного подхода, но стремится выйти за рамки принципа «один размер соответствует всему». Предлагаемые им подходы являются весьма гибкими. Их реальное воплощение в каждой конкретной ситуации может иметь свои особенности и комбинировать (объединять) некоторые аспекты каждого из методов.

Интерпретативный контент-анализ

Итак, интерпретативный контент-анализ был предложен в качестве способа исследования латентного содержания и решения других сложных задач кодирования. Очевидно, что при этом необходимо чётко определить различия между явным и латентным содержанием. В этом может быть полезна семиотическая теория денотативных и коннотативных значений [5]. Обозначающие, или денотативные (denotative), значения, относятся к явному содержанию и идентифицируют части текста. Они являются значениями первого порядка, отвечают здравому смыслу и имеют очевидное значение. Созначающие, или коннотативные (connotative), значения (латентное содержание) реализуются через объединение (комбинацию) смыслов индивидуальных элементов текста с пониманием его смысла как целого.

Г. Лассуэл проводит различие между латентным и явным содержанием, называя латентное содержание «интерпретацией», подразумевая, что явное содержание в любом случае не является интерпретацией, оно однозначно [6]. Автор же статьи считает, что и явное и латентное содержание суть интерпретации. В Вебстеровском словаре интерпретация определяется как «приписывание значения абстрактным символам». «Всякий раз, когда мы смотрим на черные значки на листе бумаги и распознаем их как значимое слово, мы осуществляем интерпретацию», – утверж-

дает автор новых методик. Но денотативная интерпретация настолько для нас обычна и часто практикуема, что мы осуществляем ее, не осознавая, что это акт интерпретации. Это может создавать иллюзию того, что денотативные значения, как мы их воспринимаем, – это физические части текста, а не интерпретации. Тем не менее и явный и латентный контент-анализ – это формы семантического анализа. А это говорит о том, что они оба осуществляют интерпретацию значений. Этот факт важен, так как даёт возможность усовершенствовать применение контент-анализа в отношении коннотативных значений.

Мы знаем, что традиционный контент-анализ может быть разделён на три стадии: выбор текстов, кодирование текстов и интерпретация результатов кодирования. Именно во время кодирования коннотативные категории создают проблемы. Эти проблемы возникают потому, что для коннотативных интерпретаций:

1) кодирование не может полностью замыкаться набором правил кодировки;

2) может значительно возрасти время обучения кодировщиков из-за необходимости разбора всё новых возникающих вариантов интерпретаций при кодировании или даже необходимый уровень обучения может быть вообще не достижим;

3) правильное выполнение интерпретаций требует «теоретической чувствительности», которой не каждый обладает в равной мере, но которая может максимизироваться через сотрудничество в большей степени, чем через независимую работу кодировщиков.

С самого начала своего возникновения и распространения традиционный контент-анализ подразумевал разработку и использование формальных правил кодирования, увеличивающих совпадемость результатов кодирования, полученных от разных кодировщиков. Однако использование правил кодирования было большим, нежели просто способом достижения согласия между кодировщиками. Это было процедурой, базирующейся на теории, описывающей процесс извлечения людьми значений из текста. На начальном этапе развития контент-анализа в социальных науках был популярен Парсоновский взгляд на проблему: люди следуют правилам интерпретации, которые позволяют им находить значения [7]. Но если процесс нахождения значений в тексте по сути своей есть результат следования правилам, то кажется естественным и уместным сделать эти правила эксплицитными и обязать кодировщиков соблюдать их в процессе кодирования.

Позднее этот подход был поставлен под сомнение Г. Гарфинкелем [8], который доказал, что интерпретация полностью зависит от контекста.

Марта Фельдман подытоживает позицию Г. Гарфинкеля следующим образом: «Итак, понятие правила становится неадекватным, потому что для каждого контекста должно быть свое правило. Так как любой контекст уникален и постоянно возникают все новые и новые контексты, не может быть набора заранее разработанных правил, которые предполагалось бы соблюдать» [9].

В теории можно, конечно, разработать очень сложный набор правил кодирования, которые будут определять, как элемент текста *X* должен быть закодирован, если он находится в контексте *Y*. Однако на практике количество возможных контекстов бесконечно. Поэтому такая стратегия вряд ли приемлема. Так как контекст оказывает особенно сильное влияние на коннотативные интерпретации, обычные правила кодирования не подходят для интерпретативного контент-анализа. Коннотативное кодирование в связи со сложностью содержания используемых категорий требует предельно высокого уровня экспертизы. Например, исторический анализ требует детального понимания исторического контекста, в котором создавались исследуемые сообщения. Публикации современных средств массовой информации также могут требовать достаточно глубоких знаний современных политических процессов, расстановки и взаимодействия политических сил в обществе. Поэтому лучше, чтобы коннотативное кодирование или проводилось совместно несколькими кодировщиками, с постоянным обсуждением спорных моментов кодирования, или этим занимался один исследователь, обладающий теоретической чувствительностью. Теоретическая чувствительность является «персональным качеством исследователя, умением распознавать тонкости значений анализируемых данных» [10]. Так как люди имеют различный уровень теоретической чувствительности, достижение согласия между кодировщиками при коннотативном кодировании весьма затруднительно и не всегда возможно.

Поскольку кодирование коннотативных значений избегает применения правил кодирования по вышеназванным причинам, очевидно, что имеется серьезное противоречие между потребностями коннотативного кодирования и традиционной контент-аналитической методологией. Поэтому интерпретативный контент-анализ предлагается как альтернатива традиционному контент-анализу для осуществления количественной обработки коннотативных интерпретаций.

Описание интерпретативного контент-анализа

В традиционном контент-анализе несколько кодировщиков независимо друг от друга, используя правила кодирования, кодируют одни и те же тексты, что дает возможность охарактеризо-

вать полученные данные как объективные, надежные и достоверные. При интерпретативном контент-анализе в принципе достаточно одного высококвалифицированного кодировщика, обладающего теоретической чувствительностью (обычно это сам автор проекта).

Традиционные контент-аналитики могут не подвергать кодированию анализируемый текст весь целиком. Вместо этого они могут сосредоточиваться на какой-либо его части, например на заголовках статей. К сожалению, как пишет Ганс Кеплингер [11], в процессе кодирования «при разделении связной информации на части взаимосвязями между частями обычно пренебрегают». Интерпретативный контент-анализ также может фокусироваться на частях текста (например, заголовке) как на единицах анализа. Но при кодировании исследователи руководствуются целостным подходом и учитывают то, как оставшиеся части текста влияют на интерпретацию кодируемой части. Современный взгляд на то, как люди приходят к пониманию текстов, подчеркивает, что читатели интерпретируют любую часть текста, будь то слово или фраза, руководствуясь смыслом текста в целом. И в интерпретативном контент-анализе при кодировании частей текста последние не рассматриваются изолированно от остального текста, в котором они содержатся. А поскольку интерпретативный контент-анализ не ограничен правилами кодирования, он достаточно гибок для того, чтобы максимально полно и адекватно учитывать контекст.

В связи с тем, что в интерпретативном контент-анализе отсутствуют правила кодирования, при оценке его результатов неизбежно встает проблема качества кодирования, его объективности. Объективность в традиционном контент-анализе предполагает возможность получения тех же или максимально близких к ним результатов с помощью других кодировщиков. Однако в традиционном контент-анализе кодировщики, проинструктированные по поводу строгого следования правилам, пренебрегают своей интуицией. И тогда объективность результатов ни в коем случае не свидетельствует о том, что кодирование отражает популярную или широко распространенную интерпретацию данных текстов в среде их потребителей.

Интерпретации по сути своей не могут быть объективными. Любой исследователь осуществляет интерпретацию со своей собственной позиции, поэтому всегда найдется место для конкурирующих интерпретаций, сделанных с других позиций. В связи с этим можно утверждать, что для доказательства обоснованности своей точки зрения исследователю достаточно продемонстрировать при необходимости то, что его вариант

кодирования, по крайней мере, в той же степени оправдан и правдоподобен, как и другие альтернативные варианты. Кроме того, исследователи часто не равны по уровню проникновения в природу интерпретируемых данных, и это тоже является причиной существования разных интерпретаций. Поэтому вполне правомерна точка зрения Д. Холта, который пишет, что «об интерпретациях надо судить по их результативности... и их способности убедить читателя, не более того» [12]. Интерпретативный контент-анализ полностью принимает этот подход.

В некоторых случаях, чтобы продемонстрировать достоверность полученных данных, исследователи предоставляют основание кодирования центральных текстов и сами эти тексты наряду с рукописью при передаче материалов для публикации. Таким образом, качество их кодирования может быть непосредственно оценено рецензентами. В случаях очень большого объёма текстов могут быть представлены случайные образцы закодированных текстов. Если некоторые из кодирований не были прямыми, авторы могут предоставлять краткое обоснование их кодирования.

Что это даёт? Прежде всего, это обеспечивает меру качественного контроля. В традиционном контент-анализе надёжность гарантируется соблюдением правил кодирования, в интерпретативном же контент-анализе хотя и предполагается согласие между кодировщиками, но оно, как уже отмечалось, не обязательно отражает популярную или широко распространённую точку зрения на различные аспекты содержания кодируемых текстов, поэтому необходимо обращение к рецензентам. При этом может возникнуть проблема конкурирующих интерпретаций, поэтому роль рецензентов заключается в том, чтобы удостовериться, что предложенные интерпретации могут быть, безусловно, оправданы имеющимися данными, даже если эти интерпретации не идентичны их собственным. В остальном же интерпретативный контент-анализ, подобно традиционному, является методом для количественного представления текстов в виде набора категорий при помощи кодирования.

**Контент-анализ,
основанный на ментальном восприятии,
или рецептивный контент-анализ**

Кроме интерпретативного Ахувиа предлагает модификацию традиционного контент-анализа, основанного на ментальном восприятии, или рецепции. В чем его суть? Взгляд классика контент-анализа Бернарда Берельсона на эту проблему заключается в том, что контент-анализ ограничивается ситуациями, в которых виртуальный некто согласен со значениями анализируемых текстов. «Контент-анализ предполагает,

что... содержание должно восприниматься как “некая общая почва” для коммуникатора, аудитории и аналитика. Вот почему контент-аналитик предполагает, что “значения”, которые он приписывает содержанию, распределяя их по определенным категориям, соответствует “значениям”, которые имел в виду коммуникатор, и/или извлекает из текста аудитория» [13]. Такое действительно может происходить в некоторых случаях, но как отмечает Кеплингер, «общая почва, насколько мы знаем это сегодня, возможно, даже более ограничена, чем предполагал Берельсон» [14]. Джекоби, Хойер и Ситлуга [15] продемонстрировали в своих работах, насколько часто даже кажущиеся совершенно четкими и ясными утверждения по-разному понимаются разными людьми. И в таком случае встает вопрос: измеряем ли мы то, что предполагалось измерять, если центральной позицией в исследовании является проблема воздействия изучаемых текстов на определенные социальные группы (например, женщин, социальные меньшинства). Для решения этого вопроса и предназначен рецептивный контент-анализ, который является синтезом качественного рецептивного анализа и количественного контент-анализа.

Рецептивный анализ основывается на простом предположении – если вы хотите знать, как некая группа людей понимает набор текстов, имеет смысл спросить об этом у них самих. «Рецептивное исследование» – это общий термин для исследований, в которых читателей спрашивают о том, как они понимают отдельные тексты. Этот качественный подход обычно детально изучает то, как читатели интерпретируют небольшое количество текстов, тогда как контент-анализ, как правило, практикует менее детальный разбор большого количества текстов. В названии предлагаемой модификации объединение терминов «рецептивный» и «контент-анализ» дает понять, что это некий «fusion» рецептивного исследования и контент-анализа, где сами читатели как центральные интерпретаторы выступают в роли кодировщиков текстов для перевода их в количественные показатели. Отличие состоит в способе отбора анализируемых текстов, подготовке и количестве кодировщиков, оценке согласованности между ними, способе представления результатов... При этом кодировщики кодируют тексты не на основе жёстких чётких правил, а на основе своих интуитивных представлений.

В традиционном контент-анализе в качестве кодировщиков обычно выступают исследователи или их студенты и аспиранты. В рецептивном контент-анализе кодировщики подбираются из той социальной группы, которая интересует исследователя в плане характера воздействия на нее анализируемых текстов. В традиционном кон-

тент-анализе кодировщики специально обучаются, для того чтобы четко следовать формальным правилам кодирования, поскольку «детально разработанные правила и процедуры уменьшают пристрастность субъективных суждений» [16]. В рецептивном контент-анализе целью является не устранение субъективности, а, напротив, замеры особенностей субъективных восприятий текстов центральными интерпретаторами. Поэтому кодировщики осуществляют кодирование соответственно своему собственному интуитивному пониманию смысла текстов, не следуя предписаниям правил.

В традиционном контент-анализе согласие между кодировщиками считается важным признаком качества, поскольку оно указывает на то, что кодировщики строго соблюдали правила кодирования. Но так как в рецептивном контент-анализе нет правил кодирования, согласие между кодировщиками уже не рассматривается как показатель качества процесса кодирования. В традиционном контент-анализе, если две трети кодировщиков закодировали текст иначе, чем оставшаяся треть, – это проблема. В рецептивном контент-анализе – это основание для научных выводов. В данном случае нет причины, обязывающей индивидуальным интерпретаторам соглашаться друг с другом по поводу распознавания текстовых значений. Любая попытка достичь консенсуса не естественным путем, не исходя из личной интуиции повредила бы результатам исследования.

Результаты рецептивного контент-анализа должны детально описывать и анализировать все различия понимания текстов между кодировщиками, принадлежащими к разным социальным группам, в то время как традиционный контент-анализ приводит статистические данные, касающиеся выборки в целом. Поэтому рецептивный контент-анализ требует значительного большего числа кодировщиков по сравнению с традиционным, для того чтобы имелось достаточное пространство для статистического сравнительного анализа.

Таким образом, можно заключить, что предложенные варианты модификаций традиционного контент-анализа открывают новые возможности для исследователей. Контент-анализ, основанный на ментальном восприятии, позволяет составить более чёткое представление о воздействии текстов на общественное сознание различных социальных групп, даёт возможность исследовать различные способы, которыми одни и те

же тексты могут быть поняты различными аудиториями. Интерпретативный контент-анализ поможет исследователям, тяготеющим к качественным методам исследования, примириться с использованием количественных методов традиционного контент-анализа. Также интерпретативный контент-анализ сможет облегчить изучение скрытых слоёв содержания и позволит применить более целостный подход к текстам средств массовой информации. Эти два подхода, признавая, что каждая интерпретация должна быть сделана с позиции специфической субъективной перспективы, а не с позиции объективной основы, открывают новые возможности для контент-анализа с применением более сложных интерпретаций анализируемых текстов.

Примечания

1. *Lasswell H. D.* The Technique of Symbol Analyses (Content-analysis) // Experimental Division. 1941.
2. *Ibid.*
3. *Berelson B.* Content Analysis in Communications Research. Glance, 1952.
4. *Abuvia A.* Traditional, Interpretive, and Reception Based Content Analyses: Improving the Ability of Content Analyses to Address Issues of Pragmatic and Theoretical Concern // Social Indicators Research (May 2001), 54(2). P. 139–172.
5. *Berelson B.* Op. cit.
6. *Lasswell H. D.* Op. cit.
7. *Feldman Marta S.* Strategies for Interpreting Qualitative Data. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
8. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Cambridge, MA: Polity, 1967.
9. *Feldman Marta S.* Op. cit.
10. *Strauss A. and Corbin J.* Basics of Qualitative Research. Newbury Park, CA: Sage, 1990. P. 41.
11. *Kepplinger Hans M.* Content Analysis and Reception Analysis // American Behavioral Scientist. 1989. 33. P. 177.
12. *Holt Douglas B.* Rashomon Visits Consumer Behavior: An Interpretive Critique of Naturalistic Inquiry, in *Advances in Consumer Research*, Vol. 18 / eds. R. Holman and M. Solomon. Provo, UT: Association for Consumer Research, 1991. P. 16.
13. *Berelson B.* Op. cit. 19
14. *Kepplinger Hans M.* Op. cit. P. 177.
15. *Jacoby J., Hoyer W. and Sytluga D.* Miscomprehension of Televised Communication. N. Y.: American Association of Advertising Agencies, 1980; *Hoyer W. and Jacoby J.* Miscomprehension in public Affairs Programming // *Journal of Broadcasting and Electronic Media*. 1985. 29. P. 437–443.
16. *Kolbe, Richard H. and Melissa S. Burnett.* Content-Analysis Research: An Examination of Applications with Directives for Improving Research Reliability and Objectivity // *Journal of Consumer Research*. 1991. 18. P. 245.

А. Ю. Долгих

МЕТАФИЗИКА ГОТФРИДА ЛЕЙБНИЦА

В статье представлены все основные составляющие метафизики Готфрида Лейбница – решение вопроса о взаимодействии души и тела, творение Богом мира как гармоничной совокупности субстанций, типология монад (субстанциальных форм), учение о конечных целях.

In the article there are all the main parts of Gottfried Leibniz's metaphysics – the solution of the problem of the body-and-mind interaction, God's creation of the world as the harmonic unity of substances, typology of monads (substantial forms), teachings of final aims.

Ключевые слова: метафизика, Бог, тело, душа, субстанция, субстанциальная форма, мировая гармония, монада, энтелехия.

Keywords: metaphysics, God, body, mind, substance, substantial form, world harmony, monad, entelechy.

Философское творчество Готфрида Лейбница (1646–1716) нередко расценивается как рационалистическое. В этом смысле Лейбниц оказывается в ряду таких мыслителей Нового времени, как Декарт и Спиноза, и противопоставляется Бэкону, Гоббсу, Локку и Юму, т. е. британским эмпирикам. Известное недоверие к чувственному опыту и подчеркнутая метафизичность – вот, как представляется, главные основания такого определения места Лейбница. Но нельзя не отметить и особенностей, выделяющих его в списке философов-рационалистов. Это прежде всего высокая степень укорененности в философской традиции. Декарт склонен был порывать с ней; он хотел искать истину не в устаревших книгах, а в себе самом и в книге природы. Ради этой истины он готов был подвергнуть сомнению любое учение прошлого. Правда, осуществить этот замысел в полноте Декарту не удалось, но по крайней мере он провозглашал такие намерения. Спиноза выстраивает свою систему уже с большей опорой на традицию. Из ближайшего к нему по времени Средневековья он заимствует в основном терминологию, ученую латынь, т. е. как бы форму изложения, содержательно же его пантеистическая точка зрения скорее античная, а именно стоическая. Но при этом Спиноза мало ссылается на предшественников. Он выводит свое учение, если так можно выразиться, не исторически, а логически – геометрическим методом.

Лейбниц делает следующий шаг на пути примирения с традицией. Прежде всего, он выделяет три основные ступени развития философии –

древние (прежде всего, Демокрит и Аристотель), схоластики (Фома Аквинский, Альберт фон Больштедт, Роджер Бэкон) и новые философы (в основном это механики, среди которых, конечно, выделяется Декарт). Лейбниц, как он сам считает, через все это прошел, и все это его не удовлетворило.

В одной только материи нельзя найти объяснение действию, нельзя найти принцип истинного единства. Значит, от Аристотеля назад к Демокриту, т. е. к атомам? Но материальное не может быть полностью единым. Отсюда вытекает необходимость вернуться к незаслуженно забытым субстанциальным формам схоластиков. Это не просто атомы, это атомы-субстанции, природа которых в их силе, это нечто вроде души. Эти формы не помогут в решении частных вопросов физики, но общую картину без них не нарисовать.

Субстанции не умирают, смерти вообще нет. Доказательство этому – открытия Мальпиги и Левенгука (имеются в виду маленькие животные), пробуждения мух и тому подобные явления. Субстанции как неделимые остаются всегда, тогда как делимое естественно разрушается – распадается и вновь соединяется.

Смерть издавна представляется как отделение души от тела. Декарт не объяснил связь души и тела. Картезианцы немного продвинулись вперед. Они говорили: все происходит с помощью Бога. Когда я хочу поднять руку, Бог ее поднимает; движение от одного тела к другому передает тоже Бог. Это так называемая система окказиональных причин (учение, стоические корни которого не заметить может лишь несведущий в философии, добавляем мы от себя).

Лейбниц делает следующий шаг в решении этого вопроса. Бог изначально сотворил души и вообще все таким образом, что все, что в них происходит, происходит в силу их собственной природы, но при этом согласованно со всем остальным. Это мировая гармония. И это своего рода доказательство бытия Бога: такого рода слаженность в мире не могла возникнуть случайно. Например, когда душа чего-то желает, тело начинает это делать в силу собственной природы, а не потому, что душа оказала на него воздействие. Связь субстанций, таким образом, идет только через Бога. Важно и то, что в этом случае сохраняется свобода души и всего, ибо все действует в силу своей природы. В механике эти положения тоже применимы: тело отвечает на действие другого тела вследствие внутренней необходимости, а не потому, что на него действовали извне.

Так Лейбниц разрешает главное метафизическое затруднение своего века. Однако, к его сожалению, он не был первым: несколько раньше

очень похожее решение уже предлагал голландец Арнольд Гейлинкс...

Это была «Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом». Теперь подробности, извлеченные из «Рассуждения о метафизике».

Здесь Лейбниц отталкивается от обычных мнений своего времени: то, что сотворил Бог, хорошо лишь потому, что оно сотворено Богом; на всякое совершенство всегда найдется еще более совершенное совершенство; Бог мог бы сотворить мир и лучше.

Лейбниц против всего этого. Совершенство Бога – это могущество и знание, оно превосходит совершенство фигур и чисел. Как можно хвалить Бога, если известно, что с тем же успехом он мог бы создать противоположное? Ведь если воля не имеет основания в разуме, это произвол, тирания. Любовь к Богу подразумевает согласие с его волей; но как могли бы мы согласиться со случайным и произвольным? Окажись мы в таком положении, мы были бы вечными бунтовщиками против божественной воли.

Бог сотворил мир по некоторому общему порядку. Бог выбрал самый совершенный мир – простейший по замыслу, богатейший по явлениям. Или иначе: средства Бога просты, а цели многообразны. Конечная цель Бога – наилучшее, наисовершенное. Частные цели Бога нам неведомы, а эта общая доступна. Новые же философы ошибочно сводят все либо к необходимости материи, либо к случайности.

Бог допускает то зло, которое не противоречит законам природы и из которого он может извлечь большее благо. Например: нужен ли был Иуда? На земле ответить на этот вопрос нельзя. Ясно только, что зло с избытком восполняется благом. Но Бог не есть причина зла. Дело в том, что все творение от природы ограничено и несовершенно. В частности, это делает людей способными к греху.

Сотворенные субстанции зависят от Бога и только от него; друг от друга не зависят. Все, что может случиться с ними (в том числе с людьми), следствие их же существа, а не внешнего влияния других субстанций. Общность субстанций – в Боге. Благодаря ему они представляют собой единый согласованный мир. Бог сохраняет субстанции и непрерывно поддерживает их неким излучением. Отдельная субстанция есть субъект, который уже не может быть предикатом. Предикативность имеет основание в природе вещей. Предикат может включаться в субъект прямо (при этом можно образовать тождественное предложение – аналитическое суждение, если использовать кантианскую терминологию) или потенциально (в возможности). Так вот, Бог,

мысля отдельные понятия, видит в нем основания и причины всех предикатов. Он знает, например, об Александре, царе Македонии, а priori, тогда как мы – только из истории.

Субстанции могут быть сотворены и уничтожены. Субстанции неделимы и необъединяемы. Число их постоянно. И каждая – целый мир, зеркало Бога и всего остального мира, подражание Богу.

Субстанциальные формы, как уже говорилось, бесполезны для физики. Там объясняют геометрически, механически и эмпирически. И ничего не дают высказывания вида «часы действуют, поскольку обладают часопоказательной силой». Но для метафизики они нужны, и отвергать их полностью нельзя. Общие принципы телесной природы и самой механики – метафизичны! Они коренятся в неделимых формах и натурах. Я, говорит Лейбниц, защищаю субстанциальные формы, хотя это и необычно для наших дней. Несколько иначе это можно изложить так. Много в природе можно объяснить двумя видами причин – действующей и конечной (и тем самым примирить механиков с теологами). Действующие причины раскрыть сложнее (особенно когда речь идет о частных явлениях), но они полезнее; конечные причины открыты, но бесполезны для физики.

Сущность тела – это не только протяженность, вид, движение. Вообще, эти понятия не так уж и отчетливы, как некоторые воображают. Так, движение не вполне реально. Если два тела меняются местами, какое из них двигалось, а какое покоилось? – Это можно определить только по силе, но не по самому движению. Следовательно, сила реальна, и она отлична от величины, вида и движения. Новые философы говорят: Бог сохраняет в мире количество движения. Они здесь опираются на представление о том, что количество движения тождественно силе. Но это неверно. Возьмем два тела весом в 1 и 4 фунта. Пусть они падают с разных высот: первое тело – с высоты, в 4 раза большей, чем второе. Падая, они приобретут силы, равные произведению их веса на высоту. И эти силы будут равны. Но скорости у них в конце падения, как показал Галилей, будут различны: у первого тела – в 2 раза больше, чем у второго. Значит, количества их движения будут соотноситься как 2:4. Таким образом, количество движения разное! И хотя разумно, что в мире сохраняется одна и та же сила, постоянного механического движения не бывает – из-за трения.

Так вот, в теле есть нечто сходное с душой – субстанциальная форма. Ведь все обладает известным постоянством, тождеством. Не будь некоего начала тождества, тело не просуществовало бы и мгновения. Но, конечно, не всякие такие

сущности, а только разумные души сознают свои действия. Они всегда сохраняют основу самосознания и, следовательно, всегда способны принимать награды и наказания.

Понятие отдельной субстанции заключает в себе все, что с ней может произойти. Так было сказано выше. Но разве это приговор для свободы? – Совсем нет. Дело в том, что нужно различать достоверное и необходимое, необходимость абсолютную (математическую) и необходимость по предположению. И кстати говоря, если Бог все предвидит, от этого события еще не становятся необходимыми. Абсолютно необходимо то, противоположность чего заключает в себе противоречие, т. е. в суждении о такой необходимости связь субъекта и предиката вытекает из их природы (вскоре Кант назовет такие суждения аналитическими). А необходимость по предположению в себе самой случайна, ибо противоположное ей не заключает в себе противоречия.

Взгляд Бога всегда истинный. Наше восприятие тоже истинно, обманываемся же мы суждениями, которые исключительно наши. Познание бывает двух видов – смутное и отчетливое. Смутное – это когда, например, что-то нравится или не нравится, но не понятно, почему это так. Отчетливое – когда можем объяснить признаки, например отличить настоящее золото от поддельного. В свою очередь отчетливое подразделяется на адекватное и интуитивное. Первое предполагает ясное постижение всего, что входит в определение вплоть до первых понятий; второе – ясное мгновенное схватывание. Но такое бывает редко. Что касается определений, то они делятся на номинальные (из них не вытекает, возможна ли вещь) и реальные (возможность вещи очевидна). Реальные определения могут доказываться опытом, априорно (это будет причинное определение) и таким путем, когда анализ доходит до первичных понятий (совершенное, сущностное определение). А вообще, конечно, большая часть знания – предположительное.

Много препятствий для познания создало понятие об идеях. Неправильное его использование привело к разным заблуждениям, например к доказательству существования Бога из его идеи как совершенного существа. Забывали при этом, что есть и ложные идеи.

Многие отождествляют идею с формой как различием мысли. Другие говорят, что идея – непосредственный предмет мысли или постоянная форма, которая сохраняется и тогда, когда мы о ней не думаем. На самом деле идея – это состояние души, и выражает она природу, форму или сущность. Когда такое состояние представлено – это уже понятие. Идея всегда в нас, ибо извне душа не принимает ничего, никаких образов, – окон у души нет. Понятия из ощущение

ний не происходят. Все формы мы всегда имеем в себе (в этом смысле Платон был очень прав, только, конечно, никакого предсуществования душ не было). Идею вещи имеешь только тогда, когда уверен в ее возможности.

Свойство субстанций – действовать и претерпевать. Более совершенно то, что действует. Менее совершенно – что претерпевает. От действия – удовольствие, от страдания – боль. Но преимущество настоящего может быть разрушено последующим злом, ибо, как известно, можно грешить, получая удовольствие. Действие всегда выражает свою причину, а Бог – причина всего. Поэтому высшее достоинство субстанции – выражать славу Бога.

В строгом метафизическом смысле на душу действует только Бог. Лишь с ним мы общаемся непосредственно. Бог – единственный непосредственный объект. Все вещи мы видим через него. Например, когда мы видим солнце, это Бог дает нам его идею и сохраняет ее. Бог сохраняет и непрерывно производит наше бытие. Содействуя нам, он сам всего лишь следует установленным им законам. Поэтому наши мысли самопроизвольны и свободны. Бог определяет нашу волю к выбору наилучшего, но не принуждает ее при этом, а значит, воля находится в состоянии безразличия.

Изменения тела не влияют на душу, разрушение тела не может разделить неделимое. Тело принадлежит нам, но не связано с нашей сущностью. Ощущения всегда немного смутны, так как все тела мироздания сочувствуют другу, и, значит, каждое получает впечатления обо всех остальных.

Субстанции не уничтожаются – они меняются. Телесные субстанции, отражая все сущее, делают это менее совершенным образом, чем духи. Из-за отсутствия мышления у тел нет нравственности. Но разумная душа, знающая себя, могущая сказать «я», сохраняет существование и остается одной и той же в нравственном смысле. Она тождественна как личность; память или сознание этого «я» делают ее способной к награде и наказанию. А без воспоминания о себе бессмертие было бы бессмысленным. Бог всегда будет сохранять и нашу субстанцию, и нашу личность, т. е. память и сознание.

Бог не только творец, он глава всех личностей (разумных субстанций). Духи – существа самые совершенные и наилучшим образом выражающие Бога. Они могут познавать и любить его. Духи занимают и волнуют Бога бесконечно больше, чем остальные вещи, ибо последние – лишь орудия духов. Но наша слава и наше почитание, конечно, ничего не добавляют к божественному удовлетворению, так как они – следствие его совершенства.

Бог дал духам наибольшее совершенство и вместе с тем возможность совершенствоваться дальше. Духи выражают скорее Бога, чем мир; тела выражают скорее мир, чем Бога. Другие существа – лишь средства для духов в их прославлении Бога.

Дары Бога необусловлены. Это чистые дары, и люди не могут требовать их. Бог избрал тех, чью веру и милосердие он предвидел. Но опять же вопрос: почему Бог дал благодать веры не всем? Говорят, что Бог осенил благодатью тех, кто изначально был предрасположен к добру. Возражение: естественное предрасположение – тоже следствие благодати, но обычной, а она уже становится причиной благодати чрезвычайной, и получается, что в конечном счете все сводится к благодати. Отсюда разумный вывод: понимание этого нам тоже недоступно (как, например, и в случае с Иудой).

Высший закон Бога – счастливое и цветущее состояние его государства, блаженство его обитателей. Счастье для личности – это то же самое, что совершенство для существа вообще. Царство Бога не теряет ни одной личности, мир – ни одной субстанции. Бог требует только искренней доброй воли, а его подданные не могут желать большего, чем совершенное счастье. Бог хочет лишь, чтобы его любили.

Древние философы мало знали обо всем этом. Только Иисус Христос выразил это ясно и просто – он показал царство Бога. Евангелие изменило весь ход человеческих дел. Ни один из наших поступков не забывается, ни одно праздное слово. Праведники будут как светила, и ничто не сравнится с тем блаженством, которое Бог готовит любящим его...

К выведенным им из забвения субстанциальным формам Лейбниц потом возвращался неоднократно. Однако в сочинении под условным названием «Монадология» (в рукописи оно не имеет заголовка), которое считается кратким изложением всех основ его метафизической системы, он вводит иную терминологию: здесь у него появляются «монады» и «предустановленная гармония» – понятия, ставшие (вместе с «принципом достаточного основания») вывеской его философии (как «идеи» Платона или «единое» Плотина).

Под монадами здесь подразумеваются простые субстанции [=формы], из которых состоят суб-

станции сложные, или вещи (есть, конечно, еще совершенная субстанция – Бог). Монады делятся на обычные энтелехии, души и духи. Энтелехия является причиной живого существа, душа – причиной животного, дух – причиной мыслящего животного. И поскольку материя не бывает без форм, всякая ее часть неизбежно оказывается живой естественной машиной, состоящей в свою очередь из живых естественных машин меньшего размера, но не меньшего качества. И так до бесконечности: «...в малейшей части материи существует целый мир творений, живых существ, животных, энтелехий, душ». И чуть дальше: «...члены этого живого тела полны других живых тел, растений, животных, из которых каждое имеет опять свою энтелехию, или господствующую душу» (Лейбниц Г. Монадология // Соч.: в 4 т. М., 1982–1989. Т. 1. С. 425). Здесь, как видим, Лейбниц приближается еще и к так называемому гилозоизму или даже к панпсихизму, т. е. к такому взгляду на вещи, который предполагает всеобщность жизни в мироздании, всемирную одушевленность. Поэтому и нет в строгом смысле, как уже говорилось, ни настоящего рождения, ни настоящей смерти, – есть только развитие, превращение из одного живого в другое. Души и тела не столько соединяются, сколько находятся в согласии. Душа следует своим законам, тело – своим, но при этом они соотносятся между собой в силу предустановленной между всеми субстанциями гармонии.

Подводя итог, можно сказать следующее. Точка зрения Лейбница представляется ясной и не нуждающейся в особых дополнительных пояснениях. В этом учении как бы сошлись многие ветви философии. Здесь и Платон, и Аристотель, и Стоя, и Эпикур. Но больше всего, пожалуй, христианства. Однако это христианство не простонародное, а утонченное, можно сказать, философское. Здесь мы ощущаем влияние Августина, отголоски споров о двойном предопределении, а значит, появляются Гутшалк, Кальвин и протестанты. В «Монадологии» он отрицает возможность существования совершенно отделенных от тела душ и духов (только Бог свободен от тела), в чем тоже видится печать аристотелианства. Поэтому в некоторых отношениях Лейбниц знаменует собой возрождение эллинской и схоластической философии в эпоху Нового времени.

В. Н. Квасков

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ И ТИПОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема периодизации европейской философии в связи с типологическим подходом, примененным Вл. Татаркевичем (1886–1980) к трактовке истории философии как целостного явления. По мнению польского философа, тип философствования, характерный для того или иного периода, дает возможность уточнить границы периодов в истории философии и рассматривать ее как непрерывный процесс. Он выделял два типа философствования: максимализм и минимализм.

In article the problem of periodization of the European philosophy in connection with the typological approach applied by W. Tatarkevich (1886–1980) to treatment the history of philosophy as the complete phenomenon is considered. According to the Polish philosopher the philosophizing type, characteristic for this of that period, gives the chance to specify borders of the periods in history of philosophy and to consider it as continuous process. It has allocated two types of philosophizing: maximalism and minimalism.

Ключевые слова: периодизация, максимализм, минимализм, типология.

Keywords: periodization, maximalism, minimalism, typology.

Проблема периодизации в истории развития философского знания до настоящего времени не теряет своей актуальности. Любой историк философии сталкивается с этой проблемой, поскольку ему необходимо выделить в истории философии соответствующие периоды, в которые характер философствования не меняется, является более или менее устойчивым и повсеместно признанным. Рассматривая то или иное направление развития философской мысли, он должен проследить генеалогию основных философских положений, которые выдвинул тот или иной философ, выявить условия формирования этих положений, учесть не только их чисто философский смысл, но и тот культурологический, исторический, естественнонаучный и социальный фон, на котором они возникли.

Известный польский историк философии, этик и эстетик, Вл. Татаркевич в одной из своих работ, посвященных этой проблеме, отмечал: «Историк, который считает, что деления, классификации, периодизации являются искусственными и субъективными, может их, конечно, опустить и изобразить историю как последовательность единичных фактов. Он избежит многих ошибок и произвола, но, одновременно, он закроет себе путь для лучшего понимания истории» [1].

Как известно, традиционно история европейской философии делится на античный, средневековый, нововременной и новейший периоды в соответствии с теми принципами историографии, которые являются общепризнанными. Каждый из этих периодов, по мнению польского философа, имеет свой подготовительный этап, в который вырабатываются основные философские положения, затем наступает этап систем, за ним следует период просвещения и критики и завершается период этапом «школ». Такова логика историко-философского процесса, которая реализуется в течение первых трех периодов развития философии.

Для последнего, новейшего периода характерным является процесс парцелляции философии, который начался в 40-е гг. XIX в., после смерти Гегеля. Он явился реакцией на всеохватывающую, универсальную систему Гегеля, в результате которой появились марксизм, экзистенциализм и позитивизм. Философ отмечает тот факт, что изменилась логика историко-философского процесса: уже не создаются универсальные системы классического типа, которые решают все проблемы с монистических позиций, исходя из единого принципа, единого подхода к разнообразным проблемам как природной, так и социальной действительности.

Философ выделяет несколько подходов к периодизации, которые сложились в европейской философии. Долгое время преобладало мнение о единстве европейской философии, хотя ее и делили на три периода, соединяя античность с Новым временем, считая средневековье, этот тысячелетний период, «теологическим», не имеющим отношения к философии. В этом случае не менялось направление и характер философии, не было изменений и революций. Новое время изображалось продолжением античности. Этот взгляд был сформирован Просвещением, но в силу того обстоятельства, что он отбрасывал примерно половину истории европейской философии, он представлялся несостоятельным.

Вторая точка зрения была аналогична первой. Она была инспирирована сторонниками и почитателями средневекового периода. Эта позиция поддерживала также идею единства европейской философии, но отбрасывала, в противоположность первой, не средневековье, а Новое время, признавая то, что оно дало новые направления, но не считала философией философию Нового времени, так же как первая не признавала философией теологическую философию средних веков.

Третья точка зрения концентрирует свое внимание на сближении средневековой философии с периодом Нового времени, опираясь на христианских мыслителей. В средние века имела место, как отмечал Вл. Татаркевич, двоякая перио-

дизация истории, которая исходила от двух философских школ, отличавшихся не только исходными позициями: одна развивала аристотелевские тенденции, а вторая – платонические. Первая поддерживала единство философии, а вторая считала, что христианская мысль внесла новое начало в философию и прервала непрерывность ее развития. Пролонгированная аристотелевская позиция в виде томизма впоследствии была признана Ватиканом в качестве официальной философии католицизма. Вторая же, по мнению философа, имеет свои основания в протестантизме. Она отвергает идею единства европейской философии, выделяя в ней только два периода, поскольку философия Нового времени отличалась своим, явно не схоластическим методом, но по отношению к Богу и миру она все-таки оставалась христианской, то есть сохранила свой средневековый характер.

Вл. Татаркевич указывал на наличие еще одной, четвертой концепции периодизации философии. Эта концепция не отказывала в единстве европейской философии, но усматривала в ней не только изменения, но и перевороты. Она утверждает, что в ее истории имели место два переворота, которые разделили европейскую философию также на три периода: античность, Средние века и Новое время, но она делает это на других основаниях, не на тех, на которых основывается традиционная историография.

Польский философ является сторонником этой четвертой концепции. Он доказывает, что в истории философии имели место две революции: первую, по его мнению, совершил Августин, уходя от античных принципов объективности, универсальности, интеллектуализма и финализма. Ни одна из существующих античных систем в полной мере не соответствовала христианской позиции апологетов, которые были вынуждены создать собственную систему христианской философии. Революция, проведенная христианами мыслителями на заре средневековья, охватывала не только метафизику, но и теорию познания. Наиболее последовательно проводил христианские идеи Августин. Он считал, что самые существенные истины касаются не внешнего мира, а фактов сознания. *Cogito ergo sum* – это декартовское положение было высказано, по мнению Вл. Татаркевича, Августином за тысячу лет до Декарта. Центром христианской философии становятся: отдельная человеческая душа, которая властвует над телом и является вечной; Бог, властвующий над миром; воля, управляющая разумом.

Вторая революция произошла на рубеже Средневековья и Нового времени и явилась результатом внутренней философской эволюции, происшедшей в силу отказа от средневековых традиций, от того способа жизни и мышления, относительно

которых накопились сомнения. Если античность и Средние века обладали своими метафизическими концепциями, то в Новое время место метафизики заняли теория познания и методология.

На первый план вышли методологические, теоретико-познавательные задачи, которые ограничивали метафизику, что, в конечном счете, привело к отказу от нее. Перед знанием ставились уже практические задачи. Четвертая концепция развития и периодизации европейской философии также делила философию на три периода, но уже по другим основаниям. В фундамент периодизации истории философии был положен типологический подход, который давал возможность, по мнению польского философа, более строго поделить историю философии на соответствующие периоды, выделить узловые моменты в ее развитии, «точки перехода» от одного этапа развития к последующему этапу, сохраняя традиционное деление, принятое в историографии.

Рассмотрение истории философии с точки зрения типов философского мышления, преобладающих в те или иные времена, на том или ином этапе развития истории философии дает возможность Вл. Татаркевичу по-новому посмотреть на проблему периодизации, уточнить временные границы этапов, выделить характерные особенности философствования в различные эпохи, обнаружить то общее, что их объединяет и позволяет рассматривать историю философии как единый процесс.

Он считал, что в каждой эпохе имеют место повторяющиеся особенности. Прежде всего, к ним он относил два типа философствования: *первый тип*, имеющий отношение к этапу систем, который был направлен на создание всеохватывающих, универсальных философских конструкций, монистических по своему характеру, которые включают в себя всю совокупность человеческого знания о мире и человеке. *Второй тип* основывался на осторожной теоретико-познавательной критике, стремился обнаружить ошибки и заблуждения у своих предшественников, пытался освободить их взгляды от них. Он был характерен для периода просвещения и школ.

Если с этих позиций подходить к истории философской мысли, то польский философ определял период систем как *максималистский*, а период критики и просвещения, школ – как *минималистский*, в котором появившиеся системы вызвали осторожную критику со стороны современников и последователей. Определяющим эпоху является максималистский тип философствования. К максималистскому типу в античные времена могут быть отнесены системы, появившиеся в классический период развития философского знания, в период Платона и Аристотеля (IV в. до н. э.). В XIII в. к нему может быть отнесена система Фомы Аквинского, которая

появилась в период зрелой схоластики. В XVII в. к максималистскому типу можно с некоторыми оговорками отнести системы Декарта, Лейбница, Спинозы. Что касается XIX в., то, по мнению Вл. Татаркевича, к максимализму могут быть отнесены те системы первой трети века, которые проявили максималистские тенденции к построению универсальных, всеохватывающих систем. Эти тенденции были в полной мере реализованы, в конечном счете, Г. В. Ф. Гегелем.

К минималистскому типу философствования можно, по мнению польского философа, отнести период просвещения и школ в античности (софисты, стоики, скептики и т. п.). В Средние века ярким представителем осторожной, минималистской философии был Оккам и его последователи. В Новое время к минимализму может быть отнесен весь XVIII в. Что касается XIX в., то к минималистскому типу философии можно отнести послегегелевский период, когда в середине этого века появились альтернативные по духу экзистенциализм, позитивизм, марксизм и другие направления в философии, которые, являясь, в основном, минималистскими, претендовали на своеобразный «максимализм» (первый позитивизм О. Конта, марксизм).

Можно сделать вывод, подводя некоторые итоги, что максималистскому типу философии присущи абстрактность, универсальность основных понятий, стремление привести философское знание в систему, проникнуть в суть бытия. Для максималистского типа философского мышления характерны также монистический подход и широкие философские интересы.

Минималистский тип философии требует конкретности, разработки и усовершенствования систем, предыдущих по времени, сужения сферы философских интересов, специализации философского знания, связанного с развитием естественных наук, фрагментарности, критичности и плюрализма мнений, решения частных проблем из различных областей философского знания и науки, сведения всей совокупности знания к более простым представлениям и понятиям.

Вл. Татаркевич отмечал: «С самого зарождения истории философии между философскими притязаниями выступало различие в том, что в одних преобладала смелость, а в других – осторожность. В XIX веке это противостояние стало очень острым. В нем столкнулись два типа философии, которые можно назвать максималистским и минималистским» [2].

Нам необходимо обратить внимание на те теоретические, философские предпосылки, которые привели философа к идее типологии философского знания. В своих «Записках к автобиографии» он писал: «Любимыми моими понятиями были понятия вариантов и типов. А варианты и типы челове-

ческого мира познаются в истории» [3]. Оценивая традиционное, сложившееся в историографии деление на эпохи, философ пишет о том, что «это деление формально и несущественно, поскольку... не соответствует крупным изменениям в истории философии: новые философские идеи, которые функционировали в средние века, появились еще в античности, а идеи Нового времени – в глубине средневековья» [4]. Он считал, что деление на периоды необходимо производить в соответствии с тем, какой тип философии преобладал. Философ подчеркивал, предваряя изложение истории философии: «Явно существовали различные типы философии; это вполне естественно для науки, которая вышла из различных источников и служила различным потребностям» [5].

Типы философии изначально, еще в античные времена, исходили из удивления и из скептически выраженного недоверия к достижениям предшествующей философии. Первая философия стремилась к тому, чтобы понять и объяснить Вселенную, а вторая – была направлена на то, чтобы ранее высказанные идеи подвергнуть критике, а «разум просветить, очищая его от ошибочных мнений» [6]. Первый тип создавал системы, и они являлись результатом «философии удивления», а после их создания начинался «школьный период», когда основополагающие идеи систем были уже установлены и школы поддерживали и разрабатывали основные положения, развивая их в частностях.

Вл. Татаркевич считает, что выделение типов философии, которые встречаются в ходе истории развития философского знания, дает возможность более строгого определения границ периодизации. Типология демонстрирует не только генеалогию философских идей, но и представляет историю философии как непрерывный процесс, как единое целое с учетом всех тех влияний, которые существенны для их формирования и распространения в человеческой культуре определенного периода. Философ писал об этом следующее: «При выделении и характеристике периодов характеристику надо понимать только в смысле преобладания в них определенного типа мышления, который для них “характерен”; хотя всегда рядом с ним выступают и другие типы: побочные, исключительные, “не характерные для периода”» [7].

Примечания

1. *Tatarkiewicz Wl.* O filozofii i szytyce. Warszawa, PWN, 1986. S. 51.
2. *Ibid.* S. 10.
3. *Ibid.*
4. *Татаркевич Вл.* История философии. Античная и средневековая философия. Пермь: Изд-во ПГУ, 2000, С. 25.
5. Там же.
6. Там же.
7. *Tatarkiewicz Wl.* Op. cit. S. 62.

УДК 165.12:1(09)

К. Я. Батюк

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ О СОЗНАНИИ КАК ОСОБОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Рассматривается позиция Гуссерля, основателя феноменологии, согласно которому сознание является особым регионом бытия, который отличается от пространственно-временного физического мира природы. Также представлена его критика так называемого натурализма, который стремится изучать сознание методами естественных наук.

We consider the position of Husserl, the founder of phenomenology, according to which consciousness is a particular area of being that differs from the space-time of the physical world of nature. Also presented his critique of the so-called naturalism, which seeks to explore the consciousness of the methods of science.

Ключевые слова: сознание, бытие, феноменология, Гуссерль, природа.

Keywords: consciousness, being, phenomenology, Husserl, nature.

Проблема сознания по сей день является актуальной и со всей неизбежностью простирается в будущее. Поставленная в своем радикальном виде в феноменологии, она прочно вошла в список главных вопросов философии. В данной работе представлена попытка осветить некоторые идеи философии Эдмунда Гуссерля раннего периода в плане выделения сознания в особый «бытийный регион».

С этой точки зрения оказывается особенно интересной и важной работа Гуссерля 1911 г. «Философия как строгая наука». Гуссерль начинает в ней с критики так называемого натурализма, который выступил с создания строго научной философии, но осуществлялся, по мнению Гуссерля, в ложной форме, которая должна быть подвергнута критике со стороны оснований и методов.

Опираясь на успехи естественных наук, натурализм выдвинул тезис, согласно которому сознание можно и нужно рассматривать по аналогии с природными явлениями. Дело в том, что психическое дается как переживание «я», всегда соединенное с телом, а эта связь должна легитимизировать редукцию психического опыта к опыту в естественнонаучном смысле, ведь «исключенные отношения к природе отняло бы у психического характер объективно определяемого во времени факта природы». Поэтому «всякое психологическое суждение заключает в себе экзистенциальное полагание физической природы» (Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. С. 197. Да-

лее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц).

Но природа – это пространственно-временной телесный мир. Психическое же – природа в некотором другом, отличном от физической природы смысле. Это отличие влечет за собой и коренные различия методов естествознания и психологии. Телесное бытие может познаваться многими субъектами как индивидуально тождественное и описываться как межсубъективное то же самое, в то время как восприятия мыслятся разделенными между различными субъектами (с. 202). Природные вещи сохраняются как временные единствами длящихся или изменяющихся свойств, они включены в одну всеобъемлющую, их всех объединяющую связь одного телесного мира, с одним пространством и единым временем. Все реальные свойства – причинны, говорит Гуссерль. Любая телесно существующая вещь подлжит законам возможных изменений, а эти законы имеют в виду тождественное, вещь не сама по себе, а вещь в проникнутой единством действительной или возможной связи единой природы.

Теперь рассмотрим «психические феномены», которые новая психология берет как область своих объектов. Очевидно, что отношения в сфере психического отличаются от отношений в сфере физического. Психическое распределено, так сказать, между монадами, которые не имеют окон и общаются друг с другом благодаря вчувствованию. «Психическое бытие, бытие как “феномен”, принципиально не есть единство, которое познавалось бы индивидуально тождественным во многих отдельных восприятиях, будь то даже восприятия одного и того же субъекта» (с. 210). В психической сфере не различаются явление и бытие, и если природа – это существование, которое является в явлениях, то сами явления (которые психолог причисляет к психическому) уже не есть, в свою очередь, бытие, которое являлось бы в явлениях; это показывается с очевидностью рефлексией над восприятием любого явления.

Все, что в самом широком смысле называется психическим явлением, будучи взято само по себе, есть именно психическое явление, а не природа. Явление, следовательно, не имеет никаких «реальных свойств», оно не знает никаких реальных частей, никаких реальных изменений и никакой причинности, если понимать эти слова в естественнонаучном смысле.

Приписывать феноменам природу, искать их реальные и подлежащие определению части, их причинные связи – значит впадать в чистейшую бессмыслицу. Это – бессмыслица, заключающаяся в натурализации того, сущность чего исключает бытие в смысле природы. Вещь есть то, что она есть, и остается навсегда в своем тождестве: при-

рода – вечна. Какие свойства и модификации свойств принадлежат в действительности вещи, – это может быть определяемо с объективной значимостью, подтверждаемо и исправляемо во все новых и новых опытах, ибо вещь тождественна.

Психическое же, как «феномен», приходит и уходит, не сохраняя никакого остающегося тождественного бытия, которое было бы определимо объективно в смысле естественнонаучном, например как делимое на составные части, как допускающее «анализ» в собственном смысле слова. Психическое не познается в опыте как являющееся: оно есть «переживание»; оно лишь часть, полагаемая в абсолютном потоке, как только что зарождающееся и уже отмирающее, заметным образом постоянно отпадающее в уже бывшее. «Психическое может быть воспомнутым и, таким образом, в модифицированном смысле, опытно познанным; в “воспомнутом” заключается “бывшее воспринятым”; и оно может быть “повторно” воспомнутым в воспоминаниях, согласующихся в сознании, которое само создало воспоминания опять-таки как воспомнутое или как пока еще удержанное» (с. 211).

Именно в этой связи, будучи тождественным в таких вот «повторениях», психическое может опытно познаваться как существующее и таким образом отождествляться. Все психическое, которое есть таким именно образом опытно-познанное, имеет место в «монадическом» единстве сознания – единстве, не имеющем ничего общего с природой, с пространством, временем, субстанциональностью, причинностью, но которое притом обладает своими совершенно особенными «формами».

Психическое – «с двух сторон неограниченный поток феноменов, с единой проходящей через него интенциональной линией» (с. 211), являющейся как бы перечнем всепроникающего единства, линией лишённого начала и конца имманентного «времени», не доступного измерению никакими часами.

Двигаясь в потоке явлений в имманентном созерцании, мы переходим от одного феномена к другому (каждый есть единство в потоке, и сам завлечен этим потоком) и никогда не приходим ни к чему, кроме феноменов, подчеркивает Гуссерль.

Хотя, конечно, трудно освободиться от первородной привычки жить и мыслить в натуралистическом предрассудке и таким образом натуралистически подделывать психическое. Проклятие этого предрассудка лишает способности отделиться от природы и сделать предметом созерцательного исследования психическое в его чистом виде, а не в психофизическом состоянии, закрывает доступ в сферу большой и беспримерной по своим последствиям науки, которая, с

одной стороны, является основным условием для подлинно научной психологии, а с другой – полем критики разума.

«Проклятие первородного натурализма заключается также и в том, что всем нам так трудно видеть “сущности”, “идеи” или, правильнее (так как мы их все же, так сказать, постоянно видим), постигать их в их своеобразности и не натурализовать их» (с. 213). В психофизической постановке вопроса «психическое» со всем присущим ему существом получает отношение к телу и тем самым к единству физической природы: усвоенное в имманентном созерцательном восприятии и существенно постигнутое в такой форме вступает тут в связь с чувственно воспринятым и, стало быть, с природой. Потому «только через такое отнесение получает оно косвенную природоподобную объективность и занимает место косвенным образом в природном пространстве и становится опосредственно в линию природного времени, которое мы меряем при помощи часов; опытная “зависимость” от физического дает в некоторых, ближе неопределимых, размерах возможность установить психическое как индивидуальное бытие, межсубъективно, и одновременно исследовать на все более и более многочисленных примерах психофизические отношения» (с. 218).

Здесь – место «психологии как естественной науки», которая и есть психология психофизическая и является при этом эмпирической.

Однако психофизическое познание уже предполагает сущностное познание психического. А надежда исследовать сущность, например, воспоминания или суждения при помощи психофизических экспериментов и непредвзятых внутренних восприятий или опытов, с целью добиться строгих понятий, единственно способных сообщить научную ценность обозначению психического в психофизических утверждениях и этим последним самим – такая надежда «есть верх извращения». Психология, желающая изучать психическое в его проявлении, должна прежде изучить то, что именно проявляется в связке с телом, то есть должна опираться на некоторую эйдетику.

После вышеизложенного, говорит Гуссерль, становится ясно, что эмпирическая наука о психическом сможет лишь тогда разобраться в его природных свойствах, когда психология будет строиться на систематической феноменологии, то есть когда сущностные образования сознания и его имманентных коррелятов, будучи интуитивно исследованы и фиксированы, установят собою нормы для научного смысла и содержания понятий всех возможных феноменов. «Только действительно радикальная и систематическая феноменология, пользующая не между прочим и в отдельных рефлексиях, а при полном сосредото-

точии на высокосложных и запутанных проблемах сознания, и пользуемая совершенно свободным умом, не ослепленным никакими натуралистическими предрассудками, только она в состоянии дать нам уразумение “психического” – и в сфере индивидуального, и в сфере общественно-го сознания. Только тогда громадная экспериментальная работа нашего времени, изобилие собранных эмпирических фактов и отчасти интересных постоянств принесут, благодаря соответственной критике и психологической интерпретации, действительные плоды» (с. 219). Тогда только можно согласиться с тем, что психология находится к философии в ближайшем отношении, но не в том смысле, что психология обосновывает философию.

И тогда исчезнет всякая возможность той мнимофилософской литературы, которая излагает свои теории познания на естественнонаучной и прежде всего «экспериментально-психологической базе» с претензией на серьезную научность. Вид этой литературы говорит об упадке сознания «тех глубокобезднх проблем и трудностей, которым величайшие умы человечества отдали свои жизненные силы; и об упадке чувства подлинной основательности, которая вызывает в нас все же чувство глубокого уважения в сфере самой экспериментальной психологии, несмотря на принципиальные дефекты, ей присущие, согласно нашему убеждению» (с. 220).

Обратим внимание на следующий момент. Натурализм как экспериментально-эмпирическая установка состоит в том, что сознание, будучи проявленным в телесности и «вырвавшимся наружу», может быть воспринято и описано исключительно Другим. Сознание тут устраняется

и переводится в телесность, оно как бы дважды кодируется: в первом случае, когда оно получается связь с телом (в этом смысле оно уже не «то самое сознание»); во втором случае – когда описывается Другим. То есть из связки «само сознание» – «сознание через телесность» натурализм выбирает только второе, сводя первое ко второму, лишая сознания «самости» и законности его описания самого себя.

Гуссерль же, если можно так выразиться, более демократичен: он, хоть и выводит на первый план самописание сознания, все же не устраняет законности «внешнего» описания, правда подчиненного феноменологии.

Важно то, что «внутреннее» не может иметь точку «внеаходимости», чтобы посмотреть на себя «по-другому» – это каждый раз «состояния одного и того же». А потому сознание предстает как особый «бытийный регион», со своей собственной онтологией, отличной от природной, и этот регион должен быть понят и изучен во всем своеобразии, а не подменен естественнонаучными изысканиями «следствий».

Мы осветили идеи Гуссерля по выделению сознания в особый «регион», который должен быть исследован методами, отличными от методов естественных наук.

Актуальность этих связана с тем, что сознание до сих пор не изучено полностью, при этом естественные науки все напористее стремятся редуцировать его к природе, отвергая деятельность самого сознания как самостоятельной реальности по отношению к физиологии. Напряжение этой темы нарастает с ростом достижений психофизиологии, что и демонстрируется в современной философии сознания.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 336.13:94(470.342)"1922/1923"

В. И. Бакулин, С. В. Березин

**К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ
МЕРОПРИЯТИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ФИНАНСОВОЙ РЕФОРМЫ 1922–1923 гг.
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье рассматриваются мероприятия, проводимые в 1921–1923 гг. органами управления Вятской губернии в свете подготовки финансовой реформы страны и на начальном ее этапе. Авторами осуществлен анализ различных аспектов деятельности губернских партийных, советских, финансовых ведомств, а также процесса реорганизации последних. Особое внимание уделено изменениям в системе налогообложения и формирования местного бюджета. Дается представление о финансово-экономическом фоне (как на общегосударственном, так и на местном уровнях), при котором проходил начальный этап реформирования.

The article deals with activities carried out in 1921–1923 governments of Vyatka province in the light of the financial reform of the country and on its initial stage. The authors carried out an analysis of various aspects of the provincial Party, government, financial institutions, as well as the reorganization of the latter. Particular attention is given to the changes in the tax system and the formation of local budgets. We briefly outline the financial – economic background (as at the national and local levels), which passed the initial stage of reform.

Ключевые слова: новая экономическая политика (нэп); губернский финансовый отдел (губфо); продналог; финансовая реформа.

Keywords: new economic policy (nep), the provincial finance department (Gubfo), tax in kind, financial reform.

В первый год нэпа Советская Россия вступила с финансовой системой, находившейся в зачаточном состоянии. Наркомат финансов в годы Гражданской войны, в условиях «военного коммунизма», был, по определению будущего его главы (с осени 1922 г.) Г. Я. Сокольникова, «ликвидирован почти на 90%». С весны 1921 г. он стал возрождаться; параллельно формировался Госбанк, ранее «ликвидированный начисто». Начал восстанавливаться государственный бюджет. Первый послевоенный (на 1922 год), утвержден-

ный в декабре 1921 г. IX Всероссийским съездом Советов, оказался настолько несовершенным, а сама финансовая система – настолько разбалансированной разрухой, гигантской эмиссией и инфляцией, что от него вскоре пришлось отказаться. С мая 1922 г. в качестве рабочего использовался ориентировочный бюджет, на основе которого формировались примерные квартальные бюджеты, да и те ежемесячно корректировались [1].

В этих условиях реальный переход к доминированию рыночных отношений требовал немало времени, а первый год вообще в значительной степени прошел под знаком разъяснительных и пропагандистских мероприятий. Особенно в губерниях, затронутых голодом. В Вятской губернии, начиная с середины апреля 1921 г., пресса, опираясь на соответствующий декрет ВЦИК [2], активно информировала население о характере предстоящего отказа от развёрстки и формирования бюджета на основе налогообложения, а местный официоз «Вятская правда» публиковала материалы, касающиеся продналога, в восьми номерах подряд [3].

Возрождаемые товарно-денежные отношения, ввиду их несовершенства и фрагментарности, относительно долго сочетались с «военнокоммунистическими» методами хозяйствования. Еще и в 1921 г. в стране широко практиковались конфискации и реквизиции. Осенью центральная власть решительно воспротивилась подобным проявлениям милитаристской психологии: декрет Совнаркома от 17 октября 1921 г. возмездную реквизицию допускал уже лишь в исключительных случаях, а конфискацию – как карательную меру и исключительно по приговору суда. Далеко не сразу произошел отказ от системы централизованного распределения основных продуктов питания, хотя процесс набирал силу: если к концу Гражданской войны в РСФСР выдавалось 35 млн пайков, то к концу 1922 г. эта цифра опустилась до 6 млн и планировалось дальнейшее ее снижение. Переход от управленческой сверхцентрализации «военного коммунизма» к более гибкой нэповской системе в финансовой области реализовывался и в повышении самостоятельности региональных властей, в передаче на губернский уровень части ранее проходивших

через «центр» доходов и расходов. Перечень тех и других был составлен к началу осени 1922 г., но реальное строительство местных бюджетов развернулось лишь несколько месяцев спустя [4].

Главной финансово-экономической проблемой страны на том этапе оставалась гигантская диспропорция между весьма скромными (в 1922 г. 1–1,1 млрд руб. в золотом исчислении против 3,6 млрд руб. в 1913 г.) доходами и значительно превосходившими их расходами. Разница между первыми и вторыми покрывалась денежной эмиссией: ежемесячно в оборот вбрасывались десятки триллионов ничем не обеспеченных так называемых совзнаков. Следствием этого становилось быстрое обесценивание денег, находящихся на руках у населения, в кассах предприятий и учреждений. По данным Г. Я. Сокольников, за 1922 г. сумма денег в обороте за счет эмиссии выросла в 120 раз – с 17 до 1800 триллионов, но и в начале, и в конце этого периода их реальная стоимость оставалась примерно на одном уровне и была эквивалентна 100 млн руб. в золотом исчислении. Ежедневно деньги теряли до четверти своей стоимости. За первое полугодие 1922 г. общий уровень цен в стране поднялся в 25 раз. Сбор урожая яровых притормозил этот процесс – за второе полугодие цены выросли в 4 раза [5]. Затем ситуация вновь резко ухудшилась.

Рост доходов рядовых граждан обычно не успевал за подобными темпами развития инфляции, что вело к дальнейшему падению их жизненного уровня. Так, заработная плата получавших продовольственный паек работников промышленных предприятий Вятской губернии довольно типичного 6-го разряда 17-разрядной единой тарифной сетки в марте 1922 г. располагалась в диапазоне от 2,4 млн руб. в губернском центре до 1,8 млн в уездном Малмыже. При этом в сравнении с февралем она выросла на 25% в Вятке и осталась на прежнем уровне в Малмыже [6].

Что же касается мартовских цен, то картина была пестрой. В течение этого месяца в Вятке цены на керосин, папиросы и спички выросли на 100%, составив соответственно 12 тыс. руб. за фунт, 34 тыс. руб. за 100 папирос и 1 300 руб. за коробку спичек. Прочие цены на предметы первой необходимости остались без изменений, что далеко не всегда означало высокую степень их доступности, поскольку сахар и мыло, например, по карточкам губернского продкома в марте не выдавались, и фондовая комиссия губернского Совета профсоюзов предложила ведомствам соответствующих вычетов из зарплаты рабочих и служащих предприятий и учреждений, стоявших на госснабжении, не производить [7].

Гиперинфляция делала малодоступными для большинства граждан не только качественное

питание, но и всякого рода услуги. К примеру, плавание первым классом на пароходе, идущем от города Вятки по одноименной реке до не столь уж далекого Котельнича в апреле того же года обходилась пассажирам почти в полтора миллиона рублей (720 тыс. руб. вторым классом), плюс провоз багажа по 192 тысячи за пуд веса [8]. При минимальной заработной плате, равной ставке 1-го разряда ЕТС (в августе 1922 г. оплата труда по 1-му и 6-му разрядам соотносилась как 1:2) [9], о подобных поездках оставалось только мечтать.

Выход из сложившейся в Советской России критической ситуации лежал на путях уменьшения расходов (главным образом за счет сокращения раздутого государственного аппарата, чиновничества) и наращивания доходов путем возрождения материального производства – промышленности, сельского хозяйства, путем эффективной организации сбора продналога, создания продуманной системы общегосударственного и местного налогообложения негосударственного сектора промышленности, торговли, городского и деревенского населения. Одним из главных условий экономического возрождения являлось появление устойчивой валюты. Но она, в свою очередь, не могла быть создана в условиях полных разрухи и дисбаланса в народном хозяйстве, до наведения в нем элементарного порядка, восстановления товарооборота между городом и деревней.

«Все мероприятия финансовой политики, направленные к упорядочению бюджета, увеличению доходов, корректированию денежного обращения, организации кредита, сами по себе... не в состоянии преодолеть экономического кризиса, составляющего основу кризиса финансов. Выход лежит только в плоскости поднятия производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности, только в увеличении емкости рынка как за счет крупного производства, так и за счет увеличения товарного предложения со стороны крестьянских и кустарных хозяйств. К этой цели и должна быть направлена как общая экономическая политика, так и финансовая политика», – категорически утверждалось в принятой по докладу тогда еще заместителя наркома финансов РСФСР Г. Я. Сокольников резолюции «О финансовой политике» проходившего в марте 1922 г. XI съезда РКП(б). В этом же документе дополнительно подчеркивалось, что существующий бюджетный дефицит, усугубленный трагедией голода в ряде регионов страны, «исключает возможность немедленной денежной реформы, направленной к созданию устойчивой валюты» [10].

Следовательно, – отметил в своем докладе на съезде Сокольников, – к решению этой пробле-

мы мы подходим «не с точки зрения непосредственной денежной реформы, а прежде всего со стороны бюджетной, со стороны правильной организации системы наших доходов и расходов» [11]. Таким образом, наведение порядка в хозяйственной жизни, установление баланса доходов и расходов в центре и на местах становилось непременным условием и – в определенном смысле – важнейшей частью финансовой реформы. Вместе с тем на протяжении 1922 г. Наркомфином, правительством страны в целом, а также губернскими властями были сделаны первые шаги в направлении собственно финансовой реформы. В первую очередь это касалось перестройки финансовых ведомств.

К 1921 г. на территории Вятской губернии, практически ни одно финансовое управление не действовало в надлежащем режиме. Помимо банальной деградации одних и полного или частичного разрушения других финансово-экономических органов в годы войны, сыграли свою негативную роль разруха, охватившая все сферы регионального хозяйства, включая транспортную систему, и оторванность губернии от центра. Соответственно, на повестку становились задачи восстановления и приспособления к новым требованиям тех компонентов финансово-экономической системы, без которых она просто не могла функционировать, а также – создания новых, в том числе временных и чрезвычайных, органов, контролирующих и анализирующих финансовую ситуацию в губернии.

Одними из первых подобных органов, появившихся в губернии, были финансовые тройки при Экономических совещаниях. Как структурная единица при губернском ЭКОСО, тройка появилась не позднее мая 1922 г. [12] По крайней мере, документов, подтверждающих факт ее существования в более ранний период, в фонде губЭКОСО не выявлено. Стратегически тройка была нацелена на решение двух основных финансово-экономических проблем: организация сбора общегосударственных и местных налогов и формирование местного бюджета. Помимо этого она занималась распределением и перераспределением средств из фондов губернского исполкома Советов [13] и – под общим руководством председателя Экономического совещания И. И. Бабинцева – составляла доклады-отчеты в Наркомфин о состоянии дел в налоговой и бюджетной областях. Персонально в нее вошли Бабинцев, Жбанников, Микрюков [14].

29 июля 1922 г. по распоряжению Наркомата финансов РСФСР подобные органы начали создаваться при всех уездных ЭКОСО [15]. Состав тройки был также задан центром; в нее включались председатель и один из членов правления уездного ЭКОСО, а также заведующий финансо-

вым отделом уездного исполкома. К практической работе уездные тройки приступили с 1 августа, и главной их функцией на этом этапе стало уточнение сумм налогов, поступивших в местные кассы с января по август 1922 г. Срок на выполнение этого задания был отведен минимальный – до 19 августа [16]. Однако ни одна из организаций не справилась с поставленной задачей. В качестве оправданий приводились отсутствие связи уездов с губернским центром и крайняя запутанность вопроса о взимании/исполнении трудгужповинности. Отдельную трудность представлял собой плавающий курс совзнака. Требовалось в отчетах исходить из его величины, сложившейся на 1 августа. Между тем только за летний период он упал на 150% [17], и выполнить данное требование можно было лишь при условии проведения длительных и трудоемких пересчетов. После недолгого препирательства с Наркомфином срок был продлен до 1 сентября. 6 сентября финансовые тройки были распущены как выполнившие поставленную перед ними задачу.

Параллельно с ними в губернии действовал ещё один временный орган. 15 марта 1922 г. при финотделе губисполкома была создана финансовая комиссия [18], ориентированная на осуществление контроля за ценами и закупками. Основная причина её создания – крайне неустойчивый курс совзнака, ощутимо влияющий на цены вольного рынка. Однако существование подобного органа при губисполкоме вскоре было признано нецелесообразным. В конце апреля комиссия была слита с одним из отделов губплана. Межведомственные споры по финансовым вопросам стали причиной создания 2 августа 1922 г. специальной комиссии при губисполкоме. В неё вошли связанные с финансовой деятельностью представители от губернского и Вятского городского исполкомов Советов, ЭКОСО, коммунхозов и комиссии по районированию; от каждого ведомства по 3 человека [19]. Комиссия проработала 14 дней и 16 августа, в основном устранив причины разногласий, была распущена.

Некоторое снижение роли администрирования в пользу хозрасчетно-рыночных методов хозяйствования нашло свое адекватное отражение в перестройке структуры такого органа управления, как губернский совнархоз. Если на этапе первоначального вхождения в нэп, в 1921 г., финансово-счетный отдел был одним из семи основных подразделений (отделов, управлений) Вятского губСНХ, то с конца 1922 г. в структуре этого органа было оставлено только три управления, одним из которых являлось финансово-счетное [20], что свидетельствовало о значительном повышении его статуса. Дело в том, что сам губернский совнархоз на этом этапе превратился в орган текущего планирования и экономического, в том числе фи-

нансового регулирования местной трестированной промышленности [21].

Наполнялась новым содержанием деятельность Вятского отделения Госбанка. К концу 1922 г. при нем был создан отдел страхования. Его появление было обусловлено тем, что в следующем году планировалось введение обязательного страхования от огня в ряде уездов губернии. Поскольку надлежащего штата страховых агентов в наличии не имелось, правление отделения банка решило привлечь к работе с населением – после ускоренного обучения – счетоводов, бухгалтеров и других служащих. Предвидя неизбежное появление большого количества проблем, недоразумений, вопросов, московское руководство Госстраха заблаговременно обязало создать на местах тройки из работников банка, губфинотдела и Госстраха. В Вятке такая тройка была создана 8 ноября 1922 г. и просуществовала до 1923 г.

Впрочем, многие дела, которыми ей пришлось заниматься, трудно причислить к чисто экономическим. Помимо уточнения ставок страхования в связи с проходившей в стране деноминацией и переходом на новую валюту, основную массу вопросов составляли возникшие по недоразумению или неграмотности. К примеру: «Какой двигатель может считаться электрическим?» или «Можно ли считать нетрудоспособную скотину недвижимым имуществом?» [22]. Среди перечисленных выше (а также не названных в статье) временных финансовых органов часть была создана по сигналу «сверху», другие же явились плодом инициативы губернских властей.

Появление в свободном обращении большой денежной массы и оживление финансовой жизни предполагали строительство или воссоздание целого ряда учреждений, отвечавших за контроль и мониторинг финансовой сферы, способной вести работу по кредитованию и страхованию. Одним из первых мероприятий такого рода на Вятской земле стала реорганизация Вятского губернского казначейства. Существовавшее ещё с 1917 г., а затем подвергшееся воздействию теории и практики «военного коммунизма», оно явно не справлялось с запросами, поставленными новой экономической политикой [23]. В дооктябрьский период его основной функцией было хранение и распределение губернского бюджета [24]. К 1920-м гг. часть этих функций была передана финансовым отделам городского и районных исполкомов (первый из них появился еще в 1918 г.) [25]. Ту же работу на подведомственных им территориях выполняли губернские и уездные финансовые отделы (губФО и уФО).

Хранение и обмен денежных знаков, а также их перечисление организациям и частным лицам теперь должно было принять на себя Вятское от-

деление госбанка РСФСР, созданное осенью 1921 г. и открывшееся для населения в феврале 1922 г. [26] За счёт упразднения казначейства была достигнута большая ясность в деле распределения финансов. Перераспределив прежние его функции, возложив их на другие учреждения, местная власть получила достаточно гибкий механизм, способный более оперативно реагировать на различные отрасли и проблемы финансовой жизни.

Кроме того, в январе – феврале 1922 г. были предприняты шаги по тесной координации действий региональных финансовых и плановых органов: финотдел губисполкома принял решение о введении в региональное отделение губплана финансовой комиссии в составе трёх специалистов из своего штата и одного представителя Госбанка [27]. Данная мера должна была способствовать более эффективному воздействию на ценовую обстановку в губернии, совершенствованию системы оплаты труда, а также – прогнозированию основных результатов проводимых реформ. В эти же месяцы 1922 г. в ведомстве губернского финансового отдела создается приходно-расходная касса (заведующий М. М. Латкин) – совершенно необходимая структурная единица в свете назревавшего отказа от системы централизованного распределения материальных благ и перехода на формирование бюджета за счёт финансовых поступлений с мест.

При кассе был сформирован контрольный орган – «комиссия по обревизованию ценностей», поступающих и хранящихся в губфинотделе. Членами ее стали заведующий губфинотделом, а также по одному представителю от губисполкома и Рабоче-Крестьянской инспекции [28]. С введением нэпа в регионах, в том числе и в Волго-Вятском регионе, восстанавливались налоговые службы – губернские налоговые инспекции при губпродкомах. Первоначально их главной, если не единственной, задачей был сбор продналога в деревне [29].

Помимо осуществляемых в «центре» и в регионах чисто организационных мероприятий, здесь следует упомянуть начало печатания в марте 1922 г. обеспеченных золотом банкнот, а с осени того же года – и золотых монет. Но для властей Вятской губернии в качестве непосредственного руководства к действию наибольшее значение имели все же вышеприведенные решения партийного съезда, ориентировавшие их на восстановление и развитие производительных сил, формирование налоговой системы, наведение порядка в области штатных расписаний, укрепление финансовых органов.

Что касается последнего, то «центр» потребовал от губернских руководителей существенного укрепления этих органов в кадровом отношении, причем особое внимание обращалось на полити-

ческую сторону вопроса. Так, секретарь ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев в циркулярном письме губернским комитетам партии от 23 августа 1922 г. писал, что перед аппаратом НКФина и его местными органами в ближайший период «стоит ряд чрезвычайно важных задач». Успех зависит от «наложенности технического аппарата губфинотделов и наличия в них достаточного количества партийных работников. Между тем в органах НКФ до сих пор работает чрезвычайно незначительное количество коммунистов. Меньше всего их в налоговых управлениях, на которые ныне ложится наиболее трудная и ответственная работа. Надо немедленно усилить аппараты финотделов партийными работниками как для постоянной работы, так и для выполнения временных заданий». К 15 сентября губфинотдел должен быть пополнен «не менее чем тремя партработниками губернского масштаба. До 15 сентября обсудить вопрос на президиуме губкома и о результатах сообщить Учраспреду ЦК» [30].

Коммунистов, владеющих хотя бы азами финансовой политики, остро не хватало, надо полагать, не только в Вятской губернии, поэтому ЦК РКП(б) несколько подкорректировал свои кадровые требования. 28 сентября за подписью секретаря ЦК В. М. Молотова губкомам партии была разослана телеграмма, в которой еще раз подчеркивались важность работы финансовых органов и опасность «засорения их социально чуждыми элементами из чиновников прежнего финансового ведомства, не могущими усвоить принципов советской финансовой политики». Но на сей раз ЦК предложил «вливать в финансовые органы возможно большее количество членов профсоюзов» (об исполнении доложить в шестинедельный срок) и потребовал немедленно сообщить о мерах по пополнению их членами РКП(б), ибо ранее назначенный срок 15 сентября уже истек [31]. Недели ранее всем губернским комитетам РКП было предложено освободить работников финансовых органов от массовых партийных мобилизаций [32].

Принцип сохранения ведущей роли партийных органов в области финансового строительства и особенно в кадровом вопросе соблюдался неукоснительно и дальше. 14 ноября 1922 г. налоговое управление Наркомата финансов республики направило на места циркулярное письмо (за подписью заместителя наркома М. Альского, ряда других лиц), в котором говорилось, что успешное проведение нового «курса финансово-экономической политики... может быть достигнуто только при установлении постоянного и вполне деятельного контакта между работой финорганов и губернских комитетов РКП» [33]. Именно губкому РКП(б), а также вятскому губернскому продкомиссару в конце ноября 1922 г. телеграм-

мой из центра (за подписью Молотова, Брюханова и Розенгольца) было предложено перевести 40 работников, занятых в продовольственных учреждениях, в финансовые органы в целях укрепления последних [34]. 18 декабря 1922 г. секретарь Вятского губкома С. А. Алыпов сообщил в ЦК об исполнении данного указания [35].

Следует признать, что в условиях острейшего кадрового дефицита выполнять кадровые установки было непросто, хотя губернские власти и делали для этого все возможное. В конце 1922 г. было обновлено руководство региональных финансовых ведомств. 8 декабря губком РКП(б) постановил: «Усилить финансовый аппарат, в том числе честными беспартийными спецами, убрав негодных. Снять Лалетина (начальник финансового подотдела налогового отдела губисполкома К. И. Лалетин к этому времени фактически спился. – В. Б. и С. Б.) и управляющего делами губернского финотдела [И. И.] Бабинцева, передав их в распоряжение губкома. В губфинотдел перевести Петухова» [36]. 40 работников финансового аппарата губернии, старые специалисты, стали получать оклады руководящих работников, что губернскому продовольственному комиссару А. Г. Богоявленскому представлялось ненормальным явлением. Но он же признавал, что иными методами «в связи с ударной работой их удержать трудно» [37].

Что же касается самого Богоявленского, то за этого ценного работника Вятским губкому РКП(б) и губисполкому пришлось бороться около года. Еще в дни работы X Всероссийского съезда Советов (декабрь 1922 г.), будучи его делегатом, ответственный секретарь Вятского губкома партии М. И. Миньков заручился обещанием заведующего Учраспредотделом ЦК РКП(б) С. И. Сырцева добиться санкции и согласия Наркомпрода на оставление Богоявленского заведующим Вятским губфинотделом. Однако у Наркомпрода были свои виды на Богоявленского, не исключался его перевод в другой регион, и месяц спустя вопрос о его дальнейшей судьбе оставался открытым, о чем писал в январе 1923 г. Миньков Сырцову и заведующему Орготделом ЦК Л. М. Кагановичу [38].

Выступая 3 февраля 1923 г. на расширенном пленуме Вятского губкома, М. И. Миньков оптимистично заявлял: «В интересах дела сделан ряд перемещений ответственных работников в отделах губисполкома... в губфинотдел командирован сильный работник Богоявленский, и мы видим, что финансовая работа тоже налаживается» [39]. Впрочем, ввиду неопределенности ситуации, Богоявленский на этом этапе совмещал две весьма ответственные должности и еще в мае 1923 г. подписывал документы как губернский продкомиссар [40]. И лишь в декабре 1922 г. находившиеся в командировке в Москве вятские

работники Машков и Чернин телеграфировали в Вятку: «Вопрос о Богоявленском улажен» [41].

Кадровая политика Москвы в кадровом вопросе была довольно противоречива. Требуя от руководителей нищей в кадровом смысле Вятской губернии укрепления финансовых органов, она между тем нередко «выкачивала» в центр ценных работников. Пример с Богоявленским (к тому же завершившийся для губернии благополучно, что случалось не всегда) далеко не единственный. Так, в конце августа 1922 г. Наркомфин, добываясь поддержки ЦК РКП(б), пытался забрать в свой штат или перевести в одну из более южных губерний заведующего Котельничским уездным финансовым отделом Н. Н. Шутихина. На запрос ЦК ответственный секретарь и зав. общим отделом Вятского губкома партии ответили однозначно: «При крайнем недостатке финработников в губернии и имея в виду необходимость крепкого аппарата финорганов, признать откомандирование Шутихина Н. Н. невозможным» [42].

20 марта 1923 г. Миньков жаловался в ЦК РКП: «Фракция Всероссийского Сельскохозяйственного союза пытается снять с должности с большими трудностями отвоёванного губкомом председателя губернско-сельскохозяйственного кредитного Союза Груздева. Снятие влечет развал Союза. Губком категорически настаивает на оставлении Груздева в Вятке» [43]. Накануне (19 марта) заведующий губерньским земотделом Н. С. Веселков сообщил М. И. Минькову, что Груздева собираются «перевести» в Крым для работы в сельскохозяйственной кооперации и что с его отъездом «дело в Кустселькредитсоюзе замрет; без него работа там невысказима. Другого подходящего равноценного товарища губком едва ли найдет» [44].

Однако предпринятого демарша оказалось недостаточно, и 7 мая 1923 г. Миньков телеграфировал генеральному секретарю ЦК И. В. Сталину: «Вятский губком категорически протестует против разрушения Губсельсоюза и Губсоюза, ибо отзывом Груздева и Зыкова таковые будут сведены на нет. Вопрос решен без согласия губкома и учета положения кооперации губернии...» [45] Это также не помогло, и 8 октября секретарь ЦК В. М. Молотов уточнял, отправлен ли Груздев в распоряжение Сибирского бюро ЦК. К этому времени сопротивление Вятского партийного руководства было преодолено и ответ его был лаконичен: ждем ему (Груздеву. — В. Б. и С. Б.) замену [46].

В этой непростой кадровой ситуации более или менее серьезно к наведению порядка в области финансов руководство Вятской губернии приступило с конца лета 1922 г., когда, по свидетельству заместителя председателя губисполкома Советов Г. М. Лопатина, начались составление смет,

системная фиксация доходов и расходов [47]. Изыскивались варианты сокращения последних. В своем выступлении на расширенном пленуме Вятского губкома РКП(б) 3 февраля 1923 г. Лопатин, не вдаваясь в детали, заявил о проведенном сокращении штатов во всех отделах губисполкома [48]. Аналогичная работа еще годом ранее началась и в уездах: до середины марта 1922 г. в Яранском уезде было уволено по сокращению штатов 158 служащих, в Слободском — 142, в Советском — 146, в Орловском — 41 [49].

«Урезанию» подверглись расходы на систему народного образования. Наиболее тяжелым периодом для нее в Вятской губернии оказалось лето 1922 года, в первую очередь по причине перехода с республиканского на местные бюджеты. По свидетельству заведующего губернским отделом народного образования (губОНО) А. П. Трапезникова, в наибольшей степени пострадали учреждения политико-просветительной работы, их осталось менее 5% от первоначального числа. В этом ряду к августу полностью исчезли пункты и курсы по ликвидации безграмотности и избы-читальни [50].

Но экономия на общеобразовательных школах все же была относительной, их спасали объединенными усилиями властей и местных жителей. На долю губернского отдела народного образования до конца 1922 г. приходилось 20% местного бюджета, с весны 1923 г. отпуск средств был доведен до 30%. При этом 642 школы из 856 были взяты населением на содержание посредством самообложения [51]. Существенно возросла нагрузка на губернскую казну и в связи с передачей с федерального на местный бюджет милиции, детских домов, клубов [52]. Необходимые траты на строительство и поддержание в приличном состоянии дорог оценивались в триллионы рублей (совзнаками), что, естественно, было совершенно «не по карману» местным Советам и их исполкомам. Правда, часть дорог все же осталась на государственном бюджете [53], что смягчало ситуацию, но отнюдь не решало проблему.

Доходная часть бюджета формировалась трудно и медленно. Важнейшим источником доходов губернского бюджета, по крайней мере с начала 1922 г., по логике вещей становились местные налоги, к числу которых относился и переводимый по инициативе правительства страны на денежную основу трудо-гужевой налог на крестьянство. Еще в январе 1922 г. циркулярным письмом Наркомат труда напоминал губкомам партии о «колоссальной политической важности» проведения в жизнь декрета Совнаркома о трудгужналоге. Предлагалось назначать в губерниях чрезвычайных уполномоченных губкомов и губисполкомов, работающих в тесном контакте с заведу-

ющими отделов труда. Для крестьян допускалась замена трудовой повинности по сути «натуральными взносами» [54].

Руководство Наркомфина трансформации трудгужналога также придавало самое серьезное значение, в том числе и в плане изживания противоречия, которое Г. Я. Сокольников в докладе на X Всероссийском съезде Советов (декабрь 1922 г.) сформулировал следующим образом: «...основные наши ресурсы получают от продналога в натуральной форме, а основные наши расходы производятся в денежной форме» [55]. Месяцем ранее в письме Наркомфина в Вятскую губернию местным финансовым ведомствам предлагалось обратить особое внимание на «энергичное проведение денежной замены трудгужналога» [56].

Вятские власти разворачивались неспешно, и в губернии к замене трудгужналога приступили с 1 января 1923 г., причем и месяц спустя передача этого дела финансовому ведомству еще только планировалась [57]. Однако и тогда сбор налогов в денежной форме в регионе оставался трудноразрешимой проблемой. Поэтому в феврале губернские партийные власти ходатайствовали перед центром о разрешении введения смешанных форм трудгужналога (в форме отработок. – В. Б. и С. Б.) с денежным [58]. Впрочем, и в Москве в этом вопросе полной ясности не было. По этому поводу из ЦК РКП(б) в конце поступила информация: вопрос о сборах с сельского населения (в денежной или натуральной форме, а также – о размерах денежной и натуральной частей по территориям) находится в стадии обсуждения [59]. В этом частном факте отразилась и более общая проблема: хотя еще во второй половине 1922 г. была осуществлена определенная унификация налогообложения и ряд поборов, главным образом натурального характера, заменили единым сельскохозяйственным налогом, тем не менее система налогообложения в стране оставалась к этому времени крайне сложной и запутанной, а фискальное «творчество» местных руководителей (о «налогомании» говорилось в докладе губисполкома на расширенном пленуме губкома партии в начале февраля 1923 г.) запутывало ее еще больше [60].

Первым чисто денежным был введенный в 1921 г. промысловый налог, однако особыми успехами в его сборе ответственные за него на местах финансовые инспектора по ряду причин похвалиться не могли. В целом же на протяжении 1921–1922 гг. сложились две параллельные фискальные системы – денежная по линии финансовых органов и натуральная в ведомстве Наркомпрода. Соответствующее распределение ролей произошло и в Вятском губернском финансовом отделе, где натуральными доходами

ведал «управляющий госдоходами», а с января 1922 г. дополнительно была учреждена должность завналогами, на чьи плечи легла обязанность заниматься налогами денежными. На это место был назначен бывший фининспектор 3-го участка города Вятки Л. И. Софийский [61]. Промежуточное положение между натуральными и денежными налогами занимал вышеупомянутый трудгужналог, сбором которого занимались губернские и уездные органы Наркомата труда [62].

Не менее, а в перспективе и более важной, чем налоги, статьей местного бюджета должны были стать доходы от государственных торговых и промышленных предприятий. Однако даже в начале февраля 1923 г. от имени губернского исполкома Советов было официально заявлено, что «к регулированию и изучению промышленности пока не приступали», что она, включая и такую тесно связанную с рынком и не нуждающуюся в больших вложениях отрасль, как спичечная, «переживает перебои» [63]. На этапе 1921 – начала 1923 г. акцент явно делался на более доступных, хотя и менее значимых источниках дохода. В частности, была введена плата за школьное обучение. Ранее упомянутый Г. М. Лопатин на заседании губкома РКП(б) утверждал, впрочем, что платность эта «проводится исключительно за счет состоятельных элементов» [64].

При таком положении дел губерния, естественно, не могла обойтись без субсидий центра и получала таковые. Но делалось это на возмездной основе. В телеграфном послании Наркомфина в Вятку от 26 ноября 1922 г. говорилось о том, что открываемые губернии в декабре кредиты «подлежат полному покрытию доходными поступлениями» и что высылка денежных знаков из центра «будет иметь место в исключительных случаях» [65]. В финансовой политике центра приоритетным было безналичное кредитование регионов, в чем лишний раз убедился (и о чем он извещал губернское руководство) командированный в мае 1923 г. в Москву вятский посланец Решетников [66].

Впрочем, и на этом этапе финансовое кредитование пока еще сочеталось с централизованным распределением материальных ценностей, и в середине того же месяца в Вятку был не только переведен чековый кредит на расходы по учету в сумме 460 тысяч рублей, но и направлены 460 пудов бумаги, а также обещано в начале июня выделить 100 тыс. пудов муки [67]. Сочетание натурального хозяйствования с товарно-денежным, рыночного распределения с централизованным снабжением вполне объективно отражали и незрелое состояние финансовой системы, завершавшей к середине 1923 г. начальный этап своего реформирования.

Одним из показателей промежуточного состояния экономики являлась и сохранявшаяся (хотя и в меньших, чем прежде размерах) система пайкового снабжения части населения. В Вятской губернии к ней относились служащие партийных и советских органов, работники железнодорожного транспорта, военнослужащие... Как принцип: натуральная оплата труда сочеталась с денежной.

Так, губернскому комитету РКП(б) и уездным партийным органам (в общей сложности 358 штатных единиц) в марте 1922 г. было выделено для оплаты труда около 1 млрд 78 млн рублей (или же 7 185 руб. в золотом исчислении), из коих 286 млн 619 тыс. руб. составляли стоимость входивших в пайковое снабжение продуктов, прочее выдавалось дензнаками [68]. (По грубым прикидкам золотой рубль был в это время эквивалентен примерно 150 тысячам совзнаков.)

На пайковом снабжении находились и некоторые категории учащихся. Например, обучавшиеся в школах ФЗУ еще и в начале осени 1923 г. получали по карточкам ежемесячно: 1,5 пуда муки, 15 фунтов мяса, 2,5 фунта масла, 30 фунтов овощей, 12 фунтов крупы и 3 рубля денег (в золотом исчислении) [69]. А вот студентам рабфака постановлением Совнаркома от 19 мая 1922 г. была установлена единая денежная стипендия, равная «среднему размеру заработка 6-го разряда [единой тарифной сетки] для предприятий третьей группы» [70]. Совершенно несовместимая с набиравшими силу товарно-денежными отношениями пайковая система продержалась почти до середины осени 1923 г. 29 сентября Управление делами ЦК РКП(б) довело до сведения Вятского губкома партии о том, что «согласно постановлению СТО и союзного Совнаркома отпуск продуктов госснабжения всем учреждениям, находящимся на госснабжении, будет прекращен с 1 октября 1923 года» [71].

Примечания

1. Сокольников Г. Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 104, 106.
2. Декреты Советской власти. М., 1989. Т. 15. С. 246.
3. Вятская правда. 1921. № 90–98.
4. Сокольников Г. Я. Указ. соч. С. 62, 106–108.
5. Там же. С. 79, 111, 113–114, 116.
6. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее ГАСПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 391. Л. 9, 109.
7. Там же. Л. 14.
8. Там же. Л. 18, 180б.
9. Там же. Л. 37об.
10. XI съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1961. С. 539, 543.
11. Там же. С. 302.
12. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р.-890. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.
13. Там же. Л. 4–6.

14. Там же. Л. 26.
15. Там же. Л. 29.
16. Там же. Л. 35.
17. ГАКО. Ф. Р.-340. Оп. 1. Д. 156. Л. 107.
18. Там же. Д. 256. Л. 10.
19. Там же. Д. 255. Л. 39.
20. См.: Поздеев П. В. Формирование системы управления промышленностью Вятской губернии в 1917–1929 годах. Киров, 2006. С. 57–58, 172–173.
21. Там же. С. 62.
22. ГАКО. Ф. Р.-340. Оп. 1. Д. 255. Л. 4.
23. ГАКО. Ф. Р.-381. Оп. 1. Д. 17. Л. 60.
24. Там же. Л. 2.
25. ГАКО. Ф. Р.-342. Оп. 1. Д. 49.
26. Загвоздкин Г. Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров, 1995. С. 363.
27. ГАКО. Ф. Р.-340. Оп. 1. Д. 256. Л. 10–11.
28. Там же. Д. 257. Л. 42.
29. Измestъева М. А. Налоговая служба в Нижегородской губернии в 1921–1929 гг. // Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов, 2002 г. Киров, 2003. Ч. 1. С. 111.
30. ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 228. Л. 108.
31. Там же. Л. 114.
32. Там же. Л. 115.
33. Там же. Д. 229.
34. Там же. Д. 227. Л. 255; Д. 239. Л. 132об.
35. Там же. Д. 228. Л. 137.
36. Там же. Д. 239. Л. 142, 142об.
37. Там же.
38. Там же. Д. 394. Л. 2.
39. Там же. Д. 399. Л. 2.
40. Там же. Д. 394. Л. 64.
41. Там же. Д. 394. Л. 155.
42. Там же. Д. 228. Л. 88–89; Бакулин В. И. Трудный переход от войны к миру: Вятская губерния в 1920–1921 гг.: в 2 кн. Кн. 2: 1921 год. Киров, 2009. С. 110–111.
43. ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 394. Л. 39.
44. Там же. Л. 38.
45. Там же. Л. 61.
46. Там же. Л. 119.
47. Там же. Д. 399. Л. 12–12об.
48. Там же. Л. 13.
49. Там же. Д. 228. Л. 20.
50. Там же. Д. 239. Л. 150об., 151, 151об.
51. Там же. Д. 399. Л. 12.
52. Там же. Л. 3, 13.
53. Там же. Л. 12, 12 об.
54. Там же. Д. 226. Л. 40, 40об.
55. Сокольников Г. Я. Указ. соч. С. 122.
56. ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 228. Л. 125.
57. Там же. Д. 399. Л. 12.
58. Там же. Л. 25.
59. Там же. Д. 394. Л. 43.
60. Там же. Д. 399. Л. 11.
61. ГАКО. Ф. Р.-340. Оп. 1. Д. 257. Л. 3.
62. Измestъева М. А. Указ. соч. С. 112.
63. ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 399. Л. 12, 12об.
64. Там же. Л. 11.
65. Там же. Д. 228. Л. 125.
66. Там же. Д. 394. Л. 66.
67. Там же.
68. Там же. Д. 391. Л. 12.
69. Там же. Д. 394. Л. 137об.
70. Там же. Д. 391. Л. 19.
71. Там же. Д. 394. Л. 121.

А. В. Мамаев

**БОЛЬШЕВИКИ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ
УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ
в 1918 г.: ОПЫТ г. ВЯТКИ**

В статье изучаются организационные изменения, которые претерпевали органы управления хозяйством города в 1918 г. Удалось выяснить, что в тот период имели место три попытки реорганизации управления городским хозяйством Вятки, первые две показали нежизнеспособность. Создание Вятской городской коммуны означало возврат к идее о существовании особого муниципального хозяйства, хоть и подконтрольного Совету.

The article examines the organizational changes that underwent authorities of city economy in 1918. The author found that there were 3 attempts to reorganize governance of city economy in Vyatka in 1918, the first two showed non-viability. Creating Vyatka city commune meant a return to the idea of the existence of a special municipal economy, although controlled by the Soviets.

Ключевые слова: городское хозяйство, муниципалитет, коммуна, Вятка, большевики, управление, самоуправление.

Keywords: city economy, municipality, commune, Vyatka, Bolsheviks, governance, self-government.

Приход к власти большевиков как в центре, так и на местах происходил в сложнейшей политической обстановке. В первое время представители РСДРП(б) старались в минимальной степени вмешиваться в деятельность хозяйственных органов местного самоуправления, ограничиваясь требованиями официального признания ими советской власти. Если государственный аппарат в соответствии с большевистскими идеями подлежал коренной ломке, то четкой концепции, что делать с органами самоуправления в думской форме, не было. Тем не менее в 1918 г. большевики вынуждены были озаботиться вопросами реорганизации управления городским хозяйством. Жёстких практических указаний по этим вопросам центр в регионы тогда не направлял, предоставляя значительную творческую свободу местам. В связи с этим интересно изучение практического опыта, приобретенного в российской провинции, особенно в городах, через которые не пролегли фронты Гражданской и Первой мировой войн, так как это позволяет рассмотреть процесс последовательно, целостно, без разрывов. В качестве примера в исследовании рассматривается губернский город Вятка, не промышленный, административный центр преимущественно крестьянской губернии.

В конце 1917 г. многое во взаимоотношениях взявших власть Советов и городских дум зависело от текущей политической обстановки на местах, степени радикализма местных социалистических лидеров, наличия у них твёрдой вооружённой опоры. Суть борьбы лежала в политической сфере, в результате столкновений ликвидировалась не сама система городского самоуправления в думской форме, а распорядительные органы самоуправления отдельных городов, по решению местных советских органов, под влиянием острой политической борьбы. Вместо распущенных составов должны были быть избраны новые, способные бесконфликтно взаимодействовать с Советами, принявшие рамки новой политической системы. «Взять область земской работы, самоуправления, суда – картина одна и та же. Нужны в соответствии с новыми задачами, новые силы, новые люди...» – отмечалось в печатном органе большевистского Вятского совета в январе 1918 г. [1]

В г. Вятке после установления власти большевиков состав муниципалитета остался прежним, его взаимоотношения с Советом не складывались. Лишённые значительной части своих полномочий и состоявшие из представителей политических партий, жёстко оппонировавших пришедшим к власти радикальным социалистам, органы городского самоуправления находились в состоянии полураспада и хронического кризиса. С проведением новых выборов возникли трудности. В таких городах Вятской губернии, как Вятка, Котельнич, проведение новых выборов на демократической основе сулило большевикам и левым эсерам проигрыш. Возникало противоречие между прагматической целью удержаться у власти, и принципиальным подходом – сохранением демократизма как одной из значимых ценностей социалистической идеологии.

В первые месяцы после прихода большевиков к власти практический опыт на местах показал, что встроить систему органов городского самоуправления в думской форме в советскую систему большевистских органов власти без серьёзной трансформации первых было нельзя.

Учредительное собрание вновь обострило противоречие между социалистической идеологией и прагматизмом. Победили прагматические расчёты, в противном случае радикальные социалисты утрачивали власть. После роспуска верховного общедемократического органа и окончательной победы принципа классовости при построении органов власти судьба демократических органов городского самоуправления была предопределена. Начался поиск путей трансформации органов управления городским хозяйством.

Вятский Совет принял принципиальное решение о необходимости ликвидировать Вятскую

городскую думу 27 января 1918 г.: в своей резолюции общее собрание Совета постановило: «Городское самоуправление, как таковое, упразднить, переведя все его отделы в соответствующие отделы Совета», начался процесс передачи документации, переговоры со служащими самоуправления [2]. Исполкому было поручено собрать все статистические данные о городском хозяйстве, на основании их составить и представить на следующее общее собрание декрет о переходе городского самоуправления в руки Совета.

Член президиума Вятского совета П. П. Капустин, на которого была возложена организационная работа, в качестве причин слияния городского самоуправления и советской организации назвал «обстоятельства жестокой необходимости»: противодействие думы новой власти и забастовку муниципальных служащих и рабочих, что вызвало необходимость вмешательства Совета в дело городского управления. В результате появилось две организации – думская и советская, обладавшие одними и теми же функциями. Объединение муниципальных полномочий в руках Совета было обусловлено потребностью преодолеть такое разделение. Заявив, что «дело городского самоуправления – не партийное дело, дело не одних большевиков – это дело всего честного мыслящего человечества», П. П. Капустин сделал вывод: «...При содействии масс – рабочих, солдат, крестьян – я уверен, мы справимся» [3].

26 февраля исполком Вятского городского Совета принял проект постановления о переходе самоуправления в свои руки [4]. 7 марта 1918 г. общее собрание горсовета одобрило роспуск думы [5]. Все служащие самоуправления оставались на своих местах, законодательные функции думы передавались Совету, а исполнительные по городскому хозяйству – Коллегии по самоуправлению, которая находилась на положении одного из отделов Совета. В Коллегию должны были войти три представителя от Совета, которым принадлежала руководящая роль, а также три представителя бывшей городской управы и муниципальных служащих. Заведующие городскими отделами были подотчётны Коллегии, а сама Коллегия по самоуправлению должна была давать отчёты исполкому Совета [6].

В состав Коллегии были включены бывшие члены управы эсер А. В. Крассов, возглавлявший отдел народного образования, меньшевик С. А. Мотошков, заведовавший медико-санитарным отделом, однако решающей роли там они не играли [7]. Как констатировал в своём докладе в НКВД в начале 1920 г. являвшийся в то время председателем горсовета П. П. Капустин, «товарищи, поставленные Исполкомом во главе бывшей городской управы, в большинстве были

лица малоопытные, а без поддержки ответственных руководителей и служащих немыслимо было им что-либо сделать в смысле поднятия хозяйства» [8].

27 марта 1918 г. было принято предложение члена совета П. П. Капустина соединить кассы городского самоуправления и Совета, слить городское самоуправление с Советом [9]. Под этим понималось намерение не только объединить Совет и муниципалитет организационно, но и функционально: распределить полномочия самоуправления между всеми отделами Совета, растворив, таким образом, муниципальную организацию в советской.

В соответствии с объявленным курсом на слияние муниципальной и советской организаций и под давлением со стороны совнархоза на заседании президиума Вятского городского Совета 6 июня 1918 г. совместно с представителями городской коллегии было решено расформировать орган самоуправления – Коллегию, передав отделы народного образования, призрения, записей браков, рождений и смертей, юридический из круга ведения коллегии в непосредственное ведение городского исполкома, переименовав отдел призрения в отдел социальной помощи. Коллегию же, за которой оставались хозяйственные функции управления городскими предприятиями и благоустройством, было решено переименовать в Совет городского хозяйства и передать в ведение СНХ [10]. Руководящий состав муниципального отдела остался прежним.

Процесс передачи отделов затянулся и в конце лета 1918 г. был далек от завершения. Как сообщал Вятский городской Совет в НКВД, по состоянию на 1 августа 1918 г. в состав Совета городского хозяйства по-прежнему входили 13 подотделов, в том числе народного образования, призрения, медико-санитарный. Кроме этого действовали секретарский, бухгалтерский, квартирный, технико-строительный отделы, отдел записей браков, предприятий, административно-хозяйственный, юридический, народных развлечений, земельный [11].

Вятский губернский совнархоз летом 1918 г. озаботился реформированием управления муниципальным хозяйством Вятки. На первом Вятском губернском съезде Советов народного хозяйства 6 августа 1918 г. с проектом реорганизации управления муниципальным хозяйством выступил заведующий экономическим отделом Вятского городского Совета К. Петкевич. Согласно предложенному проекту от земских и городских органов хозяйственные функции переходили в ведение соответствующих районных совнархозов, которые должны были быть организованы в течение месяца. Особенностью было то, что управление и городским и земским хозяйством объе-

динялось в руках одного органа, который должен был действовать в интересах «гегемонии пролетарских промышленных центров и города над кулацкой деревней». Проект К. Петкевича был принят. Присланный ЦК РКП(б) большевик О. Алексакис отмечал, что при принятии решения о создании райСНХ преследовались в первую очередь политические цели: «...сохранение за городским пролетариатом руководящего влияния в развитии социалистического хозяйства» [12].

Ведущую роль в новом органе стал играть избранный исполкомом Вятского городского Совета председатель коллегии райСНХ Казимир Петкевич, 25-летний коммунист родом из Белоруссии, указавший в качестве своей профессии «литератор», а также его заместители П. Г. Фалалеев, местный коммунист, слесарь с низшим образованием, и М. Бабалов, 29-летний коммунист, печатник с низшим образованием [13]. Однако организационно разорвать муниципальное хозяйство литератору и слесарю быстро не удалось. Хотя отделы народного образования, медико-санитарный и социального обеспечения были выделены из состава райСНХ, но сохранение единой, муниципальной сметы делало вынужденным сохранение между ними тесных связей: в сентябре 1918 г. была создана совместная финансовая комиссия [14].

Процесс передачи муниципальных функций в райСНХ был быстро прерван, что было связано с чрезмерным радикализмом председателя районного совнархоза. К. Петкевич решил форсировать национализацию торговли, но встретил противодействие со стороны прибывших в Вятку представителей центра: члена ВСНХ Плотникова и бывшего члена президиума ВСНХ, члена ЦК РКП(б) Г. Я. Сокольников. Плачевными оказались и первые итоги его действий по ликвидации частной торговли. 30 сентября К. Петкевич фактически был отстранён от повседневного управления делами Вятского райСНХ, которые перешли к новому председателю райСНХ, прибывшему из Уфы в эвакуацию после её захвата антибольшевистскими силами члену Уфимского комитета РКП(б) Б.Н. Нимвицкому, и был отправлен в уезд для организации в волостях экономических отделов.

Муниципализация торговли была отменена. Между К. Петкевичем и Б. Н. Нимвицким сразу возник конфликт. Суть спора состояла в разногласиях о том, по какому принципу должны были быть реорганизованы подотделы: по выполняемым функциям или по производствам. На объединённом собрании представителей фабзавкомов, профсоюзов, организации служащих райСНХ, членов исполкома Вятского горсовета 9 октября 1918 г. Б. Н. Нимвицкий предложил

реорганизовать райСНХ по производствам, а «задачи чисто по городскому самоуправлению выделить в отдельное коммунальное хозяйство». К. Петкевич раскритиковал взгляды Б. Н. Нимвицкого, отметив, что при организации СНХ по производственному принципу в новых отделах некому будет работать: «...Сейчас фактическую работу ведут приезжие люди, а как они уедут, работа может вовсе захиреть» [15]. Ввиду разногласий Б. Н. Нимвицкий попросил отставки, но встретил поддержку со стороны городского Совета. Член исполкома Совета И. В. Попов заявил о необходимости обратить серьёзное внимание на муниципальное хозяйство: «...синдицирование почти насильственным путём разных производств весьма неправильно, всё хозяйство райСНХ не выдерживает никакой критики». Отмечались громоздкость и бюрократизм совнархоза: «...за каким-либо делом в райСНХ приходится ходить несколько раз и не получая никакого ответа...» [16].

В итоге большинством голосов (45 против 2 при двух воздержавшихся) был принят план реорганизации, предложенный Б. Н. Нимвицким [17]. 15 октября 1918 г. проигравший К. Петкевич объявил об уходе со службы в райСНХ [18]. Вскоре в связи с возвращением под контроль большевиков Уфы пришлось покинуть Вятку и Б. Н. Нимвицкому [19].

Опыт передачи городского хозяйства в ведение СНХ и слияния его с государственным хозяйством, как находившимся в городе, так и в уезде, был признан неудачным. В начале ноября 1918 г. городское хозяйство г. Вятки было выделено из состава райСНХ в особый орган – Вятскую городскую коммуну, подчинявшуюся городскому Совету. П. П. Капустин объяснял это тем, что задачи райСНХ сводились «главным образом к регулированию и развитию промышленной жизни района» [20]. После перехода муниципальных функций от райСНХ к Вятской городской коммуне районный совнархоз сохранил за собой функции управления национализированными предприятиями, расположенными в городе и уезде. 15 февраля 1919 г. по решению губернского СНХ райСНХ был ликвидирован окончательно, а его функции перешли к губернскому совнархозу [21].

Идея создания городских коммун в то время поддерживалась руководством НКВД. Целью созданной Вятской городской коммуны объявлялось «ведение городского хозяйства г. Вятки и всестороннее обслуживание интересов и потребностей населения на коммунистических началах, постепенное вытеснение частных аппаратов, приспособленных для этой цели аппаратами коммунальными, содействие упрощению и облегчению функций индивидуальных хозяйств, иными словами,

постепенное превращение капиталистически-мещанского города в город-коммуна». Непосредственное управление делами муниципалитета-коммуны возлагалось на пленум, избиравшийся на 6 месяцев, собиравшийся раз в 2 недели и состоявший из 9 представителей горсовета, по одному – от президиума райСНХ, Совета профсоюзов, Союза служащих и рабочих коммунальных учреждений и предприятий [22]. Вятская городская коммуна делилась на отделы (помимо общего и бухгалтерского): жилищный, земельный, продовольственный, городских предприятий и технико-строительный [23].

В 1918 г. имели место три попытки реорганизации управления городским хозяйством Вятки: на первом этапе управление муниципальным хозяйством предполагалось раздробить между отделами городского Совета, на втором – передать в руки государственного городского СНХ, а затем – слить городское хозяйство с районным. Обе попытки в тех условиях показали свою нежизнеспособность. Создание в конце 1918 г. коммунального отдела – Вятской городской коммуны – означало на практике возврат к идее о существовании особого, муниципального хозяйства, которое должно было сохранить единство в плане организации, управления.

Процесс создания коммунальных отделов в рамках местных Советов происходил в конце 1918 г. довольно широко. Осенью 1918 г., накануне предполагавшегося съезда представителей коммунальных отделов, Отдел местного хозяйства НКВД разослал в города анкету с вопросами об организации и деятельности коммунальных отделов на местах. Полученные данные позволяют представить в целом картину организации управления муниципальным хозяйством в России к концу 1918 г. Анализировавший данные анкеты сотрудник журнала «Власть Советов» Ю. Михайлов пришёл к выводу, что наиболее активно процесс создания коммунальных отделов происходил с декабря 1918 г.

Из имевшихся 95 ответов отделы коммунального хозяйства в составе городских советов функционировали в 22 городах (23% от общего числа ответивших на этот вопрос отделов), в составе совнархозов находилось 32 отдела местного хозяйства (34% от ответивших отделов), в составе губернских или уездных исполкомов действовал 41 коммунальный отдел (43%). Отмечалось многообразие названий муниципальных отделов, но, как замечал Ю. Михайлов, «при всём новшестве наименований – старина в них слышится, старина, вообще говоря, – сущности работ прежних буржуазных городских самоуправлений».

Основными предметами ведения коммунальных отделов, согласно результатам анкеты, яв-

лялись жилищное дело, благоустройство, предприятия общего пользования, сельскохозяйственное и похоронное дело, реже – распределение продовольствия, предметов первой необходимости, топлива. Ю. Михайлов отмечал, что за рядом исключений муниципальные производственные предприятия перешли от муниципальных отделов к совнархозам. Из 24 ответов о разграничении функций с другими отделами в шести ответах указывалось, что коммунальный отдел ведал делами, которыми ведало городское самоуправление в думской форме, за исключением выделившихся из муниципальных отделов вопросов медицины, народного образования и т. д. На основе полученных материалов Ю. Михайлов констатировал, что «разграничение функций – большое место у многих коммунальных отделов». Отделы коммунального хозяйства, действовавшие при советах или исполкомах советов, наибольшие трения и параллелизм испытывали с совнархозами [24].

Если в политической сфере после прихода к власти на местах большевиков городским Советам формально довольно быстро удалось занять то место, которое в 1917 г. готовилось для городских дум – роль органов, объединявших государственную власть и самоуправление на местах, то воспринять и творчески трансформировать хозяйственное наследие «буржуазных» муниципалитетов, как показывает в частности и опыт г. Вятки, у городских советов сразу не получилось. Это ярко проявилось в виде возникновения и второго рождения на основе санкции сверху в конце 1918 г. особых коммунальных отделов, подчинённой Советам или совнархозам автономной муниципальной организации, концентрировавшей в своих руках основные функции, которые прежде выполняли самоуправления в думской форме.

Фактически основные хозяйственные функции самоуправлений оказались в руках не избираемого, а назначаемого советами отдела, делившегося в свою очередь на подотделы. В назначаемости руководства муниципальных организаций было много положительных моментов, особенно выгодно смотрящихся на фоне того, что было в 1917 г. Городское хозяйство было выведено из сферы борьбы партий, хотя влияние радикально понимаемой социалистической идеологии оставалось определяющим. Отдалённая от полей политических битв муниципальная организация могла начать отход от использования популистских, вводимых вынужденно, под внешним давлением, мер, к чему приходилось прибегать демократическим муниципалитетам, в сторону прагматичных действий. Созданную в рамках Советов муниципальную организацию нельзя назвать «правительственной канцелярией». Она была

подчинена и формировалась избиравшимся на прямую местным населением по территориальному принципу городскими советами, имевшими круг определённых центров полномочий для самостоятельных действий, свою финансовую базу, на основе муниципальной, отделённую от государственного бюджета.

Ситуация Гражданской войны и крайнего истощения материальных и людских ресурсов привела к отходу вопросов организации мирной жизни на местах на второй план, усилению централизации. Коммунальные отделы всё в большей степени подчинялись распоряжениям «центра», нежели местного Совета. После окончания Гражданской войны центральная власть была вынуждена вновь вплотную заняться вопросом реорганизации управления городским хозяйством на советских началах.

Примечания.

1. Вятская правда. 1918. 14 янв.
2. Вятская правда. 1918. 30 янв.
3. Вятская правда. 1918. 30 янв.
4. ГАКО. Ф. Р.-897. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 51–53.
5. Вятская правда. 1918. 9 марта.
6. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: сб. документов. Киров, 1957. С. 263–264; Вятская правда. 1918. 9 марта.
7. Вятская правда. 1918. 9 марта.
8. ГАРФ. Ф. Р.-4041. Оп. 1. Д. 48. Л. 67.
9. ГАКО. Ф. Р.-897. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 60, 65–65об., 70.
10. Известия Вятского губисполкома. 1918. 8 июня.
11. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 107. Л. 142.
12. Вятское народное хозяйство. 1918. № 4–5. С. 38–40.
13. ГАКО. Ф. Р.-897. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 193об., 203; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 107. Л. 161об.
14. ГАКО. Ф. Р.-897. Оп. 1. Д. 6. Л. 68–69об.
15. Там же. Д. 4. Л. 66–66об.
16. Там же. Д. 6. Л. 81–81об.
17. Там же. Д. 9. Л. 27–28об.
18. Там же. Д. 5. Л. 364об.
19. Там же. Д. 1-а. Л. 220.
20. Там же. Д. 4. Л. 81.
21. Вятское народное хозяйство. 1919. № 5. 1 марта.
22. ГАКО. Ф. Р.-897. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.
23. Там же. Д. 48. Л. 28–28об.
24. Власть Советов. 1919. № 8–9. С. 3–6.

УДК 378(470.344)«1941/1945»

С. А. Сергеев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШИИ)

Испытанием на жизнеспособность системы высшего образования Чувашии явилась Великая Отечественная война. Обстановка военного времени предъявила повышенные требования к работе высшей школы республики. Трудности военного времени не снимали с повестки дня основную задачу, стоявшую перед высшей школой Чувашии, – подготовку высококвалифицированных кадров и научно-исследовательскую деятельность.

The article is devoted to the problem of higher education in Chuvashia during the Great Patriotic war. The situation of that time increased the demand for higher education in the Republic. In spite of the difficult war situation there was an important problem of the institutions of higher education in Chuvashia – to prepare high qualified staff and to organize research work in the Republic.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, учебный процесс, студенчество, научно-исследовательская работа, материальная база.

Key words: the Great Patriotic war, educational process, students, research work, material base.

В период преобразований в современном российском обществе особую актуальность приобретает деятельность высших учебных заведений в экстремальных условиях военного времени. Обобщение опыта подготовки кадров в Великой Отечественной войне позволяет взять все ценное и положительное для модернизации образования. Помимо научной значимости данная работа имеет и патриотическую направленность. Кроме того, функционирование высшей школы Чувашии представляет научный интерес для всех, кто занимается изучением истории регионов в годы Великой Отечественной войны.

Нами изучены имеющиеся по теме исследования данные Государственного исторического архива, сборники документов и периодическая печать. В ходе исследования использованы проблемно-хронологический и описательные методы в сочетании с принципами объективности.

До начала Великой Отечественной войны в республике функционировали педагогический и сельскохозяйственный институты. В августе 1940 г. на заседании бюро Чувашского обкома ВКП(б) после рассмотрения вопроса «О комплектовании институтов Чувашской АССР профессорско-преподавательскими кадрами» было отмечено, что комплектование институтов профессорско-препо-

давательским составом соответствующей квалификации осуществляется неудовлетворительно. Так, в пединституте не было принято дополнительных мер по созданию условий для повышения квалификации преподавательского состава: нет ни одного профессора, а на 50 вакантных должностей доцентов имеется лишь 12 кандидатов наук [1]. Дирекция института самоустранилась от руководства подготовкой научных кадров. В сельхозинституте средства, отпущенные на научные командировки, не использовались.

Великая Отечественная война привела к серьезным изменениям в непромышленной сфере народного хозяйства, в частности в системе высшего образования. В связи с вышеизложенным важным представляется вопрос подготовки кадров высшей квалификации в обозначенный период. Указанный этап истории требует всестороннего изучения и адекватной оценки с современных методологических позиций.

Территория Чувашской АССР, где размещались вузы, рассматриваемые автором, не была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. В связи с этим военные действия их не затронули, тем не менее вузы испытали все тяготы войны.

Вследствие мобилизации на фронт многих преподавателей, сотрудников и студентов, остро встал вопрос организации учебного процесса. Отметим, что в институтах с учетом военного времени была проведена большая работа по перестройке учебного процесса. В 1941/42 учебном году первокурсники занимались по новым учебным планам, рассчитанным на овладение студентами не только профессией, но и прохождением военной подготовки. Корректировку учебных программ 1941/42 учебного года отличала патриотическая направленность, а с началом Великой Отечественной войны было усилено внимание процессу обучения студентов военной подготовке.

Профессорско-преподавательский состав и студенты высших учебных заведений Чувашии с первых же дней войны приняли активное участие в оказании помощи народному хозяйству страны. С 1 июля по 8 августа 1941 г. студенты пединститута трудились на строительстве завода № 320, работая ежедневно по 10–11 часов [2]. Многие ученые и студенты сельскохозяйственного института выезжали в районы республики, помогая колхозам в уборке урожая в качестве агрономов и механизаторов [3]. Так, доцент А. К. Ефейкин 11 июня 1941 г. выехал в распоряжение Аликовского райзо и проработал до 25 августа, потом вновь с 15 сентября по 20 сентября 1941 г., т. е. 52 дня, трудясь в качестве агронома [4]. Заведующий кафедрой П. А. Коренев с 8 августа по 25 сентября 1941 г. находился в Канаш-

ском районе, также выполняя обязанности агронома. Вследствие ухода в армию многих специалистов сельского хозяйства возникла необходимость восполнения этих кадров.

Важное место в деятельности сельхозинститута занимало обучение тружеников сельского хозяйства научным методам работы и повышение их квалификации на различных курсах работников сельского хозяйства: председателей колхозов, бригадиров-полеводов и животноводства, комбайнеров, трактористов. Из числа студентов старших курсов создавались группы по овладению сельскохозяйственными специальностями, что позволило обеспечить сельское хозяйство республики в 1942 г. специалистами почти в три раза больше, чем в 1941 г. [5] Была усовершенствована система подготовки специалистов аграрного сектора. Полевые работы велись студентами наряду с весенней зачетно-экзаменационной сессией. Прохождение производственной практики было построено с учетом проведения сельскохозяйственных работ в колхозах и совхозах.

В условиях военного времени учебные планы были пересмотрены с таким расчетом, чтобы как можно скорее обеспечить народное хозяйство специалистами. В связи с военной обстановкой, однако, выполнение учебных планов 1941/42 учебного года было связано с рядом трудностей, а именно: изменение численного состава преподавателей кафедр; переезд вузов в другие учебные учреждения; необходимость пересмотра учебных планов и нагрузок преподавателей из-за введения ряда новых дисциплин, приблизивших учебный процесс к условиям военного времени [6]. Так, в процессе обучения химии особое внимание студентов обращалось на химические элементы, использовавшиеся в военной технике, в курсе специальностей растениеводства усиливалось изучение тех растений, продукция которых имела значение для нужд военной промышленности [7].

В 1941 г. для размещения эвакуированных оборонных предприятий в г. Чебоксары чувашские вузы были вынуждены передать им свою учебно-материальную базу. В связи с отсутствием соответствующих помещений в г. Чебоксары педагогический институт вынужден был передислоцироваться с октября 1941 г. до окончания войны в г. Мариинский Посад, а сельскохозяйственный институт в первый год Великой Отечественной войны ютился в здании школы № 3, проводя занятия в третью смену. Изменения возмостей материальной базы вузов Чувашии поставили их в крайне тяжелые условия в деле подготовки кадров высшей квалификации. Переезд педагогического института в г. Мариинский Посад и размещение его в неподготовленных

помещениях создал дополнительные трудности в проведении учебного процесса. В помещениях общежития, учебных кабинетах и аудиториях царил страшный холод. Преподавателям приходилось читать лекции и проводить практические занятия в верхней одежде. Чернила замерзали в чернильницах. Не хватало учебников и тетрадей. Писать приходилось на том, что придется: между строк старых книг, на обороте старых плакатов, на обрывках бумаги и т. д. Из-за перебоев в снабжении керосином занятия в вечернее время часто не проводились.

В состав Чувашского сельскохозяйственного института в начале войны влился эвакуированный с оккупированной территории Смоленский сельскохозяйственный вуз [8]. В числе прибывших из западных областей научных работников в вузы Чувашии оказались профессора Н. М. Найденов, В. А. Дорфман, Н. М. Замятин, П. В. Дудель, В. И. Касаточкин, А. С. Турчанинов и др. [9]

Руководство высших учебных заведений систематически ставило перед вышестоящими органами вопросы обеспечения вузов дополнительными высококвалифицированными специалистами.

Штатным расписанием в начале 1942/43 учебного года на 12 кафедрах и двух объединенных самостоятельных дисциплинах педагогического института было утверждено 50 преподавателей, а фактически работали лишь 46 человек. По причине призыва на фронт за учебный год выбыли 10 преподавателей. В связи с этим остро ощущался недостаток преподавателей по философии, истории СССР и ряду других дисциплин. Все это привело к перегрузке отдельных преподавателей и переносу курсов первого полугодия на второе полугодие и даже на 1943/44 учебный год [10]. Из-за мобилизации преподавателей на фронт срывались занятия по ряду дисциплин, что вынуждало руководство вузов приглашать преподавателей на условиях почасовой оплаты, а это в свою очередь вызывало дополнительные расходы, не предусмотренные сметой. Так, штатным расписанием по профессорско-преподавательскому составу сельскохозяйственному институту на 1942/43 учебный год были утверждены 22 штатные единицы и 11 совместителей [11]. Некоторые преподаватели сельхозинститута в связи с сокращением штатных единиц были переведены на полставки в качестве совместителей.

Отметим, что наличие большого числа совместителей в сельскохозяйственном институте отрицательно сказывалось на проведении учебного процесса. Дело в том, что научные работники, переведенные на полставки и почасовую оплату, были вынуждены устраиваться на работу в наркомат земледелия (НКЗ) Чувашской АССР, которая была связана с частыми командировками в

районы республики. Командировки отрывали преподавателей-совместителей от учебных занятий, что вызывало пересмотр расписаний и вносило дезорганизацию в нормальный ход учебного процесса. Кроме того, совместителей трудно было привлечь к выполнению политико-воспитательных и других работ со студентами, что, в конечном итоге, негативно отражалось на качестве учебно-воспитательной работы. К тому же штат преподавательского состава в первой половине 1943 г. уменьшился в связи с переводом профессора Н. М. Замятина в Новосибирский сельскохозяйственный институт и доцента В. А. Соловьева в Москву [12].

На 1943/44 учебный год количество штатных преподавателей сельскохозяйственного института было увеличено до 38 единиц и 4 совместителей. Таким образом, утвержденный штат на 1943/44 учебный год удовлетворял требованиям учебного процесса и дал возможность почти полностью ликвидировать совместительство преподавателей. Однако в течение учебного года из штата преподавателей сельскохозяйственного института переводятся: профессор Н. М. Найденов в Белорусскую академию наук; П. П. Герасимовский в Совнарком ЧАССР; доцент О. А. Желиговский в Главвуз НКЗ СССР; доцент П. И. Заболоцкий в Воронежский сельхозинститут [13], что значительно снизило обеспеченность учебного заведения квалифицированными кадрами. Штатное расписание 1944/45 учебного года предусматривало наличие 37 штатных и 8 единиц совместителей, но полностью укомплектовать имеющиеся вакансии научно-педагогическими кадрами не удалось. Одной из причин стал перевод в конце учебного года из института ряда профессорско-преподавательских кадров в порядке реэвакуации в различные вузы страны. Например, исполняющий обязанности заведующего кафедрой организации социалистического сельского хозяйства предприятий доцент П. А. Корнев был переведен в Кишиневский сельхозинститут; старший преподаватель кафедры иностранных языков Т. Ю. Маркон выбыл в Ригу; преподаватель военной подготовки Л. А. Алинов уволился в связи с переездом в Москву [14].

В условиях Великой Отечественной войны особое значение в деле подъема сельского хозяйства и мобилизации внутренних ресурсов для обеспечения фронта продуктами питания и сырьем основное значение приобрела научно-исследовательская деятельность институтов, пересмотренная кафедрами вузов Чувашии. Вследствие мобилизации ряда преподавателей на фронт в первый год Великой Отечественной войны планы научных работ вузами не были выполнены.

В период Великой Отечественной войны научно-исследовательская деятельность ученых

была направлена на укрепление обороной мощи страны, пропаганду передовых научных знаний. В апреле 1942 г. в Чувашском педагогическом институте на кафедре марксизма-ленинизма был организован кружок для преподавателей по вопросу Великой Отечественной войны, которым руководил профессор А. И. Лурье. Увеличилось количество лекций и докладов о патриотической борьбе русского народа против иноземных захватчиков.

Отметим, что в годы войны институты не располагали необходимой материальной базой для экспериментальной работы по химии, физике и другим дисциплинам. Научно-исследовательскую работу затрудняло отсутствие бумаги и недостаточное ассигнование на выполнение научных исследований. К отрицательным факторам медленного развития научной работы следует также отнести перегрузку учебными занятиями преподавателей, отсутствие приборов и слабое обеспечение научными пособиями, исследованиями и т. д.

Большая работа развернулась в вузах над актуальными темами гуманитарного и патриотического характера. В целях патриотического воспитания и подъема морального духа, преподавателями пединститута в республиканской печати публикуются статьи о героическом прошлом нашей страны: И. Е. Тарле «Вулкан, готовый взорваться в любой момент» [15]; К. В. Кудряшова «О наших великих предках» [16] и др. В октябре 1942 г. на факультете истории педагогического института была проведена научная конференция на тему «Наши мужественные предки», где студенты выступали с докладами об Александре Невском, Дмитрие Донском, Александре Суворове, Михаиле Кутузове и других великих предках нашей Родины [17].

Большую практическую помощь сельскому хозяйству республики своей научно-исследовательской работой оказал коллектив сельскохозяйственного института. В тематике исследований ученых охватывался ряд важнейших вопросов сельского хозяйства Чувашской Республики того периода, таких, как «К посеву масляничных культур», «Обмен опытом на курсах», «Использовать все резервы местных удобрений» и др. [18] Расширился и объем научно-исследовательской работы преподавателей института. К примеру, если в 1942 г. в вузе разрабатывались 4 темы, то в 1943 г. работа проводилась уже по 19 комплексным и отдельным темам. Помощь научных кадров и студенчества республики внесли существенный вклад в дело подъема сельского хозяйства и мобилизации всех внутренних ресурсов для обеспечения обороноспособности страны продуктами питания и сырьем для военной промышленности.

Несмотря на суровые испытания, продолжалась работа по повышению научной квалификации преподавательских кадров высшей школы. Общение с эвакуированными в республику крупными научными специалистами весьма положительно сказалось на учебном процессе, развитии научных исследований в институтах и связях с производством. Так, за годы Великой Отечественной войны преподавателями педагогического института Г. И. Чавкой, И. Н. Сутягиным, Т. М. Тейтельбаумом были успешно защищены кандидатские диссертации.

С первых дней войны жизнь высших учебных заведений Чувашской Республики, как и жизнь всей страны, была подчинена интересам обороны. Условия для учебы и жизни были поначалу чрезвычайно тяжелыми. Несмотря на объективные трудности военного времени, когда учебные заведения особенно остро нуждались в помещениях, топливе, освещении и письменных принадлежностях, институты не прекращали свою учебную и научную деятельность. Институты вынуждены были заново организовывать учебный процесс на новых местах. Ухудшение учебной базы, сокращение сроков обучения, текучесть научно-педагогических кадров, введение военных дисциплин в учебный процесс, увеличение женского контингента в составе обучающихся вносили постоянные коррективы в организацию учебного процесса. Тем не менее высшая школа Чувашии с честью справилась с трудностями военного времени и выпустила из своих стен за годы войны 2967 учителей и 163 специалиста высшей квалификации для сельского хозяйства страны.

Исследования ученых, выполненные на конкретном материале Чувашской АССР, оказывали практическую помощь народному хозяйству страны. Подчеркнем, что коллективами высшей школы Чувашии был внесен существенный вклад в укрепление обороноспособности страны, необходимый для победы в Великой Отечественной войне.

Примечания

1. Тимофеев В. В. Республики Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). Чебоксары: Изд-во ЧГПУ, 2010. С. 82.
2. Дмитриев В. Д. В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии: воспоминания. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 8.
3. Калинин Г. И. Наша помощь колхозному производству // Красная Чувашия. 1941. № 165(6360). 15 июля. С. 3.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1512. Оп. 3. Д. 11. Л. 55.
5. Шорнов И. Массовое обучение специалистов // Красная Чувашия. 1941. № 308(6503). 28 дек. С. 2.
6. ГИА ЧР. Ф. 1335. Оп. 7. Д. 17. Л. 1.
7. ГИА ЧР. Ф. 1335. Оп. 7. Д. 16. Л. 18.
8. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 23. Д. 110. Л. 23.

9. *Сергеев Т. С.* Деятельность образовательных учреждений Чувашии в годы Великой Отечественной войны // *Российская цивилизация в условиях модернизации (2000–2010 гг.): сб. статей межвуз. студ. науч. конф.* Ч. 1. Чебоксары, 2000. С. 167.

10. ГИА ЧР. Ф. 1335. Оп. 6. Д. 6. Л. 5.

11. ГИА ЧР. Ф. 1512. Оп. 3. Д. 42. Л. 4.

12. Там же. Д. 46. Л. 3.

13. Там же. Д. 63. Л. 5.

14. Там же. Д. 87. Л. 5.

15. *Тарле Е. И.* Вулкан, готовый взорваться в любой момент // *Красная Чувашия.* 1941. № 299(6494). 18 дек. С. 2.

16. *Кудряшов К.* О наших великих предках // *Красная Чувашия.* 1942. № 1(6507). 1 янв. С. 2.

17. ГИА ЧР. Ф. 1335. Оп. 7. Д. 16. Л. 8.

18. *Пельцих Л. А.* К посеву масляничных культур // *Красная Чувашия.* 1943. № 21(6829). 28 янв. С. 2; *Рыжов И. А.* Обмен опытом на курсах // *Красная Чувашия.* 1943. № 45(6853). 25 февр. С. 2; *Кружилли Т. А.* Использовать все резервы местных удобрений // *Красная Чувашия.* 1943. № 250(7058). 19 дек. С. 2.

УДК 343.264

Д. А. Калинина

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

В данной статье был проведен сравнительный анализ оценок системы политической ссылки, предложенных учеными и политическими деятелями дореволюционного, советского и современного этапов. Подобное рассмотрение даёт возможность понять, какой именно ссылка должна была быть по первоначальному замыслу и как она изменялась при воплощении на практике.

The comparative analysis of assessments of political exile suggested by scientists and statesmen of pre-revolutionary, Soviet and modern period is given in the article. This analysis gives an opportunity to understand what was meant by exile initially and how it has been converting when realizing practically.

Ключевые слова: политическая ссылка, государственные преступники, административная политическая ссылка, система наказания, политическая оппозиция.

Keywords: political exile, state criminals, administrative political exile, system of punishment, political opposition.

Одной из самых значимых отличительных черт государства как политического института с момента его зарождения и до сего дня остается право на законное применение насилия. Только государство в случае нарушения установленных в обществе правил поведения может использо-

вать наказание в виде ограничения тех или иных прав и свобод гражданина. Трактовка института наказания присутствует в одной из работ К. Маркса, который отмечал, что «наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия» [1].

Реализация механизма законного применения насилия занимает центральное место в политике любого государства, и трансформация данного механизма свидетельствует об изменениях в развитии общества, особенностях диалога между органами государственной власти и обществом. Благодаря своему краеугольному положению, а также тесной взаимозависимости с особенностями социально-экономического и политического развития государства вопрос об эволюции системы наказания и методах его исполнения является одним из наиболее актуальных.

Важная роль института наказания предопределила большое внимание к нему со стороны государства, разработавшего широкий спектр методов ее исполнения. Среди данных методов, известных в России еще с древности, особое место занимала ссылка, которая трактовалась как принудительное водворение преступника в специально отведенную для того местность под надзор полиции и подчинение его определенной системе правил и ограничений [2]. В зависимости от видов совершаемых преступлений она подразделялась на уголовную и политическую. Среди этих видов особый интерес вызывает политическая ссылка, выступающая способом защиты существующего строя. Она вызывала множество откликов в обществе, подвергалась оценке и активно обсуждалась учеными, представителями государственной власти и политических партий. В конце XIX – начале XX в. упомянутый вид наказания становится главным инструментом борьбы с оппозицией. В период с 1894 по 1903 г. количество преступлений против государства выросло в 12 раз и в более 60% случаев в качестве наказания назначалась ссылка [3].

По методам осуществления применялась ссылка на каторжные работы, на поселение, на жительство, на водворение. Отдельно выделялась административная ссылка, при которой государственный преступник признавался виновным и высылался под гласный надзор полиции внесудебным порядком: высочайшим повелением или решением министра внутренних дел.

В конце XIX – начале XX в. подавляющее количество дел о государственных преступлениях разрешались в административном порядке [3]. В дореволюционный период о заметном месте административной ссылки в системе законодательства говорили правоведы В. М. Гессен, В. В. Есилов, И. Я. Фойницкий [4]. Известный политичес-

кий деятель, участник революционных событий Я. М. Свердлов писал, что «старая дореволюционная практика знала почти исключительно один вид ссылки. Это ссылка без суда на срок до пяти лет» [5]. Автор крупнейшего исследования по истории царской тюрьмы и ссылки М. Н. Гернет также отмечал предпочтения царской власти в 90-е гг. XIX в. «вверять защиту своего существования против посягательств на него исключительно административным органам» [6]. Исследователи 70-х гг. XX в. называли административную ссылку основным средством борьбы царизма с революционным движением [7]. Современные ученые подобное массовое применение внесудебного способа решения политических дел выделяют в качестве отличительной особенности системы наказания в России в конце XIX – начале XX в. Так, в одной из последних работ известного исследователя якутской ссылки П. А. Казаряна звучит мысль, что ни в одной из стран мира институт ссылки не играл такую важную роль, как в России [8].

Подобный массовый характер использования внесудебного метода назначения наказания вызывал критику за несоблюдение процедуры судебного разбирательства, что лишало обвиняемого возможности оправдаться. Это делало административную ссылку скорее средством борьбы с политическими оппонентами, нежели способом осуществления правосудия. Так, В. М. Гессен отмечал, что административная ссылка, превратившаяся в нормальную превентивно-принудительную (полицейскую) меру, «почти не известна западноевропейскому законодательству» [9]. Также Д. Кеннан давал отрицательную оценку практики высылки политически опасных подданных за несоблюдение судебного разбирательства, что, по мнению автора, заметно отличало Россию от «цивилизованных стран» [10]. В свою очередь В. И. Ленин писал о том, что «за всякое открытое и честное слово в России могут схватить человека по простому приказу полиции, бросить его без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь» [11].

Данная критика вполне справедливо указывала на отсутствие в России в конце XIX – начале XX в. базовых элементов правового государства, для которого характерно верховенство закона. Государственная власть в непростых политических условиях манипулировала нормами в собственном законодательстве, дабы стабилизировать обстановку и сохранить контроль над обществом. В результате между правовым порядком и идейно-политической стабильностью был сделан выбор в пользу стабильности. Правительство предпочитало внесудебный способ регулирования противогосударственной деятельности, в связи с легкостью и быстротой его осуществления, пользуясь узостью круга лиц, занятых при

вынесении решения, что препятствовало влиянию общественного мнения на борьбу между государственной властью и революционной оппозицией. Еще одной причиной предпочтительности административной ссылки в конце XIX – начале XX в. была, по мнению историка Н. Н. Щербак-кова, неспособность судебной системы в условиях кризиса справиться с потоком дел политического характера [12].

Административной политической ссылке подвергались в основном лица, «опасные для общественного и государственного устройства» [13]. Главным основанием высылки лица в административном порядке в отдалённые губернии Российской империи и подчинения его полицейскому надзору являлось совершение государственного преступления. Под данным видом преступлений подразумевались три рода деяний:

1. «Посягательства на внутренние основы государственного бытия, а именно на саму государственную организацию, на целостность государственной территории и на носителей государственной власти.

2. Посягательства на внешнюю безопасность государства.

3. Посягательства на иностранное государство» [14].

Наиболее часто встречающимся был первый вид противогосударственных деяний, служивший основанием для большинства решений о применении принудительного выселения преступников в отдаленную местность под надзор полиции.

В процессе развития революционного движения в стране основания политической ссылки в официальных документах стали обозначаться более подробно. Однако действующее Уложение о наказаниях о 1885 г. [15] не содержало чётких формулировок преступных деяний политического характера, поэтому заполнение графы о причине административной ссылки являлось зачастую творчеством чиновников Департамента полиции. Подобный недостаток был исправлен в Уголовном уложении 1903 г., когда был максимально расширен и детализирован перечень политических преступлений [16]. К числу политических исследователи относили хранение и распространение запрещенной литературы, пропаганду революционных идей, подстрекательство к забастовкам, стачкам, беспорядкам, участие в беспорядках, принадлежность к революционной организации и т. д.

На общую оценку института политической ссылки и ее применения на практике также повлияли результаты анализа контингента лиц, которым была назначена данная мера наказания. В частности, Е. Н. Гарновский на основе статистических данных за период 1901–1903 гг. [17] создал обобщенный образ государственного преступ-

ника начала XX в. Среднестатистическое лицо, совершившее противоправительственное деяние, представляло собой молодого мужчину 21–30 лет, как правило не состоящего в браке. По сословному, профессиональному признаку и уровню образования в конце XIX в. это был дворянин с высшим образованием, занятый в нематериальном производстве, в начале XX в. – мещанин или крестьянин с начальным образованием, занятый в обрабатывающей промышленности.

Исходя из видов преступлений, за совершение которых следовала внесудебная высылка в отдаленные регионы страны, среди исследователей неоднократно поднимался вопрос об общих целях политической ссылки.

Государственная власть определяла политическую ссылку с установлением гласного надзора полиции исключительно мерой «предупреждения преступлений против существующего государственного порядка» [18]. Однако фактически ссылка вбирала в себя функции наказания: изменение привычной жизненной среды, удаление от знакомого круга общения, ограничения в свободе передвижения, деятельности и т. д. На подобное несоответствие указывали многие исследователи советского и современного периодов. Хотя уже в 1906 г. настроенный сочувственно по отношению к политическим заключенным и политической оппозиции в целом, Д. Кеннан, писал: «Утверждение, что административная ссылка не наказание, а лишь мера предосторожности, есть чистая игра словами. Если изгнание кого-либо на пять лет в Якутскую область не “наказание”, то слово это в русском судебном законодательстве должно иметь довольно ограниченный смысл» [19]. Вывод о том, что политическая ссылка – «одна из главных мер наказания», «основное средство борьбы с революционным движением», прослеживался в подавляющем большинстве работ советских исследователей [20]. Это заключение перекликается с оценками современных историков [21].

Попытки дать общий анализ целей реализации политической ссылки предпринимались в разное время, но, несмотря на наличие временной разницы, выделенные цели ссылки перекликаются между собой. Например, В. В. Есипов отмечал, что государственная власть осуществляет ссылку в целях «общественной безопасности для очищения государства от вредных элементов» [22]. Крупный политический деятель Я. М. Свердлов в конце 50-х гг. XX в. писал, что ссылка «была призвана... внести “успокоение” в разбушевавшиеся народные массы... должна была удалить с арены общественной борьбы наиболее беспокойный элемент» [23]. Историк И. Г. Макаров уже в начале XXI в. говорит о попытках правительства с помощью принудительной высыл-

ки в отдаленные регионы государства под гласный надзор полиции «обезопасить царскую власть и существующий самодержавный строй, обеспечить спокойствие в общественной жизни» [24].

Еще одной целью, которую преследовало государство при осуществлении политической ссылки, являлось возвращение политического преступника в общество полноправным гражданином, не оказывающим противоправительственного влияния на окружающее население. В частности, Вятский губернатор при разъяснении правил Положения о полицейском надзоре циркуляром от 27 июля 1882 г. выделил в качестве одной из основных задач надзора полиции «подготовление поднадзорного путем его умиротворения к возвращению в общество гражданином для него не опасным» [25]. Достижение этой задачи осуществлялось через подчинение высланного лица определенной дисциплине, а также предоставление ему возможности вести благонадежную трудовую жизнь. Данную цель большинство исследователей не упоминает в силу ее слабой эффективности. О политической ссылке как исправительной мере в России конца XIX – начала XX в. говорит только Р. С. Мулукаев [26].

Кроме главных целей политической ссылки учеными выделяется несколько второстепенных, в частности использование дарового труда ссылных, заселение территорий с низкой плотностью населения и освоение новых земель [27]. Однако на практике институт политической ссылки оказался не столь эффективным.

Видные ученые-правоведы уже в XIX в. поднимали вопрос о целесообразности ссылки как меры наказания [28]. Как правило, выводы по данной проблеме были не в пользу практики высылки политически опасных подданных. Ученые указывали, что ссылка только усиливает разногласия между оппозицией и проправительственными силами. В то же время высказывались мнения об устрашающем эффекте данного вида наказания, его роли как фактора устранения дурного влияния на благонадежное население и сокращения количества преступлений, к тому же система выселения в отдаленную местность под надзор полиции оказывала некое исправительное влияние [29]. В. В. Есипов утверждал, что цель достижения общественной безопасности в рамках данного института несостоятельна, так как «ссылка... только перемещает преступников из одной местности государства в другую, между тем лица, опасные в одной местности, сохраняют это свойство в другой» [30]. В унисон ему звучит вывод министра внутренних дел В. К. Плеве в докладах царю от 1903, 1904 гг. о том, что «массовая ссылка в Сибирь революционных элементов не привела к успокоению страны, а дала обратный результат» [31].

Среди недостатков данной меры наказания государственные деятели рубежа XIX–XX вв. отмечали не просто малое исправительное воздействие, но прямо противоположный эффект, который с ростом оппозиционных настроений в обществе только усугублялся. Так, в отчете министру внутренних дел генерал-майор Баранов писал о том, что «ссылка административным порядком скорее портит характер, чем преобразовывает его. Переход от комфорта к лишениям, от общности к одиночеству... имеет губительные последствия... – самоубийства... Еще ни разу не было случая, чтобы заподозренный в политической неблагонадежности... примирился с правительством и вернулся из изгнания полезным членом общества и верным слугой престола» [32]. О слабом исправительном воздействии данного вида наказания говорил также сибирский исследователь С. В. Максимов, который еще в 1871 г. предлагал правительству смягчить карательные меры в общем и условия ссылки в частности [33].

Неудобство подобного способа борьбы с политическими преступниками, по мнению исследователей, проявилось также в возникновении перед государством ряда вопросов по его применению на практике: проблема выбора места содержания преступников, вопрос об их транспортировке или конвоировании, проблема организации труда высланных колонистов, необходимость содержания большого штата полицейских и т. д. [34]

Еще один серьезный недостаток – это необходимость больших финансовых затрат со стороны государства. Например, И. Я. Фойницкий отмечал, что «система ссылки ложится на государственный бюджет очень тяжелым бременем», она несравненно дороже тюрьмы [35]. В. В. Есипов, анализируя данный вид наказания, говорил о его «неудобстве для государства и общества в экономическом отношении» [36].

При всех выявленных недостатках государство продолжало практиковать этот элемент системы наказания на протяжении длительного времени, с завидным упорством применяя принудительное выселение неблагонадежных в политическом отношении подданных в отдаленные губернии. Более того, при нарастании кризисных явлений, росте политической оппозиции власть действовала довольно однобоко, расширяя только карательную политику, под которой понималась «система идей, принципов... определяющая способы, формы и методы обеспечения господствующих в обществе отношений, объявляющая преступными деяния, наносящие вред этим отношениям, формулирующая стратегию и тактику выбора и реализации средств их защиты» [37]. Именно в отсутствии попыток реформирования общественного устройства в конце XIX – начале XX в. исследователи усматривали

основную проблему государства. Профессор И. Я. Фойницкий в 1878 г. утверждал: «Видеть в суде (и административных карах) единственное средство борьбы с политической агитацией... ожидать от суда исцеления общества от этого недуга, значит забывать, что политическое брожение нашего времени есть продукт весьма сложных общественных и государственных условий и что устранить эти условия может не суд, не административная кара, а только общее поднятие нашего экономического, умственного, нравственного и политического уровня» [38].

Особый анализ системы политической ссылки был дан силами, выступающими с критикой существующего государственного строя и проводимой политики, то есть людьми, непосредственно испытывшими на себе принудительное выселение в предназначенные для того места, а также ограничение ряда свобод, которое сопутствует ссылке. Представители оппозиции давали в целом отрицательную оценку институту ссылки и его применению на практике, видя в ней средство борьбы правительства со своими политическими противниками. Так, В. И. Ленин отмечал, что с помощью этой меры наказания царское правительство уничтожало «отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации» [39]. Впоследствии эту оценку неоднократно повторяют советские исследователи в разнообразных формулировках, имеющих общий смысл: «ссылка – особый метод расправы царизма со своими политическими противниками», «особое средство расправы царизма с революционным движением», «высылкой... правительство преследовало цель... наказать тех, кто выступал против власти эксплуататорских классов» [40] и т. д.

Революционеры, прошедшие ссылку, видели в ней и некоторые положительные моменты. Она трактовалась как «довоспитательница революционеров» [41]. П. Н. Брюханов в своих воспоминаниях упоминал, что ссылка частью поднадзорных воспринималась как передышка перед продолжением революционной карьеры [42]. Наиболее активная в политическом отношении часть ссыльных в промежутках между поисками заработка и обустройством своего быта находила время и силы для знакомства с нелегальной литературой и распространения политических идей среди местного населения. В результате система административной высылки государственных преступников приводила к распространению крамольных с точки зрения официальной власти революционных идей и учений во всех губерниях, предназначенных для содержания поднадзорных. А если учесть тот факт, что местами ссылки было определено большинство регионов России, то косвенно государственная власть содей-

ствовала разрастанию из более или менее локальных очагов действия сторонников революционного переустройства общества в сеть оппозиционных объединений, раскинувшуюся на всей территории страны.

Итак, институт политической ссылки являлся важным элементом системы наказания в России, его роль заметно возрастает в конце XIX – начале XX в. в связи с ростом антиправительственных настроений в обществе. На протяжении своего существования ссылка вызывала неослабевающий интерес ученых и политических деятелей, которые неоднократно обращались к ее узловым моментам с целью определения эффективности государственной политики, степени влияния ссылки на общество.

Внимание притягивал также и неоднозначный характер данного института наказания. Исследователи дореволюционного, советского и современного периодов на основе изучения законодательной базы, отчетов губернаторов и полиции, анализа общественно-политического развития государства давали оценку системе ссылки в первую очередь для определения целесообразности ее использования. Сравнение оценок исследователей позволяет сделать вывод о том, что результаты политической ссылки мало соответствовали ожиданиям правительства. Применение принудительного выселения политических преступников под надзор полиции на практике давало слабый эффект с точки зрения достижения поставленных целей и создавало множество проблем как в экономическом, так и в общественно-политическом отношении. Однако, несмотря на высокие расходы, необходимость содержания большого полицейского аппарата, опасность распространения вредных для государства идей, политическая ссылка продолжала применяться и количество вынесенных приговоров о назначении в качестве наказания ссылки даже увеличивается к началу XX в.

Разнообразие суждений, мнений, оценок свидетельствовало о существенном влиянии данного института на социально-экономическое и общественно-политическое развитие России. Ссылка оставила заметный след в истории государства, способствовала расширению оппозиционных движений, изменила систему правоохранительных органов, внесла новшества в процесс назначения наказания.

Примечания

1. *Маркс К.* Смертная казнь // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 531.

2. См.: *Есинов В. В.* Очерк русского уголовного права: Часть общая: преступления и преступники; наказания и наказуемые. Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1894. С. 367; *Фельдштейн Г. С.* Ссылка, очерки ее генезиса, значения, истории и ее современ-

ного положения. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1893. С. 1–2.

3. *Слухоцкий А.* Очерк деятельности министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями // Историко-революционный сборник. Т. 3. М.: Гос. изд-во Тип. Печатный двор, 1926. С. 266.

4. См.: *Гессен В. М.* Лекции по полицейскому праву. СПб.: Издание студентов, 1907–1908. 196 с.; *Есинов В. В.* Указ. соч; *Фойницкий И. Я.* Уголовное право. Учение о наказании. СПб.: Типо-лит. Гельперн, 1886. 450 с.

5. *Свердлов Я. М.* Массовая ссылка // Свердлов Я. М. Избранные произведения. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 67.

6. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. 1–5. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951–1956. С. 127.

7. См. *Мещерский А. П.* Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибири в конце XIX – начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XX – февраль 1917 г). Вып. 1. Иркутск: Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1973. С. 128; *Щербаков Н. Н.* Из истории карательной политики царизма в начале XX столетия // Ссылные революционеры в Сибири (XX – февраль 1917 г). Вып. 3. Иркутск: Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1979. С. 69–86.

8. *Казарян П. А.* Якутия в системе политической ссылки России, 1826–1917 гг. Якутск: «Сахаполиграфиздат», 1998. 494 с.

9. *Гессен В. М.* Указ. соч. С. 61.

10. *Кеннан Д.* Сибирь и ссылка. Ч. I–II. СПб.: Изд. В. В. Врублевского, 1906. С. 125.

11. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 286.

12. *Щербаков Н. Н.* Указ. соч. С. 70.

13. *Жижин В. Д.* Ссылка в России (Законодательная история русской ссылки) // Журнал министерства юстиции. 1900. № 2. С. 94.

14. *Полянский Н. Н.* О государственных преступлениях по действующему русскому праву (закон и судебная практика) // Право. 1908. № 20. Стб. 1225.

15. Уложение о наказании / *Малянтович П. Н.*, *Муравьев Н. К.* Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «ПРАВО», 1910. С. 279–371.

16. *Титкова С. С.* Разработка уголовного уложения и применение его в борьбе с революционным движением // Правовые проблемы истории государственных учреждений. Свердловск, 1983. С. 86.

17. *Тарновский Е. Н.* Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных // Журнал министерства юстиции. 1906. № 4. С. 50–100.

18. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 139. Д. 137. Л. 2.

19. *Кеннан Д.* Указ. соч. С. 137.

20. См.: *Галиакбарова В. С.* Система законодательных средств, направленных царизмом на борьбу с первой русской революцией // Научные труды Свердловского юридического института. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1975. Вып. 44. С. 123–127; *Мещерский А. П.* Указ. соч; *Щербаков Н. Н.* Указ. соч.; и др.

21. *Казарян П. А.* Указ. соч; *Колесникова Л. А.* Эволюция карательной политики царизма в борьбе с освободительным движением России второй половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1997. 270 с; *Хазиахметов Э. Ш.* Массовая политическая ссылка в период первой российской революции // Революция 1905–1907 годов и общественное движе-

ние в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 38–51; и т. д.

22. *Есипов В. В.* Указ. соч. С. 368.

23. *Свердлов Я. М.* Указ. соч. С. 65.

24. *Макаров И. Г.* Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии, вторая половина XIX в. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 2005. С. 3.

25. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 37. Л. 169.

26. *Мулукаев Р. С.* Полиция в России (XIX – начало XX века). Н. Новгород: Тип. УВД Нижегородской обл., 1993. С. 37.

27. См.: *Есипов В. В.* Указ. соч. С. 368; *Макаров И. Г.* Указ. соч. С. 3; и др.

28. *Дриль Х. Д.* Целесообразна ли современная ссылка в качестве карательной меры // Журнал юридического общества. 1896. № 1. С. 28–39; *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. 504 с; и др.

29. *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. С. 301.

30. *Есипов В. В.* Указ. соч. С. 368.

31. *Мещерский А. П.* Указ. соч. С. 132–133.

32. *Кеннан Д.* Указ. соч. С. 139.

33. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. СПб., 1871.

34. *Есипов В. В.* Указ. соч. С. 368.

35. *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. С. 305.

36. *Есипов В. В.* Указ. соч. С. 369.

37. *Дятков М. Г.* Наказание в царской России: Система его исполнения. Министерство внутренних дел Российской Федерации. М.: Интерправо, 1994. С. 6.

38. *Слухоцкий Л. А.* Указ. соч. С. 264–265.

39. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 30.

40. См.: *Соболев В. А.* Роль ссыльных социал-демократов в создании и деятельности вятской организации РСДРП: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1964. С. 3; *Мошкина Э. В.* Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века. Чита: Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та, 1998. С. 9; *Мещерский А. П.* Указ. соч. С. 125; и др.

41. *Ильинский М. В.* Архангельская ссылка. СПб., 1906. С. 3.

42. *Брюханов П. Н.* Воспоминания о ссылке в Вятской губернии. 1897–1900 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 6(55). С. 113.

43. *Казарян П. А.* Указ. соч. С. 4.

УДК 316.32(470):316.4.051

Ю. А. Ореханов (свящ. Г. Ореханов)

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС РУССКОГО ОБЩЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются различные аспекты духовного (религиозного) кризиса русского общества конца XIX – начала XX в. Это явление стало результатом сложного взаимодействия двух факторов: с одной стороны, общим характером церковно-государственных отношений в России, характерным для синодальной эпохи, с другой – особенностями процесса секуляризации русского общества в XIX в. В работе отмечаются признаки и особенности духовного кризиса, из которых важнейшим является изменение восприятия Церкви в указанную эпоху.

The article discusses various aspects of the spiritual (religious) crisis of Russian society at the end of XIX – early XX century. This phenomenon was the result of a complex interaction of two factors: on the one hand, the general nature of church-state relations in Russia, typical for the era of the Synod, on the other – the peculiarities of the process of secularization of Russian society in XIXth century. Also there are features and peculiarities of spiritual crisis, most important of which is changing of the Church's perception in the specified period.

Ключевые слова: духовный кризис, Церковь, русское общество.

Keywords: spiritual crisis, Church, Russian society.

В своей работе «Пути русского богословия», говоря о религиозных исканиях в России в XIX в., прот. Г. Флоровский провозглашает, что «вся история русской интеллигенции проходит в прошлом веке под знаком религиозного кризиса» [1]. Задача данной статьи – дать ответ на вопрос, что именно гуманитарные науки понимают под кризисом в духовной сфере, каковы его признаки и методология исследования и как он проявился в религиозном творчестве А. Н. Толстого.

1. Кризис в духовной сфере

Анализ понятия «духовный кризис» объективно связан с серьезной методологической сложностью. Когда в социальных науках речь идет о кризисе, предполагается наличие некоторого эталона, нормы, по сравнению с которым изучаемые явления имеют аномальный характер и могут интерпретироваться как критические. Именно в этом смысле употребляются понятия «политический кризис», «экономический кризис», «дипломатический кризис», «военный кризис», которые давно вошли даже в обывательский обиход. Констатируя, например, наличие экономического кризиса, предполагается, что существуют некоторые

объективные показатели экономического состояния общества (например, инфляция, дефицит бюджета и т. д.), которые не только позволяют в определенный момент времени зафиксировать отступление от заданной нормы, но также свидетельствуют о близости экономической катастрофы, ставят общество на грань экономического коллапса, возможно, социальной, гуманитарной или даже государственной трагедии.

И. А. Ильин указывает на два существенных признака кризиса в области культуры. Во-первых, учитывая этимологию слова «кризис», можно констатировать, что кризисные явления в культуре – это такие явления, которые также сигнализируют об отступлении от некоей нормы и свидетельствуют о некоем итоге развития, переломе, высшем напряжении. Во-вторых, в кризисных ситуациях выступают скрытые силы, некие резервы, использование или неиспользование которых приводит либо к обновлению, либо к смерти, катастрофе. Другими словами, кризис культуры – это всегда некоторая задача, которая должна быть разрешена и неразрешение которой чревато самыми тяжелыми последствиями [2].

О какой же норме можно говорить в случае, когда речь идет о религиозной, духовной жизни отдельного человека и целого общества? Важно иметь в виду, что разные науки предлагают различные методы исследования того явления, которое мы называем религиозным кризисом.

С точки зрения *историка* решающее значение имеют хронологическая привязка и совокупность источников, связанная с данным временным промежутком. Другими словами, о кризисе по отношению к данной конкретной эпохе можно говорить только в следующих случаях:

а) на представительном историческом материале проведены исследования в рамках каждого достаточно ограниченного промежутка времени; затем эти исследования могут быть интегрированы и получены некие обобщающие результаты, характеризующие целые исторические эпохи;

б) существуют конкретные признаки (показатели), свидетельствующие о наличии кризисной ситуации.

Проиллюстрирую сказанное на примере одного очень известного исследования. Это монография безвременно ушедшего от нас ростовского историка С. В. Римского «Российская Церковь в эпоху Великих реформ». Ее автор, рассматривая время преобразований императора Александра II, указывает, что русская церковная жизнь находилась в тесной зависимости от политического курса правительства и его внутренней политики, а «инициативы духовенства контролировало, направляло или гасило государство» [3]. Характерен перечень «кризисных

сюжетов», которые рассматривает С. В. Римский: высшее церковное управление и его ущербность, власть обер-прокуроров в Св. Синоде, духовное образование, материальное обеспечение духовенства, замкнутость духовного сословия и т. д.

Таким образом, для С. В. Римского кризисные явления – это в первую очередь явления в сфере церковно-государственных отношений. Ситуация достаточно существенно меняется, когда речь заходит о подходах, использующих междисциплинарные методы. С одной стороны, существенно то обстоятельство, что богословие и религиоведение, например, также всегда имеют дело с конкретной нормой, *нормой религиозного сознания*, системой взглядов, аксиом, идей и ценностей, которые являются определяющими для данной конфессии. С другой стороны, субъективно абсолютная норма религиозной жизни для каждого отдельного человека никак не может регулироваться внешним образом, например государственной политикой. Конечно, попытки насильственного воздействия на духовную сферу имели место в истории, но это всегда произвол. Таким образом, в обычной ситуации последствия экономического кризиса ощущаются каждым в явной, очевидной форме, но религиозный кризис, касаясь каждого конкретного человека, всегда имеет совершенно уникальные проявления и индивидуальные особенности.

Именно поэтому важно ответить на вопрос, какие признаки имеет религиозный (или духовный) кризис с точки зрения именно церковно-исторической науки?

Духовный (религиозный) кризис мы определяем как ситуацию, когда восприятие констант культуры, связанных с религиозной сферой, претерпевает значительную трансформацию. Реальные религиозные проблемы представителей данного поколения не могут найти разрешение в традиционной системе духовных и нравственных ценностей, таким образом, возникает либо необходимость конструирования новой системы ценностей, либо переосмысления традиции.

Применяя указанную схему к ситуации в России XIX в., мы должны иметь ответ на два вопроса.

а) Какие опорные точки мы можем выделить, говоря о кризисе веры в указанный период?

б) По каким признакам мы можем судить о трансформации восприятия религиозных констант во второй половине XIX в.? Другими словами, какие именно явления позволяют говорить о наличии в России религиозного кризиса в указанное время?

Ключевым в этом анализе является вопрос, который был сформулирован героями Ф. М. Достоевского: како веруеши или вообще не веруе-

ши? Другими словами, как и во что верил русский человек XIX в.?

Отвечая на данный вопрос, следует указать, что, с нашей точки зрения, кризисная ситуация в России определялась двумя объективными обстоятельствами:

а) *характером церковно-государственных отношений в России*, типичным именно для синодального периода, т. е. явившимся следствием парадигмы «государственной церковности» и породившим своеобразный «тип благочестия», который условно можно назвать «синодальным»;

б) *общим процессом секуляризации* в Европе, имеющим, как указывает Й. Хейзинга, три составляющие (философскую, естественнонаучную и эстетическую – в первую очередь литературную) [4] и, в частности, проявлявшимся через общие секуляризационные процессы влиянием на русскую культуру философско-богословских идей либерального протестантизма.

Характерно, что если первый аспект в отечественной историографии неоднократно анализировался, то по поводу механизмов секуляризации на русской почве мы практически не имеем исследований, за исключением работ, вышедших в зарубежье (в первую очередь я имею в виду «Пути русского богословия» прот. Г. Флоровского, а также отдельные труды Г. Федотова и прот. С. Булгакова). Именно поэтому в данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, какие характерные проявления и признаки имели кризисные явления в духовной сфере в России и какое отражение они получили в творчестве Л. Н. Толстого.

Ответ на поставленный вопрос может быть получен с помощью выделения особой группы констант культуры, характерных для данной нормы религиозного сознания [5]. Ниже предпринимается попытка выделения таких констант и описания процесса их трансформации в процессе секуляризации.

2. Кризис восприятия Церкви

В ряду общих признаков главным представляется общее падение авторитета Церкви, авторитета вероучительного, нравственного и бытового. Русское образованное общество в значительной степени потеряло потребность искать ответы на свои духовные запросы в Церкви. Именно это обстоятельство в конечном итоге определило реакцию «публики» на синодальное определение 20–22 февраля 1901 г. о Л. Н. Толстом.

И. А. Ильин подчеркивает, что вся русская синодальная история есть история религиозного бессилия и мертвенности, которые имеют совершенно определенные проявления, названные мной «синодальным типом благочестия».

В первую очередь здесь речь идет об автономизации религиозного и церковного сознания, т. е. таком типе религиозности, который связывается с определенными моментами жизни человека (например, с рождением или бракосочетанием) и совершенно непричастен к большинству других моментов, например к служебным обязанностям или научным штудиям; другими словами, процесс секуляризации отвоёвал у веры значительную сферу жизни человека, которая становится не только непричастна религии, но, наоборот, чужда ей, ей не подчиняется, от нее отделяется и в конечном итоге становится по отношению к ней во враждебно-противоположное положение. Вера, религия и Церковь становятся отделенными от жизни, между жизнью и верой нет никаких видимых связей и пересечений. Таким образом, уже к середине XIX в. православная Церковь стала лишь одной из частей духовной культуры, одной из организаций, а ее вероучение – одним из многочисленных возможных вариантов мировоззрения. Результатом является констатация того факта, что «церковное христианство наших дней не ведет за собою человечество» (курсив и выделение в цитате принадлежат И. А. Ильину. – *свящ. Г. Ореханов*) [6].

Это явление имеет проекцию на все сферы человеческой жизни, имеет тотальный характер. Рождается позитивистский тип мировоззрения, который завоевывает ведущие позиции в науке, рождается сугубо атеистическое и материалистическое миропонимание. Тот же процесс происходит и с государством, правом, экономикой, искусством, нравственностью.

Весьма характерно, что анализ И. А. Ильина тесно связан с предметами и направлением критики Л. Н. Толстого, который обратил внимание фактически на те же проявления безрелигиозности современного человека. Конечно, выводы, которые делает писатель, для И. А. Ильина совершенно неприемлемы.

Таким образом, можно согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что связь Л. Н. Толстого с православием выявляется не в позитиве, а в негативе. Другими словами, и это нужно подчеркнуть, творчество Толстого является отражением глубокого кризиса духовности и церковности XIX в., выразившегося в общем снижении веры и церковной культуры; толстовство – только продукт этого кризиса [7]. В сознании русских людей возникает своеобразный разрыв – Церковь мыслится уже не только как Царство не от мира сего, но как институт, представляющий верующим и неверующим абстрактные и непонятные требования: «...призывы Церкви перестали ныне действовать на людей, вера обратилась во что-то внешнее, в форму,

обряд, почти без признаков духа жизни; перестали даже думать, чтобы вера могла иметь какое-либо действительное участие в жизни» (из статьи Н. П. Петерсона) [8].

Очень важным с этой точки зрения представляется роль богословия в русской культуре XIX в. С одной стороны, следует отметить оторванность в России богословских штудий от реальной жизни. С другой – настойчивые попытки поиска адекватного для своего времени богословского языка, предопределившие необходимость возвращения к истокам богословия – Священному Писанию и творениям отцов Восточной Церкви.

3. Кризис восприятия духовенства и антиклерикализм

Следует иметь в виду, что кризисные явления в религиозной сфере в XIX в. характерны не только для России, более того, можно утверждать, что религиозный кризис в России в значительной степени был отражением аналогичного явления в европейской культуре. Можно утверждать, что секуляризационные процессы в Европе в этот период приобретают тотальный характер, проникая в политику и право, культуру, науку, искусство и в саму жизнь Церкви.

По единодушному свидетельству всех источников, русский религиозный кризис имел свои характерные особенности: для него совершенно не характерна яркая социально-политическая окраска. В Европе, как и в России, вера также всегда была базисом фундаментальных общественных ценностей, будь то семья или патриотизм и вообще идеи преемственности, наследия, верности прошлому, традиционным «социальным обычаям». Однако характерной особенностью европейской культуры в традиционно католических странах является влиятельное духовенство и разветвленная сеть монашеских орденов, которые обладали собственной политической концепцией и с определенным успехом проводили собственную культурную политику. Эта деятельность распространялась не только на культуру (наука, литература, искусство), но также на всю общественную и политическую жизнь. Именно поэтому политические и социальные притязания католической церкви и ее клира вызвали такой энергичный протест в Европе в середине XIX в. [9]

Итак, для России, религиозная культура которой определяется совершенно иным способом восприятия констант культуры, связанных с религией, и в которой рабочее движение еще только зарождалось, движущие механизмы кризиса были иными. Упомянутые явления европейской религиозной жизни для России совершенно не характерны, так как на протяжении всего синодального периода в социальной жизни и тем более в политике русскому духовенству отводилась

второстепенная роль. Именно поэтому следует говорить, применительно к русской ситуации, не о *политическом и социальном, а о культурном антиклерикализме* [10].

Важное значение имеет в этом аспекте сравнение положения русского духовенства с духовенством Западной Европы. Эта работа отчасти проделана в работе известного американского историка Г. Фриза.

Во-первых, он указывает, что все европейские церковные сообщества XIX в. сталкивались с одними и теми же вызовами, требовавшими реформ. Г. Фриз подчеркивает, что XIX в. может считаться веком реформ в церковной сфере не в меньшей степени, чем в секулярном обществе. В частности, по всей Европе имели место стремление прихожан избавиться от церковных налогов и одновременно жалобы клира на снижение церковных налогов. Кроме того, повсеместно проявлялось стремление повысить качество подготовки будущих священников и «модернизировать» проповедь, сделав ее более понятной народу, поднять социальный статус духовенства [11]. В результате в Европе формируется новый тип священника, сфокусированного более на проповеди, нежели на богословии, причем тенденция эта характерна уже для XVIII в. как в католицизме, так и в протестантизме, что, в свою очередь, приводит к трансформации взглядов на пастырское богословие и катехизацию [12].

При этом положение русского духовенства на фоне западного было особым. В первую очередь здесь следует говорить об экономическом положении Церкви. Священники в Европе тоже имели финансовые проблемы, но разнообразные ресурсы позволяли им иметь определенную независимость от власти. В связи с более высокой плотностью населения, развитой инфраструктурой и промышленностью и последствиями аграрной революции доходы приходов одинакового размера в Европе и России были разными. Хотя в Европе также были известна плата за требы (*surplice fees* в Англии, *casuel* во Франции и *Kasualien* в Германии), она составляла очень малую часть «церковной экономики». Более того, священники в Европе находили даже возможности поддерживать наиболее бедных прихожан [13].

Не прошли для русского духовного сословия даром и жестокие уроки «бириновщины в Церкви» – и до эпохи Анны Иоанновны оно не пользовалось большим уважением в русском обществе, что видно еще из известного сочинения И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве», а уж после «разборов», «дел о присягах», ссылка в Сибирь, нещадного сечения кнутом, вырывания ноздрей и даже сажания на цепь священнослужителей, ни о каком статусе серьезно говорить не приходилось.

4. Кризис восприятия Евангелия

Можно со всей уверенностью утверждать, что религиозные поиски и эксперименты Л. Н. Толстого определялись не только его личными пристрастиями, но и культурными традициями эпохи. И в этом отношении огромное значение имеют поиски нового «образа Христа», наметившиеся еще в XVIII в.

Появление этого образа ознаменовало новый этап в развитии западноевропейской мысли: рождение «нового» христианства, в котором отсутствуют элементы мистики и догматики, а акцент ставится на социально-нравственных чертах. Происходит своеобразный антропологический сдвиг: в центре теперь стоит не Богочеловек, а человек, призванный к ангелоподобной красоте и нравственному совершенству. Так в очередной раз в человеческой истории возрождается ересь «антропологического оптимизма», т. е. такого понимания человеческой природы, для которого характерно отрицание какой-либо власти греха над человеком и утверждение принципиальной возможности личного и социального прогресса без Божественной помощи.

В чтении евангельского повествования происходит смещение акцентов в сторону эстетических и этических идеалов (Христос – прекрасный, опоэтизированный защитник униженных и оскорбленных), муссирование различных переживаний (жалость, печаль, чувствительность). Проходит немного времени, и эта тенденция вполне закономерно переходит в явный натурализм с очень характерным идеологическим подтекстом и финалом, сформулированным Ф. Ницше – «Бог умер». Важен и другой вариант этой формулы, принадлежащий, по всей видимости, Э. Ренану – «Бог умер и не оставил наследников». Другими словами, у христианской доктрины в жизни человечества не может быть никакой альтернативы – ни пресловутое просвещение, ни позитивизм претендовать на это не могут.

В связи с этим полезно вспомнить, какие бурные споры вызывало каждое полотно столь любимого Л. Н. Толстым художника Н. Н. Ге, настойчиво пытавшегося изобразить Христа – *только* человека, переживающего ужас страданий и страх смерти. Видимо, не случайно и Ф. М. Достоевский выбирает важным рефреном для своего романа «Идиот» картину Ганса Гольбейна Младшего «Христос в гробнице».

Таким образом, в целом в секулярной культуре происходит трансформация в понимании Евангельского образа Господа по следующей схеме:

Богочеловек – «очеловеченный Христос» (положительно прекрасный) – *человек Христос – мертвый Христос* (натурализм смерти и страданий, знаменующий потерю веры, о чем и говорят герои Ф. М. Достоевского Мышкин и Рогожин) –

человекобог (homo divinus). Каждый элемент этой схемы может быть назван «виртуальным ликом» Христа [14], так как он представляет ложный, искушающий, соблазняющий образ, совершенно не соответствующий духу Евангелия.

5. Кризис восприятия Церковного Предания. Адогматизм

В истории религиозных движений в Новое время практически всегда верным спутником «панморализма» является адогматизм, т. е. отрицание, в той или иной степени, необходимости мистической стороны в христианском учении.

Характерным, специфическим для России явлением, достаточно неожиданно с психологической точки зрения способствовавшим развитию адогматизма, стало жгучее переживание народного горя, неправды, нищеты: сострадание «маленькому человеку», имеющее глубокие евангельские корни, в русской литературе является одной из главных идеологических доминант, нет необходимости здесь ссылаться на какие-то общеизвестные примеры, достаточно указать только на русскую поэзию («Эти бедные селенья» Ф. Тютчева, «Осенние журавли» А. Жемчужникова): Россия – страна горя и страдания.

В русской культуре возникает большое искушение этот аспект страдания объявить не только главным, но и вообще единственным. Происходит достаточно тонкая, психологически очень привлекательная и исторически вполне объяснимая подмена: призыв к *спасению души*, призыв, целью которого является внутренняя работа над своей душой, заменяется на призыв к *спасению мира*. Сотериологически окрашенная евангельская боль о своем собственном несовершенстве, глубоко связанная в Евангелии с любовью к ближнему, заменяется на моралистически окрашенную тоску о человеческом горе. Если до определенного момента эти два аспекта были глубоко связаны и находили опору в традиционном понимании Евангелия, то теперь эта связь разрывается.

Новая вера есть уже не религия, а религиозность, специфический настрой души, связанный с представлением об особой миссии человека на земле и об особой этике поведения [15]. Яркой особенностью этого нового мировоззрения и являются адогматизм и тотальная невосприимчивость именно к мистической стороне «исторического» христианства, в частности полное равнодушие к церковным таинствам, а также, по меткому замечанию гр. А. А. Толстой, наивное желание «поправить кое-что в сотворении мира» [16].

По-своему интересное теоретическое «обоснование» адогматической концепции нашла в одном из писем Н. Н. Страхова, бывшего семинариста, к Л. Н. Толстому. Н. Н. Страхов, выражая

солидарность с известными взглядами писателя на роль Церкви в жизни современного человека, указывает, что, с его точки зрения, «христианство уже стало покидать форму Церкви», ибо Церковь возникла во время «падения древнего мира», когда существовала необходимость противопоставить «крепкое сообщество» разлагавшемуся государству, а церковная догматика возникла в качестве противовеса «тогдашней языческой мудрости». «Но в настоящее время ни догматы, ни церковь не могут иметь такого значения и напрасно пытаются удержать прежнюю главную роль» [17]. Интересно, что письмо это было написано по поводу обсуждения в печати католической теории догматического развития и, в частности, нового католического догмата о папской непогрешимости.

Русские богословы XIX в. совершенно справедливо обвиняли Л. Н. Толстого в том, что он «передельвал» церковное христианство на свой лад, провозглашая при этом, что его христианство и есть якобы то «пра-христианство», которое проповедовал Сам Христос. Но следует заметить, что великий русский писатель на самом деле в достаточно полной мере отразил тот процесс, который вообще характерен для религиозных поисков Нового времени: все больший отход от церковного учения и попытка выбрать в проповеди Христа то, что субъективно кажется наиболее подходящим и существенным [18].

6. Панморализм

Речь здесь идет о своеобразном поиске морального идеала, причудливой трансформации христианских заповедей. Антирелигиозный настрой интеллигенции второй половины XIX в., ее атеистические установки нужно понимать правильно – место свято не должно быть пусто, так возникает восприятие романа «Что делать?» как своеобразного «евангелия», а в литературе начинаются поиски положительного героя, «образа Христа».

Мы можем говорить об имманентном присутствии в идеале русского интеллигента элементов христианской этики. При этом важно отметить, что поиск морального идеала сочетался с эсхатологической мечтой о Граде Божием, о чаемом царстве правды, которое будет спасением человечества от земных страданий [19].

Главным препятствием на пути к этому царству являются бессознательные ошибки и заблуждения или осознанная злоба отдельных людей, групп (обличение Л. Н. Толстым духовенства) или классов общества (социализм). Именно тема Царства Божиего становится одной из значительных в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, и именно эта тема роднит их между собой и отчасти с социалистическим движением.

Эта новая этика имеет две ярко выраженные черты.

Во-первых, это *антииндивидуализм*: «христианский плюрализм» причудливо сочетается с глубоким недоверием к обособлению, которое сменяется тотальной регламентацией, настойчивым навязыванием «братства», «единства», но не единства ради истины, а «единства ради единства» [20]. Именно это «тотальное единство» позволило С. Л. Франку сказать в «Вехах», что морализм интеллигенции есть выражение и отрицание ее нигилизма, т. е. непризнания и отрицания абсолютных объективных ценностей – религиозных, научных, эстетических и др. Безграничной и самодержавной властью над сознанием обладает только мораль, а высшим и единственным призванием интеллигента является служение народу, который фактически обожествляется [21].

Вторая, более важная черта, уже частично отмеченная выше – *антропологический оптимизм*, вера в то, что моральное перерождение всех или многих способно решить главные социальные проблемы человека. Другими словами, это непонимание и неумение точно заметить и объяснить происхождение «радикальности эмпирического зла» (прот. Г. Флоровский), недооценка того неопровержимого факта, что «между желанием добра и его исполнением – целая пропасть» [22].

7. Литургический и евхаристический кризис

Ближайшим спутником и одновременно следствием общего религиозного кризиса стал евхаристический кризис, т. е. такое положение, при котором отношение русского образованного общества к Церкви, ее учению и Таинствам определялось не личной верой и пониманием, а абстрактными бюрократическими соображениями. Главное церковное Таинство, Таинство Евхаристии, воспринимается многими «членами Церкви» как некая тягостная обязанность, осложненная говением и чреватая неприятностями по служебной линии в случае ее игнорирования.

Мы знаем сейчас, что связано это с установкой на лояльность – по замыслу императора Петра, т. е. по распоряжению государственной, светской власти, говение и участие в Евхаристии первоначально фактически становится знаком благонадежности. Цель этого распоряжения очевидна – отличить православных от раскольников, которые категорически отказывались в этом таинстве участвовать. Характерно, однако, что в законодательстве Российской империи во всю синодальную эпоху сохранялись статьи, согласно которым всякий православный был обязан хотя бы раз в году причащаться Святых Тайн, а *гражданским и военным начальникам* вменялось в обязанность наблюдать за исполнением этого

правила их подчиненными, причем в случае уклонения от них священник или другое лицо должны были сообщать об этом *гражданскому* же начальству [23]. Таким образом, первоначальная идея Петра, спорная сама по себе, в XIX в. искажается до противоположности: приобщаются Святыне и соответствующие справки старательно «выправляют» абсолютно не верующие ни во что лица, обеспокоенные только правильным ходом своего карьерного роста.

Сейчас мы можем констатировать, что в XVIII и XIX вв. евхаристический смысл христианской жизни во многом теряется. Складывается парадоксальная ситуация: человек, причащающийся редко, вызывает подозрение. Но человек, желающий причащаться часто, может также быть взят «на подозрение».

В свою очередь, это приводит к упадку духовничества и литургической жизни – для большинства населения России «литургия перестала быть центром церковной жизни», имеет место «вмешательство светской власти в самую интимную сторону религиозной жизни», которое приводит к тому, что «глубочайший акт христианской жизни в сознании очень многих стал пониматься как внешняя гражданская обязанность»; в русских людях «стало меркнуть и сознание того, что такое есть в своем существе Церковь, в чем заключается ее жизнь» [24]. В этом смысле противостояние Л. Н. Толстого и отца Иоанна Кронштадского в определенном смысле может быть рассмотрено как противостояние глубоко символическое по своей природе: Л. Н. Толстой в 39-й и 40-й главах первой части романа «Воскресение» создает своеобразный пасквиль – пародию на православное богослужение, в первую очередь на литургию; отец Иоанн, наоборот, является символом важнейшего явления в русской церковной жизни конца XIX – начала XX в. – евхаристического возрождения.

Примечания

1. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937 (репринт). С. 292.
2. *Ильин И. А.* Кризис безбожия. М., 2005. С. 56.
3. *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 7.
4. *Хейзинга Й.* Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010. С. 87 и далее.
5. См. по этому поводу: *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2004.
6. *Ильин И. А.* Указ. соч. С. 63–68.
7. *Мелешко Е. Д., Каширин А. Ю.* Толстовство как тип русского мировоззрения // Толстовский сбор-

ник – 2000: Материалы XXVI Международных Толстовских чтений: в 2 ч. Ч. 1: Л. Н. Толстой в движении эпох / Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого. Тула, 2000. С. 71.

8. *Федоров Н. Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1999. С. 505.

9. *Живов В. М.* Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 2000. С. 708.

10. Там же. С. 706.

11. *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, New Jersey, 1983. P. XXVI–XXVIII.

12. Ibid. P. 5–6.

13. Ibid. P. 62–63. Важное значение имело то обстоятельство, что численно русское духовенство возрастало в пропорции к населению России в целом. То же явление характерно и для католического духовенства, но оно было бессемейным. В целом, если учитывать членов семей духовенства, духовное сословие было гораздо более многочисленным, нежели на Западе. Кроме того, следует иметь в виду, что если в России в XIX в. практически 100% духовных лиц происходили из духовного сословия, то в Европе среди католиков и протестантов этот показатель был существенно иным – 20–30%. См.: *Римский С. В.* Указ. соч. С. 104–105.

14. Термин Б. Н. Тихомирова: *Тихомиров Б. Н.* Христос и истина в поэме Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» // ДиМК. СПб., 1999. № 13. С. 168.

15. *Климова С.* Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб., 2004. С. 246–247.

16. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857–1903 СПб.: Издание Общества Толстовского музея, 1911. Т. 1. С. 62.

17. Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов: полное собрание переписки. Т. I–II. Группа славянских исследований при Оттавском университете; Государственный музей Л. Н. Толстого. Оттава, 2003. Т. II. С. 781.

18. См. по этому поводу статью: *Лебедев В.* О религиозном кризисе современности // Путь. 1939. № 59. С. 32.

19. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990 [репринт издания 1909 г.]. С. 33 и далее.

20. Как тут не вспомнить ставшие знаменитыми через 100 лет строки: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке?»

21. *Франк С. А.* Этика нигилизма // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990 [репринт издания 1909 г.]. С. 155–159. См. также о связи философии Л. Н. Толстого с «этикой нигилизма»: *Мелешко Е. Д., Каширин А. Ю.* Указ. соч.

22. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. Т. 1. С. 111 (письмо гр. А. А. Толстой от 4 июня 1858 г.).

23. СЗРИ. СПб., 1897. Т. I. Ст. 231, 223, 227.

24. *Семенов-Тянь-Шанский А., еп.* Отец Иоанн Кронштадтский. Обнинск, 1995. С. 60–61.

Всеобщая история

УДК 94(497.1)"1947/..."

А. А. Костин

ЮГОСЛАВСКИЙ АСПЕКТ ГЕНЕЗИСА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ*

В статье анализируются место и роль Югославии в становлении советско-американской конфронтации, выявляется влияние американской политики «сдерживания» на изменение отношений между Москвой и Белградом, характеризуется динамика югославской политики СССР и США в 1945–1949 гг.

This article examines the place and role Yugoslavia in the formation of the Soviet-American confrontation, reveals the influence of U.S. policy of Containment to change the relations between Moscow and Belgrade, characterizes the dynamics of the Yugoslavian policy of the USSR and the USA in 1945–1949.

Ключевые слова: СССР, США, Югославия, внешняя политика, советско-американские отношения, генезис Холодной войны, Балканы.

Keywords: The Soviet Union, United States, Yugoslavia, foreign policy, US-Soviet relations, the genesis of the Cold War, the Balkans.

1945–1949 гг. явились периодом становления конфронтационной модели послевоенного мира. Одним из камней преткновения в отношениях СССР и США стала Восточная Европа. Ключевое место в усилиях Москвы по консолидации блока своих сателлитов в этом регионе, равно как и в становлении и трансформации американской стратегии «сдерживания», заняла Югославия.

До конфликта в Коминформе югославская компартия была главной опорой политики Кремля на Балканах. Тесное сотрудничество с правительством И. Б. Тито давало Москве возможность воздействия на ситуацию в соседней Греции и геополитически важный выход в Средиземное море. В Белграде находилась штаб-квартира созданного в 1947 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий. Югославские коммунисты первыми конституционно закрепили свою власть, став примером для коммунистов других государств Восточной Европы [1].

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10.

Военное руководство Соединённых Штатов рассматривало ФНРЮ потенциальным противником в вооружённом столкновении «западных демократий» с коммунистами. Стратегическая концепция, разработанная в Объединённом комитете начальников штабов армии США 18 июня 1946 г. на случай предполагаемой войны с СССР и получившая кодовое название план «Пинчер», исходила из того, что Кремль желает избежать большого конфликта в ближайшие несколько лет [2]. Наиболее вероятным спусковым механизмом вооружённого столкновения считалась агрессия со стороны советских сателлитов, в первую очередь Югославии. В учебных заведениях армии США слушателям внушали, что эта страна может стать инициатором будущего конфликта [3].

Американский внешнеполитический истеблишмент считал Югославию главным проводником советской политики. В «длинной телеграмме» госсекретарю 22 февраля 1946 г. поверенный в делах США в СССР Джордж Ф. Кеннан констатировал, что пропагандистская машина и практическая политика югославского правительства «предоставлены в распоряжение СССР» [4]. 22 октября 1946 г. Кеннан сообщил свою оценку югославского лидера американскому руководству в Вашингтоне. Он сравнил Тито с «охотничьей собакой, которая настолько хорошо обучена команде “к ноге”, что нет никакой нужды в поводке» [5]. Внешнеполитические акции Белграда Белым домом и Госдепартаментом рассматривались как выполнение установок Москвы.

12 марта 1947 г. президент Г. Трумэн выступил со специальным посланием «О политическом положении в Греции и Турции», в котором были чётко обозначены новые принципы внешней политики США. В качестве главной причины появления доктрины Трумэна в исторической науке традиционно называется советский фактор [6]. Финансовая и военно-техническая поддержка Турции и Греции была предназначена для того, чтобы не допустить распространения советского влияния на юге Европы и в Восточном Средиземноморье. Доктрина являлась неотъемлемой составной частью стратегии «сдерживания коммунизма». Не последнюю роль в формировании идейной базы внешней политики Вашингтона на данном этапе сыграл учёт возможных сценариев развития отношений с югославским режимом. Прочные позиции коммунистической партии в Югославии и совпадение точек зрения ФНРЮ и СССР на основные международные

проблемы давали Вашингтону основания определять курс в отношении этой балканской страны в русле стратегии противодействия распространению советского влияния.

На поддержку Греции и Турции президент Г. Трумэн запросил у Конгресса 400 млн долларов. Он заявил, что без такой помощи невозможно противостоять иностранному вмешательству в Грецию со стороны её северных соседей – Албании, Болгарии и Югославии [7]. СССР в выступлении Трумэна не упоминался, очевидно, из соображений дипломатического такта. Кроме того, заявления о прямом советском вмешательстве в греческие дела требовали доказательств, а их не было. Иначе обстояло дело с северными соседями Греции. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в сентябре – ноябре 1947 г., западным державам удалось провести резолюцию с осуждением Югославии, Болгарии и Албании [8].

За спиной греческих коммунистов действительно стояли просоветские режимы в соседних балканских странах. Главенствующее место в этой тройке занимала Югославия. Тито стремился стать лидером на Балканах путём «покровительства» над Тираной и включения Болгарии в югославскую федерацию в качестве седьмой республики. 9 июня 1946 г. с согласия советской стороны между ФНРЮ и Народной Республикой Албания было достигнуто соглашение о заключении договора о дружбе и взаимной помощи, а также были подписаны договор об экономическом сотрудничестве и соглашение о предоставлении Албании финансового кредита на сумму в 1 млн 200 тыс. американских долларов [9]. Однако летом – осенью 1947 г. между Москвой и Белградом возникли разногласия: развитие советско-албанских связей вызвало обеспокоенность югославской стороны, инициировавшей преследование промосковского крыла компартии Албании (Э. Ходжа, Н. Спиру) со стороны пробелградского крыла во главе с К. Дзодзе.

Стремление югославского коммунистического режима играть руководящую роль по отношению к другим балканским компартиям нарушало иерархическую модель создаваемого советского блока с одним центром в Кремле. Отсутствие единства в политике СССР и ФНРЮ в регионе могло привести к столкновению СССР с Западом из-за неосторожных действий Белграда. Сближение Югославии, Болгарии и Албании, с одной стороны, способствовало укреплению советского влияния на Балканах, но лишь при условии послушания Белграда Москве; с другой – провоцировало Вашингтон на ответные действия. СССР пытался избежать дальнейшего обострения без того непростых отношений с Западом. По словам А. С. Аникеева, «Кремль был весьма

чувствителен к изменениям в позиции Запада, который к концу 1947 г. был настроен на проведение решительной антикоммунистической политики на Балканах» [10]. Тито же не проявлял необходимой осторожности в деле оказания помощи греческим коммунистам, что явилось одной из причин его разрыва со Сталиным в 1948 г. [11]

7 августа 1947 г. был опубликован официальный протокол об итогах югославско-болгарских переговоров, результатом которых явилось согласование договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. Москва крайне неодобительно отнеслась к обнародованию Белградом и Софией условий югославско-болгарского договора и к намерению И. Тито и Г. Димитрова подписать его до вступления в силу мирного договора с Болгарией [12]. В условиях продвижения Белым домом программы американской помощи Греции Кремль не желал обострять ситуацию на Балканах. Рост напряжённости в двусторонних отношениях в этом регионе мог предоставить администрации Трумэна дополнительные аргументы в пользу защиты предложенной им доктрины. 12 августа 1947 г. Сталин направил Тито телеграмму, в которой подчеркнул, что «своей торопливостью оба правительства облегчили дело реакционных англо-американских элементов, дав им лишний повод усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии» [13].

Эти опасения оказались обоснованными. Реакция Вашингтона на условия договора была однозначной – они рассматривались как угроза миру на Балканах. Американские обозреватели видели в этом соглашении угрозу для Греции и предполагали, что на переговорах обсуждались вопросы создания автономного македонского государства [14]. Наиболее вероятными последствиями сближения трёх балканских стран в США считали поглощение Албании Югославией, предъявление югославско-болгарской федерацией претензий на греческую часть Македонии и под этим предлогом прямое коммунистическое вмешательство в гражданскую войну в Греции.

Для ослабления влияния СССР американская сторона активизировала разведывательную деятельность в регионе и начала пропагандистскую борьбу против просоветских режимов. В декабре 1947 г. накануне католического Рождества Совет национальной безопасности США секретной директивой СНБ № 4-а главным компонентом политики в отношении СССР и его спутников, ведущим из которых на Балканах считалась Югославия, определил «психологическую войну». Это был первый официальный термин, бюрократический эвфемизм для обозначения пропаган-

ды, разведывательной деятельности и секретных операций [15].

Для сбора разведанных в Югославии американские спецслужбы пользовались прикрытием ЮНРРА [16]. Использование американской разведкой аппарата этой организации было настолько явным, что в 1946 г. югославские власти вынуждены были арестовать 10 работников ЮНРРА за разведывательно-подрывную работу в стране [17]. Во второй половине 1946 г. на югославскую территорию неоднократно проникали американские военные [18]. Пропаганду и сбор данных в ФНРЮ координировало посольство США в Белграде. Факты шпионажа были выявлены в октябре 1946 г., когда югославские власти раскрыли возглавляемую переводчиком посольства Милутином Стефановичем шпионскую сеть, собравшую для американцев обширную секретную информацию о югославских вооружённых силах, военных приказах и шифрах [19]. 31 декабря 1946 г. – 4 января 1947 г. в Белграде состоялся процесс по обвинению югославских граждан в разведывательной деятельности в пользу США. Восемь человек предстали перед Сербским верховным судом за предоставление служащим американского посольства секретных данных. Три человека были приговорены к смертной казни, остальные получили различные сроки тюремного заключения [20].

Сбор разведывательной информации был неразрывно связан с распространением в ФНРЮ информационных материалов, направленных на подрыв позиций нового режима. Американская разведка в ФНРЮ широко использовала различные культурные организации, в числе которых были югославское бюро американской информационной службы ЮСИС [21] и читальный зал американского посольства в Белграде, которые за проведение враждебной пропаганды и шпионской работы в сентябре 1946 года были закрыты югославскими властями [22]. Антиюгославская кампания велась с помощью информационного бюллетеня, выпускаемого югославским бюро ЮСИС. Он раздавался бесплатно, прямо на улицах, а также рассылался определённому кругу лиц. Посольство распространяло западные журналы, газеты, брошюры и другие печатные материалы на языках народов Югославии. В читальном зале устраивались общественные лекции и просмотр кинофильмов, запрещённых в ФНРЮ [23].

Наряду с идеологической борьбой и разведывательной деятельностью одним из методов «психологической войны» являлось проведение секретных операций. Последнее предусматривало создание за «железным занавесом» армий Сопротивления (по типу «лесных братьев» в Прибалтике) для проведения диверсий, саботажа,

подрывной деятельности и партизанской войны. Такое антисоветское подполье должно было формироваться из оппозиции, лиц, лишённых гражданских прав, разочаровавшихся интеллигентов, эмигрантов и не имеющих гражданства беженцев [24]. Планировалось, что в Югославии ядром антикоммунистического Сопротивления станут уцелевшие четники. Однако эти планы были во многом утопичны, первая же попытка организовать такое подполье в ФНРЮ провалилась [25].

Югославская политика Соединённых Штатов была неотъемлемой частью американской стратегии на Балканах и Ближнем Востоке, главной целью которой было «сдерживание» советского продвижения на подступах к Средиземному морю. К 1947 г. стала очевидной безрезультатность усилий Кремля пересмотреть режим черноморских проливов, добиться передачи Триеста в состав ФНРЮ или получить средиземноморскую базу для своего ВМФ. Доктрина Трумэна должна была продемонстрировать решимость Вашингтона сохранить средиземноморские коммуникации вне сферы влияния СССР.

Советский лидер оценивал политику поддержки греческих партизан после принятия программы американской помощи Греции и Турции достаточно реалистично. Говоря о перспективах греческого восстания, Сталин во время встречи с югославской делегацией 11 февраля 1948 г. довольно эмоционально заявил Э. Карделю: «Нет у них никаких шансов на успех. Что вы думаете, что Великобритания и Соединённые Штаты – Соединённые Штаты, самая мощная держава в мире, – допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море. Ерунда. А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно скорее» [26]. Приведённое М. Джиласом заявление советского лидера подтверждается краткой записью заседания Политбюро ЦК КПЮ 1 марта 1948 г., на котором Кардель рассказал о приёме болгарской и советской делегаций в Кремле: «Сталин разговаривал с Димитровым грубо, как с комсомольцем... Критика в адрес Югославии была острее по содержанию». Советский лидер спросил югослава, верят ли они в возможность победы греческих партизан, и акцентировал внимание на югославской помощи греческим повстанцам: «То, что вы помогаете Греции. Если не верите в победу греческих партизан, тогда следует приглушить партизанское движение в Греции» [27].

Заявление Сталина Карделю, очевидно, было порождено двумя обстоятельствами. Во-первых, оно свидетельствовало об уверенности хозяина Кремля в бесперспективности любых попыток, за исключением военного вмешательства, принять участие в урегулировании греческого вопроса в пользу партизан. Военная поддержка Советским

Союзом или Югославией прокоммунистического движения в этой стране была чревата развязыванием войны между СССР и США, на тот момент обладавшими монополией на атомную бомбу. 21 апреля 1948 г. посол СССР в Белграде А. И. Лаврентьев беседовал об ухудшении советско-югославских отношений с помощником министра иностранных дел ФНРЮ А. Беблером. Советский посол «указал на то, что события, которые развиваются на Балканах и в районе Средиземного моря, настолько переплетаются с общемировой политикой, что любой неосторожный шаг может вызвать серьезные осложнения, тем более что англо-американцы стремятся к усложнению обстановки в этой части Европы...» [28].

Во-вторых, резкий выпад Сталина стал проявлением недовольства советского лидера излишне, по его мнению, самостоятельной политикой Тито на Балканах, разрушавшей образ СССР как лидера мирового коммунистического движения. Дипломатические неудачи советской делегации на заседаниях СМВД по вопросам Триеста, итальянских колоний, предоставления Советскому Союзу базы в Средиземном море и пересмотру режима черноморских проливов, а также вывод советских войск из северного Ирана воспринимались Белградом как проявление слабости. К 1948 г. югославский лидер, вероятно, разочаровался в способности Кремля отстоять интересы коммунистического движения на юго-востоке Европы и оказался перед выбором – смириться с готовностью Москвы идти на уступки или действовать более самостоятельно.

Оба лидера – и Сталин, и Тито, являясь приверженцами коммунистической идеи, руководствовались в первую очередь интересами своих стран. Будучи прагматиками, они прекрасно понимали возможные выгоды и угрозы текущего момента. После появления доктрины Трумэна практический подход вынуждал Сталина, понимавшего ограниченность своих ресурсов, проводить осторожную политику в отношении Греции ради утверждения контроля над Восточной Европой. Тито стремился обеспечить безопасность Югославии и своего режима, считая необходимым продолжение активной помощи греческим коммунистам. Призывы Кремля прекратить югославское вмешательство в гражданскую войну в Греции Белград мог расценить либо как предательство Советским Союзом югославских интересов, либо как хитрость Москвы, предпринятую с целью обмануть Тито и лишить его какого-либо влияния на Балканах. Исходя из этого югославский лидер делал вывод о своём праве проводить более самостоятельную политику.

В марте 1948 г. Белград спровоцировал гнев Сталина своей попыткой достичь компромисса с Западом по проблеме Триеста в обход Москвы

[29], когда Тито попытался провести ревизию мирного договора с Италией, «не консультируясь с правительством Советского Союза». Вечером 21 марта 1948 г. помощник министра иностранных дел ФНРЮ Беблер проинформировал временного поверенного в делах СССР в Югославии Д. М. Армянинова о решении югославского правительства заявить правительствам США, Великобритании и Франции о своей готовности разрешить вопрос о Триесте на базе известных договорённостей Тито – Тольятти [30] и заключить с итальянским правительством договор о дружбе и ненападении. При этом Беблер не попросил Армянинова узнать мнение правительства СССР. Тон заявления, сделанного помощником министра иностранных дел ФНРЮ, отличался от привычных югославских обращений за советом и помощью к Москве.

22 марта советский посол в Белграде Лаврентьев в разговоре с министром иностранных дел ФНРЮ С. Симичем холодно заметил, что Белграду следовало бы проконсультироваться по этому вопросу с Москвой. Однако уже в полдень того же дня югославское правительство официальной нотой «дало западным державам такой ответ, какой оно считало нужным и полезным для демократических сил в Италии» [31]. Этим югославы продемонстрировали своё намерение проводить независимую от Кремля политику и стать самостоятельным субъектом международных отношений в балкано-средиземноморском бассейне. Такая позиция была обусловлена недовольством Белграда неспособностью советской стороны добиться передачи Триеста Югославии. В ответ правительство СССР заявило, что «оно не считает себя связанным Соглашением о взаимной консультации по важным международным вопросам вследствие нарушения Югославским правительством этого Соглашения» [32]. Последовал отзыв всех советских военных представителей из Югославии. Советское правительство не направило Тито поздравление с днём его рождения (25 мая) и заявило о необходимости переноса из Белграда Дунайской конференции [33].

Содержание и характер дипломатических отношений между Москвой и Белградом в первой половине 1948 г. [34] показывают, что Кремль сознательно шёл на ухудшение отношений с Югославией. Отчитываясь Белграду о состоявшейся 24 марта беседе с министром иностранных дел СССР, посол ФНРЮ в Москве В. Попович подчеркнул: «Молотов был очень зол. В таком тоне он никогда с нами не разговаривал» [35]. Жёсткость реакции Сталина преследовала цель преподать урок в назидание другим странам формировавшегося советского блока. Советский лидер был готов пожертвовать ФНРЮ ради укрепления контроля над остальной Восточной

Европой. Конечно, Сталин надеялся на то, что Тито потеряет власть и будет заменён лояльными Кремлю политическими фигурами. Однако югославский маршал не только удержал свои позиции в стране, но и усилил их, отчасти благодаря изменению американской позиции.

Разрыв между Тито и Сталиным, произошедший в июне 1948 г. [36], продемонстрировал возможность возникновения коммунистического национализма в Восточной Европе и вынудил Вашингтон внести значительные коррективы в концепцию национальной безопасности. Отдел планирования политики немедленно начал анализ ситуации, и уже 30 июня его глава Дж. Кеннан представил доклад «Отношение правительства США к событиям в Югославии», который, по словам историка У. Мискэмбла, «определил американскую политику в 1949 г.» [37]

В первой части доклада Кеннан констатировал: «Вызов, брошенный Кремлю лидерами югославской коммунистической партии, поставил перед американской внешней политикой ряд новых вопросов». Признав возможность дальнейшей дезинтеграции советской зоны в ближайшем или отдаленном будущем, глава ОПП указал на необходимость использования Югославии для создания прецедента «особых» взаимоотношений между западными странами и государствами социалистического блока. Кеннан советовал действовать чрезвычайно осмотрительно. Подчёркивалось, что в отношениях с Югославией нельзя забывать, что она по-прежнему остается «коммунистическим государством, преданным идеологии враждебности и презрения к буржуазному, капиталистическому миру», а Тито в одиночку не превратился в «друга» [38].

Предупредив, что будет «непростительной ошибкой» для Запада считать Тито «другом» только из-за его неповиновения Кремлю, Кеннан подчеркнул, что разрыв имеет большую важность: «Новый фактор фундаментального и глубокого значения введен в коммунистическое движение демонстрацией того, что Кремлю может успешно бросить вызов один из его собственных фаворитов. Этим актом аура мистического всемогущества и непогрешимости, которая окружала кремлевскую власть, была сломлена. Возможность отступничества от Москвы, которая прежде была немыслима для коммунистических лидеров других стран, будет с этого времени присутствовать в той или иной форме в сознании каждого из них» [39].

Кеннан рекомендовал способствовать возникновению разногласий между Москвой и прокоммунистическими режимами восточноевропейских государств, избегая при этом двух крайностей. Во-первых, не заискивать перед Тито, так как Москва будет использовать любые факты, ука-

зывающие на желание задобрить лидера КПЮ, для того, чтобы возбудить отвращение к Западу внутри международного коммунистического движения и среди соратников Тито. Такая политика могла привести лишь к ослаблению позиций югославского лидера и созданию условий для отстранения его от власти, что сразу же резко ухудшило бы возможности для освобождения Восточной Европы от коммунизма. «С другой стороны, – предупредил Кеннан, – если западный мир будет слишком холоден с Тито... и не примет тех авансов, которые тот сделает для развития более тесных связей с Западом, это будет использовано Кремлём в качестве доказательства того, что коммунисты в других странах не имеют иной альтернативы, кроме как остаться с Москвой» [40].

Оптимальным вариантом Кеннан считал политику умеренности в отношениях с Югославией, посредством которой «Соединенные Штаты немного приоткроют для Тито дверь, через которую он сможет пройти, когда захочет». США должны приветствовать независимость Белграда, но необходимо отдельно подчеркнуть югославам, что внутривластный режим в их стране «остаётся неприемлемым для нашего народа и что, пока этот режим продолжает существовать, югославо-американские отношения не смогут стать по-настоящему сердечными и тесными, как хотим мы». Если Белград станет искать более тесных отношений с Западом, то Соединенные Штаты «не будут препятствовать этому... при условии, что Югославия готова занять лояльную по отношению к нам позицию и сотрудничать в международных делах». Только в этом случае возможно заключение договоренностей между Западом и Югославией. Запад должен быть готов принять югославский режим и развивать нормальные отношения с ним, если югославы будут проводить независимую внешнюю политику [41].

Последнее положение обсуждалось в ходе американо-британских переговоров, состоявшихся в Лондоне 14–26 октября 1949 г., и было одобрено английской стороной. Документ, подготовленный главой Отдела планирования политики (ОПП) получил поддержку заместителя госсекретаря Р. Ловетта, а затем и главы внешнеполитического ведомства Дж. Маршалла. Доклад Кеннана был передан в Совет национальной безопасности как официальное мнение Госдепартамента. Уже 6 июля его положения были утверждены директивой СНБ № 18 и стали руководством к югославской политике Соединённых Штатов [42].

Тем не менее вскоре американское руководство подвергло сомнению реальность конфликта Сталина и Тито, посчитав его хитроумным ходом советского лидера, преследующего свои внеш-

неполитические цели. Поводом стала поддержка советской стороной югославской делегации в июле 1948 г. на Дунайской конференции в Белграде [43]. Причиной тому явилось совпадение интересов СССР и ФНРЮ как государств дунайского бассейна. Обе страны стремились зафиксировать в новой конвенции принцип приоритетности прав придунайских государств в определении режима судоходства по Дунаю. Этого было недостаточно для того, чтобы погасить остроту советско-югославских разногласий. Опасения Вашингтона оказались напрасными. К концу 1948 г. Кремль приступил к осуществлению попыток по отстранению Тито от власти. Была развернута пропагандистская кампания по осуждению «клики фашиста Тито», началась концентрация войск вдоль югославской границы и экономическая блокада страны. СССР прекратил все поставки сырья в Югославию и запретил странам Коминформа торговать с ней. Эти действия развеяли сомнения относительно реальности разрыва и серьезности положения Тито.

19 июля 1948 г. правительства США и Югославии подписали в Вашингтоне пакет соглашений, предусматривающих урегулирование вопросов национализированной в ФНРЮ американской собственности, югославских платежей за помощь Соединенных Штатов в рамках ленд-лиза и деятельности ЮНРРА, а также других денежных претензий между двумя странами. Министерство финансов США разморозило югославские активы в Соединенных Штатах. Соглашения стали результатом югославо-американских переговоров, проходивших в Вашингтоне с мая 1947 г. Хотя общие контуры соглашений были определены ещё 11 июня 1948 г., т. е. до появления резолюции Коминформа, советско-югославский конфликт ускорил их окончательное подписание. Выполнение этих соглашений позволило опальному югославскому режиму распоряжаться значительными денежными средствами, крайне необходимыми в условиях сокращения экономических отношений с СССР и его сателлитами. 13 сентября 1948 г. Государственный департамент объявил о получении от югославского правительства чека на 17 млн долларов [44], в то время как замороженные в США активы югославского правительства составляли почти 47 млн долларов золотом, ещё 13,8 млн долларов находились на счетах югославских компаний и частных лиц [45].

В ноябре 1948 г. руководитель европейского отдела Госдепартамента Дж. Хикерсон обратился к Кеннану с вопросом о возможности улучшения американо-югославского торгово-экономического сотрудничества вне зависимости от характера политических отношений двух стран [46]. Кеннан высказался за более активную поддержку режима Тито. В документе ОПП № 49

«Экономические отношения между Соединенными Штатами и Югославией» от 10 февраля 1949 г. рекомендовались шаги по ослаблению экономических ограничений против этой страны: смягчение американского лицензионного контроля, а также торговых и кредитных ограничений в отношении ФНРЮ [47]. Мотивируя необходимость этого, Кеннан подчеркнул, что «титоизм осуществляет разрушительную эрозию внутри сферы влияния Кремля» [48].

Руководитель ОПП выступил против любых попыток вынудить Тито ослабить государственно-политический контроль в стране, опасаясь, что это может подорвать власть югославского маршала. «Как бы мы ни относились к Тито, – объяснял Кеннан, – он теперь действует в наших интересах, эффективно атакуя советский империализм внутри коммунистической семьи. Тито, пожалуй, – наш самый ценный актив в борьбе за сдерживание и ослабление русской экспансии. Он должен иметь возможность своим вариантом коммунизма доказать, что восточноевропейская страна может выйти из-под контроля Москвы и при этом успешно развиваться». Наоборот, крах режима Тито позволит Коминформу указать, какова дальнейшая судьба тех, кто осмелится ослушаться Москвы [49].

Это вовсе не означало, что Соединенные Штаты соглашались закрыть глаза на югославскую поддержку коммунистических сил в соседней Греции. Американская политика в Югославии должна была балансировать между оказанием Тито поддержки, достаточной для того, чтобы предотвратить крах его режима, и продолжением применения давления, чтобы вынудить его прекратить поставки греческим партизанам [50]. 17 февраля 1949 г. Совет национальной безопасности принял документ СНБ № 18/2, подписанный президентом на следующий день [51]. Тем самым администрация США одобрила курс на смягчение контроля над американским экспортом в Югославию, преследуя цели сохранения этой страны вне сферы советского контроля и прекращения помощи греческим коммунистам со стороны Белграда.

Скорректированная политика Соединенных Штатов в отношении Югославии исходила из особого положения последней, ставшей изгоем в советском блоке, но сохранившей свой политический режим и приверженность коммунистической идеологии. Специфика нового внешнеполитического курса США заключалась в отказе от активного вовлечения Белграда в орбиту западного влияния. Его базисом стали постепенные, продуманные акты экономических послаблений без одобрения внутривосточного режима.

К концу 1949 г. балансирование между расширением торгово-экономических связей и со-

хранением давления на Белград с целью изменения его греческой и албанской политики принесло успех. Тито сохранил власть, несмотря на попытку переворота, югославское министерство иностранных дел начало публично выступать против СССР, а граница между Югославией и Грецией была закрыта, что явилось серьезным ударом по позициям греческих коммунистов [52].

По мнению Дж. Иатридиса, поражение прокоммунистических сил в Греции стало результатом комбинации внутренних и внешних факторов, в первую очередь американской поддержки греческого правительства, хотя раскол между ВКП(б) и КПЮ и прекращение помощи со стороны Югославии также нанесли весьма значительный урон коммунистам в Греции [53]. Парадокс заключался в том, что Тито свернул югославскую помощь греческим повстанцам под давлением американцев после разрыва со Сталиным, хотя последний добивался от него того же. Нежелание югославского лидера уступить требованиям Кремля и отказаться от борьбы за Грецию стало одной из причин разрыва отношений между Москвой и Белградом. После конфликта в Коминформе Соединённым Штатам с помощью изменения характера своих отношений с Югославией удалось подавить греческих коммунистов и прекратить гражданскую войну в Греции.

Разработанный в Отделе планирования политики новый внешнеполитический курс США был наиболее эффективным в сложившихся условиях. Однако аналитики руководимой Кеннаном структуры Госдепартамента несколько преувеличили последствия советско-югославского конфликта. 8 декабря 1949 г. Совет национальной безопасности принял документ СНБ № 58/2 «Политика Соединённых Штатов в отношении советских сателлитов в Восточной Европе». В нём были сформулированы возможности, возникшие перед США с учётом, как гласит документ, «урока Тито».

На основе выводов Отдела планирования политики президент Трумэн и другие члены СНБ пришли к заключению, что Соединённые Штаты с помощью идеологического наступления в политической и культурной сферах, а также экономического давления должны изживать из сознания политических лидеров восточноевропейских стран сталинскую догму о том, что страны-сателлиты не могут существовать без СССР. Путём косвенного, незримого воздействия американцы надеялись постепенно расширить «коммунистическую реформуляцию», начатую Тито: «Такое развитие событий может предположительно дойти до точки, когда в коммунистическом мире будут два оппозиционных друг другу блока – сталинская группа и неконформистская фракция либо свободных союзников, либо объе-

динённых под лидерством Тито. Подобная ситуация в конечном итоге может дать нам возможность действовать на основе баланса сил в коммунистическом мире и незаметно содействовать развитию сотрудничества последних с Западом» [54].

Подобное предположение являлось слишком оптимистичным и оправдало себя лишь отчасти и уже после смерти Сталина, когда произошёл конфликт между Москвой и китайскими коммунистами. На рубеже 1940–1950-х гг. ни один из подконтрольных Кремлю режимов не осмелился ослушаться воли Москвы. Наоборот, Кремлю, благодаря показательному осуждению КПЮ, удалось укрепить свою власть в Восточной Европе. «Еретик» Тито вскоре принял активное участие в создании движения Неприсоединения, но оно не явилось результатом раскола в коммунистическом мире. Как показали дальнейшие события, надежды на расширение раскола были напрасны.

Более взвешенное суждение о последствиях конфликта в Коминформбюро было представлено ЦРУ. В меморандуме «Отношения стран-сателлитов с СССР и Западом», подготовленном 7 ноября 1949 г., разведывательное ведомство сообщило Совету национальной безопасности, что условия, позволившие Тито ослушаться Сталина, больше нигде в Европе не сложились [55].

Материалы разведки, начиная с первых донесений о югославских партизанах в 1943 г., позволили специалистам координационного центра спецслужб США проанализировать особенности установления контроля главы КПЮ над страной. Аналитики ЦРУ проявили глубокое понимание специфики режима Тито и развития его отношений с Кремлём: «Ключом к успешному выходу Тито из-под контроля Кремля является то, что (а) югославская компартия во многом создана им самим, (б) советская армия не оккупировала Югославию и не стала там охранителем власти Кремля, и (с) он с самого начала смог предотвратить проникновение сталинских агентов в его партию и государственный аппарат» [56].

Поправки, внесённые разведывательным управлением, были учтены в документе СНБ № 58/2. В нём признавалось, что «в настоящее время в советских сателлитах не существует условий, которые позволили бы им сейчас последовать примеру Югославии. Лидеры государств-сателлитов пришли к власти несамостоятельно. Большинство из них были навязаны Москвой с помощью Красной Армии и НКВД. Поэтому у этих лидеров нет такой национальной гордости, как у Тито и его сторонников. С самого начала партии и правительства сателлитов были наводнены сталинскими агентами, в результате чего любой заговор с

целью освобождения от контроля Кремля будет быстро обнаружен, изолирован и подавлен. Кроме того, информаторы и агенты есть также и в их армиях. И наконец, советские вооруженные силы размещены на территории стран-сателлитов или на их границах» [57].

Констатация подобных сложностей не лишила Вашингтон надежд на освобождение Восточной Европы от гегемонии Москвы. Совет национальной безопасности определил четыре метода достижения этой цели:

a. Добиваться вывода советских войск из стран-сателлитов на территорию СССР.

b. Стремиться к большей изоляции убеждённых сталинистов, чтобы оградить националистические элементы в партии от их влияния, лишить их широкой народной поддержки в государствах-сателлитах и в конечном итоге свести их власть к минимуму [58].

c. Критиковать сталинскую догму зависимости сателлитов от СССР и поощрять национализм.

d. Всецело воздействовать на связи сателлитов с СССР экономическими силами, которые мы контролируем или на которые способны повлиять [59].

Второе и третье положения по смыслу перекликались с сообщением поверенного в делах США в ФНРЮ Дж. Кэбота. Это донесение было отправлено из белградского посольства в Государственный департамент двумя с половиной годами ранее, 15 февраля 1947 г. Тогда, за год до появления известной резолюции Коминформа, на кризисном этапе развития американско-югославских отношений Кэбот советовал государственному департаменту: «Важно не захлопнуть дверь перед лицом Тито и не оскорблять бессмысленно национальные чувства югославов. Я полагаю, наша политика в расчёте на длительную отдачу должна быть направлена на то, чтобы склонить югославское правительство быть восприимчивым прежде всего к желанию и потребностям людей, а не к советским директивам. Я думаю, что даже внутри существующего правительства есть потенциальные фракции, которые воспримут эту политику, если мы не будем безвозвратно отчуждать их» [60].

Поразительно то, что Кэбот выражал надежды на улучшение американско-югославских отношений не в результате потери коммунистами власти в Югославии, чего хотели бы в 1947 г. в Вашингтоне, а на основе способности КПЮ отказаться от следования указаниям советского руководства. Поверенный в делах Соединённых Штатов в Югославии, по сути, первым допустил возможность поддержки националистических сил в просоветских правительствах стран-сателлитов, в том числе коммунистов, ставящих свои национальные интересы выше воли Москвы.

Рекомендация Кэбота не была услышана в Вашингтоне. До раскола, возникшего между Москвой и югославскими коммунистами, аналитики Госдепартамента были уверены в том, что просоветские, коммунистические лидеры не могут действовать вопреки диктату Кремля и при этом сохранить свою власть и жизнь. Конфликт между КПЮ и ВКП(б) не только доказал обратное, но и породил в умах американской внешнеполитической элиты мысли о возможности усиления раскола.

Основополагающей предпосылкой советско-югославского конфликта члены Совета национальной безопасности считали то, что Кремль «недооценил твёрдый, непокорный нрав югославов и организационные способности Тито противостоять советскому нажиму... Чем больше росло советское давление, тем больше увеличивалось и югославское сопротивление, пока не произошёл открытый разрыв». Конфликт с Москвой не привёл к падению югославского лидера, а, наоборот, позволил ему ещё сильнее укрепить свою власть в стране. В документе говорилось: «По иронии судьбы нападки Кремля и Коминформа лишь укрепили внутреннее положение Тито и его соратников и усилили народную поддержку его режима» [61].

Преувеличивая перспективы возникшего в коммунистическом мире конфликта, лица, ответственные за планирование американской внешней политики, взвешенно и объективно оценили возможности развития отношений Запада с Югославией: «Давайте не будем обманывать себя, думая, что Тито будет расположен к нам потому, что мы в стороне от ссоры в коммунистической семье. Лучшее, на что мы можем надеяться, – что Тито, преследуя собственную выгоду, будет вести двойную игру...» [62]

Оценивая результативность решений Совета национальной безопасности, принятых в рамках реализации доктрины «сдерживания», особенно документа СНБ № 58/2 «Политика Соединённых Штатов в отношении советских сателлитов в Восточной Европе», можно с уверенностью заключить, что они в конечном итоге привели к желаемому результату. Курс поощрения раскола в коммунистическом мире определялся Советом национальной безопасности лишь как «тактическая необходимость», которая не должна была затмить собой «основные долгосрочные цели – утверждение нетоталитарных политических систем в Восточной Европе». Эти стратегические цели были достигнуты через четыре десятилетия.

Но тактически новый курс оправдал себя лишь отчасти. Спустя четыре года, в 1953 г., начались антиправительственные выступления в ГДР, затем венгерские и польские события 1956 г., и

наконец, Пражская весна 1968 г. К этому можно добавить не относившиеся к восточноевропейскому региону советско-албанский политический конфликт и нарастание разногласий между СССР и КНР. Однако основной причиной подобных явлений в социалистическом лагере стали смерть Сталина и осуждение культа его личности новым советским руководством. Американцы могли лишь содействовать этим процессам, «поощряя» их с помощью идеологического воздействия, секретных операций и, частично, экономического нажима.

Таким образом, надежды на раскол коммунистического мира на приверженцев СССР и сторонников национального, самобытного варианта социализма, вышедших из-под контроля Кремля, стали просчётом американского внешнеполитического планирования. В документе СНБ № 58/2 речь шла о советских сателлитах в Восточной Европе. Ни один из них не осмелился последовать примеру Белграда. Лишь в Азии и то спустя десятилетие возникла схожая с советско-югославским конфликтом ситуация. Корректировка американской внешнеполитической стратегии хронологически совпала с приходом коммунистов к власти в Китае. Условия победы китайских коммунистов в гражданской войне были схожими с югославскими. В Китае не было советских войск, а Мао Цзэдун не был ставленником Москвы, пытавшейся в январе 1949 г. примирить КПК с Гоминьданом. Уже тогда, в феврале того же года, Кеннан рассчитывал на будущий советско-китайский конфликт [63]. Несмотря на это, до смерти Сталина, совпавшей с окончанием в США «эры демократов», единственной страной с коммунистическим правительством, находящимся вне контроля СССР, оставалась только Югославия.

Предпосылки и последствия конфликта между ВКП(б) и КПЮ выходили за рамки отношений двух стран. Советско-югославский конфликт был неразрывно связан с развитием всей системы международных отношений на этапе становления конфронтационной модели отношений между СССР и США. Для Кремля Югославия, бывшая до появления резолюции Комиинформа соратником, стала врагом. Подобная трансформация образа была использована Сталиным для назидания другим союзникам Москвы и консолидации советского лагеря. Для США, наоборот, Белград из главного проводника политики СССР превратился в инструмент ослабления советского влияния. По расчётам Вашингтона, Югославия должна была стать примером успеха построения национального варианта коммунизма без оглядки на Кремль. Со временем с помощью экономических рычагов и идеологического воздействия американцы намеревались усилить раскол в коммунистическом мире и в конечном итоге

лишить СССР контроля над Восточной Европой [64].

Советско-югославский конфликт не только изменил политику двух держав в отношении Белграда, но и внёс свою лепту в становление Холодной войны. Москва была вынуждена активизировать свои усилия по утверждению просоветских режимов в восточноевропейских странах. Вашингтон под влиянием югославских событий внёс коррективы в стратегию «сдерживания коммунизма». В конце 1949 г. Совет национальной безопасности принял решение о необходимости дополнить политику «сдерживания» СССР активными действиями, направленными на подрыв власти Кремля над Восточной Европой: «После окончания войны в Европе мы (а) сдержали продвижение советской власти на запад, по крайней мере, на время, на линии, идущей от Любека до Триеста, и (б) добились значительных успехов в развитии Западной Европы как силы, противостоящей коммунизму. Это оборонительные действия. Настало время уделить больше внимания наступлению и рассмотреть вопрос, не можем ли мы сделать больше, чтобы ликвидировать или, по крайней мере, сократить преобладающее влияние Советского Союза в странах-сателлитах в Восточной Европе» [65].

Причины конфликта между Кремлём и югославскими коммунистами в июне 1948 г. происходили не из одних только разногласий между Москвой и Белградом. Появлению резолюции Комиинформа также содействовало развитие советско-американских отношений в балкано-средиземноморском регионе. Предпосылками конфликта традиционно считается недовольство руководства СССР попытками Тито взять в свои руки лидерство в коммунистическом движении на Балканах. Югославский маршал без предварительных согласований с советским руководством стремился к созданию тесного военно-политического союза Югославии, Болгарии и Албании под главенством Белграда. Кроме того, Тито продолжал оказывать помощь греческим коммунистам, несмотря на недовольство Сталина, внушавшего югославам, что без флота в Средиземном море формирующемуся советскому блоку не удастся установить свой контроль над Грецией.

Провозглашение и реализация доктрины Трумэна вынуждали Советский Союз, измотанный войной и занятый утверждением своего влияния в странах Восточной Европы, отказаться от продолжения помощи греческим повстанцам. Было принято такое решение Сталиным или нет, остаётся неизвестным. Тем не менее советский лидер требовал от югославов прекращения вмешательства в греческие дела. Тито же считал жизненно необходимой для безопасности Югославии победу коммунистов в Греции. Накопление разно-

гласий между Москвой и Белградом не могло не отразиться на югославско-советских отношениях. В результате, вкупе с отказом советского лидера согласиться на вхождение Болгарии в Югославскую федерацию и его недовольством установлением покровительства Белграда над Тираной, Тито лишился возможностей сделать Югославию лидером коммунистического движения на Балканах. Глава правительства ФНРЮ оказался перед непростым выбором: пожертвовать югославскими национальными интересами и капитулировать перед Сталиным либо проводить более самостоятельную политику, рискуя оказаться в международной изоляции. Тито избрал второе, но после гневной реакции Сталина получил возможность развивать отношения с Западом.

27 сентября 1949 г. Советский Союз денонсировал Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве с Югославией. Между этим событием и предшествовавшим ему провозглашением доктрины Трумэна есть причинно-следственная связь. Очевидно, что американская помощь Греции и Турции, а спустя два с половиной года, после конфликта с Кремлём, и Югославии, во всех случаях имела одну и ту же цель – блокировать распространение советского влияния на Средиземноморье. Всё это показывает, что югославский фактор сыграл не последнюю роль в развитии всей системы международных отношений на этапе генезиса Холодной войны.

Примечания

1. Наиболее полно и систематизированно различные аспекты сотрудничества Москвы и югославских коммунистов в 1945–1947 гг. были изучены А. Я. Гибианский в советский период его научной деятельности. См.: *Гибианский А. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. М., 1987.*
2. *The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. VII. P. 1157–1159; Schnabel J. The History of the Joint Chiefs of Staff. Vol. I. Wilmington, 1979. P. 158.*
3. *Krieger W. American Security Policy in Europe before NATO // NATO: the Founding of the Atlantic Alliance and the Integration of Europe / ed. by F. Heller and J. Gillingham. N. Y., 1992. P. 120.*
4. *Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. [Далее – FRUS.] 1946. Vol. VI: Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1969. P. 704; Kennan G. Memoirs: 1925–1950. Boston; Toronto, 1967. P. 555; Системная история международных отношений: в 4 т. События и документы: 1918–2003 / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 4: Документы. 1945–2003. М., 2004. С. 41; Длинная телеграмма Дж. Кеннана // *Международная жизнь. 1990. № 11. С. 145; Кеннан Дж. Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 465.**
5. Цит. по: *Stephanson A. Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge; L., 1989. P. 89.*
6. *Bostdorff D. Proclaiming the Truman Doctrine: The Cold War Call to Arms. College Station, 2008; Frazier,*

- R. Kennan, «Universalism», and the Truman Doctrine // Journal of Cold War Studies. Spring 2009. Vol. 11. Issue 2. P. 3–34; Gaddis J. L. Reconsiderations: Was the Truman Doctrine a Real Turning Point? // Foreign Affairs. 1974. № 52(2). P. 386–402; Ivie R. Fire, Flood, and Red Fever: Motivating Metaphors of Global Emergency in the Truman Doctrine Speech // Presidential Studies Quarterly. 1999. № 29(3). P. 570–591; Jeffery J. Ambiguous Commitments and Uncertain Policies: The Truman Doctrine in Greece, 1947–1952. Lanham; N. Y., 2000; Merrill D. The Truman Doctrine: Containing Communism and Modernity // Presidential Studies Quarterly. 2006. № 36(1). P. 27–37; Offner A. Another Such Victory: President Truman, American Foreign Policy, and the Cold War // Diplomatic History. 1999. № 23(2). P. 127–155; Калинин А. А. Первый «горячий» конфликт «холодной войны»: Греция в политике США и СССР в 1945–1949 гг. // *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования. Вып. 3 / под ред. С. Н. Белевцовой, М. А. Филимоновой. Курск, 2011. С. 202–219; Юнглоблюд В. Т. Дж. Ф. Кеннан и восстановление враждебного образа СССР в сознании американцев в 1946–1947 гг. // *Образы и символы власти в русском искусстве: история и современность / отв. ред. Н. И. Поспелова. Киров, 2008. С. 103–107.***
7. *Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman. 1947. Wash., 1963. P. 177–179, 239; История США. Хрестоматия: пособие для вузов / сост. Э. А. Иванян. М., 2005. С. 268; Системная история международных отношений. Т. 4: Документы. 1945–2003. М., 2004. С. 60.*
 8. *Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Т. 1. М., 1965. С. 272–274.*
 9. *Восточная Европа в документах российских архивов: 1944–1953 гг. Т. I: 1944–1948 гг. / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. С. 472–478; Советско-югославские отношения. 1945–1956: Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 106–111.*
 10. *Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушёл: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 100.*
 11. Подробнее см.: *Балканский узел, или Россия и югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 274–284; Системная история международных отношений. Т. 3. С. 85–86.*
 12. *Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 571–572.*
 13. Цит. по: *Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 325; Аникеев А. С. Указ. соч. С. 106.*
 14. *Балканский узел. С. 275–276.*
 15. *Grose P. Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain. Boston; N. Y., 2000. P. 94–96.*
 16. *Администрация помощи и восстановления Объединённых наций (ЮНППА – сокр. от англ. United Nations Relief and Rehabilitation Administration).*
 17. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 265. Л. 293об.*
 18. *АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 44; АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 502. Л. 28; АВП РФ. Ф. 144. Оп. 6а. П. 9а. Д. 1. Л. 32.*
 19. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 265. Л. 293.*
 20. *FRUS. 1947. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1972. P. 744–746.*
 21. *USIS (United States Information Service).*

22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 265. Л. 293об.
23. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 504. Л. 17–18, 19, 20, 21, 22, 24, 63–66; АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 172. Д. 502. Л. 59–60; FRUS. 1946. Vol. VI. P. 959–960.
24. Grose P. Op. cit. P. 94–96.
25. Heuser B. Covert Action within British and American Concepts of Containment, 1948–1951 // British Intelligence, Strategy and the Cold War, 1945–1951 / ed. by R. J. Aldrich. L., 1992. P. 72–73; Grose P. Op. cit. P. 152–154.
26. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 130; Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 207–208.
27. Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 226.
28. Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. С. 862.
29. АВП РФ. Ф. 202. Оп. 5. П. 110. Д. 1. Л. 31–33; Ф. 144. Оп. 8 П. 15. Д. 6. Л. 15–17.
30. В ноябре 1946 г. в Югославии состоялась встреча Тито с генеральным секретарём Итальянской компартии П. Тольятти, на которой обсуждался вопрос Триеста. По итогам переговоров было объявлено о возможности решения триестского вопроса на основе автономии Триеста под суверенитетом Италии при обеспечении «истинно демократического статуса» Триеста, который был бы гарантирован соответствующими заявлениями Италии и Югославии. См.: Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 63.
31. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 8. П. 15. Д. 6. Л. 15–17; Ф. 202. Оп. 5. П. 110. Д. 1. Л. 31–33.
32. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 8. П. 15. Д. 6. Л. 15; Ф. 202. Оп. 5. П. 110. Д. 1. Л. 31.
33. FRUS. 1948. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1974. P. 1073; Аникеев А. С. Югославия в европейской политике Великих держав в годы «холодной войны» (конец 40-х – начало 50-х) // Славяноведение. 1992. № 5. С. 66; Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 83.
34. Молотов – Тито, 31 января 1948 г.; Молотов – Карделю, 18 марта 1948 г., ЦК ВКП(б) – ЦК КПЮ, 27 марта 1948 г.; ЦК ВКП(б) – ЦК КПЮ, 4 мая 1948 г.; ЦК ВКП(б) – ЦК КПЮ, 22 мая 1948 г. // Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 211–212; 234–235; 245–249; 284–300; 307–309; и др.
35. Там же. С. 244.
36. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Док. и материалы. М., 1998. С. 455–461; Dedijer V. The Battle Stalin Lost: Memoirs of Yugoslavia, 1948–1953. N. Y., 1971; Ulam A. Titoism and the Cominform. Cambridge, 1952.
37. Miscamble W. George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, 1992. P. 190.
38. FRUS. 1948. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Wash., 1974. P. 1079; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. P. 317–318.
39. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1080; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. P. 318.
40. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1080; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II: 1948. P. 318–319.
41. Miscamble W. Op. cit. P. 192; Mitrovich G. Op. cit. P. 37–38; Райкова В. А. «Доктрина сдерживания» в контексте политической философии и деятельности Дж. Ф. Кеннана (1930–1980-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 193–195.
42. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1079.
43. Miscamble W. Op. cit. P. 193.
44. FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1093.
45. Ibid. P. 1059.
46. Ibid. P. 1117–1118.
47. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. P. 22–24; FRUS. 1949. Vol. V. P. 867–868.
48. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. P. 18; FRUS. 1949. Vol. V. P. 866.
49. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. P. 20.
50. Ibid. P. 20–22, 24.
51. FRUS. 1949. Vol. V. P. 868.
52. Miscamble W. Op. cit. P. 195; Mitrovich G. Op. cit. P. 38.
53. Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / ed. by J. Iatrides. Hanover, 1981. P. 216–219.
54. FRUS. 1949. Vol. V. P. 51; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 220; Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006. С. 230.
55. Miscamble W. Op. cit. P. 207.
56. FRUS. 1949. Vol. V. P. 49; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 217; Главный противник. С. 227–228.
57. FRUS. 1949. Vol. V. P. 50; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 218; Главный противник. С. 228–229.
58. По иронии судьбы этому начиная с 1956 г. способствовала политика десталинизации, проводимая Хрущёвым в странах Восточной Европы. Следующим шагом стало подписание 1 августа 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта общеевропейского (с участием США и Канады) Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.
59. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 223; Главный противник. С. 234.
60. FRUS. 1947. Vol. IV. P. 763–764; Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 79.
61. FRUS. 1949. Vol. V. P. 49; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 218; Главный противник. С. 228.
62. FRUS. 1949. Vol. V. P. 49; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 218; Главный противник. С. 228.
63. Глава Отдела планирования политики 10 февраля 1949 г. написал государственному секретарю о влиянии «отступничества» Тито на отношения китайских коммунистов с Москвой: «Его бунт может создать превосходные условия или даже привести к кризису между Коммунистической партией Китая и Кремлём. Мао Цзэдун пришёл к власти в Китае вне зависимости от Красной армии, и Мао может быть уже заражён вирусом Тито». The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. P. 18; Hixson W. George F. Kennan: Cold War Iconoclast. N. Y., 1989. P. 85.
64. FRUS. 1949. Vol. V. P. 53, 24; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. P. 222. В русском переводе: «курс, направленный на взращивание отступников в коммунистическом мире». См.: Главный противник. С. 233.
65. FRUS. 1949. Vol. V: Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976. P. 43, 21; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. by Th. Etzold and J. L. Gaddis. N. Y., 1978. P. 212; Главный противник. М., 2006. С. 221.

УДК 930(73+470+495)

А. А. Калинин

ИСТОРИОГРАФИЯ АМЕРИКАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ГРЕЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В статье рассматриваются взгляды ряда отечественных и зарубежных историков на американскую и советскую политику в Греции в годы Второй мировой войны через призму основных историографических школ.

This article examines the views of a number of domestic and foreign historians on American and Soviet policy in Greece during the Second World War through the prism of general schools of thought.

Ключевые слова: историография, Вторая мировая война, история Греции, внешняя политика США, внешняя политика СССР, внешняя политика Великобритании, движение Сопротивления.

Keywords: historiography, the Second World War, history of Greece, foreign policy of the United States, foreign policy of the Soviet Union, foreign relations of the United Kingdom, resistance movements.

Период Второй мировой войны стал начальным этапом становления принципиально новой политики Соединенных Штатов в Греции, которая отводила этой стране особую роль в сдерживании экспансии мирового коммунизма и предусматривала широкое участие американцев в ее внутренних делах. При этом заметную роль во втягивании США в греческие дела сыграла Великобритания. Вашингтон пришел к признанию важности Греции для обеспечения безопасности Соединенных Штатов, что в конечном итоге привело к провозглашению доктрины Трумэна в 1947 г. Советский Союз не преследовал цель сделать Грецию частью собственного «пояса безопасности» и проводил достаточно осторожную политику. Однако и эти действия Москвы вызвали озабоченность на Западе и способствовали выработке доктрины сдерживания коммунизма. Неоднозначность американской и советской политики в Греции стала одной из причин многообразия их историографических интерпретаций. Кроме того, Холодная война породила предвзятость оценок и склонность историков постоянно искать в политике США и СССР в годы Второй мировой войны истоки советско-американской конфрон-

тации. Эти обстоятельства свидетельствуют о важности осмысления отечественной и зарубежной историографии политики Вашингтона и Москвы в Греции в 1939–1945 гг.

В отечественной историографии начало изучения американской политики в Греции в годы Второй мировой войны было положено в советский период. Первые исследования политики США в отношении Греции появились в начале 50-х гг. В условиях разгара Холодной войны в опоре на очень ограниченную источниковую базу авторы занимались изучением «преступлений» англо-американского империализма в Греции [1]. В целом в этом же русле написаны монографии Г. Д. Кирьякидиса, которые являются частью греческой марксистской историографии [2].

В 1980-е гг. вышли статьи, посвященные американской политике в Греции, которые принадлежали перу известного балканиста Н. Д. Смирновой. Особое внимание следует обратить на ее работы 1990-х гг., которые являлись результатом проработки рассекреченных документов из отечественных архивов [3]. Н. Д. Смирнова считала, что США преследовали собственную внешнеполитическую стратегию, которая заключалась в вытеснении англичан из страны. Однако в ее работах позиция США рассматривалась скорее в статике, нежели в динамике. Смирнова подчеркивала, что США исходили из «долгосрочных гегемонистских целей в бассейне Средиземного моря».

Ученик Н. Д. Смирновой Ар. А. Улуян в 1990–2000-е гг. опубликовал многочисленные работы, в которых затрагивается политика США и Советского Союза в Греции в период мировой войны. Работы Улуяна являются первой попыткой научного изучения советской политики в Греции в годы войны, которое стало возможным после снятия негласного «табу» на эту проблематику на рубеже 1980–1990-х гг. Улуян использует рассекреченные документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, что позволило рассмотреть основные направления советской политики в отношении Греции, изучить отношения Москвы и Коммунистической партии Греции (КПГ) [4].

В Вятском государственном гуманитарном университете сложилась научная школа по изучению внешнеполитической активности США в годы Второй мировой войны и в послевоенный период под руководством профессора В. Т. Юнглода. Одним из важных направлений работы школы стало изучение американской и советской политики в Греции и Югославии [5]. В 2009 г. была опубликована монография А. А. Калинина и В. Т. Юнглода, посвященная американо-британским отношениям по поводу Греции в годы Второй мировой войны. В книге заметное

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10.

внимание уделено роли советского фактора в отношениях Лондона и Вашингтона [6].

Наиболее значимыми исследованиями американской и советской политики в Греции в историографии этой страны являются работы С. Ксайдиса, которые достаточно близки к подходам «ортодоксальных» американских историков [7]. Крупная монография греческого историка посвящена изучению активности держав Большой тройки в Греции в 1944–1947 гг., при этом главное внимание уделяется политике Соединенных Штатов. В рамках своего исследования Ксайдис выделяет несколько фаз американской политики в отношении Греции в указанный хронологический отрезок. Первая – 1944 год – характеризовалась воздержанием Соединенных Штатов от вмешательства в балканские дела. Вторую фазу (1945 г.) Ксайдис характеризует как период «пробуждения» США, что было связано в первую очередь с их несогласием с советской-британской силовой политикой на Балканах, которая ярко проявилась в период кровавых событий в Афинах в декабре 1944 г. Третья фаза (с января по август 1946 г.) характеризовалась заметным ростом американского интереса к Греции. И наконец, особенностью четвертой и заключительной фазы движения США к принятию доктрины Трумэна (август 1946 – март 1947 гг.) был процесс сближения позиций США и Великобритании в Восточном Средиземноморье как ответной реакции на усиление советского давления. При этом в противостоянии экспансии СССР в отношении Греции и Турции первую скрипку все больше играла не Великобритания, а Соединенные Штаты [8].

Ксайдис рассматривает «Декларацию об освобожденной Европе», принятую на Ялтинской конференции, как важный документ, который свидетельствовал о намерении Белого дома участвовать в европейских делах. При этом ни СССР, ни Великобритания не желали аннулировать «процентное соглашение», заключенное в октябре 1944 г., несмотря на то что оно противоречило решениям Ялты. В сложной ситуации середины 1945 г., считает Ксайдис, Соединенные Штаты стали склоняться на Балканах к роли «активного посредника» между Лондоном и Москвой. Участие американцев в комиссии по наблюдению за греческими выборами вместе с англичанами и французами, свидетельствовало о серьезном изменении внешнеполитического курса Вашингтона. Это был своего рода дебют американцев в Греции.

Говоря о советской политике в отношении Греции, Ксайдис замечает, что до июня 1941 г. СССР был устранен от участия в греческих делах ввиду действия пакта Молотова – Риббентропа. После нападения Германии на СССР Москве было не до Греции. Однако ситуация изменилась, замеча-

ет Ксайдис, как только Красная Армия начала приближаться к Балканам. В результате уже в начале 1944 г. Советский Союз начинает бросать вызов британскому доминированию в Греции. По мнению Ксайдиса, за действиями Национально-освободительного фронта (ЭАМ) и Коммунистической партии Греции (КПГ) стояла Москва, которая теперь стремилась запугать и свергнуть греческое эмигрантское правительство и поставить новое правительство Греции под контроль коммунистов через ЭАМ. Таким образом, Греция могла оказаться в советской сфере влияния. В этой ситуации британское правительство предложило Москве договоренность о разделе сфер влияния на Балканах [9].

Ксайдис в своей книге стремится отделить официальный, «правительственный» советский курс в отношении Греции от реальной политики Кремля. В частности, характеризуя советскую позицию в период декабрьского кризиса 1944 г., историк считает, что СССР придерживался нейтралитета лишь на уровне «правительственной» дипломатии [10].

В конце 1945 г. Москва окончательно берет курс на конфронтацию с англичанами в Греции. Ксайдис выделяет два события: во-первых, решение Политбюро КПГ начать организацию партизанских сил в горных районах Греции, которое, по мнению греческого историка, произошло с санкции Москвы; во-вторых, назначение советского посла в Греции. Советский Союз тем самым взял курс на вытеснение Великобритании из Греции. Ксайдис считал, что СССР стремился включить Грецию, Иран и Турцию в свою сферу влияния. США не могли этого допустить [11].

Весьма обширна западная историография по американской и английской политике в Греции. Во второй половине 1940-х гг. в США возникает так называемое «официальное», или «ортодоксальное», направление историографии.

Г. Фейс в своих работах рассмотрел коалиционную дипломатию держав Большой тройки, затрагивая и греческие проблемы. Историк полностью оправдывает британскую политику в Греции, называет ее «гибкой и дерзкой» и не замечает разногласий англичан и американцев по греческим вопросам. В работах Фейса действия Советского Союза оцениваются негативно. Москва, по его мнению, не желала помогать англичанам в достижении внутреннего мира в Греции. Историк обвиняет СССР в коварстве. По его мнению, советское правительство в июне 1944 г. намеренно «ускользнуло» от обсуждения вопроса о «сферах влияния». Стремясь усилить свои позиции в Греции, Москва в августе 1944 г. «коварно» направила военную миссию во главе с Г. Поповым [12]. Отказ советского правительства принять участие в наблюдении за гречески-

ми выборами летом 1945 г. Фейс расценивает как явный признак, что отныне союзники уже не могли действовать согласованно в Юго-Восточной Европе [13].

Американский историк греческого происхождения А. Ставрианос в 1952 г. выпустил книгу «Греция: американская дилемма и благоприятная возможность», в которой поставил перед собой цель выяснить причины трудностей подавления партизанского движения в Греции во второй половине 1940-х гг. Такая постановка вопроса заставила историка обратиться к предыстории гражданской войны. Причина трудностей в Греции, по мнению Ставрианоса, заключалась в ошибках британской политики. Англичане в середине XX в. проводили в Грецию традиционную политику XIX в. Греция изменилась, а англичане этого не поняли [14]. Ставрианос писал, что англичане достигли в Греции только «экономического изнеможения и политической суматохи», а поддерживаемое ими правительство преуспело лишь в реставрации монархии. Именно это спровоцировало рост поддержки коммунистов в стране. В этих условиях по просьбе англичан и греков Соединенные Штаты, которые до 1947 г. не проводили самостоятельную политику в Греции, вынуждены были провозгласить доктрину Трумэна и вмешаться в ситуацию.

Политика СССР рассматривается Ставрианосом в традиционном «ортодоксальном» ключе: коммунисты, по его мнению, стремились проникнуть в Восточное Средиземноморье. Внешнеполитический курс Москвы являлся прямым продолжением политики царской России с ее стремлением любыми методами закрепиться на Балканах и в Проливах. Вспышка гражданского противостояния в Греции в декабре 1944 г. и полномасштабная война 1946–1949 гг. рассматривается Ставрианосом как следствие борьбы Лондона и Москвы за преобладание в данном регионе [15].

В годы Второй мировой войны И. В. Сталин в целом придерживался линии на единство с стране союзников, этому курсу покорно следовали и греческие коммунисты. Поэтому последние приняли решение войти в состав пробританского правительства Г. Папандреу в августе 1944 г. В декабре этого же года КПГ пришлось заплатить большую цену за эту приверженность, когда английские войска разгромили Народно-освободительную армию Греции (ЭЛАС) в Афинах. Сталин же не вмешался в конфликт, а на Ялтинской конференции заверил британского премьера, что он сохраняет полное доверие британской политике в Греции [16].

Появление в 1972 г. монографии Дж. Иатридеса «Восстание в Афинах» ознаменовало начало нового этапа изучения политики великих держав в Греции, связанного с широким использо-

ванием ранее недоступных источников. Иатридесом были введены в научный оборот дневник посла в США в Греции Л. Маквея и его переписка с президентом Ф. Рузвельтом. События в Греции были вписаны в широкий международный контекст, впервые были показаны основные различия британской и американской позиций. По «королевскому вопросу» в период кризиса декабря 1944 г. США занимали отличную от англичан позицию [17].

Иатридес констатирует факт незначительного американского вовлечения в дела Греции в годы Второй мировой войны. Оказывалась лишь помощь Греции через Международный Красный Крест и Администрацию помощи и восстановления Объединённых Наций (ЮНРРА). Однако это вовсе не означало, что Вашингтон оставался безразличным к греческим проблемам и полностью одобрял британскую политику в отношении этой страны. Наоборот, в течение войны Госдепартамент с тревогой наблюдал за ростом уровня насилия в отношениях между организациями Сопротивления в Греции, которое во многом было связано с британской политикой поддержки греческой монархии и противодействия управляемому коммунистами мощному левому движению. Однако значимость американской позиции по Греции подрывал ряд дипломатических шагов, которые были вызваны, как правило, приоритетом военных проблем и потребностью избежать открытых трений с правительством У. Черчилля. Президент Рузвельт соглашался со многими британскими предложениями по Греции. Так было на Квебекской конференции в августе 1943 г. и осенью 1944 г., когда американский президент дал согласие Черчиллю «достичь взаимопонимания со Сталиным» [18].

Дж. Иатридес до настоящего времени остается одним из крупнейших специалистов по американской политике в Греции в 1940-х гг. и является автором многочисленных работ на эту тему.

В конце 1940-х гг. определенным влиянием пользовалось «ревизионистское» направление американской историографии, которое выступало с критикой политики Ф. Рузвельта с позиций изоляционизма. В 1980-е гг. рост консервативных настроений в США придал второе дыхание «ревизионистам». Р. Низбет писал, что политику Сталина Рузвельт подверг критике один раз, в то время как «империализм» Черчилля осуждался им постоянно, в том числе и относительно Греции. Британский премьер, по мнению этого автора, стремился поставить заслон распространению коммунизма, но действия англичан в Греции беспокоили ФДР намного больше, чем советские намерения взять под контроль Восточную Европу [19].

Р. Надо в своей книге «Сталин, Черчилль и Рузвельт делят Европу» Большую тройку именуется «безрассудным союзом», ибо вместе с демократическими Соединенными Штатами и Великобританией в его составе был диктаторский Советский Союз, который не сильно отличался от фашистской Германии. Историк отмечал наивность Ф. Рузвельта. Пассивность американского президента во взаимоотношениях с союзниками, его отказ поддержать англичан в их стремлении остановить агрессивного Сталина привели к советизации Восточной Европы. Он полагал, что если бы американская мощь была вовремя использована для восстановления утраченного равновесия сил в Европе, то это, возможно, спасло бы Восточную Европу и часть Балкан от порабощения коммунистами. В Ялте вследствие заблуждений президента Рузвельта, а в Потсдаме из-за недостатка опыта у нового президента Г. Трумэна Сталину удалось реализовать собственные планы, не сделав ни одной реальной уступки [20].

На 1960–1970-е гг. пришелся пик популярности концепций историков радикально-критической школы («новых левых»). У. Уильямс, Л. Гарднер, У. Лафибер, Г. Колко, Д. Клеменс, Т. Маккормик и др. характеризовали американскую внешнюю политику как агрессивную и видели причины этого в роли экономического фактора.

В работе профессора Д. Флеминга утверждалось, что американцы позволили англичанам разоружить подлинно демократический и патриотический Национально-освободительный фронт, не ставивший цель навязать Греции коммунизм и поддерживаемый подавляющим большинством греков [21]. Флеминг считал, что Греция стала первой из стран, которые были насильственно принуждены принять политическую систему державы-освободительницы. Сталин же в дальнейшем последовал примеру Черчилля, навязывая Болгарии и Румынии свою политическую систему, но уже с меньшим кровопролитием [22]. Советский лидер в Румынии, писал Флеминг, не сделал ничего такого, что бы Черчилль не делал в Греции. К тому же англичане подавляли движение, которое было их союзником в борьбе против фашизма [23].

Г. Колко в известной монографии «Политика войны» заявил, что Вашингтон неадекватно воспринимал ситуацию в Греции. Американцы опасались усиления советского влияния в Греции, и это опасение усердно подпитывали и эксплуатировали англичане с тем, чтобы сохранить эту стратегически очень важную страну в сфере своего влияния. В результате американцы следовали в Греции в фарватере британской политики.

После заключения соглашения со Сталиным о сферах влияния Черчилль был уверен, что Москва не вмешается в греческие дела, и после

ухода последнего немецкого солдата 10 ноября рвался в бой, чтобы разгромить ЭАМ и укрепить власть консервативных сил в Афинах. 3 декабря греческая полиция открыла огонь по мирной демонстрации. ЭЛАС вынужден был принять ответные меры и начать передислокацию войск в район Афин. Черчилль только этого и ждал и немедленно отдал приказ жестко расправиться с «мятежом», при этом британские войска должны были действовать, как будто они находятся не в столице союзного государства, а в «завоеванном городе». Глава Уайтхолла вводил в заблуждение Палату общин, утверждая, что англичан поддерживали «подавляющее большинство греков» и победа мятежа могла привести только к «анархии или коммунистической диктатуре» [24].

Когда Черчилль в конце декабря 1944 г. взялся за «урегулирование» кризиса в Греции, он фактически заручился гарантией поддержки (или по крайней мере невмешательства) со стороны США и СССР. Если в первые дни кризиса из Вашингтона еще раздавались критические голоса, в частности с косвенной критикой англичан выступил госсекретарь Э. Стеттиниус, то очень скоро под влиянием Г. Гопкинса и Дж. Форрестола Ф. Рузвельт занял лояльную по отношению к британской политике позицию. Американский президент направил британскому премьеру послания, в которых фактически поддержал действия англичан. К тому же и американцы опасались прихода к власти коммунистов в Греции. Следовательно, и в декабре 1944 г., отмечает Колко, США не заняли никакой самостоятельной позиции по греческому вопросу [25]. Рузвельт поддержал и назначение регентом архиепископа Афин Дамаскиноса. Поддержка американцев позволила Черчиллю быстро добиться назначения регента [26]. В конечном итоге США стали защитниками греческой реакции.

И. В. Сталина Колко также характеризует как «лояльного союзника» Черчилля в Греции. Советский Союз относил Грецию к британской сфере влияния. Летом – осенью 1944 г. Москва вмешалась в греческие дела и помогла англичанам урегулировать их проблемы в Греции. Греческим коммунистам был дан совет войти в состав правительства Г. Папандреу [27]. В течение декабря 1944 г. англичане не слышали из Москвы ни одного слова критики. К тому же, пишет Колко, Советский Союз не одобрял восстание ЭАМ. Британский премьер был полностью удовлетворен советской позицией [28]. Однако в дальнейшем Сталин о Греции не забывал и использовал трудности англичан в этой стране, чтобы напомнить Черчиллю о «процентном соглашении» и потребовать уступок в других частях Европы.

Другой представитель «новых левых», Л. Уиттнер писал о «безумных» опасениях Чер-

чила относительно возможного установления контроля Москвы над Грецией, несмотря на все соглашения со Сталиным [29]. Черчилль осенью 1944 г. считал, что, даже несмотря на конструктивную позицию греческих коммунистов, конфронтация с ними необходима [30]. Негативно характеризовалась поддержка президентом Ф. Рузвельтом греческого короля Георгиоса II в 1943 г., исследователь писал о пристрастии американского президента к греческому «старому порядку» и одобрении им британских планов ввода войск в Грецию после ухода немцев. В то же время, подчеркивал Уиттнер, позиция Госдепартамента не совпадала с установками следовавшего в фарватере политики Черчилля американского президента [31]. Даже когда англичане пришли к выводу о необходимости отложить возвращение короля до проведения плебисцита, американский президент продолжал цепляться за идею возвращения короля «вместе с его войсками» [32]. По мнению Уиттнера, Рузвельт поддерживал планы Черчилля по относительно ЭАМ/ЭЛАС после освобождения страны ввиду угрозы установления греческими коммунистами тирании [33]. При этом, по мнению историка, Госдепартамент США давал достаточно объективные оценки внутриполитической ситуации в Греции. Возвращение короля должно было повлечь серьезные беспорядки и «поворот в сторону Советской России». Следовательно, по мнению американских дипломатов, британская политика провоцировала гражданскую войну в Греции [34].

Хуже всего отношения у Лондона складывались с Управлением стратегических служб США (УСС). Офицеры УСС критиковали британскую политику в Греции [35]. Однако в целом Уиттнер пришел к выводу, что расхождения американцев и англичан в Греции касались лишь тактики, но не фундаментальной стратегии [36].

Активизация американской политики в регионе связывалась с интересом к ближневосточной нефти. Интерес нескольких великих держав к нефтяным запасам Ближнего Востока делал неизбежными трения между ними. Лондон опасался, что США имеют планы лишить англичан их нефтяных активов на Ближнем Востоке. УСС предсказывал, что союзники в борьбе против гитлеровской Германии станут конкурентами на Ближнем Востоке [37].

Уиттнер справедливо отмечал, что позиция Госдепартамента относительно британской политики в условиях декабрьского кризиса 1944 г. была гораздо более лояльной к Лондону, нежели резкая критика со стороны общественности [38]. От президента Рузвельта англичане также не слышали ни слова критики [39]. Американский посол в Греции Л. Маквей был настроен антикоммунистически и антисоветски. Он опа-

сался, что Греция может попасть в советскую сферу влияния, и поэтому считал, что если англичане не смогут справиться с ситуацией, то американцам следует вмешаться [40].

Уиттнер делает вывод, что «к концу Второй мировой войны американские высшие чиновники были готовы к контрреволюционным инициативам последующих лет». Надежды греческих левых на американскую поддержку оказались иллюзиями, «трагическим просчетом» [41].

Советскую политику Уиттнер также рисует не самыми светлыми красками. Он пишет о «советском цинизме». Сталин, достигнув договоренности с Черчиллем, спокойно наблюдал за событиями в Греции [42]. В декабре 1944 г. Москва строго придерживалась политики невмешательства в греческие дела. Подполковник Г. Попов был в это время «самим воплощением невмешательства» [43].

Победа Советского Союза в войне обеспечила появление в Восточной Европе дружественных СССР режимов. Ситуация на Балканах была особенно тревожна, ибо через Югославию, Болгарию и Албанию Москва получала возможность для дальнейшей экспансии в Средиземноморье и богатый нефтью Ближний Восток. В послевоенную эру только Греция, Турция и Иран отделяли советские армии от «черного золота» Персидского залива, и каждое из этих государств, по мнению американцев, находилось под угрозой установления советского влияния и контроля. В Греции ситуация была особенно угрожающей, американские чиновники очень боялись прихода к власти коммунистов [44].

В 1970-х гг. появляются работы, которые знаменовали собой возникновение нового направления в историографии, получившего название постревизионизма. Представитель этого направления Т. Андерсон в своей работе «Соединенные Штаты, Великобритания и холодная война» отмечает, что Ф. Рузвельт в годы войны стремился играть роль посредника между европейскими союзниками и в максимально возможной степени сотрудничать с советским лидером И. В. Сталиным. В течение 1944 г. англичане убеждали американского президента пересмотреть его политику и координировать политику с целью недопущения установления советской гегемонии на значительной части европейского континента. Однако в этом году американо-британские отношения заметно ухудшились вследствие политики сфер влияния Лондона. Андерсон делает вывод, что Британия стала для США привлекательным партнером на фоне советской политики. Администрация Трумэна боялась распространения коммунизма в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. Советские цели в Греции и в других странах столкнулись с американскими интересами [45].

Г. Райан считает, что неспособность удержать под контролем собственную сферу интересов привела У. Черчилля к мысли о создании Атлантической коалиции, в которой Британия играла бы ключевую роль. Американская администрация опасалась быть обманутой британской дипломатией и вовсе не собиралась задействовать мощь США для защиты британских интересов. Кроме того, Рузвельт и его советники опасались, что особо тесные американо-британские отношения могут стать причиной возобновления конфронтации по линии Запад – СССР, которая уже имела место после Первой мировой войны, когда был создан «санитарный кордон» против экспансии большевизма. Райан показывает на примере кризиса в Греции в 1944–1945 гг., каким образом Великобритания пыталась подключить США к собственной греческой политике. Райан считает, что британский премьер Черчилль и Форин Офис всячески стремились склонить американцев к конфронтации с Советским Союзом. Лейбористы К. Эттли и Э. Бевин продолжали этот курс после прихода к власти. Англичане сыграли заметную роль в переосмыслении американского внешнеполитического курса [46].

Лондон рассматривал Грецию как свою сферу влияния и с самого начала считал одним из своих приоритетов не допустить установления советского контроля в этой стране. Уже в январе 1942 г. Форин Офис просчитывал угрозу попадания Восточной Европы под контроль СССР после поражения немцев [47]. Райан делает вывод, что британская политика в Греции с 1943 по 1947 г. во многом определялась опасениями относительно установления советского господства [48].

1945 г., считает историк, стал водоразделом в англо-американских отношениях, связанных с Грецией. Как отмечает Райан, именно тогда правительство Соединенных Штатов «перестало быть преимущественно заинтересованным зрителем и превратилось в главного участника». Теперь британские чиновники сами стремились вовлечь американцев в дела Греции, что резко контрастировало с политикой Лондона еще двухлетней давности [49]. Англичане «привели» Соединенные Штаты в Грецию, чтобы противостоять коммунистам.

В 1980–1990-е гг. подходы «постревизионистского синтеза» продолжали развивать Дж. Александер, Р. Фрейзер и А. Каралекас. По мнению Александра, одним из ключевых пунктов внешнеполитической программы И. В. Сталина было намерение получить Восточную Европу в качестве сферы влияния. «Он не интересовался Грецией», – пишет историк [50]. Политика Москвы вводила в заблуждение греческих коммунистов, которые ожидали вмешательства Советского Союза. Критика действий англичан в Греции в апреле 1944 и в 1945 г. воспринималась КПГ как

преддверие активного советского участия в греческих делах. Однако в действительности таких намерений у СССР не было. Сталин считал, что Балканы, за исключением Греции, имеют небольшое стратегическое значение для Великобритании. Для Москвы же очень важно было выстроить «санитарный кордон» в Восточной Европе и любая попытка англичан помешать этому рассматривалась как прямая угроза безопасности Советского Союза. Сталин ясно продемонстрировал, что готов «играть по правилам» в полном соответствии с «процентным соглашением». Однако Черчилль не желал соглашаться на коммунизацию Балкан. И ему удалось найти себе сильного союзника в лице нового американского президента Г. Трумэна. Он выступил против признания просоветских правительств Румынии и Болгарии и за проведение в странах Восточной Европы свободных выборов под контролем трех великих держав-победительниц. В ответ на Потсдамской конференции советская делегация вновь выступила с критикой действий западных держав в Греции [51].

Англичане опасались, что Греция попадет под советское влияние, если к власти в Афинах придут коммунисты. Однако, отмечает Александер, права англичан были лишь частично. Нет никаких свидетельств, что Москва подстрекала коммунистов. Напротив, Сталин скорее был готов пожертвовать КПГ в обмен на свободу рук для подавления некоммунистических элементов в Восточной Европе [52].

Р. Фрейзер задается вопросом, почему США после Второй мировой войны взяли на себя ответственность в Греции? Он приходит к выводу, что доктрина Трумэна была не просто результатом британского решения прекратить поддержку Греции, а следствием ряда неправильных действий как Великобритании, так и Соединенных Штатов, которые совершались начиная с первых дней Второй мировой войны [53].

Американская политика в связи с Грецией в годы войны не была направлена против реализации британских замыслов и тем более на установление собственного доминирования в стране. Позицию Вашингтона определяло, во-первых, отсутствие заинтересованности в греческих делах, а во-вторых, американское представление о британской политике как империалистической. Отсюда две, казалось бы, противоречащие позиции: негативное отношение американцев к сфере влияния и одновременно признание ситуации в Греции проблемой англичан.

Фрейзер считает, что одной из причин такой американской политики является недостаточное понимание греческих проблем и стратегического положения Греции со стороны президента Ф. Рузвельта и госсекретаря К. Хэлла. В Госдепарта-

менте были специалисты по Греции. Однако проблема заключалась в том, что президент Рузвельт проводил свой внешнеполитический курс во многом независимо от позиции Госдепартамента. Госсекретари К. Хэлл и Э. Стеттиниус оказывали небольшое влияние на его позицию. В результате недостаточные знания президентом греческих проблем вместе с вероятным отсутствием интереса ко многим из них вели к отсутствию продуманной американской политики по Греции. Оказывал влияние и другой фактор: настроение среди американцев, что у США нет интересов в Греции, и нежелание развивать связи двух стран. Такая позиция привела к некоторым ошибкам. Американская поддержка идеи проведения плебисцита о возвращении короля и назначения регента, которая была предложена англичанами в ноябре 1943 г., возможно, ослабила бы позиции ЭАМ в Греции. Американский же президент поддержал короля Георгиоса II, что только усугубило ситуацию [54].

Но, конечно, большую часть ошибок совершил Лондон. Проблемой было то, считает Фрейзер, что в Греции проводилась не одна британская политика, а фактически три. Британские военные главной целью считали нанести максимально возможный урон врагу, что заставляло их поддерживать греческих партизан вне зависимости от политических взглядов последних. Форин Офис опасался усиления позиций ЭАМ. Черчилль же упрямо проводил линию поддержки короля Георгиоса. Реализации планов Форин Офиса помешал американский президент, который в декабре 1943 г. высказался против британских планов. Логическим результатом такой несогласованной, противоречивой политики стала гражданская война [55].

В 1945 г. США продолжали воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Греции, считая, что это «головная боль» англичан. Госдепартамент и летом 1945 г. видел опасность лишь в возможном установлении советского экономического контроля над Балканами, что противоречило американским интересам. При этом, предполагает Фрейзер, угрозу американским интересам в Греции Вашингтон больше видел не в советской политике, а в действиях Лондона. Только ощущение нарастания угрозы со стороны СССР в дальнейшем подталкивало американцев к союзу с Туманным Альбионом [56].

А. Каралекас изучала процессы выработки решений по греческим проблемам в Лондоне и Вашингтоне. В целом историк отмечает факт минимального вовлечения американцев в греческие дела. Каралекас пришла к выводу о непоследовательности американской политики в отношении Греции. Причина этого заключалась в отсутствии должной координации между президентом и Гос-

департаментом США. Каралекас обращает внимание и на нехватку специалистов по Греции в Госдепартаменте. За исключением «королевского вопроса», американское внешнеполитическое ведомство демонстрировало слабое понимание и интерес к событиям в Греции [57]. Под влиянием позиции американцев греческого происхождения ближневосточный отдел Госдепартамента занял антимонархическую позицию. Политика Великобритании в Греции расценивалась преимущественно как империалистическая [58]. При этом позиция Госдепартамента не оказывала никакого влияния на мнение президента Ф. Рузвельта, который на Квебекской конференции в августе 1943 г. поддержал британские планы по возвращению короля Георгиоса в Грецию сразу после освобождения. Глава ближневосточного отдела Госдепартамента У. Мюррей назвал слова президента «прискорбными» и сожалел, что отделу не удалось донести свои взгляды до президента [59].

Наиболее значимым западным исследованием советской политики в Греции в годы Второй мировой войны и после ее окончания в западной историографии явилась монография П. Ставракиса «Москва и греческие коммунисты», написанная преимущественно в русле подходов официальной американской историографии. Советский Союз, по мнению Ставракиса, пытался расширить свое влияние в послевоенной Европе, используя местные коммунистические организации. Однако военная логика диктовала необходимость сохранения союзнических отношений с Великобританией и США, что заставляло советского лидера действовать осторожно. Сталин поддерживал британскую политику в Греции в ущерб интересам греческих коммунистов. Он был готов пожертвовать потенциальным господством коммунистов в Греции в обмен на «свободу рук» в Румынии [60]. Соответственно, когда в середине 1944 г. англичане демонстрировали желание сохранить Грецию в своей сфере влияния, то советский лидер увидел в этом возможность «убить двух птиц одним камнем». Он стремился не только обеспечить советский контроль над Румынией, но и получить согласие Запада на реализацию более широких планов в Юго-Восточной Европе [61].

В послевоенный период, считает Ставракис, Греция заняла в планах Сталина особое место. Важнейшими целями советского лидера в это время были Турция и Балканы. Греция географически оказалась между двумя главными целями Кремля. СССР стремился превратить Грецию в слабое, внутренне неустойчивое государство. Поэтому коммунистическая партия должна была стать эффективной политической организацией, достаточно сильной, чтобы не допустить полного доминирования некоммунистических сил, но в то же время не настолько могущественной, чтобы сразу при-

ти к власти. Развитие событий по такому сценарию при ограниченности ресурсов англичан и невмешательстве американцев вело к постепенному укреплению позиций коммунистов и в перспективе – установлению их политического господства. В будущем Сталин рассчитывал «поделить» Европу с Соединенными Штатами [62].

В течение первых четырех месяцев 1945 г. Советский Союз не стремился контактировать с греческими коммунистами, ибо Сталина пока больше интересовало завершение войны и укрепление контроля над Румынией [63]. Однако уже в марте в советской пропаганде произошли заметные изменения, многие ее оценки теперь были близки к позиции КПГ [64]. После окончания боевых действий в Европе Москва стала оказывать моральную поддержку ЭАМ, одновременно занимая жесткую позицию в отношении правительства П. Вулгариса. В частности, Москва отказывалась направить своего дипломатического представителя в Грецию [65]. Критика советской стороной внутривосточной ситуации в Греции позволяла, с одной стороны, отводить критику западных держав политики Москвы в Румынии и Болгарии, с другой стороны, она заставляла греческое правительство и англичан постоянно оправдываться относительно своих действий. Кремль всячески стремился усилить хаос внутри Греции. Одновременно предпринимались попытки использовать англо-американские разногласия по Греции. Советская пропаганда в качестве главного зла изображала англичан и, одновременно, старалась избегать критики Соединенных Штатов [66].

В Великобритании долгое время доминировала «официальная» историография. Английская политика полностью оправдывалась, а действия американцев подвергались критике. Большое значение для их оформления «официальных» взглядов на британскую политику в Греции имели мемуары У. Черчилля «Вторая мировая война». Поддавление англичанами восстания в Афинах в декабре 1944 г. оценивалось вслед за Черчиллем как «попытка британского правительства сохранить демократию и предотвратить учреждение левого тоталитарного режима». Особое внимание уделялось угрозе коммунизма, применительно к Греции – опасности установления в послевоенной Греции прокоммунистического правительства. Это оправдывало, по мнению английских историков, действия британского правительства. Американская сторона критиковалась, как правило, за недостаточное знание реальной ситуации [67].

В 1970–1990-е гг. вышло много трудов, которые написаны преимущественно в русле подходов «официальной» историографии, но базировались на широкой и качественной источниковой базе, а их выводы были менее прямолиней-

ными [68]. Высказывалась и критика Вашингтона. Например, Р. Хатауэй указывал на американское упрощенное, черно-белое видение международных проблем и недостаточную осведомленность американцев в греческих делах [69].

В 60-80-е гг. в британской историографии формируется ревизионистская школа, которая подвергла сомнению многие устоявшиеся взгляды. К ней следует отнести работы Д. Уатта, Дж. Чармли и др. [70] Профессор Эдинбургского университета В. Ротуэлл в своей книге «Великобритания и холодная война, 1941–1947» писал о привкусе «классического империализма» в британской политике, о «глубокой ненависти» Черчилля и Идена к греческим коммунистам. По мнению Ротуэлла, англичане преувеличивали опасность, исходящую от Советского Союза. Британские чиновники боялись усиления советского влияния на Балканах, считая, что советская политика являлась прямым продолжением курса царской России [71].

Ротуэлл выдвигает версию, что И. В. Сталин «спас» Грецию от коммунистов. Он приводит слова одного из британских дипломатов, что еще в начале 1944 г. Москва поддерживала британскую политику в Греции. Когда летом того же года в штаб ЭЛАС была направлена группа Г. Попова, то советские военные передали указание идти на уступки англичанам. Греческие коммунисты подчинились. В сентябре во время беседы с британским послом в СССР А. К. Керром Сталин заявил, что англичанам «давно пора» высаживаться в Греции. В декабре 1944 г. Советский Союз также поддержал англичан [72].

В конце 70-х гг. для исследователей были открыты британские архивы периода Второй мировой войны. Это способствовало появлению нового поколения исследований, написанных на основе более широкого спектра источников. Это – работы английских историков Р. Клогга, Э. Баркер [73], греческих историков Дж. Колио-пулоса, П. Папастратиса [74] и др. Архивные источники позволили по-новому взглянуть на многие проблемы американской и советской политики в Греции. Многие из найденных историками источников явно не соответствовали положениям «официальной» историографии. Историки смогли убедиться в достаточно высоком уровне прагматизма британской политики в отношении Греции.

Э. Баркер рассматривает события 1943–1944 гг. как скрытую борьбу Советского Союза и Великобритании (потенциально и США) за Юго-Восточную Европу. Черчилль стремился сдержать экспансию Сталина в этом регионе. Однако первоначально Греция не была объектом притязаний со стороны Москвы. Кризисные нотки в советско-британских отношениях появились,

когда СССР попытался вмешаться в дела Греции в апреле 1944 г., выступив с критикой греческого эмигрантского правительства. Англичане согласились пойти на уступки Москве в Румынии, чтобы сохранить Грецию в своей сфере влияния [75]. В 1944 г. И. В. Сталин, отмечает Баркер, по тактическим соображениям одобрил ввод британских войск в Грецию, однако уже в 1945 г. Москва потребовала вывести войска [76]. На Потсдамской конференции советская делегация выступила с критикой греческого правительства, а следовательно, косвенно и политики англичан в этой стране. Ситуация усугубилась после выступления Э. Бевина в Палате общин 20 августа, в которой новый глава Форин Офиса заявил, что правительства Болгарии, Румынии и Венгрии не представляют большинство жителей этих стран. Москва, пишет Баркер, расценила это выступление как вмешательство в ее сферу влияния. На Лондонской конференции Совета министров иностранных дел 1945 г. ситуация еще более усугубилась. Советские требования были отвергнуты англичанами. Тогда Советский Союз стал энергично критиковать действия Лондона в Греции и на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. потребовал вывода британских войск из Греции [77].

С 80-х гг. исследования становятся более интернациональными. Историю Греции интересующего нас периода изучают немецкие и канадские историки. Одним из крупнейших современных специалистов по истории партизанского движения в Греции, гражданской войне является канадский историк А. Геролимотос, автор нескольких монографий и множества статей по этой теме [78]. Он обращает внимание на двойственное отношение Москвы к греческим коммунистам [79]. В сентябре 1949 г., пишет Геролимотос, И. В. Сталин сказал лидеру греческих коммунистов Н. Захариадису, что он не мог двинуть Красную Армию в Грецию в 1944 г., потому что это привело бы к конфликту с англичанами, кроме этого Москва не имела флота для проведения этой операции [80].

Ирландский историк Дж. Робертс в своей новой монографии «Войны Сталина: от мировой войны до Холодной войны» приходит к выводу, что Советский Союз по крайней мере с 1943 г. относил Грецию к сфере влияния западных держав. Поэтому Москва давала советы местным коммунистам сотрудничать с англичанами и американцами [81].

Итак, в зарубежной историографии представлен широкий спектр оценок американской и советской политики в Греции. Официальная («ортодоксальная») американская историография приходит к выводу о незначительном американском участии в греческих делах в годы Второй мировой

войны. Историки этой школы находят различия в американской и британской позициях по Греции. Политика США была направлена на построение устойчивого послевоенного мира и свободной, демократической Греции. Уступки англичанам, например по «королевскому вопросу», связываются с признанием приоритета военных вопросов и потребностью избежать трений с Лондоном. Вина за ошибки возлагается на англичан, которые не смогли справиться с многочисленными трудностями в Греции. Ортодоксальная историография придерживается жестких оценок советской политики. Историки этой школы считают, что Москва проводила экспансионистскую политику и использовала коммунистические партии в европейских странах в своих интересах.

«Ревизионисты» подвергают критике политику Соединенных Штатов в Греции, считая недостаточной американскую поддержку британского курса, и приводят факты излишней уступчивости коммунистам. И. В. Сталин проводил экспансионистский курс, стремясь захватить возможно большее число стран, не исключая и Грецию.

Радикально-критические историки («новые левые») подвергают американскую политику в Греции резкой критике по другим причинам. Она оказалась неадекватной сложившейся обстановке. США, опасаясь роста влияния коммунистов, поддерживали политику англичан в Греции. Британская политика была консервативной и способствовала разжиганию гражданской войны в стране. Историки радикально-критической школы обращаются к анализу мотивов американского вовлечения в греческие дела. Они приходят к выводу, что экономический фактор, в частности интерес к ближневосточной нефти, сыграл значимую роль при выработке нового внешнеполитического курса Вашингтона. Москва, по мнению историков радикально-критической школы, проводила, как и Лондон, циничную политику и в соответствии с соглашением о сферах влияний с англичанами не вмешивалась в греческие дела.

Историки-постревизионисты стремятся к сбалансированным оценкам американской и советской политики в Греции. Они признают, что американцы допустили ряд ошибок, которые привели к международному кризису. Соединенные Штаты далеко не во всем поддерживали англичан в Греции, однако они не смогли выработать самостоятельной политики по греческому вопросу. Москва придерживалась прагматического курса обеспечения своей безопасности с помощью построения «санитарного кордона». Греция в этот «кордон» не входила, поэтому И. В. Сталин согласился признать британское преобладание в этой стране в обмен на соответствующие уступки в Восточной Европе. Постревизионистская историография приходит к выводу, что если

бы западные державы в 1945 г. не стали вмешиваться с дела стран, входивших в советскую сферу влияния, то Греция не стала бы объектом противоречий Запада и Востока и не фигурировала в контексте зарождения Холодной войны. Оценки современных российских историков оказываются наиболее близки историографическим интерпретациям представителей «постревизионистского синтеза».

Британская официальная историография придерживается точки зрения, что США не оказали достаточной помощи англичанам в Греции, что не способствовало улучшению ситуации в этой стране. Характеризуя политику Москвы, английские историки пишут о ее стремлении проникнуть в традиционную сферу влияния Лондона. Британские историки-ревизионисты отвергают последнее положение, считая, что И. В. Сталин в годы Второй мировой войны не ставил под сомнение факт принадлежности Греции к британской сфере влияния.

Примечания

1. Шкудов Ф. И. Англо-американская интервенция в Греции в период второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952; Чемпалов И. Н. Англо-американская политика поощрения итало-германской фашистской агрессии в Греции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Манчха П. И. Коммунистическая партия Греции в борьбе за национальное и социальное освобождение греческого народа (1940–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.
2. Кирьякидис Г. Д. Греция во второй мировой войне. М., 1967; *Он же*. Гражданская война в Греции. М., 1972; *Он же*. Движение Сопротивления в Греции (1940–1944) // Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941–1945 гг. М., 1978. С. 384–439.
3. Смирнова Н. Д. Политика США в Греции (1943–1945) // ННИ. 1984. № 1. С. 44–62; *Она же*. Средиземноморье в переходный период от войны к миру // Средиземноморье и Европа. Исторические традиции и современные проблемы. М., 1986. С. 97–112; *Она же*. Греция в политике США и СССР 1945–1947 гг. Новые архивные документы // ННИ. 1997. № 5. С. 21–34; и др.
4. Улуян Ар. А. Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ) 1941–1944: История – идеология – политика. М., 1991; *Он же*. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории: КПП в Национальном Сопротивлении, Гражданской и «холодной» войнах 1941–1956. М., 1994; *Он же*. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001.
5. Калинин А. А. Политика Великобритании и США в отношении Греции в 1939–1941 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2005. № 13. С. 46–59; Калинин А. А. Деятельность британской и американской разведок в Греции в 1942–1944 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 142–152; Калинин А. А. Проблема послевоенного политического урегулирования в Греции в американо-английских отношениях (1945 г.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3(1). С. 34–43; Калинин А. А. Политика США в Греции в январе – ноябре 1944 г. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 1. № 13. С. 67–74; Калинин А. А. У истоков холодной войны: Греция и противоречия держав-победительниц в 1945–1946 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1(1). С. 65–77; Калинин А. А. Политика Великобритании, США и СССР в отношении движения Сопротивления в Греции (1942–1944 гг.) // Международные отношения в XX веке. Вып. 3: сб. науч. ст. / под ред. В. Т. Юнгблуда. Киров, 2011. С. 132–175; Калинин А. А., Юнгблуд В. Т. Великие державы, Греция и будущее Европы в 1945 г. // Университетский научный журнал. 2011. № 1. С. 160–169; Костин А. А. Дипломатия США и борьба за власть в Югославии в 1945 году // Славяноведение. 2009. № 5. С. 29–38; Костин А. А. Позиция США в ходе триестского кризиса 1945 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3(1). С. 60–67; Костин А. А. Освободительная миссия Красной Армии на Балканах: позиция американской дипломатии // 65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы обл. науч.-практ. конф., 28 апреля 2010 г., г. Киров. Киров, 2010. С. 3–73; Костин А. А. Американский фактор в англо-советских переговорах по Балканам мая – июня 1944 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1(1). С. 60–65.
6. Калинин А. А., Юнгблуд В. Т. Греция в американо-британских отношениях в 1939–1945 гг. Киров, 2009.
7. Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963; Xydis S. G. America, Britain, and the USSR in the Greek Arena, 1944–1947 // Political Science Quarterly. 1963. Vol. 78. № 4. P. 581–596; Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration // American Slavic and East European Review. 1961. Vol. 20, № 1. P. 6–24.
8. Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. P. 506–513.
9. Ibid. P. 9–11, 31–57, 506–507.
10. Ibid. P. 507.
11. Ibid. P. 509–510.
12. Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 402.
13. Feis H. Between War and Peace: The Potsdam Conference. Princeton (N. J.), 1967. P. 290.
14. Stavrianos L. S. Greece: American Dilemma and Opportunity. Chicago, 1952. P. 15.
15. Ibid. P. 91–92.
16. Ibid. P. 198–199.
17. Iatrides J. O. Revolt in Athens: the Greek Communist “Second Round” 1944–1945. Princeton, 1972.
18. Iatrides J. O. The United States and Greece in the Twentieth Century // Greece in the Twentieth Century / ed. by Th. A. Couloumbis, Th. Kariotis, F. Bellou. L.; N. Y.: Cass, 2004. P. 72–73.
19. Nisbet R. Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship. Wash., 1988. P. 96–98.
20. Nadeau R. Stalin, Churchill and Roosevelt Divide Europe. N. Y., 1990.

21. *Fleming D. F.* The Cold War and its Origins, 1917–1960. Vol. 1. L., 1961. P. 183–185.
22. *Ibid.* P. 182.
23. *Ibid.* P. 209.
24. *Kolko G.* The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y., 1968. P. 184–188.
25. *Ibid.* P. 190–191.
26. *Ibid.* P. 192.
27. *Ibid.* P. 182.
28. *Ibid.* P. 191.
29. *Wittner L. S.* American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982. P. 4, 6.
30. *Ibid.* P. 10.
31. *Ibid.* P. 10–14.
32. *Ibid.* P. 11.
33. *Ibid.* P. 12–13.
34. *Ibid.* P. 13–14.
35. *Ibid.* P. 15–17.
36. *Ibid.* P. 34–35.
37. *Ibid.* P. 17–22.
38. *Ibid.* P. 24.
39. *Ibid.* P. 25–26.
40. *Ibid.* P. 25–26, 30–31.
41. *Ibid.* P. 34–35.
42. *Ibid.* P. 26–27, 33.
43. *Ibid.* P. 26–27.
44. *Ibid.* P. 36.
45. *Anderson T.* The United States, Great Britain, and the Cold War, 1944–1947. Columbia; L., 1981.
46. *Ryan H. B.* The Vision of Anglo-America: The US-UK Alliance and the Emerging Cold War, 1943–1946. Cambridge, etc., 1987. P. 7.
47. *Ibid.* P. 121.
48. *Ibid.* P. 122–123.
49. *Ibid.* P. 156–157.
50. *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece 1944–1947. Oxford, 1982. P. 114.
51. *Ibid.* P. 114–117.
52. *Ibid.* P. 249–250.
53. *Frazier R.* Anglo-American Relations with Greece. The Coming of the Cold War, 1942–1947. N. Y., 1991.
54. *Ibid.* P. 71–72.
55. *Ibid.* P. 72–73.
56. *Ibid.* P. 91–94.
57. *Karalekas A.* Britain, the U.S., and Greece, 1942–1945. N. Y.; L., 1988. P. 85, 89.
58. *Ibid.* P. 88–91, 108–109.
59. *Ibid.* P. 94–95.
60. *Stavrakis P. J.* Moscow and Greek Communism, 1944–1949. Ithaca; L., 1989. P. 8–9.
61. *Ibid.* P. 10.
62. *Ibid.* P. 48–49.
63. *Ibid.* P. 52.
64. *Ibid.* P. 61.
65. *Ibid.* P. 77.
66. *Ibid.* P. 78–84.
67. Кроме мемуаров У. Черчилля немалую роль сыграла и публикация мемуаров руководителя британской военной миссии в Греции К. Вудхауза: *Churchill W.* The Second World War: in 6 vols. Boston, 1985 (первая публикация – 1948–1953 гг.); *Woodhouse C. M.* Apple of Discord. A Survey of Recent Greek Politics in their International Settings. L., etc., 1948; *Sweet-Escott B.* Greece: A Political and Economic Survey, 1939–1953. L., 1954; *Wilmot Ch.* The Struggle for Europe. L.; Sydney, 1952; *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War: In 5 vols. L., 1970–1976. Vol. 1–5; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. VI: Finest Hour, 1939–1941. Boston, 1983; Vol. VII: Road to Victory. Heinemann; L., 1986; Vol. VIII: 'Never Despair'. 1945–1965. L., 1990; и т. д.
68. *King F.* The New Internationalism. Allied Policy and the European Peace. 1939–1945. L., 1973; *Lee J.* The Churchill Coalition, 1940–1945. L., 1980; *Douglas R.* From War to Cold War, 1942–1948. N. Y., 1981; *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937–1941. Chapel Hill, 1982; *Reynolds D.* From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006; *Sainsbury K.* The Turning Point: Roosevelt, Stalin, Churchill, and Chiang-Kai-Shek, 1943. The Moscow, Cairo, and Teheran Conferences. Oxford; N. Y., 1986; *Idem.* Churchill and Roosevelt at War: The War They Fought and Peace They Hoped to Make. N. Y., 1994.
69. *Hatbaway R. M.* Ambiguous Partnership: Britain and American 1944–1947. N. Y., 1981. P. 91, 95.
70. *Watt D. C.* Succeeding John Bull. America in Britain's Place, 1900–1975. Cambridge, 1984; *Charmley J.* Churchill: the End of the Glory: A Political Biography. L., 1993.
71. *Rothwell V.* Britain and the Cold War 1941–1947. L., 1982. P. 215.
72. *Ibid.* P. 219–220.
73. *Clogg R.* Anglo-Greek Attitudes: Studies in History. Basingstoke: St. Martin's, 2000; *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976; *Idem.* The British between the Superpower, 1945–1950. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1983; *Idem.* Churchill and Eden at War. L.; Basingstoke, 1978; *Idem.* Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations 1941–1947 // Greece: From Resistance to Civil War / ed. by M. Sarafis. Nottigham, 1980. P. 15–31.
74. *Koliopoulos J. S.* Greece and the British Connection, 1935–1941. Oxford, 1977; *Papastratis P.* British Policy towards Greece during the Second World War. Cambridge, etc., 1984.
75. *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976. P. 138–140.
76. *Barker E.* Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations 1941–1947 // Greece: From Resistance to Civil War / ed. by M. Sarafis. Nottigham, 1980. P. 30.
77. *Barker E.* The British between the Superpower, 1945–1950. Toronto; Buffalo, 1983. P. 21–25, 32–34.
78. *Richter H.* British Intervention in Greece: From Varkiza to Civil War, Feb. 1945 to Aug. 1946. L., 1986; *Gerolymatos A.* Guerrilla Warfare and Espionage in Greece, 1940–1944. N. Y., 1992; *Gerolymatos A.* Red Acropolis, Black Terror. The Greek Civil War and the Origins of the Soviet-American Rivalry, 1943–1949. N. Y., 2004; *Gerolymatos A.* The Development of Guerrilla Warfare and British Policy toward Greece 1943–1944 // Journal of the Hellenic Diaspora. 1991. Vol. 17, № 2. P. 97–114; и др.
79. *Gerolymatos A.* Red Acropolis, Black Terror. The Greek Civil War and the Origins of the Soviet-American Rivalry, 1943–1949. N. Y., 2004. P. 122–125.
80. *Ibid.* P. 127.
81. *Roberts G.* Stalin's wars: from World War to Cold War, 1939–1953. New Haven; L., 2006. P. 220–222.

Д. В. Ильин

**РЕАКЦИЯ КОНГРЕССА США
НА НАЦИСТСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В СССР
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
МЕЖДУ ИЗОЛЯЦИОНИСТАМИ
И ИХ ПРОТИВНИКАМИ***

В статье исследуется отношение американских парламентариев к вступлению Советского Союза во Вторую мировую войну. Доказывается, что восприятие советско-германского противостояния в Конгрессе носило прагматический характер и определялось борьбой основных внешнеполитических подходов – изоляционизма и интернационализма.

The attitude of American parliamentarians toward the Soviet Union's entrance in World War II is analyzed in the article. It is proved that the perception of the Soviet-German rivalry in Congress was of pragmatic and determined by struggle of the main foreign policy approaches – isolationism and internationalism.

Ключевые слова: Конгресс США, советско-американские отношения, Вторая мировая война, изоляционизм.

Key words: U.S. Congress, Soviet-American relations, World War II, isolationism.

Советско-американские отношения предвоенного двухлетия (1939–1941 гг.) сложно назвать безоблачными. Пакт Молотова – Риббентропа, советско-финская война и последовавшее за ней «моральное эмбарго» со стороны Соединённых Штатов, не признанное официальным Вашингтонским вхождением Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР, подписание пакта о ненападении с Японией – всё это способствовало нарастанию напряжённости между двумя державами. Накопившаяся масса взаимных претензий и обвинений свидетельствовала о том, что кривая отношений Советского Союза и Америки к лету 1941 г. достигла критического минимума, начиная с 1933 г.

Дипломатическое взаимодействие двух государств в предвоенные и военные годы подробно изучено в отечественной и зарубежной историографии. Общие вопросы политики Вашингтона в отношении советского государства (и особенно роль президента Ф. Рузвельта) представлены в

исследованиях Р. Даллека, Ф. Маркса, У. Кимболла, Г. Фейса, Э. Беннета и других авторов [1]. Среди работ советского периода в первую очередь следует выделить монографию Ю. А. Борисова [2]. В современной российской исторической науке отношения Москвы и Вашингтона в 1940-е гг. нашли отражение в книгах О. В. Печатнова, В. Л. Малькова, М. Ю. Мягкова [3].

Среди экономических аспектов советско-американских отношений доминирующей в литературе была и остаётся проблема ленд-лиза, которой посвятили свои исследования Р. Доусон, Д. Херринг, Р. Джонс, А. Уикс [4]. Из современных отечественных работ по ленд-лизу выделим публикации М. Н. Супруна и Н. В. Бутениной [5]. Не обойдена вниманием историков и такая тема, как формирование образа Советского Союза в американском общественном мнении. Наиболее полным зарубежным исследованием данной проблемы является книга Р. Леверинга [6], в отечественной исторической науке формирование образа СССР в американском обществе прослежено в публикациях В. Т. Юнгблуда и О. В. Рычковой [7].

Относительно слабо изученным аспектом советско-американских отношений остаётся роль Конгресса в формировании советского вектора американской внешней политики. Настоящая статья призвана в определённой мере восполнить имеющийся пробел.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. внесло существенные коррективы в позицию руководства Великобритании и Соединённых Штатов по отношению к советскому государству. Из «почти врага» СССР в одночасье превратился в вынужденного, но от этого не менее ценного союзника, отвлекающего на себя огромные силы немецкой военной машины. Для английского премьер-министра У. Черчилля, который в течение года фактически в одиночку вёл борьбу с Германией и Италией, сложившаяся ситуация была как нельзя кстати. В тот же день, 22 июня, британский лидер в выступлении по радио пообещал оказать СССР всю возможную помощь, подчеркнув, что «опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и США» [8].

Официальная реакция Вашингтона последовала на следующий день. 23 июня заместитель госсекретаря С. Уэллес осудил нападение Германии и отметил, что любое сопротивление Гитлеру будет способствовать безопасности США. 24 июня Рузвельт пообещал оказать Советскому Союзу всю возможную помощь. Вместе с тем хозяин Белого дома вслед за Уэллесом подчеркнул, что для Соединённых Штатов по-прежнему остаются «нестерпимы и чужды» принципы и доктрины коммунизма [9].

* Статья подготовлена в рамках выполнения Тематического плана научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки в 2010–2013 гг., регистрационный номер 5.1.10., «Исследование динамики взаимных представлений США и СССР в середине XX века (1933–1953 гг.)»

Заявление президента носило самый общий, доктринальный характер и не раскрывало в деталях ни объёма возможной помощи, ни правовых оснований для её оказания, ни механизма оплаты будущих поставок. Акт о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. наделял главу государства исключительными полномочиями при выборе получателей американской помощи, однако конституционные prerogatives Конгресса по выделению из государственного бюджета ассигнований на различные программы (в том числе оборонные) остались в неприкосновенности [10]. Если бы ситуация потребовала выделения крупных дополнительных средств на помощь новоявленному союзнику, то Конгресс стал бы ареной жесткой политической схватки между сторонниками и противниками политики Рузвельта. Впрочем, в конце июня 1941 г. вопрос о включении Советского Союза в программу ленд-лиза ни Москвой, ни Вашингтоном не ставился – в распоряжении администрации находилось достаточно инструментов для оказания помощи как на основе обычных торговых сделок, так и через предоставление кредитов из фондов различных правительственных ведомств. В силу этого интерес сенаторов и конгрессменов к начавшейся советско-германской войне в первые недели носил скорее риторический, нежели прикладной характер.

Тем не менее законодатели проявили живой интерес к начавшейся войне. Вполне естественно, что противостояние Третьего рейха и Советского Союза воспринималось на Капитолийском холме сквозь призму проблемы вовлечения США в мировую войну. В противостоянии между изоляционистами и интернационалистами инициатива принадлежала противникам активного вмешательства Америки в дела Восточного полушария.

Позиция изоляционистов отличалась причудливой смесью рационализма, граничащего с цинизмом, и антикоммунистического морализма. Еще накануне выступления президента, 23 июня, сенатор Б. Кларк (дем., Миссури) в интервью журналистам отметил, что нападение Гитлера на СССР является «проявлением закона джунглей» и лишней раз подтверждает «нестабильность европейских альянсов» и «необходимость для нас держаться вне союзов». Другой видный изоляционист Б. Уилер (дем., Монтана) полагал, что события развиваются крайне благоприятно для США: «Более чем вероятно, что мы сможем оставить американских солдат дома. Теперь мы можем позволить Сталину и прочим диктаторам просто довести борьбу до конца» [11].

В аналогичном тоне были выдержаны и выступления изоляционистов в нижней палате Конгресса. Конгрессмен Р. Вудраф (дем., Мичиган) полагал, что «чем больше урона нацисты нанесут русским, и чем больше урона русские нане-

сут нацистам, тем безопаснее будут себя чувствовать мужчины, женщины и дети свободного мира». Представитель Мичигана прогнозировал два варианта развития войны: либо русские генералы свергнут Сталина и заключат мир с Германией, передав в руки Гитлера неисчерпаемые ресурсы России, либо Советский Союз, «наученный горьким опытом финской войны», будет вести серьёзную борьбу и обеспечит для США и Англии передышку, которую, по мнению Вудрафа, лучше использовать для укрепления собственных вооружённых сил, чем для помощи британцам. Отказывая в помощи ближайшему партнёру, конгрессмен даже не рассматривал возможность американского содействия СССР в борьбе с нацизмом [12]. Республиканец Р. Рич, представитель от штата Пенсильвания, поддержал тезис, выдвинутый Уилером, – лучше всего позволить России и Германии разобраться между собой и ослабить друг друга [13].

В своих оценках СССР и перспектив оказания ему американской помощи приверженцы изоляционизма особо заостряли внимание на безнравственной и противной основам американского общества природе коммунизма.

Патриарх американской политики престарелый Х. Джонсон (респ., Калифорния) в письме к сыну отмечал, что Сталин для него ничуть не лучше Гитлера и, если всё зависело бы от него, то он «оставил бы этих двух мерзавцев сражаться до конца и выматывать друг друга». Однако, как опасался сенатор от Калифорнии, Советскому Союзу всё-таки будет оказана помощь, и при этом будет задействован «печально известный закон» [14] (Акт о ленд-лизе. – *Авт.*).

Представитель от Южной Дакоты республиканец К. Мундт не видел принципиальной разницы между коммунистической и нацистской идеологией: «В своей угрозе для свободного образа жизни нацизм, коммунизм и фашизм мало отличаются, если вообще отличаются, друг от друга» [15]. Конгрессмен-республиканец от штата Огайо Ф. Смит, критикуя обещание президента оказать СССР всю возможную помощь, привел пространный перечень преступных деяний «дьявольского культа» за 24 года. В этот список вошли гибель от голода «от 10 до 20 миллионов человек», концлагеря, политические репрессии, разрушение храмов, истребление духовенства и даже «изнасилования монахинь». «Защищая коммунизм в России, мы поощряем его в Соединённых Штатах» [16], – предостерегал Смит.

Мичиганец Ф. Брэдли, соратник Смита по партии, к числу злодеяний сталинского режима относил преследование религии, финансирование американской коммунистической партии, поставившей своей целью организацию «хаоса и революции» в США, а также заключение с Гитлером

пакта о ненападении, который якобы в одиночку подтолкнул диктатора начать мировую войну. «Единственное различие между Сталиным и Гитлером состоит в том, что Гитлер более эффективен», – убеждал коллег Брэдли [17].

Отдельные законодатели, заглядывая в будущее, предостерегали от оказания помощи России, поскольку последствия её возможной победы будут неблагоприятны для остального мира. 8 августа конгрессмен Д. Тилл (респ., Висконсин) поместил в приложение к протоколу заседания палаты статью Д. Холмса «Если Россия победит» из «Кристиан сентчури». Журналист позволил себе пофантазировать на тему возможных требований СССР на мирной конференции. По прогнозу Холмса, в случае своей победы Сталин, потребовал бы за потери, понесенные Советским Союзом, аннексии Прибалтики, Финляндии, территории царской Польши и, возможно, – Восточной Пруссии. Кроме того, Советский Союз претендовал бы на установление гегемонии на Балканах и в Центральной Европе. «В итоге один тоталитаризм будет заменен на другой, ещё более сильный», – подытоживал Холмс [18]. Тилл не пояснил, насколько согласен со статьёй в деталях, однако очевидно, что он разделял взгляд о равноценности гитлеровской Германии и сталинской России.

Сенаторы и конгрессмены особенно любили подчёркивать противоречие между провозглашенными Рузвельтом «четырьмя свободами» (свобода слова и религии, свобода от страха и от нужды), которые расценивались как главные ориентиры американской внешней политики, и советским режимом. Отсутствие четырех свобод, по мнению изоляционистов, автоматически должно было опустить шлагбаум на пути помощи для Советского Союза. Тот же Тилл утверждал, что невозможно оказывать помощь «безбожным и немилосердным» стране и правительству, на счету которых «уничтожение миллионов», чья программа нацелена на «ликвидацию наших свободных институтов насилием и жестокостью» [19]. Член нижней палаты С. Дэй (респ., Иллинойс), выступая по радио в конце июля 1941 г., заявил, что «ни одна из четырёх свобод не будет реализована в Советском Союзе до тех пор, пока там существует пропитанная кровью сталинская диктатура» [20]. Аналогичной точки зрения придерживался уже упомянутый Ф. Смит, подчеркивавший, что деньги и кровь свободных американцев не могут служить для «усиления мощи коммунистической России» [21].

Квинтэссенцией изоляционистского подхода к Советскому Союзу в целом и к возможной американской помощи в частности, можно назвать радиовыступление сенатора Р. Тафта (респ., Огайо) «Россия и Четыре свободы», прозвучав-

шее на CBS 25 июня. По мнению Тафта, вступление России в войну наглядно показало абсурдность утверждений о том, что мировая война является войной демократий против тоталитаризма. Противостояние идеологий – «лживая пропаганда, которой кормят американский народ», поскольку с идеологической точки зрения между коммунизмом и нацизмом нет разницы. Помощь демократиям – всего лишь вывеска для намечающегося альянса со Сталиным, «самым беспощадным диктатором в мире». «Из полной неразберихи, которая сейчас творится в Европе, американцы могут сделать только один вывод: эти столкновения – исключительно европейские, от которых нам следует держаться подальше», – заключал Тафт. Сенатор не исключал, что спустя несколько лет Америке всё же придётся сразиться с Гитлером, дабы воплотить в жизнь программу «четырёх свобод», но при этом особо подчеркивал, что нацистский режим должен быть сломлен исключительно американскими силами [22].

Тафт не ограничился традиционными изоляционистскими рецептами. Специфика его подхода заключалась в том, что он допускал возможность установления скорого мира в Европе переговорным путём. Факт вторжения немецких войск в Россию, по мнению Тафта, свидетельствовал о том, что Гитлер оставил мысль завоевать Британские острова и связывает отныне будущее Германии только с континентальной Европой, но не с господством на морях. А это, в свою очередь, создавало условия для мирного соглашения между ведущей морской державой (т. е. Великобританией) и главной силой на континенте – Третьим рейхом. Тафт призывал не подталкивать Англию к миру на условиях, выгодных Германии, но и не препятствовать соглашению между двумя государствами, если в Лондоне пожелают пойти на такую сделку с Берлином [23].

Схема, предложенная Тафтом, по сути своей представляла значительно модифицированный вариант Мюнхенских соглашений 1938 г.: Англия и Германия делили между собой господство над Восточным полушарием при молчаливом участии США, сохранение Советского Союза как великой державы такой план, очевидно, не предусматривал. Более того, главный изъян «проекта» Тафта, а вместе с ним и всей изоляционистской концепции взаимного ослабления Сталина и Гитлера крылся в том, что совершенно не учитывались последствия полного разгрома СССР. Ни Тафт, ни другие противники оказания военной помощи Советскому Союзу не могли поручиться за «правильные» действия Гитлера в том случае, если к нему в руки попадут материальные и человеческие ресурсы советского государства. Как он себя поведёт? Откажется ли от экс-

пансии «за моря»? Во всяком случае, о склонности фюрера нарушать свои обязательства в Лондоне и Москве знали не понаслышке.

Для интернационалистской парадигмы американской внешней политики оказание военно-технической и экономической помощи России представляло собой неплохую возможность противодействовать гитлеровской экспансии, напрямую не вмешиваясь в войну. Однако в первые недели сторонники активной внешнеполитической линии в дебатах на Капитолийском холме и в СМИ вели себя достаточно скромно. Едва ли не единственным сенатором, кто практически сразу и достаточно чётко выступил в поддержку предложенного президентом курса, был К. Пеппер (дем., Флорида). Выступая на радио 28 июня 1941 г., сенатор, критикуя оппозиционеров, заметил, что изоляционисты «поют ту же старую песню, только с новым названием». Зимой, в ходе слушаний по ленд-лизу, основой «текста» были «британский империализм, недемократичная Англия и рычащий британский лев». После 22 июня они были заменены триадой коммунизм – безбожие – Сталин, но смысл остался тем же [24]. Выступая спустя сутки на съезде Национальной образовательной ассоциации, Пеппер отметил, что русская проблема используется противниками администрации как «отвлекающий манёвр», и резко отмёл выдвинутое Тафтом предположение о переговорах с Гитлером. По мысли Пеппера, людей, высказывающих подобные инициативы, следовало изолировать от общества [25].

Коллеги Пеппера по верхней палате, принадлежащие к лагерю администрации, принципиально не возражали против поддержки СССР, однако больше говорили о трудностях, связанных с реализацией подобной программы, нежели о самой помощи. Сенатор Г. Бирд (дем., Виргиния) недоумевал, как США смогут поставлять в Советский Союз военные материалы, если при существующем уровне производства не в состоянии удовлетворить собственные оборонные нужды, не говоря о британских. Другого сенатора-демократа от Виргинии К. Гласса больше волновал вопрос об источниках финансирования поставок. Сенаторы Д. Мид (Нью-Йорк), А. Адамс (Колорадо), Э. Джонсон (Колорадо, все – демократы) опасались, что выделенных по мартовском закону о ленд-лизе 7 миллиардов долларов не хватит для обеспечения поставок в СССР, а принятие закона о дополнительных ассигнованиях может быть осложнено поправками, прямо исключающими Россию из числа реципиентов американской помощи [26].

Аналогичная ситуация сложилась и в Палате представителей, с той лишь небольшой разницей, что в нижней палате не нашлось человека, который выступал бы за программу помощи так же

последовательно, как Пеппер. Дебаты 24 июня между конгрессменом К. Кифовером (дем., Теннесси), с одной стороны, и Г. Фишем (респ., Нью-Йорк) и Э. Хоффманом (респ., Мичиган) – с другой, наглядно продемонстрировали осторожность интернационалистов в «советском вопросе». В перепалке со своими оппонентами Кифовер больше стремился не поддаться на крайне провокационные вопросы оппонентов, чем поддержать инициативу президента о помощи новому союзнику. С этой задачей он справился. На выпад Фиша («Поддержите ли вы отправку американских сыновей на защиту коммунизма?») конгрессмен максимально корректно ответил: «Я поддерживаю помощь любой стране, которая желает бороться с нацизмом». Вопрос Хоффмана носил ещё более провокационный характер: «С кем бы вы предпочли воевать – с Россией или Германией – после того, как одна из них победит соперника?». Кифовер ответил со всей возможной дипломатичностью: «Я бы предпочёл, чтобы Гитлер был разбит любыми средствами». Политик признавал, что коммунизм представляет для Америки определённую проблему, но совсем иного рода – он никогда не был «вызовом с оружием в руках». Конгрессмен предупреждал своих изоляционистских оппонентов о той опасности, которая ожидала англосаксонские демократии в случае полного поражения России [27].

Коллега Кифовера Ф. Бак (дем., Калифорния) разделял его беспокойство относительно безопасности США в случае полного разгрома советских войск, однако не спешил безоговорочно поддерживать любую помощь со стороны Соединённых Штатов советскому государству. «Я одобряю помощь России до такой степени, в которой она не будет мешать имеющейся программе поддержки Великобритании и Китая», – заявил калифорниец. При этом в противовес изоляционистам он был не склонен отождествлять поставки союзнику и поощрение коммунизма, а также призывал американцев «оставаться реалистами» при оценке СССР [28].

Таким образом, восприятие американскими законодателями Советского Союза и его возможной военно-технической и экономической поддержки в первые недели советско-германской войны определялось борьбой изоляционистской и интернационалистской парадигм. Представители обоих лагерей, стремясь избежать прямого вступления США в войну, к выбору методов подходили с диаметрально противоположными взглядами. Изоляционисты, не приемля в подавляющем своем большинстве победу нацистской Германии, также отторгали всё, что прямо или косвенно могло вовлечь США в открытую войну со странами «оси». В этот «черный список» после 22 июня вошло и сотрудничество с Советским

Союзом, чему немало способствовали идеологические и цивилизационные различия между двумя странами, а также внешнеполитический курс СССР в 1939–1941 гг.

Их оппоненты исходили из тезиса, что любая помощь врагам гитлеровского режима будет укреплять безопасность США и препятствовать их вступлению в войну. При данном подходе поставки военных материалов в Советский Союз выглядели в глазах интернационалистов весьма подходящим средством для ослабления угрозы со стороны Третьего рейха. Оппоненты изоляционистов не идеализировали советский политический и экономический строй, однако, руководствуясь прагматическими соображениями, были готовы поддержать советско-американское военное сотрудничество. Нам представляется, что главным препятствием, которое сдерживало более активную позицию пророзвельтовски настроенных сенаторов и конгрессменов, была неопределённость перспектив советско-германского фронта. Развитие событий на полях сражений летом 1941 г. не могло внушить оптимизма американской политической элите, и исходя из тех же прагматических соображений законодатели не спешили высказывать свою позицию по вопросу о советской помощи, пока не будут получены гарантии того, что Москва является надёжным партнёром, которому можно доверить американские материальные ресурсы.

Примечания

1. *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N. Y., 1979; *Kimball W.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991; *Kimball W.* Forged in War: Roosevelt, Churchill and the Second World War. N. Y., 1997; *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin: The War they Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957; *Marks F.* Wind Over Sand. The Diplomacy of Franklin Roosevelt. Athens, 1988; *Bennett E.* FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990; *Nisbet R.* Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship. Wash., 1988.

2. *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны, 1941–1945. М., 1983.

3. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006; *Мязков М. Ю.* Проблемы послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006; *Мальков В. А.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004.

4. *Dawson R.* Decision to Aid Russia, 1941. Chapel Hill, 1959. *Herring G. C.* Aid to Russia, 1941–1946:

Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973; *Jones R. H.* The Roads to Russia. United States and Lend Lease to the Soviet Union. Norman, 1969; *Weeks A.* Russia's life-saver: lend-lease aid to the USSR in World War II. Lanham, 2004.

5. *Сунфун Н. М.* Ленд-лиз и северные конвои. М., 1997; *Бутенина Н. В.* Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.

6. *Levering R.* American Opinion and Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976.

7. *Юнгблюд В. Т., Рычкова О. В.* Геополитическое измерение «Большой Советской войны»: пресса США 1941 г. // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1 (Гуманитарные науки). № 4. С. 58–64; *Юнгблюд В. Т.* Официальный Вашингтон, пресса и общественное мнение США о «великом сопротивлении» 1941 г. // Вестник ВятГГУ. 2010. № 4(1). С. 35–39; *Рычкова О. В.* Советская государственно-политическая система в оценках американской общественности, 1944–1945 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2006. № 3(20). С. 48–54.

8. *Бутенина Н. В.* Указ соч. С. 96.

9. *Печатнов О. В.* Указ. соч. С. 18; FRUS. 1941. Vol. 1. P. 773.

10. Плачевное состояние советско-американских отношений сказалось в ходе дебатов по Закону о ленд-лизе в феврале – марте 1941 г. Конгрессмен Д. Тинкхэм (респ., Массачусетс) в Палате представителей предложил поправку, исключавшую Советский Союз из числа потенциальных получателей американской помощи. С аналогичной инициативой в верхней палате выступил сенатор Р. Рейнольдс (дем., С. Каролина). Обе поправки были провалены – большинство сенаторов и конгрессменов предусмотрительно посчитали нецелесообразным «связывать руки» американской дипломатии такими радикальными мерами (См.: *Kimball W.* Most Unsordid Act. Baltimore, 1969. P. 200, 201, 215).

11. *Dawson R.* Op. cit. P. 102.

12. CR. Vol. 87. P. A3052.

13. Ibid. P. 5461.

14. *Johnson H.* The Diary Letters of Hiram Johnson. (далее – DLHJ) Vol. 7. Garland, 1983. 24 June 1941.

15. CR. Vol. 87. P. A3051

16. Ibid. P. 5669.

17. Ibid. P. 3207.

18. Ibid. P. A3857.

19. Ibid. P. A3324.

20. Ibid. P. A3710.

21. Ibid. P. A3601

22. *Taft R.* The Papers of Robert Taft. Vol. 2. 1939–1944. Kent, 2001. P. 255–256.

23. Ibid. P. 256.

24. CR. Vol. 87. P. A3215–3217.

25. *Dawson R.* Op. cit. P. 106.

26. Ibid. P. 107.

27. CR. Vol. 87. P. 5485.

28. Ibid. P. A3412.

ПРАВО

УДК 349.3

А. А. Благодир

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ НОРМ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В СИСТЕМЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ*

В статье на основе системного и функционального подходов исследуется место правовых норм, регулирующих обеспечение граждан государственной социальной помощью в системе Особенной части права социального обеспечения. Рассматриваются: «узкий» и «широкий» подход ученых к содержанию понятия «государственная социальная помощь», возможность формирования самостоятельного комплексного правового института.

On the basis of systematical and functional approaches the article analyzes the place of legal norms regulating support of citizens with state social security in the system of the general part of social security law. We consider 'narrow' and 'wide' approaches of researchers to the notion of 'state social assistance', the possibility of formation of an independent complex legal institution.

Ключевые слова: норма права, правовой институт, отрасль права, государственная социальная помощь, компенсации, субсидии.

Keywords: legal norm, legal institution, branch of law, state social security, compensation, subsidy.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о месте правовых норм в структуре Особенной части отрасли права социального обеспечения, нам необходимо обратиться к общетеоретическим положениям.

Из теории права известно, что структура отрасли права, являясь многоуровневой структурой, включает в себя следующие структуры: отдельного нормативного предписания, правового института. Эти элементы взаимодействуют между собой благодаря генетическим и функциональным связям. Любой из институтов отрасли содержит в себе нормы, которые позволяют в полном объеме урегулировать участок или группу

участков общественных отношений конкретного вида.

Первичным подразделением структуры права является отдельное нормативное предписание, которое, по мнению С. С. Алексеева [1], является элементарным, целым, логически завершенным государственно-властным велением нормативного характера, непосредственно выраженным в тексте нормативного юридического акта. Главной функцией нормативных предписаний в правовой системе является обеспечение конкретизированного, детального, точного и определенного нормативного регулирования общественных отношений. Системообразующие факторы, оказывая непосредственное влияние на деление юридических норм по видам, способствуют их делению на регулятивные и правоохранительные. В свою очередь регулятивные нормы подразделяются на обязывающие, запрещающие и управомачивающие.

Помимо нормативного предписания в общей теории права принято выделять ассоциации правовых норм. Ассоциации правовых норм нельзя назвать равноправными между собой, поскольку все же существует одна основная правовая норма, а другие правовые нормы лишь конкретизируют ее предписания. Тем не менее ассоциации правовых норм играют свою роль в структуре права, во-первых, при наличии необходимых условий с их помощью формируются устойчивые правовые общности – правовые институты, во-вторых, в них непосредственно ощущаются пульс разнообразных жизненных отношений, потребности практики, накопившийся опыт правоприменения.

Следующим, уже наиболее сложным правовым образованием является правовой институт. Опираясь на фундаментальные исследования теоретиков права, следует определить структуру и факторы, влияющие на образование правовых институтов, рассмотреть признаваемую в науке их классификацию, а также возможности объединения правовых институтов в более крупные правовые общности.

Правовой институт, прежде всего, отличается известной внутренней организацией охватываемого им нормативного материала. Отличается он и от других правовых образований. Во-первых, наличием самостоятельного регулятивного воздействия на определенные участки отноше-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове, проект 3/11(3).

ний. Во-вторых, интеллектуально-волевым содержанием, т. е. фактической и юридической однородностью его норм (специфическое группы понятий, общих положений, терминов, своеобразии юридической конструкции). Главной функцией правового института является такая, чтобы в пределах своего участка общественных отношений данного вида или рода обеспечить цельное, относительно законченное регулирование.

«Вовне», во взаимосвязях с другими подразделениями правовой системы, по мнению С. С. Алексеева, правовой институт представляет собой системно-целостное, нерасчленимое образование, единую правовую общность. Но эта целостность, нерасчленимость существует как раз потому, что отдельные нормативные предписания связаны не только однородностью фактического содержания, интеллектуально-волевым, юридическим единством, но и известной внутренней организацией. Иначе говоря, правовой институт имеет свою структуру, для которой характерно наличие комплекса «равноправных» нормативных предписаний; известная, как правило, юридическая разнородность предписаний; объединение всех норм устойчивыми закономерными связями, которые выражены в общих предписаниях, а главное – в юридической конструкции [2].

Правовой институт – это определенная совокупность правовых норм, регулирующих какие-либо однородные общественные отношения, связанные между собой в качестве самостоятельной обособленной группы [3]. По мнению В. С. Якушева, правовой институт должен характеризоваться материальными и юридическими признаками. К материальным признакам правового института относится наличие самостоятельного по своему содержанию общественного отношения, а юридическим признаком правового института выступает совокупность норм, которая опирается на норму закона [4].

На формирование правовых институтов влияет ряд объективных факторов, таких, как непосредственное развитие общественных отношений, расширение и усложнение общественных связей, повышение правовой культуры в государстве. Конечно, не является достаточным просто само по себе развитие общественных отношений, необходимо еще наличие именно такой разновидности общественных отношений или такого участка ряда разновидностей, которые бы объективно требовали обособленного регулирования комплексом нормативных предписаний. Главным системообразующим фактором, который бы обусловил «внутреннее» обособление комплекса нормативных предписаний, является предмет регулирования определенных общественных отношений.

Другая немаловажная предпосылка формирования правовых институтов – закрепление «внут-

ренного» объединения правовых норм во «внешнем» его оформлении. Таким «внешним» оформлением совокупности общественных отношений, образующих правовой институт, может являться отдельный нормативный акт либо самостоятельное структурное подразделение кодифицированного нормативного акта (глава, раздел и т. п.). «Внешнее» обособление правовых институтов как главных структурных подразделений любой отрасли права приводит к дифференциации и интеграции нормативного материала, а следовательно, к формированию стойких правовых общностей, объединяющих нормативные предписания. Именно поэтому кодификация законодательства имеет существенное значение для формирования правовых институтов.

С. С. Алексеев, исследуя такую правовую категорию, как правовой институт, абсолютно верно отмечает, что реальные разновидности правовых институтов могут быть с достаточной точностью установлены лишь тогда, когда при их рассмотрении поочередно вводятся классификационные основания с учетом действия разных системообразующих факторов. Лишь при таком подходе становится возможным выявить подлинную картину реально существующих правовых институтов, каждый из которых занимает строго определенное место в системе отрасли права [5].

Традиционно в теории права правовые институты подразделяются на материальные и процессуальные; регулятивные и охранительные; предметные и функциональные; простые и сложные; смешанные.

Каждый правовой институт посвящен определенному участку общественных отношений и таким участком в большинстве случаев служит специфический предмет регулирования, именно поэтому такого рода институт может быть назван предметным.

Функциональные институты – продукт функциональной дифференциации права. Развитие и усложнение правового организма состоит не только в том, что складываются предметно-специализированные и конкретизирующие нормативные предписания, но и в том, что формируются институты, призванные дать «сквозное» регулирование отдельной операции в правовом регулировании, касающейся многих разновидностей данных отношений [6].

Институты, будучи главными структурными подразделениями отрасли права, отличаются отраслевой чистотой, но встречаются также и смешанные институты (на стыках отдельных правовых сфер, в точках их соприкосновения иногда в институт проникают элементы, свойственные другой отрасли). Смешанные институты – это не «сборное» образование, не конгломерат из кусоч-

ков разных отраслей, подчеркивает С. С. Алексеев, а отраслевой институт, в который проникли, просочились (оказались «подмешанными») элементы этих отраслей. Особой разновидностью смешанных институтов являются правовые общности, имеющие также черты межотраслевых объединений юридических норм. В отличие от обычных смешанных институтов перед нами – не простое «просачивание» элементов иной отрасли в данное отраслевое образование, а такое специфическое явление, когда институт, имеющий по своей основе государственно-правовую природу, как бы «притягивает» нормы целого ряда отраслей и образует вместе с ними определенное единство [7].

Дифференциация правовых институтов по сферам вызывает необходимость встречного процесса – интеграции нормативного материала. Одно из проявлений такой интеграции состоит в тенденции формирования генеральных институтов. Генеральный институт представляет собой комплекс норм, которые закрепляют общую юридическую конструкцию, в преломленном виде (по сферам) выраженную в дифференцированных институтах. Роль генеральных институтов состоит в том, чтобы выразить то юридическое единство, которое свойственно отдельным ветвям дифференцированного правового регулирования [8]. Таким образом, генеральный институт по своей сути и содержанию является отраслевым комплексным институтом – специфическим, вторичным правовым образованием, выражающим известное удвоение нормативного материала.

Правовой институт является первичной, начальной правовой общностью, следующей, как правило, сразу за нормативными предписаниями и ассоциациями. Усиление значимости общественных отношений неизбежно влечет за собой создание новых структурных частей в системе права.

С позиций права социального обеспечения нормы, регламентирующие основания, порядок и размеры предоставления гражданам различных видов социального обеспечения, следует считать специальными нормами, которые в свою очередь образуют Особенную часть отрасли. В свою очередь эти нормы подразделяются на институты. Правовые институты в праве социального обеспечения отличаются многообразием.

Развитие отрасли права социального обеспечения в постсоветский период показывает, что отдельные институты Особенной части права социального обеспечения являлись объектом научных исследований.

Обращаясь к учебной литературы, мы выделим наиболее типичные структурные элементы Особенной части, предлагаемые авторами.

Поддерживая позицию В. С. Андреева и развивая ее с учетом развития общественных отно-

шений в сфере социального обеспечения, М. А. Захаров и Э. Г. Тучкова отмечают, что Особенная часть включает в себя группы норм, образующие следующие правовые институты: Трудовой стаж. Пенсионное обеспечение. Социальные пособия, компенсационные выплаты и субсидии. Обеспечение по страхованию пострадавших на производстве и их семей. Медицинская помощь и лечение. Социальное обслуживание. Нормы всех институтов Особенной части регулируют отношения, объектом которых является материальное благо в виде конкретной денежной выплаты либо социальной услуги. В предмет права социального обеспечения входят также общественные отношения процедурного и процессуального характера. Эти отношения регулируются нормами специальных институтов: по установлению юридических фактов; по разрешению жалоб и споров; юридической ответственности [9].

По мнению М. В. Лушниковой, Особенная часть права социального обеспечения конкретизирует положения части Общей применительно к отдельным видам (формам) социального обеспечения и включает в себя следующие институты, регламентирующие условия и порядок предоставления гражданам различных видов социального обеспечения: пенсионное обеспечение; обеспечение социально-страховыми пособиями; социальное обслуживание нетрудоспособных лиц; медицинское обслуживание; адресная социальная помощь малоимущим [10].

Совершенно другой концепции деления Особенной части права социального обеспечения на институты придерживаются ученые Санкт-Петербургского государственного университета. Они считают, что Особенная часть права социального обеспечения имеет сложную структуру. В ее составе имеются такие группы норм, которые формируют подотрасль, правовые институты и субинституты. В подотрасль выделились нормы, регламентирующие обеспечение в рамках одной из организационно-правовых форм – социального страхования. В структуру подотрасли социального страхования, по мнению М. В. Филипповой [11], входят институты пенсионного страхования, страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, страхования на случай болезни, страхования на случай материнства, обязательного медицинского страхования. Нормы, регулирующие обеспечение в рамках другой организационно-правовой формы – государственного социального обеспечения, столь разнообразны, а сами отношения по государственному социальному обеспечению столь многоплановы, что соответствующая подотрасль не сформировалась, да и едва ли может сформироваться. Потому этот блок Особенной части права социального обеспечения пред-

ставляет собой совокупность ряда институтов и генеральных институтов. Генеральные институты: институт государственной социальной помощи, институт социального обслуживания, институт государственных пособий семьям с детьми, институт государственного пенсионного обеспечения. Помимо генеральных в составе Особенной части есть и простые институты. Например, таким является институт пособий по безработице, льгот по системе социального обеспечения, компенсационных выплат отдельным категориям граждан и проч. [12]

В научных исследованиях, посвященных рассмотрению отдельных проблемных вопросов отрасли, мы отмечаем озабоченность ученых расположением тех или иных правовых норм в структуре Особенной части отрасли права социального обеспечения.

Обобщая критерии распределения правовых норм в институты Особенной части, можно отметить, что одни ученые считают такими критериями предмет правового регулирования и виды обеспечения, другие допускают возможным для группировки норм внутри институтов Особенной части рассматривать субъектов социально-обеспечительных отношений, третьи берут за основу формирования правовых институтов организационно-правовые формы социального обеспечения (обязательное социальное страхование и государственное социальное обеспечение), четвертые, проводя исследование отдельных правовых норм, делают выводы о необходимости формирования соответствующих институтов.

Любое общество не стоит на месте, оно постоянно развивается, вместе с ним развиваются и общественные отношения в той или иной сфере социальной жизни, которые, в свою очередь, требуют закрепления в определенных нормативных правовых актах. Не составляет исключения и право социального обеспечения. Начиная с 2000 г. достаточно активное развитие общественных отношений в сфере социального обеспечения со стороны государства позволяет нам констатировать, что в отрасли права социального обеспечения активно формируется комплексный институт государственной социальной помощи.

Понятие государственной социальной помощи можно проанализировать с точки зрения «узкого» и «широкого» подхода.

Придерживаясь «узкого» подхода, Д. Е. Кожевников сформулировал понятие государственной социальной помощи как вида социального обеспечения, который состоит в предоставлении государством малоимущим семьям или малоимущим одиноко проживающим гражданам за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации на период нуждаемости денежных выплат и натуральных вы-

дач в целях удовлетворения основных потребностей и доведения их доходов до прожиточного минимума. Отграничивая через признаки государственную социальную помощь от других видов социального обеспечения, он пришел к выводу, что правовые нормы о государственной социальной помощи в системе отрасли права социального обеспечения входят в состав правового института государственной помощи Особенной части отрасли [13].

«Широкого» подхода придерживается М. В. Филиппова, которая определяет ее как предоставление малоимущим семьям или малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан социальных пособий, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [14]. Предоставление такой помощи в полной мере отражает социальную функцию государства, одной из целей которого является поддержание уровня жизни малообеспеченных граждан и компенсация утраченных средств и имущества при чрезвычайных обстоятельствах.

Государственная социальная помощь может предоставляться гражданам как в денежной (компенсация, субсидия и др.), так и в натуральной (продукты питания, одежда, обувь и др.) форме.

Полагаем, что для формирования данного института системообразующими критериями являются следующие:

- предмет правового регулирования комплекса общественных отношений, образующих указанный институт, составляют материальные отношения (предметный критерий);
- отраслевые принципы отрасли права социального обеспечения пронизывают правовые нормы, входящие в состав данного института;
- субъектами – получателями государственной социальной помощи – могут быть нуждающиеся граждане;
- специфика событий (социальных рисков), в связи с которыми предоставляется тот или иной вид государственной социальной помощи.

Комплексный институт государственной социальной помощи обеспечивает самостоятельное регулятивное воздействие на определенный участок отношений, который отличается фактической и юридической однородностью. Его содержание выражено в специфической группе понятий (трудная жизненная ситуация, малообеспеченность), терминов (субсидия, компенсация, набор социальных услуг и др.).

Объединение однородных специфических правовых норм данного вида обеспечивает цельное, относительно законченное регулирование, выполняющая главную функцию института, и подпадает под признаки самостоятельного правового института.

Отношения по поводу государственной социальной помощи регулируются многочисленными нормативными правовыми актами различного уровня [15], исходя из чего в состав комплексного института государственной социальной помощи можно включить простые регулятивные, предметные институты: институт предоставления набора социальных услуг; институт компенсационных выплат учащимся гражданам, находящимся в академических отпусках по медицинским показаниям; институт компенсационных выплат по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет; институт компенсационных выплат неработающим женам граждан рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и органов уголовно-исполнительной системы в отдаленных гарнизонах и местностях, где отсутствует возможность их трудоустройства; институт компенсационных выплат неработающим трудоспособным гражданам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами; институт компенсационных выплат гражданам, пострадавшим от радиационных и техногенных катастроф [16]; институт жилищных субсидий [17]; институт материнского (семейного) капитала [18].

Очевидно, что предлагаемая автором структура института государственной социальной помощи шире, чем понятие «государственной социальной помощи», закрепленное в федеральном законе РФ «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 г. Данный институт объединяет правовые нормы, регулирующие не только предоставление помощи гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию и малообеспеченным, но и другие нормы, в соответствии с которыми государство признает определенные обстоятельства социально значимыми для общества и готово их урегулировать.

Институт государственной социальной помощи до настоящего времени находится в состоянии формирования и становления. Об этом свидетельствует, как мы видим, наличие различных точек зрения ученых о простых институтах, его составляющих [19]. В ближайшее время необходимо теоретическое исследование непосредственно его структуры и содержания.

Примечания

1. Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 2: Специальные вопросы правоведа. М.: Статут, 2010. С. 72–101.
2. Там же. С. 107–108.
3. Шебанов А. Ф. Система советского социалистического права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 9.
4. Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1974. № 6. С. 65–66.
5. Алексеев С. С. Указ. соч. С. 119
6. Там же. С. 119–125.
7. Там же. С. 115–117.
8. Там же. С. 128–138.

9. Захаров М. А., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 101–103. См. также: Право социального обеспечения России: учеб. / М. О. Буянова, К. Н. Гусов и др.; отв. ред. К. Н. Гусов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 37–38.

10. Лушников М. В. Право социального обеспечения (Общая часть): учеб. пособие. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1997. С. 14.

11. Право социального обеспечения: учеб. / под ред. М. В. Филипповой. М.: Юристъ, 2006. С. 74–77.

12. Там же.

13. Кожевников Д. Е. Государственная социальная помощь малоимущим гражданам: правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 14–15.

14. Филиппова М. В. Государственная социальная помощь // Право социального обеспечения: учеб. / под ред. М. В. Филипповой. М.: Юристъ, 2006. С. 342.

15. О государственной социальной помощи: федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 08.12.2010) // СЗ РФ. 19.07.1999. № 29. Ст. 3699; Об утверждении Порядка назначения и выплаты ежемесячных компенсационных выплат отдельным категориям граждан: постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1206 (ред. от 04.08.2006) // СЗ РФ. 14.11.1994. № 29. Ст. 3035; Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами: постановление Правительства РФ от 04.06.2007 № 343 (ред. от 15.07.2010) // СЗ РФ. 11.06.2007. № 24. Ст. 2913 и др.

16. О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне: федеральный закон от 10.01.2002 № 2-ФЗ (ред. от 27.12.2009) // СЗ РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 128; О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча: федеральный закон от 26.11.1998 № 175-ФЗ (ред. от 28.12.2010) // СЗ РФ. 30.11.1998. № 48. Ст. 5850; О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 24.07.2009, с изм. от 10.11.2009) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

17. О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: федеральный закон от 25.10.2002 № 125-ФЗ // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4188; Об утверждении Положения о жилищном обустройстве вынужденных переселенцев в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 08.11.2000 № 845 // СЗ РФ. 13.11.2000. № 46. Ст. 4562; О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг: постановление Правительства РФ от 14.12.2005 № 761 (ред. от 24.12.2008) // СЗ РФ. 19.12.2005. № 51. Ст. 5547.

18. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // СЗ РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

19. Право социального обеспечения. С. 342; Лушников М. В. Указ. соч. С. 14; и др.

Л. А. Коврижных

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ*

В статье рассматриваются существующие проблемы обеспечения конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных. Анализируются нормативные предписания действующего законодательства о персональных данных на предмет его соответствия существующим общественным отношениям в сфере обработки персональных данных, выявляются пробелы правового регулирования отношений в этой сфере.

The article studies the actual problems of ensuring the constitutional right to inviolability of privacy, personal and family secrets while processing personal data. The author analyses regulatory directions of the legislation in force concerning personal data whether it corresponds to the existing social relations while processing personal data. The author points out the loopholes of legal regulations of the relations in this sphere.

Ключевые слова: информационное законодательство, персональные данные, обработка персональных данных, оператор, информационная система персональных данных.

Keywords: information legislation, personal data, processing of personal data, operator, information system of personal data.

В контексте повсеместной автоматизированной обработки информации о физических лицах как никогда актуальными становятся вопросы соблюдения конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

25 ноября 2005 г. Государственной Думой принят федеральный закон № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (далее – Конвенция) [1]. В связи с ратификацией Конвенции основные принципы защиты данных, определенные в этом международном акте, должны быть отражены в национальном законодательстве Российской Федерации.

Общественные отношения в сфере обработки персональных данных в настоящее время регулируют нормы специального закона – федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 25 июля 2011 г.) «О персональных данных»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда научных исследований Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове, проект № 09/11(5).

(далее – Закон о персональных данных), а также отдельные предписания других нормативных правовых актов [2]. Например, положения п. 8 ст. 6 федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ (ред. от 11 июля 2011 г.) «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», на основании которых сведения, содержащиеся в индивидуальных лицевых счетах застрахованных лиц, относятся к категории конфиденциальной информации [3], нормы главы 14 «Защита персональных данных работника» Трудового кодекса Российской Федерации [4] и др.

Следует отметить, что федеральным законом от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О персональных данных» внесены существенные поправки в Закон о персональных данных, которые касаются принципов и условий обработки персональных данных, обязанностей оператора при обработке персональных данных.

Закон о персональных данных является первым специальным российским законом, принятым в сфере обработки персональных данных. Для сравнения отметим, что в Англии подобный закон – Закон о защите данных 1984 г. (Data Protection Act 1984) принят 12 июля 1984 г. [5] В ФРГ и того ранее: 27 января 1977 г. был принят федеральный закон «О защите персонифицированной информации от противоправных действий в процессе обработки данных» [6]. Как мы видим, в сфере обработки персональных данных российское законодательство отстает от законодательства развитых европейских стран более чем на 20 лет.

Российским законодательством термин «персональные данные» впервые был определен нормами федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (ред. от 10 января 2003 г.) «Об информации, информатизации и защите информации». К информации о гражданах (персональным данным) законодателем были отнесены «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность» [7]. На основании этого определения субъектами персональных данных являлись только граждане, соответственно, например, информация о лицах без гражданства не подпадала под категорию «персональные данные». Персональные данные не подразделялись на виды, так, согласно положениям п. 1 ст. 11 указанного закона все без исключения персональные данные относились «к категории конфиденциальной информации».

В настоящее время в российском законодательстве присутствует другой подход. Предписаниями ст. 3 Закона о персональных данных персональные данные определяются как «любая

информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

На наш взгляд, следует положительно отметить два существенных момента.

Во-первых, расширен субъектный состав: субъектами персональных данных определены физические лица.

Во-вторых, законодатель выделяет четыре категории персональных данных с разными правовыми режимами, содержание которых, как справедливо указывает А. К. Терещенко, «сводится в основном к режиму доступа» [8]. Это: общая категория «персональные данные», специальные категории персональных данных, биометрические персональные данные и персональные данные, сделанные общедоступными субъектом персональных данных.

Понятийный аппарат Закона о персональных данных, определенный положениями ст. 3, не содержит дефиниции «специальные категории персональных данных». Перечень относимых к специальным категориям сведений определен нормативными предписаниями п. 1 ст. 10 указанного закона, в соответствии с которыми специальные категории персональных данных включают сведения о расовой, национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни. Перечень является исчерпывающим. На наш взгляд, например, представляется спорным вопрос об отсутствии в этом перечне сведений о судимости, так как нормами п. 3 ст. 10 Закона о персональных данных сведения о судимости определяются как специальные категории персональных данных.

На основании положений п. 1 ст. 11 указанного закона биометрическими персональными данными являются «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность».

Все три вышеназванные категории персональных данных относятся к информации ограниченного доступа. Законодатель в нормах пп. 10 п. 1 ст. 6 Закона о персональных данных определяет еще одну новую категорию персональных данных – персональные данные, «доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных либо по его просьбе» (персональные данные, сделанные общедоступными субъектом персональных данных), на которые не распространяет требование соблюдения конфиденциальности.

По нашему мнению, было бы логичнее дефиниции «специальные категории персональных данных», «биометрические данные» и «персональные данные, сделанные общедоступными субъек-

том персональных данных» закрепить в предписаниях ст. 3 Закона о персональных данных, определяющих понятийный аппарат закона.

Обработка персональных данных осуществляется в информационных системах персональных данных. Рассматривая проблему качества понятийного аппарата в сфере обработки персональных данных, отметим несогласованность правовых норм действующего информационного законодательства, определяющих состав информационной системы персональных данных. Положения ст. 3 Закона о персональных данных информационную систему персональных данных определяют как «совокупность содержащихся в базах данных персональных данных и обеспечивающих их обработку информационных технологий и технических средств».

Согласно этому определению в состав информационной системы персональных данных включаются три составляющие: базы данных, включающие персональные данные, информационные технологии и технические средства. Согласно нормам ст. 2 федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 6 апреля 2011 г., с изм. от 21 июля 2011 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) под информационными технологиями понимают «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [9]. К информационным технологиям относится, например, программное обеспечение информационной системы персональных данных, с помощью которого осуществляется автоматизированная обработка персональных данных. Такой подход соответствует нормативным предписаниям ст. 1261 ч. IV Гражданского кодекса РФ, согласно которым программы для ЭВМ создаются «для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств» в целях получения определенного результата [10].

К сожалению, содержание понятия «технические средства» на законодательном уровне не закреплено. Дефиниция «технические средства, позволяющие осуществлять обработку персональных данных» определена в нормах п. 1 Положения об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2007 г. № 781 (далее – Положение), как «средства вычислительной техники, информационно-вычислительные комплексы и сети, средства и системы передачи, приема и обработки персональных данных (средства и системы звукозаписи, звукоусиления, звуковоспроизведения, переговорные и телевизионные

устройства, средства изготовления, тиражирования документов и другие технические средства обработки речевой, графической, видео- и буквенно-цифровой информации), программные средства (операционные системы, системы управления базами данных и т. п.), средства защиты информации, применяемые в информационных системах» [11].

На наш взгляд, предписания п. 1 Положения содержат громоздкое, запутанное и сложное для восприятия понятие технических средств, позволяющих осуществлять обработку персональных данных. Здесь уместно вспомнить «принцип простоты», предложенный английским философом и логиком Уильямом Оккамом. По его мнению, простые и понятные объяснения явлений – самые лучшие.

На основании приведенного определения в состав технических средств, осуществляющих обработку персональных данных, включаются «программные средства (операционные системы, системы управления базами данных и т. п.)», что, на наш взгляд представляется весьма спорным. Нормы п. 2 Положения устанавливают, что «технические и программные средства должны удовлетворять устанавливаемым в соответствии с законодательством Российской Федерации требованиям, обеспечивающим защиту информации». В соответствии с этими нормами программные средства не входят в состав технических средств и рассматриваются уже как самостоятельный объект, наряду с техническими средствами. Как мы видим, нормативные предписания п. 1 и п. 2 Положения не согласованы между собой в части определения состава технических средств, осуществляющих обработку персональных данных.

В целях повышения эффективности правового регулирования отношений в сфере обработки персональных данных, на наш взгляд, представляется целесообразным закрепить понятие технических средств на законодательном уровне, однозначно определив его состав. Как мы видим, понятийный аппарат в сфере обработки персональных данных проработан неосновательно, отдельные дефиниции не согласованы между собой, а неточное определение основных понятий не лучшим образом отражается на качестве правового регулирования общественных отношений.

В качестве субъектов правоотношений законодателем определены: субъект персональных данных, оператор, уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных и третьи лица, получающие или предоставляющие информацию о субъекте персональных данных.

Согласно нормам ст. 3 Закона о персональных данных оператором является «государственный орган, муниципальный орган, юридическое

или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и(или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными». Соответственно, любая организация будет являться оператором персональных данных, так как обрабатывает данные своих сотрудников.

Согласно нормативным предписаниям п. 1 ст. 23 Закона о персональных данных и п. 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. (ред. от 24 марта 2011 г.) № 228, Уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных, обеспечивающим контроль и надзор за соответствием обработки персональных данных, является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, на основании положений ст. 7 Закона о персональных данных обязаны «не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом».

На практике установленное законодателем требование об обеспечении конфиденциальности обрабатываемых персональных данных соблюдается операторами, к сожалению, далеко не всегда. Об этом говорят факты несанкционированного распространения персональных данных, в том числе в сети Интернет. Например, на сайте Gazefar.net размещались предложения о бесплатном копировании полной базы данных ГИБДД 2011 г. по России и ближним регионам, включающей государственные номера автомобилей, персональные данные их владельцев и водителей, свободный телефонный справочник со всеми абонентами операторов сотовой связи, а также базы данных пользователей «Одноклассники» 2011 г. с паролями и электронными адресами. В настоящее время сайт заблокирован.

Комментируя приведенные факты неправомерного распространения персональных данных в сети Интернет, заметим, что если на сайте Odnoklassniki.ru пользователи сети Интернет регистрируются по своему желанию, то предоставление персональных данных (паспортов соответствующих транспортных средств, заключенных договоров, иных документов, удостоверяющих право собственности на транспортные средства) в ГИБДД физическими лицами согласно п. 4

Постановления Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 938 (ред. от 20 августа 2009 г.) «О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации» является обязательным требованием для регистрации транспортного средства [12].

Беспрецедентным случаем нарушения конституционного права на неприкосновенность частной жизни следует назвать факт попадания 18 июля 2011 г. в открытый доступ поисковой системы «Яндекс» около 8 тысяч sms-сообщений, отправленных с сайта «Мегафон», причем в некоторых сообщениях можно было прочесть паспортные данные людей [13]. Оператор «Мегафон» объяснил происшедшее техническим сбоем, связанным с работой внешнего администратора сайта.

Как мы видим, случаи неправомерного распространения персональных данных в сети Интернет имеют место. Чтобы в дальнейшем исключить повторения подобных «технических сбоев», представляется целесообразным в Закон о персональных данных включить норму, устанавливающую требования к информационным системам персональных данных. Положения п. 8 ст. 14 Закона об информации закрепляют обязательное условие соответствия технических средств, предназначенных для обработки информации, содержащейся в государственных информационных системах, в том числе программно-технических средств и средств защиты информации требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании [14]. Нормы п. 4 ст. 13 Закона об информации распространяют установленные указанным законом требования к государственным информационным системам «на муниципальные информационные системы, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации о местном самоуправлении». Однако информационные системы персональных данных, не являющиеся государственными или муниципальными информационными системами, не подпадают под действие этой законодательной нормы. На наш взгляд, следует устранить этот пробел, закрепив на законодательном уровне для всех информационных систем персональных данных обязательное условие соответствия технических средств информационных систем персональных данных, в том числе программно-технических средств и средств защиты информации требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании.

Как отмечает А. В. Паламарчук, «в настоящее время еще не сформирована судебная практика по спорам, касающимся защиты и сохранности персональных данных физических лиц при их распространении в сети Интернет» [15]. По нашему мнению, необходимо учитывать, что сеть

«Интернет» представляет собой единое информационное пространство, и интернет-сайты, размещающие персональные данные россиян, могут быть зарегистрированы не только в России, но и в других государствах.

Деятельность по выявлению и пресечению незаконно распространяющих персональные данные российских граждан интернет-ресурсов, в том числе зарегистрированных за пределами Российской Федерации в доменных зонах «com», «org», «net», осуществляет Роскомнадзор как уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных. В связи с этим заслуживают положительной оценки изменения, внесенные федеральным законом от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О персональных данных» в сфере трансграничной передачи персональных данных. Так, согласно предписаниям п. 2 ст. 12 Закона о персональных данных Роскомнадзор «утверждает перечень иностранных государств, не являющихся сторонами Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных». Законодателем в положениях п. 4 ст. 12 Закона о персональных данных определен исчерпывающий перечень случаев трансграничной передачи персональных данных на территории иностранных государств, не обеспечивающих адекватной защиты прав субъектов персональных данных. В соответствии с этой законодательной нормой трансграничная передача персональных данных на территории таких государств может осуществляться с письменного согласия субъекта персональных данных, в случаях, предусмотренных международными договорами и федеральными законами, для исполнения условий договора, стороной которого является субъект персональных данных, а также для защиты жизни, здоровья, иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или других лиц при невозможности получения письменного согласия субъекта персональных данных.

Хотелось бы затронуть также отдельные проблемные вопросы реализации положений действующего законодательства, регулирующего отношения в сфере обработки персональных данных, на практике.

Нормами ст. 6 Закона о персональных данных определен закрытый перечень случаев обработки персональных данных. В соответствии с пп. 7 п. 1 ст. 6 указанного закона обработка персональных данных может осуществляться с соблюдением принципов и правил, предусмотренных Законом о персональных данных, в случае, если она «необходима для осуществления прав и законных интересов оператора или третьих лиц

либо для достижения общественно значимых целей при условии, что при этом не нарушаются права и свободы субъекта персональных данных».

Как было отмечено выше, любая организация будет являться оператором персональных данных. Операторы электросвязи, а также управляющие организации, товарищества собственников жилья, жилищные кооперативы, жилищно-строительные кооперативы, иные специализированные потребительские кооперативы, осуществляющие в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации управление многоквартирными домами, являются операторами персональных данных и, на основании норм пп. 7 п. 1 ст. 6 Закона о персональных данных, вправе осуществлять обработку персональных данных только при условии соблюдения прав и свобод субъектов персональных данных.

К сожалению, это законодательное предписание вышеперечисленными организациями на практике реализуется далеко не всегда. Например, квитанции на оплату за предоставленные услуги связи пользователям этих услуг операторы электросвязи рассылают в незапечатанном виде, то есть, при желании можно легко узнать, с абонентами каких городов осуществлялись междугородные переговоры пользователями услуг связи, а также сумму задолженности за предоставленные услуги связи. К сожалению, подобная ситуация наблюдается и с рассылкой квитанций на оплату за предоставленные коммунальные услуги собственникам жилья, нанимателям жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда, из содержания которых можно узнать сведения о составе семьи, о временно отсутствующих членах семьи, сумму задолженности по оплате за коммунальные услуги. Для соблюдения прав и свобод субъектов персональных данных, на наш взгляд, операторы электросвязи, а также лица, обслуживающие жилищный фонд, обязаны рассылать квитанции на оплату за предоставленные услуги в запечатанном виде.

Мы попытались оценить качество правового регулирования отношений в сфере обработки персональных данных, проанализировать отдельные положения действующего законодательства о персональных данных на предмет соответствия его существующим общественным отношениям в сфере обработки персональных данных. Об актуальности затронутой проблемы свидетельствует регулярное появление на ежедневно обновляемой новостной ленте сайта Роскомнадзора информации о вновь выявленных нарушениях законодательства о персональных данных.

Подводя итоги, следует отметить, что еще многие вопросы в сфере обработки персональных данных остаются нерешенными: имеются пробелы в правовом регулировании отношений, нормативные

предписания об обеспечении конфиденциальности обрабатываемых персональных данных Закона о персональных данных соблюдаются операторами далеко не всегда, что является нарушением конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Примечания

1. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ (принят ГД ФС РФ 25 ноября 2005 г.) // Российская газета. 2005. 22 дек.

2. О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 4 июня 2011 г.) // Российская газета. 2006. 29 июля.

3. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования: федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ (ред. от 11 июля 2011 г.) // Российская газета, 1996. 10 апр.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 18 июня 2011 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

5. Data Protection Act 1984. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/pdfs/ukpga_19840035_en.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ.

6. Gezets zum Schutz vor Missbrauch personenbezogener Daten bei der Datenverarbeitung vom 27. Januar 1977 // Bundengesetzblatt. 1977. Teil. 1. S. 201.

7. Об информации, информатизации и защите информации: федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (ред. от 10 января 2003 г.) // Российская газета. 1995. 22 февр.

8. См. об этом подробнее: *Тереженко А. К.* К вопросу о правовом режиме информации // Информационное право. 2008. № 1. С. 20–27.

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 6 апреля 2011 г. с изм. от 21 июля 2011 г.) // Российская газета. 2006. 29 июля.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 4 октября 2010 г.) // Российская газета. 2006. 22 дек.

11. Об утверждении Положения об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства РФ от 17 ноября 2007 г. № 781 // Российская газета. 2007. 21 ноября.

12. О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 12 августа 1994 г. № 938 (ред. от 20 августа 2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994 г. № 17. Ст. 1999.

13. Абонент временно общедоступен // Коммерсантъ. 2011. 19 июля.

14. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 6 апреля 2011 г. с изм. от 21 июля 2011 г.) // Российская газета. 2006. 29 июля.

15. См. об этом подробнее: *Паламарчук А. В.* Надзор за исполнением законодательства о персональных данных в сети Интернет // Законность. 2010. № 12. С. 3–5.

УДК 347.9

Е. С. Кошечкина

ГЕНЕЗИС «ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ» В ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА*

В статье обсуждаются вопросы построения единой концепции механизма судебной защиты в Российской Федерации в контексте понимания «права на судебную защиту» в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 46 Конституции РФ, доктрине цивилистического процесса.

The article discusses the concept of building a unified mechanism of judicial protection in the Russian Federation in the context of understanding the «right to judicial protection» in Article 6 of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Art. 46 of the Constitution of the Russian Federation, the doctrine of civil procedure.

Ключевые слова: право на судебную защиту; «право на суд»; механизм судебной защиты прав и законных интересов.

Keywords: the right to judicial protection; «the right to court»; the mechanism of protection of the rights and legitimate interests.

Реализация права на судебную защиту является объектом пристального внимания законодателей большинства современных государств и ученых в различных отраслях юридической науки в целом. Актуальность исследований данной проблемы обусловлена, прежде всего, развивающейся концепцией прав личности как в рамках международного права, так и особенностями ее законодательного закрепления на внутригосударственном уровне.

В связи с многоаспектностью регулирования на сегодняшний день можно констатировать наличие терминологической неопределенности содержания понятий «право на защиту», «право на суд», «право на обращение за судебной защитой», «право на судопроизводство». Традиционно «право на суд» рассматривался как термин, используемый Европейским Судом по правам человека в своих решениях и закрепленный в официальном переводе Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1]. В рамках исследований основных конституционных прав граждан использовался термин «право на судебную защиту», закрепленный в ст. 46 Конституции РФ [2]. Термины «право на обращение в суд» и «право на судопроизводство», как правило, использова-

лись в сфере цивилистического процесса применительно к исследованию основного искового производства и рассматривались, как правило, в контексте «права на иск», «права на предъявление иска» [3].

В настоящее время влияние норм международного права и толкований Конвенции, даваемых Европейским Судом по правам человека, повлияло на российское внутригосударственное законодательство, в том числе посредством нормативных изменений [4]. Указанные предпосылки актуализировали не только проблему взаимопроникновения норм международного и национального права, соотношения основных правовых конструкций, но и поставили вопрос о необходимости использования единообразной терминологии и построения общей концепции механизма реализации права на обращение в суд в рамках цивилистического процесса.

Для формулирования общих подходов к построению теоретической модели механизма судебной защиты в России последовательно рассмотрим вопросы понимания «права на суд» Европейским Судом по правам человека, сущность принципа, определяемого в ст. 46 Конституции РФ, основные процессуальные категории.

Смысл ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, говорящей о «праве на суд», следует рассматривать как определение механизма (возможности) государственной власти защитить и восстановить в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина. Защита права «является средством, обеспечивающим осуществление права, но только в пределах, действительно необходимых для его осуществления и в порядке, установленном законом» [5]. При этом не исключается возможность субъекта использовать иные способы защиты – несудебные: административные, общественные и т. п.

Пункт 1 ст. 6 гарантирует каждому гражданину право судебного рассмотрения любого дела, затрагивающего его гражданские права и обязанности. Следовательно, Конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляет «право на суд», одним из аспектов которого является право на рассмотрение гражданского спора в суде [6].

Однако в связи с тем, что именно государство гарантирует защиту прав граждан, установленных законодателем, то в контексте разделения властей данная обязанность может быть реализована именно в судебных органах. В ходе реализации обязанности государства защищать права и свободы человека, вид органа власти, участвующего в процессе, на том или ином этапе может меняться, одни органы могут сменять другие в зависимости от этапа процесса и специфики полномочий. Согласно Конституции РФ госу-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Доступность правосудия в России: теоретические и законодательные аспекты»), проект №11-03-00578а.

дарственная власть в РФ едина (ст. 5). В случае нарушения или угрозы нарушения права человека или гражданина либо если имеется спор о праве, имеют место также отношения, участником которых является государство как арбитр в лице органов судебной ветви власти либо иных уполномоченных органов. Если механизм защиты права не завершается после вынесения акта, которым разрешается дело, т. е. игнорируется юридическое значение решения суда или иного органа (выступавшего в качестве арбитра), то выразителем публичного интереса становится орган, который имеет полномочия на реализацию принудительной силы государства. Приоритет в данном вопросе должен отдаваться в первую очередь проблеме установления государственных гарантий на реальную защиту, а после – определению вида органа, реализующего полномочия государства по применению принудительной силы. Именно в этом аспекте следует рассматривать «право на суд» ст. 6 Конвенции.

Поэтому отождествление, включение в понятие «права на суд» смысл действия всего механизма государственной защиты прав гражданина не является противоречивым. Более того, Европейский Суд по правам человека «разработал особые методы толкования, позволяющие ему вынести сущность нормы за пределы формы» [7], что позволяет подойти к вопросам формирования единой концепции внутригосударственной защиты прав человека и гражданина в данном аспекте.

Идея внутригосударственной защиты прав субъектов нашла отражение в ст. 46 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет «гарантированность» каждому судебной защиты его прав и свобод. Анализ права на судебную защиту в рамках конституционного правоотношения проводился отдельными учеными [8].

Субъектами конституционного правоотношения, содержание которого составляют право на судебную защиту и обязанность оказать ее, являются гражданин и государство. Гражданин в этом правоотношении имеет право на получение судебной защиты, а государство обязано обеспечить реализацию этого права [9].

Таким образом, понимание «права на суд» сводится к пониманию определенного механизма. В этом контексте и следует понимать смысл ст. 46 Конституции РФ, формулировка которой полностью соответствует смыслу Конвенции о защите прав человека и основных свобод и отражает общий подход законодателя, что нашло отражение в актах толкования Верховного Суда РФ [10].

Проблема возникает при использовании данных категорий в отраслевом законодательстве, а именно теории гражданского процессуального

права. В науке гражданского процессуального права «право на судебную защиту» не исследовалось комплексно. Большинство исследований сводилось к трем основным направлениям.

Во-первых, «право на судебную защиту» рассматривалось в контексте права на иск [11]. При этом достаточно подробно анализировались понятия «право на иск», «иск», особенности искового производства. Применительно к рассматриваемой категории подобные исследования не касались иных видов производств и, как правило, не касались вопросов исполнения судебных актов.

Второе направление в разработке «права на судебную защиту» характеризовалось анализом проблем обращения в суд (т. е. «досудопроизводственной» в собственном смысле слова части деятельности суда). Отдельные работы в рамках данного исследования [12] внесли весомый вклад в развитие данной категории, поскольку анализировали право на суд в соответствии с критериями доступности.

Третья группа исследователей уделяла внимание проблемам права на судопроизводство либо за счет его содержательной характеристики [13], либо за счет расширения его границ и включения стадии исполнения [14].

Единая теоретическая концепция, которая позволила бы объединить международные требования, конституционный смысл, а также рассмотреть все этапы реализации механизма защиты прав (от обращения до исполнения), отсутствует. Попробуем кратко обозначить исходные тезисы, которые следует положить в основу единой концепции механизма защиты прав субъекта в гражданском судопроизводстве, определим основные категории в системе правоотношений.

Традиционно реализация прав субъектов протекает в рамках регулятивного правоотношения. Таким образом, оно характеризуется позитивной реализацией субъектами, принадлежащих им юридически гарантированных прав и имеет место в материальном праве. В момент нарушения «нормального течения» правоотношения одним из субъектов возникает ситуация нарушения (угрозы нарушения) права. С точки зрения законодательных определений это нарушение обязательства, деликт, правонарушение, проступок и т. д.

Но нам важно теоретическое определение данной категории для перехода к следующему этапу механизма защиты. Так, большинство учёных полагают, что в момент того правонарушения, или, выражаясь терминологией Е. Г. Лукьяновой [15], «правовой аномалии», прекращается правоотношение регулятивное и возникает правоотношение охранительное. Основную разницу этих отношений учёные видят в целеполагании [16]: регулятивное правоотношение прекращает-

ся в момент правонарушения и возникает новое – охранительное, призванное защитить нарушенное право. На наш взгляд, именно в разграничении и разделении правоотношений охранительного и регулятивного как различных по своей природе содержится ошибка. Материальное правоотношение не прекращается между сторонами в момент нарушения одной из них, поскольку основания для прекращения правоотношения нет. Следовательно, факт нарушения «нормального» течения правоотношения нужно рассматривать не как факт, который может прекратить возникшую ранее правовую связь, а как правоизменяющий. Данный вывод имеет принципиальное значение для формирования целостной концепции защиты прав.

Таким образом, можно заключить, что факт правонарушения (угрозы нарушения) субъективного права не является основанием возникновения охранительного правоотношения, а лишь преобразует первоначальную правовую связь между субъектами в материальном регулятивном правоотношении в иную.

Применительно к теории права предполагается, что любые правоотношения между субъектами при реализации «позитивных» прав и обязанностей являются регулятивными. Охранительные правоотношения имеют материальную природу и реализуются с целью защиты нарушенных прав.

Регулятивные и охранительные правоотношения не являются различными по природе и не существуют отдельно. Они характеризуют единую правовую связь между субъектами права, которая преобразуется из одной формы в другую на основе смены цели реализации материального правоотношения.

Статья 6 Конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина определяет необходимость существования в каждом государстве эффективного механизма защиты прав субъектов. Статья 46 Конституции РФ также предусматривает наличие правовой связи между субъектом-носителем права и государством как гарантом осуществления этого права. Таким образом, утверждается параллельное существование отношения единого между лицом, обладающим субъективным правом в конкретном правоотношении, и государством, определяющим и гарантирующим существование этого права. Их специфика определяется тем, что в момент их возникновения они не определены конкретным содержанием, а носят общий характер. Конкретное содержание это отношение получает в момент обращения конкретного субъекта к государству как гаранту принадлежащего ему субъективного права за защитой, при условии перехода материального правоотношения, в котором он осуществляет свои права, в форму охранительного.

Примечания

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ратифицирована Федеральным законом № 54-ФЗ от 30.03.1998 г.).

2. Конституция Российской Федерации.

3. См., в частности: *Осокина Г. А.* Право на защиту в исковом производстве (право на иск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990.

4. Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» (принят ГД ФС РФ 21.04.2010) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

5. *Арапов Н. Т.* Проблемы теории и практики правосудия по гражданским делам. М., 1984. С. 63.

6. *Микеле де Сальвиа.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 год // URL: <http://www.rroi.narod.ru/echr/echr.htm>

7. *Микеле де Сальвиа.* Прецеденты Европейского Суда по права человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 год. СПб., 2004. С. 12 (п. 75 Преамбулы).

8. См., в частности: *Белявская О. Я.* Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

9. *Лукасян Р. Е.* Реализация конституционного права на судебную защиту // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Калинин, 1982. С. 3.

10. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. См.: *Осокина Г. А.* Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990.

12. *Приходько И. А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

13. *Афанасьев С. Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на гражданское судопроизводство: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010.

14. *Власов А. А., Максуров А. А.* Гражданское исполнительное право: учеб. / под ред. А. А. Власова. М.: Изд-во «Экзамен», 2004.

15. См.: *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. М.: Изд-во НОРМА, 2003.

16. См., в частности: *Бутнев В. В.* Несколько замечаний к дискуссии о теории охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль, 1991. С. 7–10.

П. Н. Фещенко

МЕСТО И РОЛЬ КОРРУПЦИИ В ГЕНЕЗИСЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ*

В статье поднимаются проблемы неурегулированности вопросов оценки состояния и результатов противодействия коррупции и социальной напряженности, связи данных негативных явлений и политической преступности, вносятся предложения по устранению недостатков путем применения соответствующих методик и изменений законодательства.

This article raises the problem of the unresolved issues of assessments and the results of anti-corruption and social tensions, data communication adverse events and political crime, makes proposals to eliminate weaknesses through the application of appropriate techniques and changes in legislation.

Ключевые слова: коррупция, социальная напряженность, политическая преступность, критерии оценки.

Keywords: corruption, social tension, political crime, the evaluation criteria.

В новой Национальной стратегии противодействия коррупции Президент России Д. А. Медведев отнес данное негативное явление к числу реальных угроз для национальной безопасности страны [1].

С научной и практической точек зрения, по нашему мнению, было бы полезным рассмотреть механизмы трансформации одного негативного явления – коррупции в другое – снижение уровня защищенности конституционных основ государства и его стабильности.

Очевидным и не требующим доказательства или объяснения может быть аспект, касающийся прямого ущерба от коррупционных деяний в сфере экономики. Это и недополученные налоги, и выпуск некачественной продукции, и пропуск через границу низкосортного ширпотреба, и ущерб от техногенных катастроф и аварий в силу «закрывания глаз» контролерами на нарушения правил безопасности и т. д.

Чем больше коррупция, тем больше «пляшущих мостов», «взорванных самолетов и поездов», закупленных «втридорога» томографов, проданных «за копейки» из мобрезерва истребителей и т. д. – обо всем этом в 2011 г. неоднократно сообщали средства массовой информации.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове, проект № 01/11 (1).

Очевидна и связь коррупции с ущербом жизни и здоровью граждан – «высшей ценности» по действующей Конституции. Это и продажа недоброкачественных продуктов и лекарственных препаратов, и нецелевое использование средств ФОМСА, и повышение цен на продукты, и т. д.

Следует отметить, что именно эти деяния и отнесены сегодня действующим законодательством к понятию «коррупции» [2] – «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки и т. д.». И эти же деяния как наиболее опасные для государства и общества включены в соответствующие статьи Уголовного кодекса.

В то же время необходимо отметить, что в указанных нормативных актах отсутствует аспект, который бы позволил оценить и криминализировать другую сторону коррупции – формирование в обществе недоверия к Власти и Закону, последующее озлобление бездействием должностных лиц по улучшению ситуации или принятию противоположных по сути решений. Всё это в итоге можно назвать возникновением и усилением социальной напряженности в обществе.

Наглядными примерами последнего времени в данном аспекте могут быть транслировавшиеся в конце июня 2011 г. по телеканалам сюжеты о массовых беспорядках в Греции, где показывали тысячи граждан, недовольных перспективами снижения зарплаты и социальных пособий, градуемыми увольнениями и т. п.

При этом обозреватели указывают на то, что «наступил предел терпению народа» и погромы – ответ на «политику экономического геноцида» [3]. Характерно, что митингующие выступают не просто против предстоящих мер, а задают вопросы, почему до кризиса «верхи жировали и решали свои проблемы», а сегодня, при угрозе банкротства стране, возмещать убытки должны «низы»?

В связи с этим представляется целесообразным отметить, что не все коррупционные деяния вызывают возмущение граждан и имеют такие последствия.

Например, нецелевое использование бюджетных средств, выделенных на обеспечение системами безопасности московского метро или аэропорта «Домодедово», можно отнести к коррупционным деяниям, представляющим угрозу национальной безопасности. Однако это не вело к росту социальной напряженности и подрыву доверия к властям, пока не произошел теракт 24 января 2011 г. и последующие проверки выявили многомиллионные факты нецелевого использования бюджетных средств.

Аналогичным образом можно оценить и ситуацию с нецелевым использованием миллионов рублей на строительство моста в Волгограде, пока

он не «заплясал» и Счетная палата по поручению Президента России не вскрыла и не обнародовала эти коррупционные правонарушения.

Сходная, по сути, ситуация сложилась весной 2011 г. вокруг обнародованных коррупционных сделок с «исчезнувшими» миллиардами «Банка Москвы» – всё это имело место, подрывало безопасность государства, но не вело к росту социальной напряженности в силу «скрытого для народа характера деяний» [4].

По этому поводу криминологи давно призывают оценивать преступность не только по зарегистрированным преступлениям, но и по не попавшим в статистику – латентным, превышающим по разным категориям преступлений официальные цифры, например по изнасилованиям – в 7 раз, а по коррупционным – в 500–2000 [5].

Как отмечают криминологи, не попавшие в статистику преступления имеют крайне негативные социальные последствия – от ведущего к рецидиву безнаказанного преступного поведения, примером чему могут служить события в Кущёвке [6] и подражания этому со стороны других лиц, до подрыва доверия к Власти и Закону [7], самосуду и озлоблению населения. Данное обстоятельство особенно показательно применительно к коррупционным преступлениям, где люди видят особняки бюджетников – должностных лиц, соседствующих с такими же дворцами тех, кто должен бы бороться с коррупцией, и тех, кого в народе обоснованно называют «бандитами». Показательны в этом плане сообщения СМИ начала 2011 г., где в одном случае мэр г. Энгельс Саратовской области жил в особняке на 30 комнат и «получал» от коррупционных сделок до 1 млн руб. в день (!) [8], в другом – генерал-лейтенант, имевший особняк в 50 комнат и требовавший взятку в 1 млрд 300 млн руб., и т. д.

Здесь необходимо отметить, что криминологи для выявления уровня латентной коррупции требуют применять два взаимосвязанных метода – социологический и документальный. Это, с одной стороны, анкетирование для выявления жертв. (Например, в соответствующей ОЦП Кировской области это среди оценочных показателей «доля граждан и организаций, столкнувшихся с коррупцией».) С другой стороны – это исследование массивов документов, где вероятно нахождение сведений о коррупционных деяниях – редакции газет, приемные по жалобам, общественные организации и т. п. Этого сегодня «программы» не предусматривают.

Оценивая состояние ситуации в аспекте связи коррупция и социальной напряженности, за последнее время можно вспомнить целый ряд громких уголовных дел коррупционного характера, отчетливо показавших бездеятельность конкретных должностных лиц и вызывавших обо-

снованные версии об их причастности к случившемуся.

Это и уже упоминавшиеся 12 убитых в Кущёвке, и вскрытые факты коррупции и беззакония, массовые выступления молодежи на Манежной площади в Москве и других городах как ответ на освобождение подозреваемых в преступлении лиц, бездеятельность властей во время «обледенения самолетов» в аэропорту «Домодедово» и последующий теракт в этом же аэропорту, превышающее всякие нормы приличия увеличение цен на гречку, картошку, дизтопливо и бензин и т. д.

И тут же как ориентир перспектив – массовые выступления, погромы, свержение власти в Тунисе, Египте, Ливии, Иордании и соседних странах в январе – феврале 2011 г.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что власти как будто не видят того, что вызывает раздражение и внутренний (пока) протест миллионов бюджетников со «смешными зарплатами». Это и огромное расслоение по доходам при призывах экономить на электролампочках и студенческих стипендиях, провозглашение повышения пенсий на 8–10% (сотни рублей) и тут же «рассекречивание материалов» о том, что сегодня «средняя зарплата российского банкира – 2,1 млн рублей в месяц (!), а в «Сбербанке» «высший офицерский состав» получает 6,31 млн руб. в месяц, при этом вознаграждение в «кризисном» 2010 году выросло на 179% по сравнению с 2009 годом» [9], что число долларовых миллиардеров в России за год возросло в два раза. Как можно после этого продолжать говорить о «единстве» и «согласии»?

Что думают по этому поводу российские телезрители, когда показывают события на Ближнем Востоке, где бедные в Египте восстали против несправедливости и коррупции наравне с сытыми в Бахрейне, недовольными засильем 20% населения над остальными 80%?

Показательно, что в рассматриваемой ситуации правители Саудовской Аравии тут же (24 февраля 2011 г.) объявили о немедленном принятии целого пакета социальных программ на сотни миллионов долларов, ориентированных на основные слои населения. Такая же по объему и направленности программа озвучена и на предстоящий год.

При этом резко возросли цены на нефть, дающие нашей стране ежедневную сверхплановую прибыль. Интересно в связи с этим высказывание нашего вице-премьера и министра финансов Алексея Кудрина: «От своего прогноза инфляции мы пока не отказываемся, наверное, выйти на 7% в этом году будет очень сложно. Во-первых, во всем мире растут цены на продовольствие. А во-вторых, дорожает нефть, которая

также давит на инфляцию. Мы уже приняли решение не использовать все доходы от нефти и газа (от их прироста) на увеличение расходов бюджета. Это позволит во втором полугодии 2011 года снизить инфляцию» [10].

Вот кто только будет делать прогнозы изменения социальной напряженности и нести ответственность за такие принятые решения? Как известно, высшее руководство страны постоянно «ругает» министров и иных ответственных лиц за непродуманные решения и волокиту, однако те годами продолжают так же вести порученное дело [11].

Показательна в этом плане и информация из Ливии, где М. Каддафи для снижения недовольства населения в один день «отменил пошлины на ввоз товаров первой необходимости, а также все действующие в стране потребительские налоги и налоги на производство» [12].

Исходя из изложенного, здесь возникает, по мнению автора, как минимум три блока научных и практических проблем:

- как оценить состояние социальной напряженности в регионе/стране;
- как оценить состояние коррупции;
- как оценить направление влияния коррупции на социальную напряженность и ее перспективы.

По первой позиции следует констатировать, что в ряде современных документов для оценки тех или иных явлений предписывается анализировать степень удовлетворенности населения. Например, в известном Указе Президента России об оценке качества деятельности региональных органов власти к таким показателям относится «п. 43. Удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ, в т. ч. их информационной открытостью (процент от числа опрошенных)» [13].

В новом ФЗ «О полиции» указывается, что «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» [14].

В областной целевой программе Кировской области по противодействию коррупции на 2010–2012 гг. в качестве одного из показателей эффективности данной деятельности указано исследование «общественного мнения по оценке уровня коррупции» [15].

При этом возникает естественный вывод о том, что эта «неудовлетворенность» может быть как в виде тихого пьянства от безысходности после закрытия очередного предприятия в «моногороде», так и в виде захвата мэрии и перекрытия федеральной трассы, как в известном Пикалёво. Это может быть тихий протест в виде недоверия партии

власти на выборах или свержение коррумпированных правителей в Тунисе и Египте в 2011 г.

Это недовольство как «социальную напряженность» необходимо постоянно отслеживать и оценивать уровень – измерять по установленным критериям. При этом не только выяснять «процент недовольных», но и другие важные показатели – эмиграции, суицида, падения доходов и т. д., в том числе факты и динамику перехода пассивных форм недовольства в активные выступления разной направленности – от конституционных пикетов до экстремистских и террористических актов.

Как показало обсуждение проблемы моногородов у Президента России в 2011 г., по нескольким десяткам таких «горячих точек» региональными и местными руководителями не только с 2009 г. не приняты меры, но даже не были разработаны планы мероприятий. Как сказал Президент, это «разгильдяйство, хамство по отношению к людям, которые там живут!» [16], а значит, никто и не прогнозировал последствий своих действий (бездействия).

В своей монографии на эту тему автор еще в 2006 г. обращал внимание как на необходимость разработки соответствующей «Методики оценки социальной напряженности в регионе» (и предложил такую методику) [17], так и на необходимость вменения должностным лицам в обязанности проведение соответствующих исследований и прогнозирование последствий своих решений.

Во-вторых, необходимо отслеживать и принимать меры в отношении тех деяний, которые ведут к росту социальной напряженности. Должностные лица должны нести ответственность за свои слова, приказы или бездеятельность. Определенным «шагом в этом направлении», по нашему мнению, можно считать внесенное Президентом предложение о введении финансовой ответственности чиновников («лиц, замещающих госдолжности, федеральных госслужащих высшей группы должностей и приравненных к ним лиц»), из-за незаконных действий или бездействия которых государству по суду пришлось выплачивать ущерб [18].

Однако кроме измеряемого деньгами есть и другой вид ущерба. И без того проблемы – народ недоволен, так надо запустить информацию о том, что сейчас за рыбалку надо будет платить, и так дороговизна – надо сказать, что студентам перестанут платить стипендию, и так задохались от жары – надо принять решение, что нельзя свободно устанавливать кондиционеры – они портят фасады, а тысячи бомжей в городе ничего не портят?

Показательным в данном аспекте может быть замечание Президента России в адрес министра

образования и науки А. Фурсенко о том, что он «своими решениями (о школьных программах) поставил “на уши” всю страну – пришлось всё отменять, что подрывает репутацию власти... Думайте...» [19].

Коррупционные деяния, как и аспекты, ведущие к социальной напряженности, по аналогии должны бы проходить ту же оценку: разработка методик оценки коррупции, её негативных последствий – известных и неизвестных широкой общественности – и, как следствие, влияния на рост социальной напряженности. В последнем случае чиновники должны бы нести дополнительную ответственность. В положительном плане здесь можно отметить деятельность по проведению антикоррупционного мониторинга, где также есть свои специфические проблемы [20].

Сегодня Законодатель применительно к коррупционным преступлениям делает акцент на введение кратных сумме взятки штрафов, что, по мнению автора, не учитывает тяжесть последствий от коррупционных деяний, а значит – степень удовлетворенности пострадавших (виктимологический аспект) [21] и социальную справедливость при назначении наказаний.

Пока же эти вопросы, к сожалению, не урегулированы ни в правовом, ни в организационно-управленческом аспекте, а значит, не исключена возможность «неожиданных для всех» революций, погромов и манифестаций, которых сегодня нет в ведущих «цивилизованных странах».

Показательна в этом плане инициатива Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, объявившего открытый конкурс на право заключения государственного контракта на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Системные исследования с целью организации контрольно-профилактической деятельности в сфере предупреждения коррупционных проявлений в системе МЧС», где основным требованием является разработка соответствующих «Методических рекомендаций» [22]. С учетом изложенного предлагается:

– узаконить проведение мониторинга социальной напряженности в регионе/муниципальном образовании, возложить официально эту ответственность на соответствующие структуры. Аналогом может рассматриваться, по мнению автора, внесение Советом Федерации поправки в закон «О противодействии терроризму», вводящей в России трехуровневую систему оповещения о террористической угрозе. Предлагается сделать повышенный («синий»), высокий («желтый») и критический («красный») уровни террористической опасности. По словам эксперта, документ

позволяет упорядочить работу всех сил и средств по трем направлениям: управленческому, оперативно-розыскному и профилактическому [23];

– в обязательном порядке обучить должностных лиц методике оценки уровня социальной напряженности, как это сегодня делается применительно к обучению на специализированных курсах в соответствии с «Национальным планом противодействия коррупции» по проблемам коррупции;

– ввести ответственность за деяния, приведшие или могущие привести к существенному росту социальной напряженности;

– рассматривать коррупционные деяния, приведшие к росту социальной напряженности, в качествеотягчающего обстоятельства, увеличивающего ответственность должностного лица, в том числе рассмотреть вопрос о придании коррупционным статьям УК РФ материального, а не только формального характера.

По мнению автора, предлагаемые изменения позволят повысить качество принимаемых управленческих решений и снизят риск роста социальной напряженности и массовых преступлений как реакции на не решаемые властями социальные проблемы и коррумпированность конкретных ответственных исполнителей.

Примечания

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции» // Российская газета. 2010. 15 апр.

2. О противодействии коррупции. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2007. 30 дек.

3. Новости. Телеканал «Россия-2». 2011. 30 июня.

4. Новости. Телеканал НТВ. 2011. 2 июля.

5. *Иншаков С. М.* Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006. М.: Юнити-ДНА, 2007; *Иншаков С. М.* Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности (монография). М.: Юнити, 2011.

6. Люди пропадали десятками, милиция скрывала сотни уголовных дел // Комсомольская правда. 2010. 3 дек.

7. Кубанские отморозки. Убийцы 12 человек были известны и милиции, и власти // Аргументы и факты. 2010. 1–7 дек.

8. Глава Энгельсского района «зарабатывал» в день миллион рублей // Комсомольская правда. 2010. 3 дек.

9. Чужой карман // Комсомольская правда. 2011. 22 февр.

10. Дословно // Комсомольская правда. 2011. 21 февр.

11. Уволить нельзя оставить. Как первые лица грозят провинившимся // Аргументы и факты. 2011. 22–28 июня.

12. Новости. Телеканал «Россия-24». 2011. 7 марта.

13. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [утв. Указом Президента России от 28 июня

2007 года № 825 (ред. от 13.09.2010 г.). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 7.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 февр. (п. 6 ст. 9).

15. Об областной целевой программе «О противодействии коррупции в Кировской области» на 2010–2012 год». Утв. Постановлением Правительства Кировской области от 29.07.2009 г. № 18/215 (п. 5.1).

16. Главное // Аргументы и факты. 2011. 22–28 июня (14 февр. 2011 г., Собрание у Президента России по проблемам занятости).

17. *Фещенко П. Н.* Социальная напряженность как аспект национальной безопасности. М.: Изд. группа «Юрист», 2006.

18. Дмитрий Медведев слов на форум не бросает // Коммерсантъ. 2011. 2 июля.

19. Новости. Первый телеканал. 2011. 16 мая.

20. О мониторинге состояния и эффективности противодействия коррупции (антикоррупционном мониторинге) в Свердловской области: Указ Губернатора Свердловской области от 13 марта 2009 г. № 229-УГ // Областная газета. 2009. 20 марта и др.; *Кабанов П. А.* Понятие антикоррупционного мониторинга как криминологической категории // Право и практика. Научные труды Кировского института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина. 2011. № 8.

21. Данный аспект требует отдельного исследования. Некоторые публикации сегодня привлекают внимание к указанной проблеме, например, см.: *Гарипов И. М.* Виктимологическая характеристика жертв корпоративной криминальной коррупции в Республике Татарстан // Материалы межведомственного «круглого стола» «Коррупция: состояние и пути противодействия». 30 марта 2011 г. Право и практика. Научные труды Кировского института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина. 2011. № 8; и др.

22. Целью НИР является анализ и оценка проблемы коррумпированности сотрудников системы МЧС России, обобщение имеющихся мер противодействия коррупции в контексте применения норм действующего антикоррупционного законодательства, разработка на этой основе **методических рекомендаций** по организации контрольно-профилактической деятельности в сфере предупреждения коррупционных проявлений в системе МЧС России, применение новых подходов к организации служебной деятельности. (Начальная цена – 800 тыс. руб., подача заявок до 11 июля 2011 г.).

23. Совфед одобрил трехуровневую систему оповещения при угрозе терроризма // Информационное агентство ПЛАНЕТА. URL: www.iaplaneta.com. 23.06.2011.

УДК 812

И. А. Петрова

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕДЕРАЦИИ МАЛАЙЗИЯ В ПЕРИОД с 1896 по 1946 г.

Статья посвящена особенностям становления федерализма в Малайзии в период с 1896 по 1946 г. Рассмотрены такие основные вопросы, как система органов управления в указанный период, федерированные и нефедерированные государства.

Article is devoted to features of the formation in Malaysia in the period from 1896 to 1946. Address fundamental questions such as system of controls of federated and nefederirovanny state during this period.

Ключевые слова: федерация, протекторат, резидент, федерированное государство, нефедерированное государство.

Keywords: Federation, protectirate, resident, federated state, unfederated state.

Малайзия – одна из самых молодых федераций мира: ей всего 48 лет. Однако становление и развитие малайзийского федерализма длилось достаточно долго, и можно выделить два этапа данного процесса: первый – становление и развитие институтов федерализма в рамках Британской империи и второй – развитие независимой Малайской федерации. В свою очередь первый этап можно разделить на четыре последовательных периода (дофедеративное развитие Малайи, Федерированные Малайские штаты, Малайский союз и Колониальная Малайская федерация), второй этап – на два периода (Независимая Малайская федерация и Федерация Малайзия), каждый из которых характеризуется своим кругом причин и задач, нашедших отражение в различных конституционных документах.

С 1 июля 1896 г. по 1946 г. – один из периодов становления Федерации Малайзия в рамках Британской империи. Именно в данный период английскому министерству колоний был предложен план создания федерации из малайских княжеств-протекторатов, в котором обосновывалась необходимость координации и централизации колониального управления в Малайе. Осуществление одобренного плана было поручено резиденту в Пераке Фрэнку Свиттенхэму.

Так как правители малайских княжеств выступили против создания федерации, опасаясь, что объединение приведет к дальнейшему падению их власти, Свиттенхэму пришлось пообещать включить в соглашение о федерации положение о том, что «власть, права и привилегии султанов ни в коей мере не будут ограничены». Как впо-

следствии писал Свиттенхэм, на этой «фиктивной основе он и выполнил свою задачу» [1].

1 июля 1896 г. соглашение о создании федерации в составе княжеств Перак, Селангор, Паханг и Негри-Сембилан вступило в силу. По этому соглашению правители княжеств признавали протекторат Англии над федерацией. Права султанов формально гарантировались ст. 3, где указывалось, что «заключение данного соглашения не означает, что ограничивается власть какого-либо правителя или вождя над его территорией» [2]. Обращает на себя внимание тот факт, что в соглашении всего одна статья посвящалась вопросам управления федерацией. В ст. 4 указывалось, что «правители соглашаются признать английского чиновника, именуемого генеральным резидентом, в качестве агента и представителя английского правительства, подчиненного губернатору Стрейтс-Сеттлментс», и что советам генерального резидента они «обязуются следовать во всех делах управления, за исключением вопросов, связанных с мусульманской религией» [3].

Таким образом, вопрос о системе органов управления федерацией оставался открытым. Англичане получили самые широкие возможности для создания такой администрации, которая на том или ином этапе была бы наиболее приемлемой с их точки зрения. В договоре ничего не говорилось об участии малайских правителей в федеральных органах власти. Англичане, следовательно, представляли себе федерацию как централизованную форму колониального управления малайскими княжествами, а не как форму их политического объединения.

На основе договора была создана центральная администрация, располагавшаяся в столице федерации – г. Куала-Лумпур. При генеральном резиденте были образованы департаменты по различным отраслям управления, в том числе департамент по законодательным делам, по финансам, судебный и полицейский комиссариаты и департамент общественных работ. Департаментами руководили английские чиновники. Резиденты при султанах были полностью подчинены генеральному резиденту.

При сложившейся системе централизованного колониального управления, по сути, было ликвидировано даже то минимальное участие малайских правителей и феодальной знати в управлении княжествами, которое они принимали до создания федерации. Так как вся власть находилась в руках генерального резидента, а резиденты в княжествах лишь выполняли его указания, последние постепенно вообще перестали выносить на обсуждение государственных советов какие-либо вопросы. В результате этого, как отмечал английский историк и юрист Л. Миллс, государственные советы утратили всякое значение [4].

Единственным органом, призванным лишь символизировать участие малайской феодальной знати в делах федерации, явилась вскоре созданная ассамблея султанов, вождей и резидентов. Она обладала только совещательными полномочиями. Но и эта ассамблея была созвана всего два раза – в 1897 и в 1903 гг. На ассамблее 1903 г. султан Перака поставил вопрос об участии малайцев в федеральном правительстве, что свидетельствовало о росте недовольства феодальной знати своим положением. В ее среде все чаще встает вопрос о том, что англичане игнорируют «данные султанам обещания сохранить их власть и привилегии и стали забывать, что осуществляемая правительством власть полностью является даром этих султанов» [5].

Оказавшись перед угрозой потерять поддержку малайских феодалов, англичане предприняли реформу управления федерированными княжествами. В 1909 г. губернатор Стрейтс-Сеттлментс заключил с султанами соглашение об учреждении Федерального совета.

Федеральный совет возглавлялся губернатором Стрейтс-Сеттлментс, который становился верховным комиссаром Великобритании в Малайе. Членами совета являлись генеральный резидент, четыре резидента и четыре султана. Кроме того, четыре неофициальных члена назначались верховным комиссаром. Последний имел право включать в состав совета дополнительное количество членов из числа начальников департаментов, но в этом случае он должен был включать и равное количество неофициальных членов [6].

Таким образом, реформа преследовала цели дальнейшей централизации колониального управления в Малайе, что обеспечивалось уже официальным сосредоточением всей полноты власти в колонии и в федерации в руках верховного комиссара Англии. Он председательствовал в Федеральном совете, назначал и смещал его членов. Верховному комиссару принадлежала законодательная инициатива, право утверждения законов и исключительное право вето [7].

Эта «конституционная» реформа не привела к сколько-нибудь существенному участию малайской федеральной знати в управлении федерацией. В Федеральном совете султаны были в меньшинстве. Их положение в высшем федеральном органе никак не соответствовало статусу глав членов федерации: султаны не могли председательствовать на заседаниях совета, располагать правом вето; решения могли приниматься даже в тех случаях, когда султаны не присутствовали на заседаниях совета.

Созданная англичанами федерация оказалась крайне непопулярной, и, когда в 1909 г. под английский контроль перешли четыре северных ма-

лайских княжества – Кедах, Перлис, Келантан и Тренгану, их правители решительно отказались присоединить свои княжества к федерации.

Эти четыре княжества и княжество Джохор получили в английской юридической литературе и официальных английских документах название нефедерированных малайских государств. В соответствии с соглашениями о протекторате Англия посылала в эти княжества не резидентов, а советников при правителях. Между тем даже беглое сравнение соглашений о протекторате с федерированными и нефедерированными княжествами показывает, что советники пользовались той же властью, как и резиденты.

Такая ситуация имела место вплоть до начала Второй мировой войны, когда Малайя оказалась одним из первых объектов нападения японских вооруженных сил.

С первых же дней военные действия в Малайе сложились неблагоприятно для англичан. 7 декабря 1941 г. три японские дивизии вторглись в северные княжества страны, а 15 февраля 1942 г. вся Малайя оказалась в руках японцев. Оккупация продолжалась три с половиной года (по сентябрь 1945 г). Малайя управлялась Японией как колония. Вся власть была сосредоточена в руках японских военных губернаторов, что, несомненно, к 1945 г. вылилось в широкое движение сопротивления, организатором и руководителем которого стала Коммунистическая партия Малайи. Одной из особенностей национально-освободительного движения в Малайе явилось возникновение в городах демократических органов власти – народных комитетов. Ко времени возвращения в Малайю англичан народные комитеты под руководством Коммунистической партии приступили к проведению глубоких демократических преобразований [8].

Коммунистическая партия выступила с программой полной ликвидации колониального режима в стране. Программой предусматривалось создание Малайской демократической республики и созыв Всемалайского конгресса – высшего органа законодательной власти. Однако англичане, прибывшие в страну в 1945 г., приступили к восстановлению колониальных порядков, что привело впоследствии к образованию Малайского союза.

Такой была система английского колониального управления в Малайе, сохранившаяся в своей основе вплоть до начала Второй мировой войны. Колонизация Англией Малайи привела к ликвидации малайских государств. Государственный аппарат малайских княжеств превратился в составную часть английского колониального аппарата в Малайе, возглавлявшегося губернатором колонии Стрейтс-Сеттлментс. Хотя юридически княжества-протектораты считались независимыми государствами, на деле это были полностью зависимые территории, положение которых, по существу, ничем не отличалось от положения обычной английской колонии.

Примечания

1. *Swettenham F.* British Malaya. L., 1984. P. 245–247.
2. *Maxwell W. G. and Gibson W. S.* Treaties and engagements affecting the Malay states and Borneo. L., 1924. P. 70.
3. *Ibid.* P. 71.
4. *Mills L.* British rule in Eastern Asia. L., 1942. P. 46.
5. *Холл Д.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958. С. 385.
6. *Герасимов А. С.* Федерация Малайзия (государственный строй). Киев: «Наукова думка», 1969. С. 29.
7. Там же. С. 29.
8. *Руднев В. С.* Малайя (1945–1963). М., 1963. С. 13.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 398:159.9

В. А. Поздеев

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОФОЛЬКЛОРИСТИКИ (ПСИХОФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БАЛЛАДЫ «КНЯЗЬ МИХАЙЛО»)

В статье рассматриваются проблемы фольклорных текстов, связанные с психофольклористикой. На примере баллады «Князь Михайло» выявляются прецедентные ситуации, их реализации в смысловых и логических блоках, а также психологические доминанты, в которых раскрывается внутрличностные конфликты персонажей.

In article are considered problems folklore text, connected with psyhofolkloristic. On example of the ballad "Prince Mihaylo" are revealed precedent to situations to their realization in semantic and logical block, as well as psychological dominant, in which opens the insidepersonality conflicts personages.

Ключевые слова: психофольклористика, внутрличностный конфликт, баллада, прецедентная ситуация.

Keywords: psyhofolkloristic, insidepersonality conflict, ballad, precedent situation.

Пограничные проблемы психологии массового и этнического сознания, социальной основы народной культуры, психологии творчества изучаются многими науками: психологией творчества, возрастной психологией, социальной психологией, этнопсихологией, социолингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией (наукой межкультурной коммуникации), когнитивной психологией, лингвистикой и др.

В наши дни выявляют два типа этнопсихологии: этнологическая, которую чаще называют психологической антропологией, и психологическая, для обозначения которой используют термин сравнительно-культурная (или кросс-культурная) психология. С одной стороны, этнопсихология ближе всего подходит к психологии фольклорного сознания и психологии этноса, этнических сообществ. Еще в работах Ф. Боаса была выдвинута идея, что язык можно рассматривать как объект, родственник этнологическим и культурным явлениям вообще [1].

Под этнологией он понимал науку о психических явлениях, поэтому лингвистическая составляющая психофольклористики является преобладающей. На такой точке зрения стоит этнолингвистика: и грамматика и этнография используют показания речи для обнаружения других моделей, чаще всего для реконструкции коллективных представлений (в дюргеймовском плане), определяемых как система верований, общая для членов одного этнического сообщества.

Однако, на наш взгляд, эти науки не затрагивают предмет исследования фольклористики и другие фольклористические аспекты, поэтому мы предлагаем новое направление в фольклористике: психофольклористика. Однако можно говорить о психофольклористике как о составной части этих наук или как о комплексном подходе к явлениям фольклора с использованием методов различных наук.

Итак, психофольклористика – это наука, изучающая психологическое в системе фольклорного сознания и проявление его в продуктах деятельности индивида и социально-культурного сообщества. Сочетание «психо» и «фольклористика» указывает на специфику, которую необходимо выявить в явлениях, связанных с народным творчеством. Существование различных фактов народной культуры, в которых отразились как коллективные, так и индивидуальные психологические процессы, требует знания и психологии и фольклористики, науки, изучающей закономерности истории и поэтики фольклора.

Объектом психофольклористики является совокупность психических проявлений в фольклорно-этнографических текстах, событиях, ситуациях.

Целью психофольклористики является описание и объяснение особенностей порождения и функционирования фольклора как совокупности этно-, лингво-, культурно-, психологического феномена с учетом сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов носителя фольклора (индивида) при изначальной включенности его в социально-культурные взаимоотношения и взаимодействия. На изучение эстетических особенностей взаимодействия различных слов культуры, фольклорных и литературных связей исследователи всегда обращали пристальное внимание. Прежде всего, фольклористы устанавливали историко-этнографические источники тех или иных фольклорных явлений, рассматривали

их семиотические, структурные аспекты и поэтику. Однако психологические (когнитивно-коммуникативные) основы произведений оставались в стороне от интересов ученых. На современном этапе развития фольклористики, когда собран огромный материал как традиционного, так и современного фольклора, когда наука переживает кризис методологии, когда структурные и семиотические («новые») методы почти исчерпали свои возможности, именно когнитивно-коммуникативный аспект исследования представляет большой методологический и теоретический интерес.

Психология фольклорного сознания – это многогранная проблема, которая включает в себя психологию исполнителя/автора (психологию порождения текста) и психологию слушателя (психология восприятия), психолингвистические аспекты и др.

На протяжении столетий было создано немало специфических поликодовых систем, построенных на соединении текстов различной семиотической природы, в которых отражались психологические особенности автора/исполнителя и слушателя.

Необходимо теоретически, с точки зрения психофольклористики осмыслить некоторые проблемы, в частности проблему создания фольклорных текстов на основе прецедентных феноменов или ситуаций (ПФ, ПС). Национально-культурный компонент человека обуславливает культурную компетенцию, национальную ментальную и лингвистическую ориентацию.

Каждый индивид может иметь собственные знания и представления, но в большей мере они основываются на социумных, национальных и универсально-прецедентных феноменах. Мы согласны с В. В. Красных, которая определяет прецедентную ситуацию как «некую «идеальную» ситуацию, когда-либо бывшую в реальной действительности <...> или принадлежащую виртуальной реальности созданного человеком искусства...» [2]. На наш взгляд, стереотипы коллективного/национального сознания, психология фольклорного творчества и ПФ, ПС являются определяющими содержательной и формальной стороны фольклорного текста. «Понимание прецедентных феноменов в целом и прецедентной ситуации в частности, – пишет В. В. Красных, – позволяет по-новому взглянуть на традиционные объекты филологических исследований» [3].

Инвариант восприятия прецедентной ситуации (ИВПС) возникает не на пустом месте: ситуация оценивается определенным образом и вписывается в уже существующую систему психологических и «содержательных» координат. Таким образом, ИВПС аккумулирует не только знания о данной конкретной ситуации, но и весь

предшествующий опыт конкретного национального, лингвистического, культурного сообщества. Этот опыт представлен в виде уже существующих знаний и представлений и определенной системы оценок (стереотипов) и, как нам кажется, некоторых «технологических» приемов создания текстов.

Механизмом обработки восприятия ПС является, по-видимому, некий национально-детерминированный алгоритм, позволяющий выделить существенные/несущественные элементы, которые оцениваются по шкалам «плюс/минус» и «верх/низ» (в смысле высокое/низкое). Таким образом, инвариант восприятия прецедентной ситуации является своеобразной квинтэссенцией представлений о «добре и зле» на определенном временном отрезке, и в этом смысле ИВПС близок архетипу.

ИВПС, как мы уже отмечали, является результатом действия национального и ментального алгоритма. Этот алгоритм вводит ИВПС в систему подобных ему феноменов, т. е. будучи воспринятым (рассмотренным и оцененным) сквозь призму когнитивной базы, становится ее частью.

ИВПС начинает задавать систему оценок на определенном уровне. Иначе говоря, приобретая статус прецедентной, ситуация начинает выступать как «эталон» ситуаций данного, определенного типа вообще.

Такой метод исследования можно применить к фольклорным жанрам и текстам, например к обрядам и обрядовой поэзии, былинам, историческим и лирическим песням, балладам, романсам, частушкам и др. Однако в этом плане необходимо различать ПС или ПФ и историческое событие. Естественно, историческое событие по определению является прецедентной ситуацией, но оно «не обезличено», в текстах историческое событие разворачивается большей частью с внешней стороны, хотя бывает и не лишено внутренних психологических установок. Другое дело – прецедентная ситуация из повседневности. Она, как правило, «обезличена». ПС могут быть не только национальными, но и универсальными, входить в когнитивную базу и иметь инварианты восприятия прецедентной ситуации. Сама ПС может быть невербальной, однако ИВПС представляет совокупность дифференцирующих признаков ПС. Одним из таких признаков является психологическая доминанта, вычленимая из ряда других признаков.

Каждой смысловой единице (логическому единству) соответствует психологическая доминанта, которая отражает прецедентную ситуацию. «Конфликт – трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями» [4]. Исследования внутриличностного конфликта в психологии и конфликтологии за-

нимали и занимают особое место, потому что раскрывают многие психологические механизмы действий личности (или личностей) в той или иной ситуации [5].

Рассмотрим на примере баллады «Князь Михайло» [6] несколько психофольклористических аспектов этого текста: какие ПС и психологические доминанты заключены в определенном логическом единстве. Можно выделить логические и смысловые блоки баллады: 1-й блок – 2-й блок – 3-й блок – 4-й блок – 5-й блок – 6-й блок – 7-й блок – 8-й блок – 9-й блок.

1-й смысловой блок

Поехал князь Михайло жениться,
Женился, у матушки родимой не спросился,
Обвенчался он, ей не сказался.
Его матушка родима
Была гневна и сердита [7].

1-й логический блок

Князь Михайло — поехал — женился — не спросился
|
Матушка — была — гневлива, сердита

Известно, что на Руси право выбора невесты было у родителей юноши. Такая ситуация являлась прецедентной. Однако на Руси довольно часто князья (и не только князья) сами выбирали себе невест, не интересуясь мнением матери. Это были исключительные случаи, шедшие вразрез с существующей традицией, однако, именно они становились ПС в силу своей неординарности и тех последствий, которые могли быть. Первый блок раскрывается в форме межличностного конфликта, который определяется как ситуация, где действующие лица либо преследуют несовместимые цели и реализуют противоречивые ценности, либо одновременно, в конкурентной борьбе стремятся к достижению одной и той же цели, которая может быть достигнута лишь одной из сторон.

Князь Михайло совершает действие, которое и вызывает «гнев», «злобу» матери, это является психологической доминантой. Еще одной ПС является такая, когда свекровь «ревнует» сноху к сыну. В данной балладе мать «была гневна и сердита», тем более что сын женился без разрешения матери. Такой стереотип поведения матери отмечен в национальной когнитивной базе (см. причитания невесты, семейные лирические песни, частушки).

В каждой ПС есть определенная «внутренняя» позиция личности, что находит отражение в фольклорном тексте. Раскрытию «внутренней» (психологической) позиции в тексте способствует не столько «внешнее» описание состояния персонажа, сколько констатация чувства. Чувства [8] персонажа автор/исполнитель в фольклорном тексте передает сквозь призму национальных и социальных стереотипов, которые основываются на ПС, лингвистических и поэтических традициях. Очень важным аспектом фольклорного текста является «внутренняя эмоциональная коммуникация»: вызов/импульс и ответ/отклик коммуникантов. Такая коммуникация реализуется, прежде всего, в монологах и диалогах.

Князь – мать	Мать – князь-сын	Княгиня – слуги
Князь – жена	Мать – слуги (служанка)	Слуги – мать
Князь – слуги	Княгиня – князь	Слуги – князь
Мать – княгиня	Княгиня – свекровь	Слуги – княгиня

Михайло, уезжая «воевати», молит матушку беречь «мою княгиню». В основе этого лежит ПС – молодой муж заботится о жене, поручает матери беречь ее, тем более, что княгиня беременна.

2-й смысловой блок

Он поезжал, Михайло, воевати,
Своей он матушки молился:
«Ай же ты, матушка родима!
Береги мою княгиню,
Ты корми мою княгиню
Ествшкой сахарной,
Уж ты пой мою княгиню

Питвицем медвяным,
Ты води мою княгиню
В собор богу молиться,
Ты ложи мою княгиню
В маленьку спальню.
А сама ложись с княгиней
На тесовую кроватьку».

2-й логический блок

Князь Михайло — поехал — воевати
 |
 матушке молился
 /
 (матери) береги — корми — пой — «ложи» — води (в церковь) — сама ложись
 |
 с княгиней

Князь понимает, как относится мать к его жене. Автор/исполнитель не употребляет слова «просит», «наказывает», «приказывает», «требует». Психологическая доминанта в этом случае скрыта за словом «молить». В этом слове отражено не только настойчивая просьба, но некое подчинение матери, «заглаживание» своих поступков, не одобренных матерью. В этой ситуации проявляется внутриличностный конфликт, который можно назвать «приближение/удаление». В данном случае конфликтная ситуация выражается в том, что для князя внутренне «понятна» позиция матери, которая не приняла невестку, однако долг зовет Михайло воевать — эта цель для него оказывается в равной степени привлекательной и непривлекательной (иногда такой конфликт называют амбивалентным).

Примечательно, что автор/исполнитель в этом случае не дает диалога князя и матери. Мать «безмолвно» выслушивает сына, и данная ситуация оправданна с точки зрения «драматургии» текста. Если бы в тексте появился диалог, то напряженность дальнейшей ситуации была бы снижена.

3-й смысловой блок

Его матушка родима	Вся палата задрожала;
Скоро с дому спроводила,	Ай в третий раз скричала,
Парну баенку топила,	Земля мать задрожала.
Парну байну, не угарну.	Выжигала у княгини
Созвала мати княгиню	Мать младеня из утробы,
В парну баенку помыться,	Завернула мать младеня
Нажигала она горяч камень	В белотравчату рубашку,
До калины,	Положила мать княгиню со младенем
Положила горяч камень	В белодубову колоду,
Мать княгини на утробу.	Набивала на колоду
Княгиня в первый раз вскричала,	Три обруча железных,
Все граждане услышали;	Опустила мать колоду
Во второе-т раз вскричала,	В синё море Вольнско.

3-й логический блок

Мать — спроводила (сына) — топила — созвала княгиню (в баню)

Мать — нажигала — положила (камень) — выжигала (младеня)
 |
 Княгиня — вскричала — вскричала — скричала
 | | |
 граждане услышали палата задрожала Земля мать задрожала

Мать — завернула — положила (в колоду) — опустила младеня — княгиню (в море)

В этом тексте, на наш взгляд, заключено несколько отдельных ПС. Во-первых, свекровь и сноха часто ходили в баню вместе, особенно с беременной снохой, чтобы не случилась какая-либо беда или чтобы никто не взглянул на нее. Во-вторых, ПС состоит в том, что в древности существовали разные способы избавления от нежелательной беременности: жаркой баней, вытравливанием настоями, механическим прерыванием беременности камнем или каким-либо предметом. В-третьих, ПС является сокрытие злодеяния матери.

Она прячет их в «белодубовой колоде» с железными обручами (данный мотив известен по пушкинской «Сказке о царе Салтане»). Мифологические аспекты данного мотива тоже хорошо известны. В этом отрывке можно выделить две психологические доминанты. Первая – скрытая злоба матери. В тексте нет отражения внутриличностного конфликта матери, у нее нет колебания в том, чтобы известить невестку. Автор/исполнитель опять не дает свекрови «слова», свои злодеяния она делает как бы «безмолвно». Вторая доминанта – психологическое состояние молодой жены. Так, болевые ощущения молодой жены сопровождаются криком, то есть эмоциональной окраской ее мук. Болевые ощущения княгини выражены только через звук, в них отсутствуют описание вегетативных сдвигов (сердцебиение, расширение зрачков, судороги и т. п.). Драматизм ситуации подчеркивается противопоставлением: «безмолвия» свекрови и криком княгини.

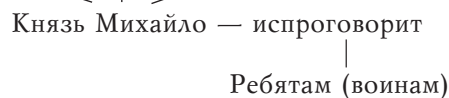
Следующий отрывок переносит внимание на состояние князя Михаила. Он находится в походе. Вестником различных предчувствий являются конь, сабля, пуховая шляпа.

4-й смысловой блок

Как доехал князь Михайло
До половина до дороги,—
Добрый конь его подпнулся
Да востра сабелька сломилась,
Пухова шляпа свалилась:
«Да верно, в доме да несчастливо,
Верно, маменька неможет,
Верно, молода княгиня,
Княгиня Екатерина».

4-й логический блок (предзнаменования)

Конь споткнулся — сабля сломалась — шляпа свалилась — слезы покатались

Этот мотив передает ПС, которая не включает какое-либо событие или действие. Она передает ситуацию, в которой мог оказаться любой человек – это ситуация предчувствия или вера в предзнаменования чего-либо. Здесь можно говорить о том, что князь во время отлучки, постоянно думая о жене, в подсознании беспокоился за ее жизнь. Возникает эффект подпорогового восприятия действительности (конь споткнулся, сабелька сломилась) – субъективно неосознанного, но влияющего на поведение князя (особенно «из глаз слезы покатались»).

В следующем блоке в структуре общения князя и матери можно выделить три взаимосвязанных аспекта: коммуникативный, интерактивный и перцептивный.

5-й смысловой блок

Приезжал тут Михайло
Ко своей белокаменной палаты.
Его матушка встречала,
Со приездом проздравляла,
Со приездом проздравляла,
Со добра коня снимала.

5-й логический блок

Князь Михайло — приезжает
|
Матушка — встречала — проздравляла — с коня снимала

Первая ПС – встреча сына-воина матерью. Особое поведение матери подчеркивается глаголами «проздравляла» и «сняла». Вероятно, ПС также наложила отпечаток на текстовую формульность, так как в других эпических жанрах мы можем встретить подобные формулы приезда и встречи персонажа богатыря, воина.

В 6-м блоке вторая ПС – недоумение князя, что его встречает мать, а не жена. В этом месте текста психологическая доминанта – это удивление и нехорошие подозрения князя. Здесь впервые в тексте дается диалог Михайло и матери. Внутриличностный конфликт князя Михайло представляет собой столкновение между примерно равными по силе, но противоположно направленными потребностями, влечениями: не обидеть мать и желание видеть княгиню.

6-й смысловый блок

Испроговорит князь Михайло:
«Ах ты, матушка родима!
Не тебе б меня встречати
Со приездом проздравляти,
Со добра коня снимати,
А молодой моей княгине.
Ах ты, матушка родима!
Где моя княгиня?»

«Твоя-то, князь, княгиня
Горда и спесива,
Все в горенке просидела,
В окошко просмотрела,
На кровати пролежала,
На кровати на тесовой,
На перинке на пуховой,
Не пила и не ела,
Никуда не выходила».

6-й логический блок

Князь Михайло — испроговорит
|
Матушка — (отвечает)

Третья ПС – ложь матери, оговор невинной княгини. Психологическая доминанта матери – это своеобразная предварительная защита (перевод разговора на спесивость и гордыню княгини).

В следующем блоке опять используется диалог между князем и слугами (здесь необходимо отметить, что автор/исполнитель дает слово не одному слуге, «слугам»).

7-й смысловый блок

Его слуги верные встречали,
Со приездом проздравляли.
«Слуги верные любимы!
Где моя княгиня?»
Слуги верны говорили:
«Твоя-то, князь, княгиня
В синем море Вольнском,
В белодубовой колоде:
Тебя матушка родима
Скоро с дому спроводила,
Парну баенку топила,
Парну байну, не угарну,
Нажигала мать горюч камень
До калины,

Созвала мати княгиню
В парну баенку помыться,
Положила горюч камень
Мать княгине на утробу,
Выжигала у княгини
Мать младеня из утробы,
Завернула мать младеня
В белотравчату рубашку,
Положила княгиню со младенем
В белодубову колоду.
Поди-тко к рыболовам,
Князь Михайло,
Пускай они закинут шелков невод».

7-й логический блок

Слуги — встречали — говорили
|
Князь Михайло (спрашивает)

ПС – слуги доносили о тех событиях, которые происходили без князя (хозяина). Психологическая доминанта – князь в нетерпении хочет знать, где княгиня. Очень важный формальный момент в

балладе – это повтор тех деяний, которые сотворила мать. Повтор усиливает психологическое напряжение князя.

8-й смысловой блок

Он пошел, князь Михайло,
К рыболовам,
Велел он рыболовам
Закинуть шелков невод,
Шелков невод закидали,
Колоду вытягали,

Тут колоду разбивали.
Увидал тут князь Михайло
Княгиню со младенцем,
На колоду ушибался,
Со белым светом прощался,
Со своей душой расстался.

8-й логический блок

Князь Михайло — пошел — велел — увидал — ушибался — прощался — расстался
|
(рыболовы) — вытягали — разбивали

Последние слова вызывают состояние фрустрации князя. Кульминация баллады. ПС – муж не может вынести смерти жены и ребенка, сам умирает (стрессовая ситуация сопровождается состоянием психического напряжения, которое может иметь летальные исходы) [9].

Состояние фрустрации князя сопровождается различными отрицательными переживаниями: тревогой, отчаянием. Высокий уровень фрустрации князя приводит к аффектации. Сильное эмоциональное переживание князя сопровождается резким движением: «на колоду ушибался», это отражение того, что он не может уже найти адекватный выход из неожиданно возникшей ситуации.

9-й смысловой блок

Его маменька родима
Вдоль по бережку ходила,
По бережку ходила,
Причеты говорила:

«Тяжко, тяжко согрешила,
Три души я погубила:
Перву душу безымянну,
Другу душу безответну,
Третью душеньку сердечну!»

9-й логический блок

Мать — ходила — причеты говорила
|
согрешила — погубила

Психологическое напряжение матери достигает предела. Это напряжение выражается в хождении по берегу и причитаниях. В другом варианте «тонким голосом кричала...». Причет обращен к своей совести, к осознанию совершенного ею «тяжелого греха» («три души я погубила»).

Можно констатировать, что когнитивные механизмы, используемые при создании/воспроизведении вербального текста индивидом, и когнитивные механизмы репрезентации содержания поликодового вербально текста имеют психологические соответствия и различия.

Анализ психологических доминант баллады с привлечением прецедентных ситуаций позволяет вскрыть еще один пласт фольклорного текста, эстетическая природа которого обусловлена особыми, уникально преломляющимися в устном народном творчестве психологическими состояниями. Таким образом, социокультурные срезы показывают глубинную связь ПС с психологическими доминантами, которые организуют довольно широкий спектр социально-психологических отношений. Не отвергая филологических, этнологических, семиотических методов исследования фольклорных текстов, следует заметить, что указанные методы в малой степени затрагивают психологические сущности изображения человека в фольклорном произведении. Отсюда важность и перспективность того подхода к фольклорным текстам, который обозначился как психофольклористика.

Примечания

1. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л., 1925. 151 с.

2. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 60.

3. Там же. С. 60.

4. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца и др. М., 1983. С. 161.

5. См.: Богданов Е. Е., Зызыкин В. Г. Психология личности в конфликте. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2002; Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: ПИТЕР, 2000; Жданов В. О. Технология разрешения внутрличностного конфликта. М.: МПАКЦ, 2000; Коваленко Б. В. Психология конфликта: учеб. пособие. М.: МОСУ, 2000.

6. См.: Комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова к балладе «Мать князя Михайла губит его жену» // Григорьев, Архангельские былины и исторические песни. Т. I. № 109(145); записано от О. С. Бутиковой в дер. Кротово на Пинеге Архангельской губ. С. 488. «Одна из наиболее популярных баллад; известна в огромном количестве вариантов. Замечено, что она особенно популярна в репертуаре женщин-сказительниц. Успех ее в XIX–XX веках в значительной степени обусловлен тем, что содержание баллады воспринималось в связи с определенными сторонами старого быта (взаимоотношения свекрови и невестки в патриархальной крестьянской среде. Ср.: Астахова, Былины Севера, II, стр. 778). Сюжет баллады в своих истоках несомненно архаичен. Жестокие формы расправы с женщиной и ее ребенком, мотив заключения их в колоду, которую затем пускают в море, восходят к фольклору первобытно-общинного строя (см. сходные эпизоды в волшебных сказках). Но в целом песня связана с бытом и нравами феодального общества. Попытки исследователей приурочить ее содержание к конкретному историческому лицу – Михаилу Романовичу, сыну князя Романа Брянского, жившего в конце XIII в., – не обоснованы. Имя героя здесь, как и в других балладах, скорее всего вымышлено. Баллада может быть сопоставлена с некоторыми сказками, где трогательная верная любовь супругов вызывает злобу у окружающих, которые решают погубить жену в отсутствие мужа».

7. Русские народные баллады / сост. Д. М. Балашов. М.: Современник, 1983. С. 76–79.

8. «Чувства – устойчивые эмоциональные отношения человека к явлениям действительности, отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами; высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях. Порождаемые миром объективных явлений, т. е. имеющие строго причинно обусловленную природу, чувства так или иначе субъективны, поскольку одни и те же явления для разных людей могут иметь различное значение. В отличие от собственно эмоций (см.) и аффектов (см.), связанных с конкретными ситуациями, Ч. выделяют в воспринимаемой и представляемой действительности явления, имеющие для человека стабильную потребностно-мотивационную значимость. Одно и то же чувство может реализоваться в различных эмоциях. Это обусловлено сложностью явлений, многогранностью и множественностью их связей друг с другом. Напр., чувство любви нередко включает эмоции радости, гнева, печали. В одном и том же чувстве нередко сливаются, объединяются, переходят друг в

друга разные по знаку (положительные и отрицательные) эмоции. Этим объясняется такое свойство чувств, как двойственность (амбивалентность)». Психологический словарь. М., 1983. С. 402–403.

9. «Аффекты – сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями. Аффекты развиваются в критических условиях при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданно возникающих ситуаций». Психологический словарь. М., 1983. С. 29–30.

УДК 811.161. 1

Е. В. Максимюк

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В статье автор, основываясь на общих принципах формирования знания и методик представления этого знания, а также с учетом общих тенденций развития современной лингвистической парадигмы определяет принципы современного лингвистического моделирования. Затрагиваются дискуссионные вопросы сосуществования и взаимодействия ряда смежных и в то же время различных по структуре и содержанию моделей.

The article is devoted to the definition of modern linguistic modeling principals based on general cognition theory, on knowledge explication technics in the context of global development trends in linguistics. The author pays attention to some contradictory questions of co-existence and interaction of structurally adjacent and diverse in contents models.

Ключевые слова: репрезентация, модель, метод, принцип, аспект, процесс.

Keywords: representation, model, method, principle, aspect, process.

При попытке определить понятие представления, или репрезентации, мира возникает определенный круг проблем. Как отмечает Е. С. Кубрякова, с познанием и репрезентацией мира человеком связано три проблемы: проблема восприятия мира (формирование ментальных репрезентаций), проблема осмысления воспринятого (концептуальное структурирование) и проблема языкового оформления (вербальная репрезентация) [1]. Один и тот же блок информации в сознании индивида предполагает одновременное существование нескольких форм его репрезентации, т. е. определенных структур сознания, представляющих собой «следы» от зрительных, акустических впечатлений до репрезентаций концептуального плана, которые образуются под воздействием услышанного предложения или прочитанного текста.

© Максимюк Е. В., 2011

Языковая репрезентация – это знаковое произведение, имеющее своей целью обеспечить сознательное, эмоциональное, волевое, деловое, трудовое и вообще всякое субъективное общение одного человека с другим. Соответственно, при анализе речевого потока, нас интересует не только, и не столько, формальное выражение, сколько то, что стоит за словом. Таким образом, акцент смещается с формы на содержание. Говоря о содержании, стоит помнить, что существует некая действительность, которая отражается в сознании говорящего. Отражение это не эквивалентно самой действительности, поскольку мы каждый образ и явление действительности, не просто отражаем, а переживаем. И речевое выражение есть выражение не самого предмета, а того, как мы его видим. Наше видение характеризуется определенной степенью объективности и субъективности. Объективная сторона заключается в том, что смысл всякого объекта есть та сторона этого объекта, в которой этот объект отождествляется с самим собой – это первое. Второе – смысловое отношение между двумя объектами возможно только тогда, когда смысл одного так или иначе отражает на себе смысл другого. В этих условиях мы можем рассматривать одни объекты в свете других. Зная, что представляет собой один объект и другой, мы можем их сравнить, указав на сходства и различия.

Языковое выражение задается под действием множества параметров – целей и задач говорящего, с одной стороны, условиями общения – с другой, и возможностями языковой системы – с третьей. Не стоит забывать и о том, что способ и форма выражения (означивания) могут быть детерминированы и самой сущностью вещи или явления, и нашим отношением к ним.

В рамках лингвистических моделей мы рассматриваем отражение и интерпретацию говорящим явлений и фактов действительности сознанием, репрезентированных языковыми средствами. За знаком всегда стоит определенного рода знание. Языковыми средствами мы не передаем саму действительность. Мы передаем то, как эта действительность преломляется в нашем сознании. Это не только объективное знание, но и его субъективное переживание. Анализируя языковые явления, мы можем приблизиться к ответам на вопросы о принципах работы сознания. По результатам современного лингвистического моделирования мы можем приблизиться к пониманию смысловых отношений между действительностью, отраженной в сознании, и образом действительности, выраженной в языковых формах в конкретной ситуации или ситуациях.

Метод сравнения во многом обуславливает понимание. Сравнивая, мы помещаем объекты как бы на одной плоскости, что позволяет нам уста-

новить их сходство и различие. Сравнивать мы можем не только объекты, но и группы объектов, их структуры, модели этих объектов и модели их структур. Это позволяет нам рассматривать одно явление в свете другого, но без их отождествления! Смысловое отношение между объектами может быть установлено только, если мы знаем смысл одного объекта, смысл другого, а самое главное, что значит первый объект в свете второго, то есть каково взаимоотношение смысла одного объекта и смысла второго.

Языковая модель – это всегда одновременное выражение чего-то конкретного (ситуативного, тематического) и в то же время чего-то обобщенного (генерализированного). Конкретность обеспечивает ситуативную адекватность, генерализация способствует пониманию частного на фоне общего. За языковой презентацией всегда стоит мысленный прототип, который манифестирует собой переход от предмета к сущности. Сущность не есть сам предмет, но наше понимание и переживание его.

Наше знание, с одной стороны, структурировано и систематизировано, с другой стороны, континуально и нераздельно. То, что мы сегодня считаем хорошим и понятным, завтра может оказаться для нас плохим и запутанным. Все зависит от условий. Знание не константно, оно может расширяться и трансформироваться в определенных условиях, под влиянием обстоятельств. Следовательно, любая лингвистическая модель функциональна и актуальна только в рамках определенных обстоятельств (уровня знаний, целей и задач социума).

Все объекты и явления преломляются в рамках сознания в виде «пучка» смыслов. Языковая репрезентация – это не просто способ называния или обозначения тех или иных вещей или явлений, но и способ выражения отношения человека к тому или иному факту или явлению. Выбор формы продиктован как внешними факторами (условиями общения, целевой аудиторией, прагматическими установками), так и желанием человека подчеркнуть что-то или редуцировать какие-то моменты. Соответственно, языковая репрезентация есть способ передачи смыслов и интерпретаций в конструктивном формате.

Неоднократно замечалось, что предметом исследования таких наук, как философия, логика и лингвистика, является не объективная реальность, а то, что мы считаем правильно сконструированным в наших понятиях и представлениях. Для лингвиста важно помнить то, что речь не является прямым отражением объективной действительности, но выступает в качестве той или иной ее интерпретации. То же можно сказать и относительно научного знания – оно так же выступает как интерпретационная модель, задан-

ная рядом факторов. Для лингвиста важна ментальная предметность, которая возможна только как результат отражения реальности объективного мира. И языковая предметность – как способ выражения первой.

Мир существует в сознании как означиваемая и переживаемая предметность. Способы его языкового выражения задаются как сущностными характеристиками самого предмета или явления, так и другими параметрами, как-то: тактика и стратегия говорящего, с одной стороны, и возможности языковой системы – с другой. С помощью речи мы можем не только формировать представление о явлениях, но и менять наше представление и отношение к ним. Обратное влияние на действительность продиктовано нашим стремлением овладеть этой самой действительностью.

Поскольку мышление континуально, континуально и знание. Оно характеризуется постоянным развитием и изменчивостью. Сознание в свернутом виде содержит бесконечный ряд «творчески-жизненных» воплощений действительности. Язык позволяет нам их наблюдать уже в развернутом и закономерно-оформленном виде. При исследовании и анализе языковых явлений необходимо учитывать и тот факт, что язык является средством коммуникации. И каждый коммуникант стремится к реализации своих прагматических целей, для достижения определенного иллюзорного эффекта. Таким образом, в модели должна фиксироваться не только структурно-смысловая сторона объекта, но и особенности его функционирования. Осуществляя лингвистическое моделирование, мы не можем оставаться в пределах только конструктивной сущности, мы должны осуществить переход в область ее бесконечных материальных воплощений, творчески-жизненных реализаций.

На современном этапе роста и развития лингвистического знания мы все больше начинаем погружаться в сферы, как оказалось, смежные с языкознанием, – в психологию, социологию, культурологию с целью расширения парадигмы научного знания. С одной стороны, мы вынуждены отойти от традиционных методов и подходов изучения языка, с другой стороны, очень важно не утратить то, что было наработано предыдущими поколениями. Необходимо двигаться вперед по пути получения новых знаний о мире и о себе, но без лишнего экстремизма в высказываниях и мнениях.

Каждая языковая модель является средством освоения действительности. И каждая последующая является углублением предыдущей. Но ни одна модель не является полной, не исчерпывает всех свойств объекта. Поскольку это невозможно, да и не нужно [2]. Осуществляя лингвистическое моделирование, мы вычленим группу

объектов или свойств объекта, которые являются для нас актуальными, другие – оставляем вне рассмотрения. Даже моделируя одни и те же объекты и свойства, ученые могут прийти к различным результатам и построить ряд различных моделей в зависимости от того, какие цели и задачи они перед собой ставили и какие методы и приемы при этом использовали. А. А. Леонтьев замечает, что «вообще в науке все больше утверждается принцип множественности моделей одного и того же моделируемого объекта. Все эти модели уже по определению обладают общими, инвариантными характеристиками, отражающими существенные свойства объекта, которые остаются без изменений при переходе от одной модели к другой. Вот эти-то инвариантные характеристики и могут быть объединены в понятие предмета науки» [3]. Мы можем построить множество моделей одного объекта, которые в равной мере будут соответствовать его свойствам. Отличие же моделей будет заключаться еще и в том, что помимо отражения реальных, объективных свойств объекта модель отражает и нашу точку зрения на этот объект и те требования, которые мы к своей модели предъявляем.

Теперь подведем итоги: действительность как объективную реальность и язык как атрибут человека лингвисты могут изучать только сквозь призму восприятия и осознания этой действительности. Особенности последних являющиеся обобщение и систематизация (концептуализация и категоризация). В результате данных ментальных операций формируется субъективный образ объективной действительности, который обрастает субъективными оценками, в результате чего что-то новое может привноситься в этот образ, преобразуя его, и этот образ перестает быть просто отражением, но становится переживанием. Языковые репрезентации есть не просто стремление выразить действительность, но наше переживание ее. В ходе коммуникативного акта человек может не просто выражать, но менять образ действительности в зависимости от условий коммуникации, от своих планов и намерений. А это уже не просто чувствование, но глубокое и осознанное понимание. Но поскольку два человека не могут абсолютно одинаково воспринимать и осознавать окружающий мир, не могут его одинаково трактовать и ученые в рамках различных научных парадигм. Процесс научной абстракции протекает во всех науках по-разному, в результате чего мы строим различные модели. У каждой науки свой объект исследования, поэтому все модели, несмотря на их индивидуальный характер, являются частью той или иной научной парадигмы. Совокупность индивидуальных объектов исследования – это объект науки. Система абстрактных объектов образует пред-

мет науки [4]. Для каждой науки система абстрактных объектов будет своя. У ряда современных лингвистических направлений исследования предмет общий (совокупность речевых актов, действий и взаимодействий), но поскольку они ставят перед собой различные цели и задачи, аспекты исследования будут разными. Для лингвиста важна система средств выражения, для психолога – сам процесс речи, для дефектолога – возможные отклонения от этого процесса. И каждый из этих специалистов строит свои системы моделей речевых актов, речевых действий или реакций в зависимости не только от объективных свойств, но и от точки зрения данной науки в текущий момент времени. Ракурс исследования и интерпретация определяются «багажом знаний», который наука собрала за время своего существования, и теми конкретными задачами, которые стоят перед этой наукой в данный момент времени. Таким образом, «объект может быть у различных наук одним и тем же, а вот предмет специфичен для каждой науки – это то, что видит в объекте со своей точки зрения представитель каждой отдельной науки. Языковедение, психология речи и другие науки, занимающиеся речью, имеют один и тот же объект науки. Но поскольку процесс научной абстракции протекает в каждой из них по-разному, каждая из них строит свои системы логических моделей, каждая из которых соответствует предмету данной науки» [5].

Примечания

1. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 12.
2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 4-е изд., испр. М.: Смысл: Академия, 2005. С. 10–11.
3. Там же.
4. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. С. 52; Лекторский В. А. Принципы воспроизведения объекта в знании // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 49.
5. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: КомКнига, 2005. С. 8.

УДК 811.112.2'373+811.161.1'373

Э. Н. Генятова

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ ФРАГМЕНТОВ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КОНЦЕПТОСФЕР (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ МУЗЫКА/MUSIK)

В статье приводятся результаты свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) с русскими и немецкими информантами, который позволил выявить структуры базового слоя концептов МУЗЫКА и MUSIK. Анализ, семантическая интерпретация и сопоставление полученных ассоциаций в русской и немецкой лингвокультурах показали наличие общего и различного в структурах и содержании исследуемых концептов, что позволяет говорить об определенных особенностях национального языкового сознания при концептуализации явлений действительности.

The article highlights the results of the experimental research in cognitive linguistics with Russian and German participants, which has revealed the structure of basic layers of concepts МУЗЫКА and MUSIK. The analysis, semantic interpretation and comparison of received associations in two cultures show similarities and differences in the structures and contents of the compared concepts. This fact demonstrates that the certain national linguistic consciousness specifically conceptualize phenomena of reality.

Ключевые слова: концепт, базовый слой концепта, когнитивный признак, русская концептосфера, немецкая концептосфера, национальное языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент.

Keywords: concept, basic layer of the concept, cognitive sign, Russian conceptosphere/mentalese, German conceptosphere/mentalese, national linguistic consciousness, method of free association.

Концептосфера как упорядоченная совокупность концептов народа составляет информационную базу как для мышления, так и для сознания человека [1]. Языковое сознание является компонентом когнитивного сознания, «представляющего собой информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, фиксирующими отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность» [2]. Под языковым сознанием понимается «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [3].

В когнитивной лингвистике широко практикуется сопоставление различных национальных концептосфер, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных этносов. Этнокультур-

ное своеобразие видения мира отражается в языковом сознании и коммуникативном поведении представителей соответствующей культуры. Каждому языковому коллективу присуща национально-специфическая система взглядов, которая отражается в различных речевых произведениях и отдельных языковых единицах, анализ семантики которых позволяет выявить мотивы названия данного фрагмента действительности и отношение к нему. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, язык «отражает и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения» [4].

Помимо языковых единиц и речевых произведений выход к национальному языковому сознанию дают вербальные ассоциации представителей определенной этнокультуры, которые актуализируют важные компоненты значения, представляющих концепт, и могут, таким образом, многое сказать о тех неосознаваемых структурах, которыми человек мыслит мир. Языковая рефлексия личности объективируется в вербальных репрезентантах концептов – ассоциативных реакциях. Ассоциации зависят от опыта человека и составляют основу всех мыслительных процессов. Они являются феноменами культуры и основываются на нашем личном субъективном опыте, который «может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте человека» [5].

Ассоциативное поле слова-стимула, вербализующего концепт, моделируется при помощи ассоциативного эксперимента, который является

одним из самых простых, но в то же время информативных лингвокогнитивных методов раскрытия функционирования хотя бы некоторой части ментальных процессов, которые не поддаются непосредственному наблюдению [6].

Для моделирования базового слоя вариантов концепта МУЗЫКА/MUSIK был использован свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого информантам предлагалось реагировать на слово-стимул (МУЗЫКА/MUSIK) первыми пришедшими на ум ассоциациями. В эксперименте приняло участие 200 русских информантов и 200 носителей немецкого языка различных возрастных и профессиональных групп. Ассоциативное поле концепта МУЗЫКА составили 629 ассоциативных реакций, концепта MUSIK – 490 ассоциатов (табл. 1).

Ассоциаты, конституирующие базовый слой концепта, имеющего чувственно-наглядный характер, были классифицированы по следующим уровням: ощущения, восприятия, представления и понятия.

Структуры базовых слоев рассматриваемых концептов в русской и немецкой концептосферах симметричны: доминируют реакции-представления и реакции-понятия, при незначительном преобладании реакций-понятий. В связи с этим структура базовых слоев рассматриваемых концептов является понятийно-образной.

В русской и немецкой концептосферах реакции уровня понятия наиболее градуированы и составляют 40 и 43% от общего количества реакций ассоциативных полей концептов соответственно. Содержательная симметрия проявляется в выделении одинаковых групп понятий в русской и немецкой концептосферах по их темати-

Таблица 1

Сопоставление базовых слоев концептов МУЗЫКА и MUSIK, синтезированных на основе САЭ

Базовый слой		МУЗЫКА (общее количество реакций/ доля в %)		MUSIK (общее количество реакций/ доля в %)	
Ощущение		34/5		34/7%	
Восприятие	Мелиоративные реакции	124/21	103/83	70/14	70/100
	Пейоративные реакции		2/15		–
	Нейтральные реакции		19/2		–
Представление	Место	223/34	35/15	181/36	26/14
	Природа		12/5		–
	Артефакт		79/35		74/41
	Лицо		55/24		29/16
	Скрипт		43/21		52/29
Понятие	Музыкальные понятия	248/40	177/71	206/43	139/68
	Гуманитарные понятия		41/17		46/21
	Динамичные понятия		21/8		2/1
	Отвлеченные понятия		1/0,4		4/3
	Другие		9/3,6		15/7

ческой соотнесенности: «Музыкальные понятия», «Гуманитарные понятия», «Динамичные понятия», «Отвлеченные понятия», «Другие». В той и в другой концептосферах наибольшее количество составляют музыкальные понятия: 71% – в русской концептосфере и 68% – в немецкой концептосфере. За ними следуют гуманитарные понятия (17 и 21% соответственно), присутствуют также динамичные понятия, которых в немецкой концептосфере представлено намного больше (7% по сравнению с 1% в русской концептосфере), незначительно число отвлеченных понятий (0,4 и 2%).

В данных группах реакций-понятий выявлены параллельные:

1) среди музыкальных понятий: *мелодия* 17/*Melodie* 12, *гармония* 10/*Harmonie* 7, *музыкальный инструмент* 9/*Musikinstrumente* 12, *песня* 17/*Lieder* 14, *опера* 3/*Oper* 5, *композитор* 2/*Komponisten* 1, *певец* 5/*Sänger/Sänger/innen* 5, *группа* 5/*Band* 4, *дирижер* 2/*Dirigent* 2, *классическая музыка* 26/*Klassik/klassische* 14, *рок* 16/*Rock* 4, *поп-музыка* 6/*Pop/Pop-Musik* 5, *джаз* 1/*Jazz* 6, *металл* 3/*Metal* 4, *диско* 1/*Disco* 3, *hip-hop* 1/*Hip-Hop* 3, *народная музыка* 1/*Volksmusik*.

2) среди гуманитарных понятий: *искусство* 8/*Kunst искусство* 7, *любовь* 7/*Liebe* 3, *эмоции* 4/*Emotionen* 9, *жизнь* 3/*Leben* 2, *чувства* 3/*Gefühle* 2/*Stimme* 1/*Stimme* 1.

3) среди отвлеченных понятий: *совершенство* 1/*Perfektion* 1.

В числе музыкальных понятий – реакции, номинированные информантами более 10 и не менее 4 раз, которые входят в ядро и околоядерную зону базовых слоев концептов и свидетельствуют о значимости данных понятий для русского и немецкого языкового сознания в связи с концептом музыка. Так, прототипичным музыкальным произведением для русского и немецкого языкового сознания является песня (*песня* 17/*Lieder* 14) как форма вокальной музыки, объединяющая текст с мелодией.

Понятия, номинирующие деятелей в музыкальной сфере, свидетельствуют о том, что музыкант в русском и немецком языковом сознании – это прежде всего певец (*певец* 5/*Sänger/Sänger/innen* 5).

В настоящее время существует множество разновидностей музыки, но и в русском и в немецком языковом сознании музыка ассоциируется в первую очередь с классической музыкой (*классическая музыка* 26/*Klassik/klassische* 14), музыкой прошлого, которая выдержала испытание временем и имеет аудиторию в современном обществе.

Гуманитарные понятия связаны с жизнью человека, ее различными аспектами: эмоциями, чув-

ствами, мышлением, осмыслением действительности, образованием, духовностью. Большая доля номинированных гуманитарных понятий говорит о том, что в русском и немецком языковом сознании музыка тесно связывается с человеком и его жизнью.

Качественная асимметрия в содержании понятийных реакций рассматриваемых концептосфер состоит в преобладании динамичных понятий в русской концептосфере: *вдохновение* 5, *образ жизни* 1, *творчество* 7, *творческое развитие личности* 2, *творение* 1, *занятие, захватывающее жизнь*, 1, *это особый вид творчества*, *труд* 1, *самовыражение* 1, *хобби* 1. Данные понятия соответствуют пониманию музыки как результата творческой деятельности человека. В немецкой концептосфере присутствуют два динамичных понятия: *Freizeit свободное время* 1, *Hobby хобби* 1, которые демонстрируют связь музыки с приятным времяпрепровождением, а не с целенаправленной деятельностью, требующей усилий.

Анализ понятий, входящих в базовый слой концептов русской и немецкой концептосфер, показывает, что они так или иначе связаны с человеком, его жизнью и деятельностью, что является свидетельством антропоцентричности человеческого мышления.

Изоморфизм в содержании уровня представлений концептов МУЗЫКА/MUSIK проявляется в наличии подгрупп «Место», «Артефакт», «Лицо» и «Скрипт». Количественная симметрия проявляется в примерно одинаковой наполняемости подгрупп «Место», «Артефакт», «Скрипт».

В подгруппе «Артефакт» обнаружены параллельные реакции: *гитара* 8/*Gitarre* 7, *ноты* 18/*Noten* 31, *пианино* 3/*Klavier* 15, *скрипка* 2/*Geige/Violine* 3, *диск* 3/*CD* 5, *скрипичный ключ* 1/*Notenschlüssel* 4, *нотный стан* 1/*Notenlinien* 1. Анализ наиболее частотных реакций свидетельствует о том, что прототипичным для русского языкового сознания музыкальным инструментом является гитара, а для немецкого языкового сознания – фортепиано (рояль или пианино). Можно также заключить, что символическими образами музыки в русском и немецком языковом сознании являются ноты, нотный стан, скрипичный ключ, при помощи которых возможно зафиксировать музыкальное произведение.

Асимметрия наблюдается также и в наполняемости подгрупп «Лицо» в рассматриваемых концептосферах: в русской концептосфере к ней относятся 24% реакций-образов, в немецкой – 16%. Это может свидетельствовать о большей антропоцентричности русского варианта концепта.

Наиболее многочисленными ассоциатами данной подгруппы в обеих концептосферах являются реакции, номинирующие композиторов. Для русского языкового сознания релевантными в

связи с музыкой являются русские и советские композиторы *Чайковский 8, Рахманинов 3, Глинка 1, А. Хачатурян 1, М. Таривердиев 1, Шостакович 1*, а также зарубежные композиторы *Моцарт 7, Шопен 2, Рагелль 1*, к числу которых относятся также немецкие композиторы: *Бах 5, Бетховен 4*. Анализ реакций данной подгруппы выделил особенность немецкого языкового сознания: среди композиторов не было названо ни одного русского композитора, при этом были номинированы немецкие и немецкоязычные композиторы: *Bach 5, Beethoven 5, Mozart 5, Wagner 1* и один композитор итальянского происхождения *Verdi 1*. Таким образом, немецкое языковое сознание в большей степени является этноцентричным, чем русское языковое сознание.

В составе подгруппы «Лицо» в русской и немецкой концептосферах были выделены реакции, номинирующие различные музыкальные группы. Общим среди реакций русских и немецких информантов стала номинация современных отечественных и зарубежных рок- и металл-групп: *Amatory 1, Lacrimosa 1, Oomph! 2, Pink Floyd 1, Rolling Stones 1, Slipknot 2, Slot 1, Stigmata 1* в русском ассоциативном поле, *Blind Guardian «Слепой страж» – немецкая рок-группа 1, Nirvana Нирвана 1, Red Hot Chilly Peppers Ред Хот Чили Пепперз 1* в немецком ассоциативном поле. Эта тенденция связывается в русской концептосфере и с ядерной реакцией *рок 16*, что говорит о значимости рок-музыки для русских информантов в особенности в возрасте от 18 до 23 лет. Общей реакцией для русских и немецких информантов стала реакция, номинирующая легендарную британскую рок-группу *Beatles 3/ Beatles 1*. Стоит отметить единичную реакцию *mein Chor мой хор (1)*, названную немецким информантом. Несмотря на единичность, данный ассоциат связан с особенностями немецкой музыкальной социализации, поскольку «<...> музицирование и прослушивание музыки рассматриваются большинством жителей Германии как самое важное занятие в свободное время. Около 4 миллионов граждан Германии регулярно играют на каком-либо музыкальном инструменте или поют в хоре» [7].

Реакции подгруппы «Скрипт» в большем количестве представлены среди реакций-образов немецкой концептосферы, что позволяет говорить о том, что концепт MUSIK на уровне представлений является более динамичным по сравнению с соответствующим русским концептом. Музыка связывается с динамичными образами, которые сопровождают человека, с определенными периодами жизни в русском и немецком языковом сознании: *с нее начинается день 1, ...нас связала 1, детство 2, молодость 3, den Tag begleitend сопровождающая день 1, Schulzeit*

школьные годы 1, Unterricht преподавание, обучение, учебные занятия, уроки 1. В языковом сознании непрофессионалов в музыкальной сфере в связи с музыкой возникают образы, связывающие ее с отдыхом, чем-то расслабляющим: *отдых 8, entspannen разряжать, расслаблять 2, Erholung отдых 2, feiern праздновать 1*. Музыка также ассоциируется с движением, прежде всего танцевальным, и пением: *танцы 11/Tanzen/tanzen/Tanz 20, пение/петь 3/Singen/singen Gesang 21*.

Реакции подгруппы «Место» немногочисленны в рассматриваемых концептосферах: они составляют 15 и 14% от общего числа реакций-образов в русской и немецкой концептосфере соответственно. Данные реакции номинируют места, мероприятия или музыкальные коллективы, где воспроизводится классическая музыка: *оркестр 7/Orchester 6, концерт 7/Konzert 3, сцена 2, театр 1* – или где звучат другие разновидности музыки: *дискотека 4, радио 4, клуб 1, пляж 1, Party вечеринка 6, Club клуб 1, Tanzfläche танцплощадка 1, Radio радио 6*.

Если в русской концептосфере выделяются реакции-образы природы (*воздух 1, ветер 1, небо 3, лес 1, снег 1, шелест деревьев 1, ночь 2*), то в немецкой концептосфере таковые отсутствуют. Таким образом, в немецком языковом сознании музыка – это часть культуры, того, что создано человеком, а звуки окружающего мира к ней не относятся.

Реакции, относящиеся к восприятию музыки, составляют в русской концептосфере 21%, в немецкой концептосфере – 14%. Преобладающие реакции данного уровня имеют аффективно-эмоциональную окраску. В восприятии исследуемого когнитивного феномена русским и немецким этносом имеются значительные расхождения. Если в русской концептосфере данные перцептивные реакции имеют положительную и отрицательную окраску, а также присутствуют нейтральные реакции, то в немецкой концептосфере музыка воспринимается как нечто исключительно положительное. Преобладание мелиоративных реакций в русской концептосфере и отсутствие отрицательных и нейтральных реакций в немецкой концептосфере свидетельствуют о том, что в русском и немецком языковом сознании музыка связывается с положительными эмоциями, а также имеет положительное значение для человека. Среди параллельных мелиоративных реакций: *красота/красивая 16/прекрасно/прекрасная 3/schön /Schönheit 9, настроение 10/gute Laune хорошее настроение 5, чудесная 1/wunderbar 1, расслабление 10/Entspannung разряжение, расслабление 18* и др.

Уровень ощущений характеризуется наименьшим количеством ассоциатов в ассоциативных

полях русского и немецкого вариантов концептов. В ядрах концептов МУЗЫКА/ MUSIK выявлены параллельные реакции-ощущения: *звуки 18/ Klang/Laut/Ton/Töne 23*. Параллельные реакции присутствуют также в околоядерной зоне базовых слоев данных концептов – *громкая 9/laut 5* и в их периферии – *шум 1/Lärm 2*. Относительно небольшое количество реакций-ощущений в содержании данных концептов, возможно, связано с тем, что музыка – это не простое нагромождение звуков, вызывающее акустические переживания, а их упорядоченная последовательность, которая может восприниматься человеком положительно или отрицательно.

Семантическая интерпретация полученных ассоциаций позволила выделить когнитивные признаки базового слоя концептов в русской и немецкой лингвокультурах:

Табл. 2 наглядно демонстрирует наличие параллелей в когнитивных признаках базовых слов исследуемых феноменов. Общими когнитивными признаками в русской и немецкой концеп-

тосферах являются 16, они составляют 43% от общего числа когнитивных признаков базовых слов двух концептов (16/37).

Общими когнитивными признаками базового слоя вариантов концепта МУЗЫКА/MUSIK в русской и немецкой концептосферах являются следующие:

1) когнитивный признак **Стиль/вид музыки**, который свидетельствует о многообразии музыкальных направлений, следовательно, о вариантности концепта в языковом сознании каждого отдельного человека, что связано с индивидуальными предпочтениями, возрастом, образованием, интересами информантов и т. д.;

2) когнитивный признак **Восприятие музыки** свидетельствует об индивидуальных особенностях восприятия музыки, а также подчеркивает присутствие ей объективные характеристики;

3) когнитивный признак **Субъект** в русской и немецкой концептосфере наиболее дифференцирован и включает в себя изоморфные тематические подгруппы: «Композитор», «Группа», «Ди-

Таблица 2

Сопоставительная таблица когнитивных признаков концептов МУЗЫКА/MUSIK

МУЗЫКА	MUSIK
– э т о	
Стиль/вид музыки	
Восприятие музыки	
а) объективное	
б) субъективное	
Субъект	
композитор	композитор
группа	группа
исполнитель	–
дирижер	дирижер
певец	певец
человек	человек
–	группа исполнителей хоровой музыки
Составляющие музыки	
Музыкальное произведение/форма музыкального произведения	
Жизнь человека	
Эмоции и чувства	
Музыкальный инструмент	
Результат воздействия музыки	
Источник, производящий музыку/носитель музыки	
Место, где создается/воспроизводится музыка	
То, при помощи чего графически зафиксировано	
Отдых	
Часть окружающего мира, природы	–
Условия возникновения музыки	–
Движение	
Голос	
Текст	
Для кого/чего	–
Духовность	–
–	Деятельность

рижер», «Певец», «Человек». Наличие данного признака подчеркивает значимость субъекта в музыкальной деятельности, без которого становится невозможным существование музыки как вида искусства, связанного с художественным отражением действительности через звук. Несмотря на изоморфность данного когнитивного признака в русской и немецкой концептосферах, в его содержании присутствуют и алломорфные тенденции. Так, в русской концептосфере выделяется тематическая подгруппа «Исполнитель», в состав которой входят субъекты, являющиеся главным образом инструменталистами. В состав когнитивного признака **Субъект** в немецкой концептосфере входит тематическая подгруппа «Группа исполнителей хоровой музыки», что еще раз подчеркивает большое значение хоровой музыки в Германии, а также личного участия в ее исполнении;

4) изоморфизм содержания вариантов концепта проявляется в наличии в русской и немецкой концептосферах когнитивных признаков **Составляющие музыки; Музыкальное произведение/форма музыкального произведения; Жизнь человека; Эмоции и чувства; Музыкальный инструмент; Результат воздействия музыки; Место, где создается/воспроизводится музыка; То, при помощи чего графически зафиксировано и практически идентичной их наполняемости;**

5) когнитивный признак **Отдых**, выделенный в результате семантической интерпретации ассоциатов в русской и немецкой концептосферах, свидетельствует о том, что музыка для русских и немцев – это способ расслабиться, отдохнуть и снять напряжение, это также то, что сопровождает отдых человека;

6) когнитивные признаки **Движение и Голос** показывают, что музыка является условием или сопровождением танцевальных движений и связывается с пением как вокальным искусством;

7) когнитивный признак **Текст** присутствует в обеих концептосферах, но в его содержании отмечаются небольшие расхождения. Так, в русском языковом сознании текстуальность в музыке связывается с поэтикой, рассказом, стихами, словами и их сочетаниями, что близко к понятию пения.

В немецком языковом сознании к данному когнитивному признаку относятся параллельная реакция **Poesie поэзия (1)** и реакция **Charts чарты (4)**. Последняя в большей степени связана с показателями популярности музыкальных произведений в определенный период времени.

Анализ изоморфных когнитивных признаков показал наличие большого количества сходных явлений в концептуализации музыки как феномена действительности в русском и немецком языковом сознании. Необходимо отметить, что выделенные когнитивные признаки свидетельствуют о высокой антропоцентричности мышления представителей двух этносов: музыка является необходимой составляющей жизни человека, который, обладая творческими способностями, является и ее создателем. Она вызывает у человека определенные, чаще всего положительные эмоции и чувства, связывается также с приятными моментами его жизни (например, с отдыхом). В целом музыка имеет положительный результат воздействия на человека.

Таким образом, базовые слои концептов МУЗЫКА и MUSIK, синтезированные в результате свободного ассоциативного эксперимента, являются понятийно-образными, так как ассоциативные поля рассматриваемых феноменов характеризуются количественным преобладанием ассоциатов-понятий и ассоциатов-представлений.

На всех уровнях ассоциаций (ощущение, восприятие, представление, понятие) выделены параллельные реакции, что является свидетельством сходства в концептуализации рассматриваемого феномена русским и немецким языковым сознанием.

В то же время отмечены алломорфные тенденции в количественных и качественных характеристиках реакций, что говорит о национальной специфике языкового сознания представителей русской и немецкой лингвокультур.

Примечания

1. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2007. С. 26, 30.
2. *Стернин И. А.* Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7 / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: «Истоки», 2005. С. 4.
3. *Стернин И. А.* Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой / науч. ред. И. А. Стернин. М.; Воронеж, 2002. С. 20.
4. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово Slovo, 2008. С. 38.
5. *Фрумкина Р. М.* Психоллингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2008. С. 189.
6. *Rickheit G., Weiss S., Hans-Jürgen E.* Kognitive Linguistik. Theorien, Modelle, Methoden. Tübingen: A. Francke Verlag, 2010. S. 22.
7. *Altenmüller E.* Musik – die Sprache der Gefühle? // Neurobiologische Grundlagen emotionaler Musikwahrnehmung. Bielefeld: transcript Verlag, 2005. S. 139.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.728

Н. О. Осипова

«МУСОРНЫЙ» ЛАНДШАФТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается символика мусора как одного из знаков современной цивилизации и современной культуры. Показан процесс расширения символического поля мусора от значения бытовой грязи и отходов в сторону его «эстетизации» в постмодернистском сознании, с одной стороны, и внедрения в социокультурное и интернет-пространство – с другой.

The article studies garbage as one of the signs of modern civilization, and one of the symbols of contemporary culture. The author shows us, on the one hand, the expansion of the symbolic field of debris from the concept of everyday dirt and waste to its aesthetic value in the postmodern mind, and, on the other hand, its introduction to the social, cultural and Internet spheres.

Ключевые слова: общество потребления, мусор, «мусорная эстетика», трэш-арт, медиамусор.

Keywords: consumer society, waste, “garbage aesthetics”, thrash art, mediamusor.

В ряду феноменов, функционирующих в пространстве современной культуры, особое место отводится явлениям, онтологический и семиотический статус которых позволяет говорить о них как о доминантах, включенных в образ мира человека и характеризующих его повседневное сознание. К таким семиотизированным компонентам относится мусор (грязь, помойка). Примечательно, что, несмотря на то что указанные явления нашего быта входят в систему оппозиций *своего/чужого, чистого/грязного, здорового/больного*, восходящих к архаической культуре, а грязь и мусор были неотъемлемым элементом городской среды и в исторически более ранние периоды, именно в XX–XXI вв. мусор и все, что с ним связано, приобрело знаковый характер [1]. Если в истории мусор вполне органично входил в жизненное пространство человека и воспринимался им как естественное явление, относящееся к сфере человеческого быта, то впоследствии человек (в силу постепенной своей «окультуренности», формирования дихотомии бытия/быт) в ходе ос-

воения антиномии культура/вне-культура изгнал все, что связано с мусором и его объектами, на периферию своего существования. В то же время эта ситуация сопровождается парадоксом, близким, возможно, и экологическим аспектам: мусор и хлам из просто выброшенных вещей превратились в символы, наполненные множеством коннотаций и семантических сдвигов. Во многом это связано с расширением пространства символического в современной культуре, порождением новых универсалий цивилизации, которые приобретают философский характер и все чаще становятся предметом осмысления философов, социологов, культурологов. Мусор стал еще и символом современной цивилизации, так как общество потребления порождает одновременно и общество выбросов, и чем выше уровень потребления, тем выше уровень отбросов этого общества. Общество, будучи бессильным перед наступлением «мусорной» цивилизации, стоит перед необходимостью «окультуривать» сам мусор, вводя его в цивилизационное пространство [2]. Не следует игнорировать и тот факт, что в генезисе подобная «победа» над мусором встречалась в древних культурах. Так, в числе подвигов Геракла как культурного героя фигурирует очистка Авгиевых конюшен – сам факт чистки, поставленный в ряд с другими подвигами Геракла, определяет перечень цивилизационных характеристик, отраженных в мифе. Кроме того, мусор является неотъемлемым компонентом многих ритуалов, выполняя сакральные функции. То, что мы называем «мусором», расширяет свою концептосферу: заурядный бытовой мусор возвращается в сферу повседневной и художественной культуры через языковой «мусор» (не случаен в этом контексте феномен «слов-паразитов», языка «падонков», бездумного использования иноязычных слов, засилье которых убивает литературный язык), космический мусор, систему секонд-хендов, художественное творчество, «мусорные» субкультуры, моду, т. н. «мусорную эстетику» Интернета и т. д. Вещи, которые составляют многоликое пространство мусорной культуры, семиотизируются, приобретая символичность. Пространство «грязного» как компонента низовой культуры в карнавальном сознании противопоставлялось «чистому», и в границах этой антиномии утверждалась идея, что именно в отходах и отбросах формируется своеобраз-

ная модель катарсиса. Онтологизация «низового», которой мы обязаны классическому реализму XIX в. (Золя, Мопассан, Достоевский, Толстой и др.), передав своеобразную эстафету многочисленным течениям модернизма, способствовала эстетизации мусора и грязи как способа очищения. В соответствии с этим парадоксом человек «в своем отношении к отходам и отбросам... с одной стороны, подавляет рациональность, а с другой – не отделяет себя от им же сконструированной нечистоты» [3]. Иллюстрацией этого тезиса является какой-нибудь йог, который медитирует среди кучи отбросов на окраине мегаполиса.

«Приручение» отбросов, ставших источником угрозы для человека, живущего в «постколониальной», «постядерной», «постмодернистской», «постмассмедийной» эпохе, происходит в русле мифологизации повседневного сознания и внимания к «пазл-культуре». Именно эту теорию развивает В. Бенямин, описывая в одной из своих работ состояние культуры под названием «техника собирания мусора», в который превращаются предметы, потерявшие целостность, виртуальное пространство, построенное на «отходах».

С подобными тенденциями соотносится и формирование трэш-арта (или искусства мусора), ставшего одной из примечательных черт тематики и стилистики постмодернизма: «Подвыпивший тряпичник, собирающий мусор ранним утром, накаливает на свою остроконечную палку обрывки речей и клочки слов, невнятно бормоча их себе по нос, а затем бросает их в свою тележку. Случайно он подбирает куски избитых фраз со словами “люди”, “сокровенность”, “углубляться” и презрительно размахивает ими на легком утреннем ветру. Он – утренний собиратель мусора, но утро это – утро дня революции» [4].

Первые опыты использования мусора в художественном творчестве принадлежат дадаисту Курту Швиттерсу (1887–1948), который включал в свои коллажи отбросы городской жизни – веревки, пустые спичечные коробки, пустые консервные банки. Новое направление получило название «мерц-живопись» (от обрывка рекламы «Коммерц-унд-приватбанка», в которой сохранился клочок с концом слова – «мерц»). В дальнейшем коллажи, ассамбляжи, состоящие из отходов общества потребления, призваны были освоить новую урбанистическую цивилизацию в наиболее типичных ее символах, сближая высокое и обыденное. Впоследствии в творчестве Р. Раушенберга, К. Олденбурга, Э. Уорхола, художников «реди-мейда» Т. Денингера, Нека Сэйни, Э. Ландберга, Ч. Кауфмана, Г. Петтера, И. Кабакова, представителей стрит-арта (К. Силва) мусор и хлам приобрели еще более изощренное

художественное воплощение. Чем оригинальнее встраивается мусор в изобразительное искусство, тем креативнее считается мастер. Так, Г. Петтер создает двух- и трехмерные работы из обрывков газет, Ч. Кауфман рисует яркие, жизне-радостные картинки на раздавленных жестяных банках от пива, Нек Сэйни создает скульптуры из строительного мусора.

«Мусорное» искусство относят к направлению, которое называется *энвайронментальным искусством* (от английского *environment* – окружающая среда), внутри которого и выделяют *трэш-арт*. Творчество художников направлено на привлечение внимания человечества к защите окружающей среды: «Для человечества наступило критическое время. Сложная экологическая обстановка свидетельствует о том, что планета сейчас нуждается во всей помощи, которую мы можем предложить. И если мои работы помогут хотя бы части людей осознать этот факт и изменить свое отношение к окружающей среде – это дело уже стоит того, чтобы им заниматься» [5]. В то же время здесь есть и чисто эстетический фактор, связанный с креативным отношением к среде и возможностью её эстетического пересоздания. Творчество таких представителей трэш-арта, как британцы Тим Ноубл и Сью Вебстер, совмещает трэш-арт и театр теней. Под лучом прожектора бесформенные кучи мусора превращаются в причудливые фигуры.

Британские художники Тим Ноубл и Сью Вебстер соединили трэш-арт и театр теней, пропуская свет через мусорную кучу, в которой при специальном освещении можно увидеть причудливые фигуры, пейзажи, образы и др. А. К. Олденбург в своих коллажах «мусорного города» считает себя поэтом городского ландшафта, созданного мусором: «Обыкновенные чемоданы превратились в скульптуру на моих глазах, и я увидел уличные отбросы как тщательно разработанные непредумышленные композиции» [6].

В этом направлении работает и австралийский дизайнер и художник Джон Дальсен, который создает скульптуры, картины и инсталляции из пляжного мусора. Материалом его работ стали обломки пластика всех цветов, а результатом этого творчества – серия скульптур «Тотемы» (выброшенные пляжные тапочки и бутылки), «Принты» (разноцветный пластик). Искусство должно шокировать и удивлять, полагает художник, а мусор – самый дешевый материал, который всегда под рукой в огромном количестве.

Российское современное искусство тоже общается к «мусорной» эстетике, одновременно обращая внимание на глобальные экологические проблемы.

В середине 1980-х большой резонанс имели «Веревки» И. Кабакова, представлявшие нани-

занные на 16 веревок всевозможные мелкие вещи (обрывки тряпок, окурки, огрызки карандашей и т. д.), сопровождаемые обрывками надписей и не связанные друг с другом. Эта была прямая метафора мусора, выставленного на обозрение «цивилизованной» зрительской аудитории. Такая же куча мусора красовалась в ряду стоящем мусорном ящике. Языковой мусор из нецензурных выражений и сленга достойно венчает всю композицию, отражающую целый спектр значений – от ничтожности и пародийности современного искусства до эпатажности и неприятия абсурдности быта [7].

Добавим к этому, что в 2008 г. в Кронштадте состоялся международный Экологический фестиваль, в рамках которого прошел симпозиум по созданию арт-объектов из промышленных и бытовых отходов.

«Мусорное искусство», или трэш-арт, не ограничивается изобразительными формами искусства – термин за короткое время «прижился» и по отношению к кинематографу, и по отношению к музыке, к моде, типу поведения и т. д. Все они объединены понятием *трэш* (англ. «мусор», «дрянь»), выразительницей которого в современном субкультурном сознании выступает Одри Китчинг, провозгласившая трэш как все то, что разрушает общепринятые представления о хорошем вкусе, воспитании, нечто сделанное наспех, из подручных материалов. Привлекательностью «трэш-арта» объясняется его непредсказуемостью, издевательством над общепризнанными стандартами, в чем он противопоставляет себя гламуру, объявляя себя *анти*-гламуром. Сочетание разных стилей всех времен, яркость и оригинальность без закрепленности за чем-то единым привели к тому, что термин постепенно внедрился в различные направления: музыку (трэшкор, или фасткор, кроссовер-трэш, трэш-метал и др.), кино (trash-movies), литературу. В частности, довольно четко определены признаки trash-movies, отличающихся грубостью, бесцеремонностью, нарочитым дебилизмом, намеренной нереалистичностью, связанной с потоками искусственной крови, грубыми декорациями, установкой на «плохое» кино. Поначалу trash-movies и означал «плохое кино», но со временем стал восприниматься как противодействие «залакированному» Голливуду. Чаще всего фильмы подобного жанра создаются на фантастические и условно-картонные сюжеты, они отличаются малобюджетностью, дурным вкусом, низким уровнем режиссуры. Киноведы называют в этом ряду «Тварь из Черной лагуны», «Невероятно уменьшающийся человек» и «Тарантул» Дж. Арнольда, «Магазинчик ужасов» Р. Кормана. Сформировавшись в послевоенные годы (на волне прихода малобюджетного кинематографа), достигнув апогея в 1950-е и, казалось бы, сойдя с

экрана, эстетика trash-movies, реанимировалась, заполнив видеотеки 1980-х, удовлетворяя потребность зрителей в грубости и грязи, с одной стороны, и отвечая постмодернистской игре и иронии, стебу, пародийности – с другой. Возник даже термин «трэшмейкер», который противопоставлен режиссеру по принципу «профессионализм/непрофессионализм» (или, скорее, антипрофессионализм). Квинтэссенцией «мусорного кино» стал вышедший в 1987 г. американский фильм Джеймса Мура «Уличный мусор» («Street trash»), который позиционировался в прокате в жанре «ужасы, комедия» и, кстати, был даже удостоен награды в номинации «За режиссуру» на Брюссельском кинофестивале фантазмагорических фильмов. Сюжет (очень фрагментарный) из жизни американских бомжей отличается цинизмом и жестокостью. В его основе – ситуация, связанная с тем, что хозяин винной лавки находит у себя ящики с алкогольным напитком под названием «гадюка». Пойло немедленно за гроши продается окрестным бомжам, которые, вышивая его, мучительно умирают, предварительно совершая умонепостижимые по своей жестокости поступки. Кинокритики, анализирующие «Уличный мусор», находят следы trash-movies у таких режиссеров, как Кемерон, Тарантино, Линч, и других режиссеров постмодернистского кинематографа, что вполне естественно, особенно в контексте интертекстуальности, связанной с цитацией текстов «шедевров видеосалонов» 1980-х, заполненных трэшами.

Кроме того, стилистика trash-movies обнаруживает свою связь с «панк-культурой» и иными субкультурными тенденциями [8]. В частности, одна из тенденций последних лет связана с формированием субкультуры фриганов, характерной в основном для высокоразвитых стран. Движение фриганства, или фриганизма (от англ. «free» – бесплатный и «vegan» – полный вегетарианец), включает молодых (и не очень) людей среднего класса, которые, имея работу (порой высокооплачиваемую), приличное жилье, тем не менее добывают продукты, одежду, бытовую технику в мусорных контейнерах и на помойках. Основу фриганизма составляют идеалы экологической чистоты и антиглобализма. В числе инициаторов движения была группа «Еда вместо бомб» (Food Not Bombs), члены которой кормили бездомных извлеченными из мусорных баков просроченными, но вполне пригодными для питания продуктами.

Большую часть фриганов составляют вполне образованные люди, в основном левой ориентации, считающие, что, если во многих странах народ умирает от голода, выбрасывать продукты, вполне пригодные для употребления, – преступление. А если учитывать, что, по данным Агентства по охране окружающей среды, еже-

годно в США выбрасывается более 250 млн тонн мусора, то субкультуры такого типа пропагандируют общество «вне потребления». Фриганство, таким образом, это своеобразная модель поведения, идеология, общественное движение, направленное против общества потребления. Материалы, размещенные на специальных сайтах фриганов (в частности www.freegan.info), представляют конкретные практические инструкции по поискам наиболее «вкусных» помоек, времени выноса отходов в магазинах и ресторанах, предлагают кулинарные рецепты приготовления блюд из «мусорных» продуктов. Организуются даже специальные «трэш-туры» по крупным европейским городам с приложением специальных карт (сами фриганы называют свою деятельность «мусорным дайвингом»). Все это являет собой пример ритуального действия, участники которого, преодолевая хаос, пытаются организовать мир по новым законам. Ультимативная форма борьбы с мусором облекается во вполне последовательную идеологию, а мусор из монстра-врага превращается в участника социокультурного процесса.

В продолжение темы универсализации мусора в культуре остановимся на одной из наиболее репрезентативных его форм, связанных с информационным обществом – т. н. медиамусоре (символическом хламе Интернета). Сформировавшийся еще в 1990-е штамп «Интернет – информационная помойка» отражал результат глобализационных процессов, происходящих в пространстве обмена и передачи информации глобальных коммуникативных сетей, в которых, как на свалке, громоздится информация двадцатилетней уже давности. Закономерно предположить, что еще через 20 лет Интернет превратится в огромную свалку с неутилизированными отходами. Примечательно, что в контексте этой метафоры формируется своё семантическое «ядро», вокруг которого складывается знаковое поле «мусорных» понятий: спам, вирус, мем и др., активно влияющих на наше сознание [9].

Спам как агрессивная составляющая медиального мусора [10], включающая рекламу, множественные ошибки, похожие на бред цитаты, наличие опечаток, баннеры с пустыми сообщениями, – вот далеко не полный перечень спама, который подстраивается, мимикрирует то под визуальную поэзию, то под рисование символами, то под автоматическое письмо, то под поэзию вообще (в частности, вызывая к жизни такие понятия, как «спам-поэзия» и «споэты», «спамеры») [11]. Эстетизация мусора, о которой шла речь выше, в полной мере относится и к спам-мусору, «возвышающемуся в ранг эстетического объекта» в попытке «особой предрасположенности бесполезного к тому, чтобы перейти в раз-

ряд прекрасного» [12]. Использование сюрреалистического термина «автоматическое письмо» устанавливает связь между помойкой-интернетом и беспорядком в человеческом сознании.

Исследователи и пользователи сетевой культуры пытаются даже классифицировать компоненты «медиамусора», подобно тому, как активный пользователь городской помойки разделяет разные виды мусора. «Упорядочивание» мусора есть один из способов его «приручения» – возможно так легче в перспективе его утилизировать.

В качестве наиболее распространенных видов медиамусора (иногда их называют разновидностями спама) называют следующие [13]:

– *Flood* – *флуд*. Именуется еще «мусорным ветром» (от англ. flood – поток, потоп). Флуд – это спам, но публичный, проникающий в конференции, чаты и представляющий поток бессмыслицы, заполняющий коммуникативное пространство. В хакерской терминологии флуд – это автоматически воспроизводимый трафик, забивающий сетевые каналы. «Зафлудить» – значит не только завалить конференцию сообщениями, но и ошеломить кого-либо неожиданными сведениями.

– *Офтопик* (от англ. off topic) – «любое сетевое сообщение, выходящее за рамки заранее установленной темы общения» [14]. Это многочисленные письма, внедренные в почтовые рассылки, группах новостей, веб-форуме и др., не связанные с темой и нарушающие сетевой этикет.

– *Троллинг* (от англ. trolling) – размещение в Интернете (на форумах, в группах новостей и др.) провокационных сообщений с целью вызвать конфликты между участниками, оскорбления, войну и т. п.

В интернет-терминологии «троль» – человек, который размещает грубые или провокационные сообщения в Интернете, мешает обсуждению или оскорбляет его участников [15]. Особенностью троллинга является то, что его цель – привлечение внимания к собственной персоне. Иногда путем троллинга уводится внимание от острых тем, происходит выброс клеветы, компромата, слухов и т. д.

С начала XXI в. интернет-тролли стали образовывать собственные сообщества и организации, делясь опытом по наиболее эффективному разжиганию конфликтов. Сейчас любой популярный форум, группа новостей рано или поздно сталкиваются с троллями и троллингом. Цель «тролля» во многом провокативная, и она достигается за счет вовлечения пользователей в перепалку. Отсюда частая в интернет-культуре фраза «не кормите троллей».

– *Интернет-мем* (англ. Internet meme) – любая фраза или информация, отличающаяся бессмысленностью и проникающая в Интернет

по электронной почте, на форумах, в блогах и др. Как следует из наблюдений, к мемам относятся не только слова, но и изображения, а в последнее время к интернет-мемам стали относить еще и языковое пространство Интернета (в частности, язык «падонков»).

– *Интернет-вирусы*, происхождение и размножение которых генерируется сегодняшними компьютерными технологиями, разрушающими систему, а значит, и процесс коммуникации (подробный анализ их не входит в задачу нашего исследования).

Примечательно, что сам факт классификации медиамусора, предпринятый исследователями интернет-культуры, свидетельствует о том, что *виртуальный мусор* является столь же естественным явлением нашей повседневной культуры, как и помойка за домом: подобно мусору, заполнившему нашу планету, он стал естественным спутником не только нашего быта, но и нашей работы, а следовательно, неотъемлемой частью и нашего социокультурного пространства.

В ограниченных рамках статьи невозможно охватить все аспекты, связанные с таким явлением, как «мусорная культура», – каждое из обозначенных здесь явлений может стать объектом самостоятельного исследования. Задача заключалась в том, чтобы показать вектор процесса онтологизации и символизации одного из компонентов современной культуры, в которой хлам и мусор приобретают характер своеобразного эстетического дискурса.

Примечания

1. Этой проблеме, в частности, была посвящена конференция в Варшаве в рамках проекта «Мотивика и мифологемика XIX–XX века» под названием: «Мусор в быту, в языке/культуре и в искусстве/литературе. Материалы этой конференции нашли отражение в сборнике: *Utopia czystosci I gory smieci* (Утопия чистоты и горы мусора) // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. Т. 4. Warszawa, 1999. Большая часть материалов сборника посвящена реализации «мусорной» символики в литературе. Между тем в течение следующих лет проблема обрела новое осмысление, что позволяет расширить ее границы.

2. См. в связи с этим: *Бердникова О., Ткач О.* «Грязная деревня» и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // *Антропологический форум*. 2008. № 8. С. 338–352.

3. *Смирнов И.* Хлам текстов (мусор, эмоции и философия). URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_02_13htm

4. *Гидеман-Бартелс Х.* Примечания // Бенъямин В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. Франкфурт-на Майне, 1978. С. 225. Цит. по: URL: http://www.mediaartlab.ru/books/east/look/russian_version/texts/trash-art_in_the_age_of_Digital_Ash.htm

5. Джон Дальсен: искусство творить из мусора. URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/230909/11522/>

6. Цит. по: *Юнчаренко Н.* Искусство мусора. URL: <http://artpages.org.ua>

7. Основательную культурологическую интерпретацию этого ассамбляжа, в т. ч. и в русле интересующей нас темы предлагает А. Раппапорт. См. его ст.: «Вережки» Ильи Кабакова. Опыт интерпретации концептуалистского ассамбляжа // *Сов. искусствознание*. 1990. № 26. С. 33–61.

8. В кодексе хакеров, например, установка на небрежность, нечистоплотность утверждается как атрибут этой субкультуры.

9. *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.

10. Спам (англ. spam) – слово, составленное из букв сочетания «Hornel's Spiced Ham» (ветчина со специями). SPAM – это дешевые консервы, разработанные в 1937 г. фирмой Hornel Foods. Фирма объявила конкурс на лучшее название новому продукту, в котором победил радиоактер из Нью-Йорка Кеннет Денью, предложивший назвать тушенку звучным словом СПАМ. Фирма предлагала рецепты приготовления блюд из СПАМА. Во всех дешевых кафе меню содержало «спам» во всех видах. По другой версии, рекламная кампания, проведенная Hornel Foods, была так навязчива, что ее можно было увидеть в каждой газете, на стенах домов, по радио. Когда предприимчивые коммерсанты стали размещать рекламу в конференциях Usenet вне зависимости от того, подходила эта реклама к теме конференции или нет, такие сообщения стали называть спамом. Ярлык закрепился, и с тех пор любую незапрашиваемую информацию в Интернете (обычно письма с рекламой) называют спамом. Информация приведена по: <http://www.koryazhma.ru/usefull/know/doc>

11. См. любопытную коллекцию спама, собранную Р. Лейбовым в «Русском журнале»: *Лейбов Р.* Дурацкий музей. По следам интервью М. Армалинского // *Русский журнал*. Нет-культура. 03.07.2000.

12. Шмид Эрика. Поэзия: модули и векторы. Спам как аллегория медиального мусора и поэтической музыки. URL: file://localhost/C:/Users/admin/Desktop/МУСОР/Мусор2/Топос_%20Эрика%20Шмидт.%20Поэзия_%20модули%20и%20векторы.%20Спам%20как%20аллегория%20медиального%20мусора%20и%20поэтической%20музы.htm

13. См. подробнее: URL: <http://www.rusyz.ru/is/ns/flood.html>

14. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%84%D1%84%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D0%BA>

15. URL: <http://trindelka.net/forum/kultura/trolling-t1567.html>

Ю. И. Колобова

**«DOMAINE MUSICAL» В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРТРЕГЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ**

Статья посвящена истории создания фестиваля «Domaine Musical» во Франции, связанного с популяризацией европейской авангардной музыки 1950-х гг., выявлению влияния русских эмигрантов на возникновение и развитие этого культурологического проекта.

The article is devoted to the history of French festival «Domaine Musical» origination, related with the commitment of the European avant-garde music of 1950s., revealing the influence of Russian immigrants on the uprising and development of this cultural project.

Ключевые слова: культура русской эмиграции, культуртрегерство, музыкальный авангард, «Domaine Musical», П. П. Сувчинский.

Keywords: Key words: culture of the Russian emigration, «Domaine Musical», musical avant-garde, P. Suvchinsky.

Исследователи, занимающиеся культурой эмиграции [1], обращают внимание на важное обстоятельство жизни эмигрантов в условиях изгнания, с одной стороны, им необходимо утвердиться в системе чужой культуры, а с другой – сохранить себя как культурную общность. Контакты русского искусства и деятелей русской эмигрантской культуры с культурами стран проживания широко известны, однако осмысление этого сложного феномена до конца еще не произошло. Что привнесла русская эмиграция в культуры других стран? Как повлияла на зарождение и формирование новых тенденций развития культуры своей второй родины? Одним из примеров такого культуртрегерства является деятельность П. П. Сувчинского во Франции, в частности его роль в музыкальной культуре Парижа 1950-х гг.

Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) в истории русской общественно-политической мысли известен как идеолог, организатор и активный участник евразийского движения [2]. В историю культуры (преимущественно, французской) он вошел как Pierre Souvtchinsky – философ, публицист, историк музыки, критик, вдохновитель и организатор культурных проектов русского зарубежья. В этом качестве его авторитет на Западе был очень велик. П. П. Сувчинский, подобно своему старшему современнику С. П. Дягилеву, много сделал как для распространения русской культуры на Западе, так и для развития европей-

ской культуры. Однако, в отличие от Дягилева, масштаб его личности по достоинству еще не оценен.

Между тем, обладая ярким общественным темпераментом, универсализмом, будучи увлеченной натурой, П. П. Сувчинский всегда находился в эпицентре культурных событий и принадлежал к художественной элите Парижа. Он общался с видными политиками, философами, учеными, писателями своего времени, состоял в переписке с И. Ф. Стравинским, С. С. Прокофьевым, Б. Л. Пастернаком, М. И. Цветаевой, М. В. Юдиной, Р. Шаром, А. Камю, Ж.-П. Сартром и многими другими. Сегодня, благодаря активному исследовательскому интересу к культуре русского зарубежья со стороны историков, филологов, музыковедов, оказался возможным целый ряд публикаций, делающий реальным всестороннее изучение личности Петра Сувчинского и его роли, как в русской, так и западноевропейской культуре.

Он принадлежал к той редкой категории людей, которые всегда способны эволюционировать, способны к постоянному духовному росту. Современники не раз отмечали, что его характеризует «стихийная тяга ко всему свежему и обновляющемуся в искусстве» [3]. Однако это были периоды сложного, длительного вызревания идей, глубокого осмысления тех тенденций, которые происходили в современной культуре. Сам Сувчинский любил иронически повторять, что «в эпоху Эйнштейна нельзя жить по учебнику Краевича» [4]. Смена его эстетических ориентиров наблюдалась во всех сферах искусства: в театре (от Мейерхольда до Арто), в живописи (от «мир-искусников» до Миро, Кандинского, Малевича, графики Мишо) и, безусловно, в музыке.

К концу 1940-х гг. его музыкальные интересы постепенно смещаются с русского контекста (И. Стравинский, С. Прокофьев) на европейский. В 1953–1954 гг. совместно с Пьером Булезом [5] Сувчинский организует один из первых в Европе фестивалей музыкального авангарда, получившего название «*Domaine Musical*» (от фр. «*Domaine Musical*», что в переводе означает «владения музыки»)» [6].

Проект возник по аналогии с венским проектом лидера нововенской композиторской школы Арнольда Шенберга (1874–1951) «*Verein für musikalische Privataufführungen*» («Общество закрытых музыкальных исполнений»). Параллель с Шенбергом (и конкретно с «Обществом») интересна с нескольких точек зрения: во-первых, как и австрийские концертные сезоны, французский фестиваль преследовал цель пропаганды современной музыки. Во-вторых, в репертуаре венских концертов нередко звучала музыка Стравинского, а в концертных программах «*Domaine*

Musical» значились произведения другого корифея западноевропейского музыкального искусства – А. Шенберга [7]. И наконец, что особенно существенно для обсуждения темы, помимо общих эстетических воззрений на новую музыку, у П. П. Сувчинского и А. Шенберга (как следует из научных публикаций) были одинаковые рефлексии по поводу экспансии американской музыки в Европу. Тревога о судьбе искусства, о его подлинном прогрессе, протест против художников-приспособленцев, поддающихся влияниям моды, опасность наступления эпохи массовой культуры, официально именовавшейся «национальной», – весь этот комплекс проблем А. Шенберг и П. П. Сувчинский – каждый со своим адресатом – обсуждают в статьях и эпистолярном наследии [8].

Фестиваль «*Domaine Musical*» стал для Франции символом пропаганды творчества современных французских, итальянских, немецких композиторов, а также представителей других национальных школ (впрочем, понятие «национальный» не совсем уместно по отношению к поколению послевоенного авангарда, если учесть принципиальную установку его лидеров на снятие всяческих границ, в том числе географических и национальных, когда речь идет об универсальном языке музыки). Первоначально заявленный как концертная антреприза, он в результате превратился в культурологический проект, концептуальной идеей которого стала «попытка образовать и просвещать аудиторию, <...> заставляя ее признать, что даже неподготовленное восприятие может воспринять понятия и правила «большой» музыкальной науки, науки, которая, как никогда, тесно связана с новыми мировыми опытами и исследованиями» [9]. Как центр музыкальной культуры, «*Domaine Musical*» собрал интеллектуально и творчески одаренных музыкантов, среди которых оказались всемирно известные впоследствии Карлхайнц Штокхаузен, Дьёрдь Лигети, Луиджи Ноно, Эдгар Варез, Надя Буланже, Оливье Мессиаен и многие другие. Оценивая историческую роль «*seux du "Domaine Musical"*» («этих из «*Domaine Musical*»») в одноименной статье для одного французского музыкального журнала о современной музыке, П. П. Сувчинский писал: «Требуется соединение множества факторов и обстоятельств (случай и произвол мы не берем в расчет), чтобы состоялось событие. Эти факторы подталкивают заранее, они накладываются друг на друга, противоречат один другому <...> чтобы в каком-то одном, исключительном случае получилось то, что называется «успех», то, что можно оценить с позиции исторической значимости. «*Domaine Musical*» – это пример подобного успеха. Новое поколение пришло и вольно провозгласило свои идеи, свои искания, свою эстетику,

свою иерархию феноменов и ценностей в современной музыке» [10].

Какой же эстетике отдал предпочтение, а в итоге и поддержал, согласившись с основными концептуальными идеями, П. П. Сувчинский? Речь идет об эстетике западноевропейского авангарда, представленного уже знакомыми именами «друзей» «*Domaine Musical*» и близких к этой группе польских композиторов (В. Лютославский, К. Пендерецкий, К. Майер и др.). Зародившись в конце 1940-х гг., послевоенный авангард сделал ставку на прорыв к интеллектуальной и духовной свободе, ярко выраженную антитоталитарную направленность искусства (социальный аспект). Авангардисты выступили против академизма и консерватизма, декларативно заявив, что «музыку прошлого нужно полностью уничтожить, чтобы дать простор развитию музыки нашего времени» [11]. В контексте духовной жизни Франции подобные высказывания были созвучны установкам экзистенциалистов на бунт против властей небесных и земных (Ж.-П. Сартр), что вкупе явилось философско-эстетической подготовкой протеста против износившихся «вечных ценностей». Мятежный дух нового искусства оказался сродни тем движениям, которые, в конечном итоге, привели к массовым выступлениям бунтующих студентов в 1968 г.

Помимо академизма и консерватизма авангардисты подвергли критике такие «устаревшие», по их мнению, тенденции, как неоклассицизм и неофольклоризм, последователями которых выступали И. Стравинский и Б. Барток. Когда И. Ф. Стравинский узнал, что и П. П. Сувчинский сделался приверженцем французской музыкальной критики, выдвинувшей теорию о закате таланта Стравинского в пострусский период и о том, что он «продался» неоклассицизму и «американскому капиталу», он практически разорвал свои отношения с П. П. Сувчинским. Произошло это на рубеже 1940–1950-х гг. Публикация сборника статей «Русская музыка», вышедшего под редакцией П. П. Сувчинского, где содержались полемические нападки Пьера Булеза на композитора, а также резкая критика И. Ф. Стравинского в предисловии книги со стороны самого редактора (Пьера Сувчинского) и вовсе сделали имя Сувчинского запретным [12].

Другой критический аргумент против академизма – «худшего из зол», не способного стимулировать энергию творческого поиска, – был связан с проблемами композиторской «кухни», а именно – проблемами музыкального языка. На 1950-е гг. приходится время смены парадигмы музыкального сознания. Особую роль в этом процессе сыграли дальнейшие эксперименты авангардистов в области композиторских технологий. «Новый язык» для них (язык, с которым они

связывали будущее музыки) означал освоение таких «элитарных» техник, как додекафония, сериализм, сонористика.

Понятно, что все эти идеи разделял и П. П. Сувчинский. Эстетическое чутье всегда подсказывало ему, творчество каких музыкантов определяет современный вектор развития искусства и в каких сферах происходят самые интересные процессы. В этом была сильная сторона прорицательного критика и музыкального культуролога, который всегда был открыт для всего нового и считал, что «только та музыка, которая будет основана на новом слуховом воображении, может выглядеть и считаться новой» [13].

Авангардный опыт поначалу встречался в штыки, но во многом благодаря появлению таких проектов, как «Domaine Musical», новая музыкальная практика постепенно вошла в концертную жизнь европейских стран, расширив сферу влияния и воспитывая публику в духе новой эстетики. Вот почему идея пропаганды современной музыки – не только послевоенного времени, но и более раннего периода (музыка нововенцев) – определила основное направление в концепции и репертуарной политике «Domaine Musical». Большое место в концертах общества заняли также произведения композиторов эпохи «Ars nova» [14] – своеобразного «авангарда» музыкального Ренессанса. Свои программы антреприза представляла преимущественно парижской публике, но иногда концерты проходили и за рубежом – в Англии, Голландии и даже Северной Африке. Отбором произведений для концертных выступлений занимался Пьер Булез. Свой подход и критерии он продекларировал в тексте своего выступления по радио 4 января 1954 г. – официально признанный день рождения «Domaine Musical» [15].

Организаторы сделали ставку на то, что отсутствие средств не должно влиять ни на качество исполнения, ни на приглашение дирижеров международного класса. Помимо исполнительского уровня, который оценивался зрителями как безукоризненный [16], огромной составляющей успеха стала и сформировавшаяся под влиянием проводимых концертов *публика*, готовая воспринимать новые образцы музыкального искусства. Прогрессивные слушатели «нуждались в надежном и объективном взгляде тех, кто шел в искусстве впереди всех» [17]. Политика по воспитанию «своего слушателя» включала как обязательный элемент текстовый (или лекторский) комментарий к исполняемой музыке. Этот путь оказался настолько перспективным, что впоследствии идею научно-популярного просветительства возьмут на вооружение все, кто будет заинтересован в диалоге композитора и слушателей. Деятельность «Domaine Musical» показала нагляд-

ный пример *создания публики*, готовой изменить свои вкусы в соответствии с требованиями новой эстетики, в результате чего искусство становилось более понятным и доступным для восприятия.

Мотивы участия П. П. Сувчинского в проекте «Domaine Musical» и связанная с ним профессиональная деятельность его как музыкального критика и культуролога комментируются в письме 1957 г. Б. Пастернаку: «Вот уже много лет, как я занимаюсь только музыкой, я убежденный сторонник так называемой додекафонической музыки (Шенберг, Берг, Веберн). Благодаря этой школе, этой “технике” стало в музыке “вдруг видимо далеко во все концы света”. Появилось новое ощущение звука, новая выразительность, небывалые возможности, новая философия музыки <...> Но все это только зачатки большой музыкальной эпохи» [18]. Надо заметить, увлеченность музыкальным авангардом происходила у П. П. Сувчинского на фоне его постоянного интеллектуального роста. Все, кто общался с ним, испытывали на себе не только личностное обаяние человека воспитанного и в высшей степени интеллигентного, но и профессионала широкой эрудиции и интеллектуальной культуры. В его работах специальные знания о музыке всегда тесно переплетаются с вопросами историческими, философскими, общекультурными.

Второй после музыки страстью П. П. Сувчинского были литература и поэзия. Тест на знание А. С. Пушкина или Ф. М. Достоевского, как утверждают современники, он устраивал всякий раз при первом знакомстве с человеком [19]. Его эрудиция раздвигала горизонты «узкой компетенции» и выводила на уровень философско-культурологических размышлений. В этом смысле показательно обсуждение волновавшей культуролога проблемы *новаторства*, которая особенно остро встала в период организации и проведения фестивальных концертов, когда открыто (по сути, официально) П. Сувчинский декларировал свои авангардные взгляды. Интересно проследить, как решает он эту проблему. А решение приходит через анализ рядоположенной проблемы *традиций* в культуре, искусстве и жизни. П. Сувчинский интерпретирует традицию как *преемственность*. В одной из статей, посвященных современной музыке, он рассуждает на тему смены художественных поколений: «Что такое поколение? В повседневном смысле – это “преемственность от отца к сыну”, союз людей одного возраста. Отсюда логически вытекают другие вопросы: сколько существует одновременно живущих поколений, где начало и конец полезной деятельности каждого из них? В области изящных искусств, в этом величайшем изобретении

человечества, которое зовется “культурой”, где феномен индивидуального личного творчества особенно очевиден и особо значим, проблема поколения ставится и объясняется в категориях и терминах, отличных от тех, которые употребляются в биологии и социологии. Здесь феномен смены и преемственности поколений, прежде всего, обусловлен проявлением *нового* великого творца, который одновременно расстраивает и перестраивает устойчивый порядок поколения, уже сформировавшегося и часто одряхлевшего» [20]. Мы привели столь длинную цитату с тем, чтобы стала понятной логика движения мысли П. П. Сувчинского, который говорит о естественности смены культурных и эстетических парадигм, о том, что творец *нового* «никогда не появляется один» – у него всегда есть единомышленники. Так, считает П. П. Сувчинский, создаются предпосылки и условия для рождения новых течений и направлений, новых исторических циклов. Ключевыми в этом контексте оказываются слова, приобретающие смысл не только для апологетики авангарда, но и относительно роли личности самого Петра Сувчинского: «Возможно, что новая музыка столь же нуждается в творцах, сколь и во вдохновителях» [21].

Концерты «*Domaine Musical*» просуществовали около двадцати лет. Срок довольно приличный, если учесть, что общество функционировало без поддержки со стороны государства – исключительно на добровольных субсидиях самих организаторов и меценатов. Поиск денежных средств был обязанностью П. П. Сувчинского. В «остатке» этой менеджерской работы мы имеем размышления на актуальную для наших дней тему *благотворительности*. «Что такое меценатство – явление любопытное и редкое, и нужно ли оно нашей эпохе? Типология мецената (друг Августа!) [22] трудно установима. Какие тому скрытые побудительные мотивы: эгоистический ли инстинкт власти, желание и необходимость увидеть, как через других реализуется то, что не может быть осуществимо самим тобой? Увы, каприз, причуды и произвол часто имеют место в этом роде благотворительной деятельности» [23]. Именно П. П. Сувчинский познакомил Пьера Булеза с Сюзанной Тезенас, благодаря финансовой помощи которой все годы общество организовывало свои исторические концерты [24].

Эстетические взгляды в середине 1950-х гг. П. П. Сувчинский излагает не только в концептуальных декларациях «*Domaine Musical*», но в целом ряде книг, статей, очерков. Издательство Du Rocher делает ему заказ на книжную серию о современных композиторах. В рамках этого проекта П. П. Сувчинский издает биографию А. Шенберга, написанную Штуккеншмидтом, письма Ницше Петеру Гасту в двух томах, изб-

ранные тексты Альбана Берга, переписку Дебюсси и ряд других книг. Творческий тандем Сувчинский – Булез просуществовал недолго [25]. Итогом совместной работы стал выход «*Domaine Musical*» на международную арену через создание целой сети инструментальных ансамблей, выбравших в качестве своей главной задачи пропаганду новой музыки и борьбу против общего «врага» – музыкального консерватизма.

Если в качестве итога попытаться осмыслить процесс эволюции культурфилософских и музыкально-эстетических взглядов Сувчинского, можно сказать, что ему, с одной стороны, свойственны динамизм и склонность к крайностям (вспомним хотя бы идеологический крен в сторону евразийства и соцарта), а с другой – последовательно проводимая линия на пропаганду русской и современной музыки. Свидетельством приверженности русской культуре служит тот факт, что, будучи за границей, П. П. Сувчинский не перестает писать и говорить о русских музыкантах, подчеркивая их вклад в развитие мировой музыки. Независимо от эстетической ориентации он поддерживает всех русских, кто обращается к нему за советом или помощью. Итогом размышлений на «русскую тему» стала книга «Век русской музыки», посвященная истории русского музыкального творчества от Глинки до Стравинского [26]. Кроме этого многочисленные статьи о русских музыкантах Сувчинский написал для разных изданий. Одна из них – «О П. И. Чайковском», опубликованная в трехтомной «Энциклопедии музыки» (заказ издательства Fasquelle) [27], иллюстрирует позицию человека XX века, осмысливающего «национальный символ» России в новом ключе. Автор задает нравственный вектор, рассматривая Чайковского как «гения с посредственной человеческой натурой», что по тем временам в глазах даже просвещенной общности было неслыханной дерзостью [28].

Что касается современного западноевропейского искусства, то здесь мы вновь подчеркнем характерный и неизменный для П. П. Сувчинского интерес ко всему новому, диктовавший невозможность «выпадения из современности». Верность авангарду как историческому феномену стала главной чертой его философско-культурологических, музыкально-эстетических исканий. Для интеллектуала XX в. эта характеристика подменяет оценку. Сегодня, в ситуации размывания границ между социальными формами культуры, когда проблема музыкального авангарда утратила прежнюю остроту, когда улеглись жаркие споры вокруг эстетики новой музыки (а ее представители вошли в анналы «классиков авангарда XX века»), теоретические воззрения П. П. Сувчинского на «музыку будущего» оказались особенно востребованными. Стихий-

ная тяга ко всему свежему и обновляющемуся в искусстве сделала его «властителем дум» не одного поколения новаторов от искусства. Для этой ответственной миссии следовало обладать многими качествами, важнейшим из которых является особая «настроенность на будущее, готовность пожертвовать прошлым ради радикального преобразования настоящего» [29]. И это качество было присуще человеку, чей интеллектуальный портрет можно характеризовать такими чертами, как харизматичность, неуспокоенность, жажда нового, глубина погружения в исследуемые области. «В эпоху Эйнштейна нельзя жить по учебнику Краевича», – иронизировал Сувчинский [30]. Это очевидно, как очевидно и то, что в эпоху «Маятника Фуко» Умберто Эко нельзя обойтись без культурологической прогностики Петра Сувчинского.

Примечания

1. См., например, одну из последних работ *Демидовой О. Р.* О системном подходе к изучению культуры русского Зарубежья // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов: сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. Г. И. Зверева. М.: Изд-во РГГУ, 2001. С. 148–155.

2. Вот только несколько штрихов к официальному евразийскому портрету этой неординарной личности. После эмиграции (осенью 1919 г.) Сувчинский создает в Софии «Российско-болгарское книгоиздательство», в котором вышла первая книга евразийцев – «Европа и человечество» кн. Н. Трубецкого. Совместно с ним (а также при участии географа и политолога П. Савицкого, философа и богослова Г. Флоровского) Сувчинский основывает евразийское движение и принимает самое активное участие в популяризации его идей в эмигрантских кругах. Кроме того, он инициирует выход журнала «Версты», объединившего вокруг себя таких «властителей дум» времени, как Л. Шестов, А. Ремизов, М. Цветаева.

3. *Козовой В.* О Петре Сувчинском и его времени // Петр Сувчинский и его время. Русское музыкальное зарубежье в материалах и документах. М.: Изд. объединение «Композитор», 1999. С. 43.

4. *Кузнецов А.* «Вергилий по кругам современной музыки». Переписка П. Сувчинского и М. Юдиной // Музыкальная академия. 1992. № 3. С. 171.

5. Пьер Булез (Pierre Boulez, р. 1925) – композитор, дирижер, музыкальный деятель. Первым произведением Булеза, получившим международную известность, стала оркестровая пьеса «Молоток без мастера» (*Le Marteau sans maître*), исполненная на фестивале Международного общества современной музыки в Баден-Бадене в начале 1950-х гг. Дискуссия, возникшая вокруг этого сочинения, стала, отчасти, поводом для реального (делового) сотрудничества с Пьером (как его называли во Франции) Сувчинским.

6. Причастность Сувчинского к руководству фестивалем, однако, долгое время оспаривалась, что, с одной стороны, было связано с особенностями характера, а именно – отсутствием амбиций; с другой – уже упоминавшимся статусом «апатрида» (лица без гражданской определенности), что имело серьезное значение в глазах общественности. Это как раз отме-

чает французский композитор Жерар Массон, с чувством сожаления комментируя историю рождения фестиваля: «Он всегда держался несколько “в стороне”, на заднем плане (а в результате сейчас многие о нем и не упоминают) и бескорыстно раздаривал свои блестящие творческие идеи. Идея “Domaine Musical”, к примеру, – принадлежит Сувчинскому. Он брал на себя всю организационную работу, он находил деньги на проведение концертов... <...> Его роль в “Domaine” – огромна, но многие ли сегодня помнят об этом?» – *Массон Ж.* Интервью «На вопросы Елены Лонэ и Елены Польшаевой отвечают члены ассоциации «Пьер Сувчинский» // Петр Сувчинский и его время. С. 316.

7. Об этом свидетельствует сохранившийся текст программ первых четырех концертов (опубликован: *Вишневецкий И.* Указ. соч. С. 408–409).

8. Пример тому – цит. ранее письмо Сувчинского к В. Дукельскому. См. также: *Schonberg A.* Ausgewählte Briefe / Hrsg. V. E. Stein. Mainz, 1958.

9. *Сувчинский П.* Эти из «Domaine Musical» // Петр Сувчинский и его время. С. 406–407.

10. Там же. С. 405.

11. Слова П. Булеза. Цит. по: *Лютославский В.* Статьи, беседы, воспоминания. М., 1995. С. 57.

12. Только в конце 1956 г. Роберту Крафту, ближайшему другу, секретарю Стравинского, удалось восстановить между ними дружеские отношения. С этого времени начинается наиболее интенсивный период их переписки, дающий немало ценных сведений: это и хроника событий будничной жизни, и дневниковые откровения, и серьезные размышления на темы современного состояния и перспектив развития музыкального искусства. Все это позволило сохранить отношения и остаться духовно близкими до самой смерти композитора в 1971 г.

13. *Сувчинский П.* О музыке Игоря Маркевича // *La Revue musicale.* 1932. Juillet. Оpubl.: Музыкальная академия. 2001. № 1. С. 133.

14. «Ars nova» (новое искусство) – понятие, которое используется для обозначения музыкального искусства Франции XIV в. Своё название эта эпоха получила от музыкально-теоретического труда Филиппа де Витри, написанного около 1320 г. Одним из крупнейших представителей Ars nova во Франции был Гийом де Машо – прославленный поэт и композитор своего времени.

15. «Мы хотим выделить три плана нашей деятельности».

1) План сочинений-ориентиров, имеющих особую значимость сегодня: либо из-за их предназначения, либо из-за их концепции. Таковы изоритмические мотеты Машо, Дюфаи, хроматизм Дезуальдо или вдохновенные формы «Музыкального приношения» И.-С. Баха.

2) Ознакомительный план. Здесь мы обращаемся к современным сочинениям, еще малоизвестным, хотя, быть может, значительным, играющим первостепенную роль в развитии музыки (Стравинский, Барток, Варез, Дебюсси). Сочинения Венской школы, в особенности Веберна, так мало известного во Франции и даже практически игнорируемого, не должны возбуждать более абстрактные споры, и интерпретация этих сочинений придаст реальность тому, что известно теперь почти везде, кроме Парижа.

3) План поиска. Мы не осмеливаемся произнести слово «открытие». В исторической перспективе те-

перь свое место занимают новые сочинения композиторов, по меньшей мере честных, чей выраженный талант и ремесло, приобретенное с опытом, обеспечивают необходимость творчества». Цит. по: Петр Сувчинский и его время. С. 407–408.

16. *Francois N.* Notes de lecture du livre de Jésus Aguila: *Le Domaine musical*. Fayard, 1992. URL: <http://www.entretiens.asso.fr/Nicolas/index.html>

17. Там же.

18. Переписка Б. Пастернака и П. Сувчинского (1957–1959) // Козовой В. Поэт в катастрофе. М.; Paris, 1994. С. 212.

19. На этот факт обращает внимание Жерар Массон, подчеркивая, что в области литературы Сувчинский «был такой знаток, от которого всегда можно узнать что-то новое». См.: Массон Ж. Интервью «На вопросы Елены Лонэ и Елены Польдяевой отвечают члены ассоциации «Пьер Сувчинский» // Петр Сувчинский и его время. С. 315.

20. *Сувчинский П.* Эти из «*Domaine Musical*». Цит. по: Петр Сувчинский и его время. С. 403.

21. Там же. С. 404.

22. Меценат, как известно, в Древнем Риме был приближенным императора Августа, выполнявшим его политические, дипломатические, а также частные поручения. Его покровительство поэтам сделало имя Мецената нарицательным.

23. *Сувчинский П. П.* Эти из «*Domaine Musical*» // Петр Сувчинский и его время. С. 406.

24. «Ее причастность ко всему тому, что является истинным Искусством, ее инстинктивная ориентация в извилистых и часто опасных излучинах беспокойной и неустойчивой художественной среды, одновременно ловко разделяемой и объединяемой ею; ее внимательное отношение и неустанный постоянный контроль, ее ленивое равнодушие, хладнокровие перед всеми «превратностями» этой беспокойной и нервной деятельности и, наконец, ее глубокое чувство ответственности и обязательности к сути избранной деятельности, – все вместе эти качества, качества редкие и в данном случае сбалансированные, позволили ей занять исключительное место в музыкальной и куль-

турной жизни нашего времени», – писал Сувчинский, оценивая роль С. Тезенас. Цит. по: *Сувчинский П. П.* Эти из «*Domaine Musical*» // Петр Сувчинский и его время. С. 406.

25. П. Булез возглавлял «*Domaine Musical*» с 1954–1967 гг. Продолжением творческой деятельности П. Булеза по пропаганде новой музыки стала работа по организации в Париже грандиозного центра новой музыки – Института музыкальных и акустических исследований, IRCAM. Помимо распространения новой музыки в качестве второго кардинального направления выступила разработка высоких технологий синтеза звука. Директором IRCAM Булез был с момента своего ухода из «*Domaine Musical*» вплоть до 1992 г.

26. К сожалению, эта книга не увидела свет. Рукопись ее хранится в Национальной библиотеке Парижа. По мнению Ж. Массона, читавшего эту рукопись, в книге нет «абсолютно нет унылой назидательности», напротив, много «любопытных подробностей и свежих наблюдений». Массон Ж. Указ. соч. С. 315.

27. В этом проекте Сувчинский занимается как организационной работой, так и творческой, выступая в качестве автора статей о музыке русских композиторов и современных европейских музыкантов.

28. Статья завершается критической оценкой литературной деятельности композитора, чьи «затасканные литературные и поэтические обороты сомнительного качества, с которыми Чайковский, казалось, ощущал свое родство, диктовали наиболее типовые приемы его музыкального письма, что отрицательно сказывалось на дарованиях и возможностях крупного музыканта, каким он несомненно остается... В связи с Чайковским всегда придется сожалеть об одном: он так и не осознал своей природы и не вынудил себя стать иным». *Сувчинский П.* [О Чайковском] // Петр Сувчинский и его время. С. 401–402.

29. *Ласкин А. С.* Русский период деятельности С. П. Дягилева: формирование новаторских художественных принципов. СПб., 2002. С. 35.

30. *Кузнецов А. М.* «Вергилий по кругам современной музыки». Переписка П. Сувчинского и М. Юдиной // Музыкальная академия. 1992. № 3. С. 171.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.033-057.4

Е. О. Галицких

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ АСПИРАНТОВ СРЕДСТВАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА

Статья раскрывает пути развития активности аспирантов средствами профессионально ориентированных технологий в инновационной среде университета, интерпретирует их жизненное кредо как результат освоения мастерских ценностных ориентаций. Технологии как искусство и мастерство обучения преодолевают дефицит «живого человеческого общения», которого так не хватает молодым людям, выбравшим Интернет и сетевые сообщества.

The article deals with the ways of development of the post-graduate students' activity by means of professionally oriented technologies in the innovative university environment and interprets their life credo as a result of mastering of value orientation workshops. These technologies as art and mastery overcome deficit of live communication of which young people are deprived of nowadays and who've chosen the Internet and net communities.

Ключевые слова: познавательная активность, профессионально ориентированные технологии, инновационная среда университета, подготовка аспирантов, особенности поколения рубежа веков, философия жизни, профессиональные ценности.

Keywords: cognitive activity, professionally oriented technologies, the innovative university environment, training of post-graduate students, peculiarities of generation of century's border, life philosophy, professional values.

Человек есть деятельный участник своих истин.

А. А. Ухтомский

Развитие познавательной активности аспирантов, которые осваивают технологии профессионально ориентированного обучения, – главный ресурс подготовки научных кадров в современном гуманитарном университете, устремленном в будущее. Образование через всю жизнь требует от выпускника университета личностной самостоятельности, познавательной активности, гражданской ответственности.

Для реализации ресурсов познавательной активности аспирантам необходимо понимание особенностей развития поколения молодых людей, которые завтра станут абитуриентами и студентами. Остановимся на анализе тех характеристик, которые отличают поколение Z, то есть тех, кто родился в 90-е гг.

Назовем только отличительные психологические и социальные отличия. Во-первых, молодых людей характеризует жесткость оценок, повышенная агрессивность и конфликтность, готовность к массовым проявлениям протеста. Во-вторых, Интернет сформировал взгляды этого поколения, которое ориентировано на виртуальный способ коммуникации с окружающим миром, с компьютером на «ты» с детства, для которого «роскошь человеческого общения» не считается ценностью в молодежной среде. Главный авторитет не родители, а Интернет, это «цифровое» поколение. Избыток информации вызывает напряжение нервной системы, поэтому так много гиперактивных подростков при синдроме дефицита внимания. Они не отличаются терпеливостью и терпимостью, им свойственна большая потребность в новизне, яркости впечатлений, калейдоскопе событий.

В-третьих, «клиповое мышление» требует коротких порций информации, над которой нет времени размышлять. Следствие – поверхностный подход к принятию решений и анализу информации. «Интернетизация» жизни потребует революции дидактических средств, приоритетности цифровой наглядности, обновления способов обучения.

Студенты будут все меньше общаться в социальной реальности – и все больше в реальности виртуальной, в которой будет осуществляться потребление информации, товаров, услуг, развлечений. К сожалению, мы можем констатировать инфантилизацию молодых людей, она проявляется в увеличении количества студентов, которые просто из лени не посещают занятия, ведут потребительский, «удобный для них» образ жизни, не считают нужным себя организовывать, плывут по течению обстоятельств.

И наконец, поколение Z отличается социально-психологическая поляризация, интеллектуально-культурное, экономическое расслоение молодежи, погруженность в свои проблемы, в свой виртуальный мир.

Психологический диагноз нового поколения, с точки зрения психолога Марка Сандомирско-

го, может быть назван интровертированным индивидуализмом [1], который проявится в размывании жизненных принципов и жизненных ориентиров, в мировоззренческом разрыве с родителями, в информационной перегруженности, девальвации семейных ценностей, усилении персональной конкуренции.

Вот такое поколение предстоит «образовывать» современным аспирантам, будущим ученым и профессорам университетов.

Понимание сложности этой задачи дает нам право ориентировать аспирантов на освоение таких технологий профессионально ориентированного обучения, которые их подготовят к работе в инновационной среде университетов, к решению оригинальных и неожиданных образовательных проблем, к преодолению конфликтов поколений. Необходимо подготовить молодых ученых к преодолению эгоцентризма «взрослых детей» и их потребительского отношения к жизни, к развитию познавательной активности студентов с первого курса, к воспитанию потребности в напряженном интеллектуальном труде.

Перспективной задачей аспирантов является содержание образования, поиск и реализация новых идей в гуманитарных науках, а для этого они должны быть подготовлены к самообразованию в течение всей жизни, к познавательной активности на мотивационном, содержательном, деятельностном, технологическом уровнях.

Технологии профессионально ориентированного обучения создают такие инновационные условия, в которых познавательная активность становится доминантной, востребованной, необходимой. Сам процесс постижения таких технологий интерактивен, он выстраивает субъект-субъектные отношения между всеми участниками образовательного процесса, учит работать в полилоге, группе, команде, разрушает стереотипы инфантильного поведения.

К сожалению, мы можем констатировать, что в аспирантской среде наблюдаются три модели поведения, отражающие «метастазы» школярского отношения к образованию:

– первая – ориентация «взрослых людей» не на системные знания и «живой» опыт профессиональной деятельности, а на формальный признак их наличия – зачет, оценку, знак («Вот я не посещал занятия, но зачет мне нужен»);

– вторая – приоритет индивидуального присутствия и отказ от продуктивного взаимодействия («Выберу место, где меня никто не достанет»);

– третья – ограничение культурного кругозора узкопрофессиональными интересами, отказ от междисциплинарных поисков и прорыва за границы известного («Я же не физиолог, чтобы Ухтомского читать»).

С другой стороны, исследование 57 результатов самостоятельных работ аспирантов 2011 г. на занятиях по изучению педагогических технологий показывает: 54% будущих ученых понимают, что новые идеи рождаются на стыке научных областей, что от них «эпоха перемен» требует мобильности, инициативы, прагматической познавательной потребности, особого «вкуса» к научному труду в библиотеке, лаборатории, аудитории, Интернете. Главное – в постоянной готовности к продуктивной познавательной деятельности, активности в прогнозировании, выдвижении идей и поиске путей их внедрения в систему образования как сферу обращения и использования знаний.

В течение семестра аспиранты выстраивали перспективы формирования своей познавательной активности на занятиях по изучению и применению технологии «Портфолио», технологии чтения и письма для развития критического мышления, технологии обобщения и систематизации знаний под названием «Список», технологии профессионального самоопределения, технологии учебной презентации, технологии педагогического проектирования, технологии педагогических мастерских, диалоговых технологий (дискуссии, дебаты, круглые столы), технологии трехуровневого экзамена, технологии учебной конференции студентов, технологии читательских семинаров и онлайн-семинаров, технологии мастер-классов [2].

Каждая из названных технологий универсальна, многомерна и создает инновационные условия для развития познавательной активности, потому что

- включает аспирантов в совместный поиск информации и истины,
- дает возможность обсуждать проблемы профессионально-личностного становления;
- преобразует пространство для социализации и групповой работы;
- открывает перспективы выбора, активизирует инициативу;
- создает ситуации затруднения, проблематизирует жизнь «здесь и теперь»;
- обогащает педагогическую деятельность новыми приемами и методиками;
- расширяет представления о себе и других;
- формирует опыт самообразования и самопознания.

Освоение каждой технологии проходит по определенному алгоритму: от мотивации и формирования интереса к новому способу работы, через расширение познавательного и технологического опыта к изучению алгоритма и теории технологии как искусства организации достижения познавательного результата.

Этот путь не может быть коротким, длина его измеряется жизнью, которая тоже имеет техно-

логическое название «Искусство жить». И в этой технологии познавательная активность – это главный источник «вечной молодости науки» (А. Лосев), постоянного обновления, неуспокоенности, поиска, «стремления к звездам».

Ученые выделяют четыре группы ценностей: здоровье (физическое благополучие и безопасность), семья, социальные ценности (карьера, материальное положение) и ценности духовные (образование, культура).

Изученные аспирантами технологии реализуют личностно-ориентированный подход в обучении, потому что дают возможность участникам процесса обучения формировать свой ценностный выбор, осмысливать, переживать, выстраивать свое отношение к миру людей и профессий, обогащать свой жизненный опыт, свой духовный потенциал, развивать свою познавательную активность. А главное – профессионально ориентированные технологии как искусство и мастерство обучения преодолевают дефицит «живого человеческого общения», которого так не хватает молодым людям поколения Z, которое выбрало Интернет и сетевые сообщества.

В качестве материала для наблюдения и размышления приведем фрагмент «Философии жизни» аспирантов 2011 г., созданной на мастерской ценностного самоопределения. Каждый аспирант самостоятельно сформулировал свое кредо под девизом «Проверено жизнью и собственным опытом»:

О делах, смысле и целях жизни

• Упрямство, труд и нужные «связи» помогут осуществить поставленную цель.

• Я абсолютно уверена, что все в жизни достигается собственным трудом: любой успех определяется количеством энергии, затраченной на его достижение.

• Не ошибается тот, кто ничего не делает (2 повтора).

• Хочешь сделать хорошо – сделай это сам (3 повтора).

• Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

• «Ни дня без черточки» (проверено, что ни один день не должен пройти впустую).

• Если очень захотеть, то добиться можно всего.

• Лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, чего не сделал.

• Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

• Жизнь – сложная штука: нет ничего однозначного.

О себе и уроках жизни

• Если вышло в империи родиться, лучше жить в глухой провинции, у моря (И. Бродский).

• Не лукавьте самому себе! (2 повтора)

• Вы можете быть только самим собой: многознание уму не научает.

• Жизнь мне всегда подскажет, какой правильный сделать выбор, главное – к ней прислушаться.

• Сначала хорошо подумай – затем принимай решение.

• Все, что ни делается, все к лучшему.

• Случайно ничего не происходит, существуют закономерные связи между событиями.

• В отношении многих явлений в жизни существует лишь иллюзия.

• Все имеет свою цену.

О людях и их понимании

• Никому нельзя верить, но есть люди, от которых обман – не удар, а ласка.

• Все плохое, что сделал другому, возвращается бумерангом к тебе не сразу, а тогда, когда ты забыл об этом.

• Точно знаю, что за черной полосой идет белая, за темнотой – свет. Люди меняются!

• Можно оказаться без вины виноватым.

• Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

• Не трать жизнь на того, кто не стремится тратить ее на тебя.

• Не было бы счастья, да несчастье помогло! (2 повтора)

• Друг познается в беде (2 повтора).

• Относись к другим так, как хотел бы, чтобы они относились к тебе.

• Люди обычно жалеют о том, чего у них нет, чем наслаждаются тем, что им дано.

• Посочувствовать может даже враг, а понастоящему за тебя порадоваться может только друг.

• Чем выше человек по умственному, нравственному и духовному развитию, тем больше удовольствия ему доставляет жизнь.

Прочитанные жизненные кредо аспирантов дают эмпирическое представление об их умении посмотреть на свой жизненный опыт как объект исследования, сравнить его с другими вариантами и согласиться с ними или их опровергнуть. В процессе работы на читательских семинарах, мастерских, продвинутых лекциях, в размышлениях над книгами и презентациями аспиранты освоили такие формы и жанры организации информации и интеграции ее со своим познавательным опытом и кругозором, как афиши, интеллект-карты, списки, конспекты, матрицы, презентации, портфели, рефлексивные записки, синквейны, афоризмы, эссе. И каждая из них требовала от аспирантов познавательной активности, инициативы, сотворчества.

Изучение технологий профессионально ориентированного обучения дает возможность ас-

пирантам использовать свои знания для подготовки будущих бакалавров и магистров, сформировать себя как преподавателей высшей школы, готовых работать в инновационной среде университета. Эта среда создает условия для реализации образовательных технологий как средства формирования компетенции или способности действовать в меняющихся обстоятельствах. Известный методолог Петр Щедровицкий, кстати закончивший МГПИ им. В. И. Ленина по специальности «преподаватель педагогики и психологии», с оптимизмом смотрит на инновационное будущее России: «Инновационная система – это перенос центра тяжести с генерации знания на процессы его употребления. Поэтому главное – это не придумывание новых знаний, а их использование. Ученый придумывает знания, а инноватор – это тот, кто обеспечивает их реализацию и употребление в практике. Человек так устроен, что не хочет применять новые знания. Он не хочет менять свою жизнь и стремится сохранить тот образ жизни, тот способ деятельности, к которому привык. Поэтому все проблемы инновационной деятельности лежат в области человеческого сознания, мышления, навыков, стремления к изменению своей обыденной жизни» [3]. По большому счету, в области развития познавательной активности обучающихся всех возрастов.

Завершить статью хочется возвращением к эпиграфу как ключевой мысли всей статьи: «Человек есть деятельный участник своих истин!» [4] Это действительно так, познание требует от человека интеллектуальной, эмоциональной, духовной работы, усилий, напряжения, энергии, которые и рожают новые идеи, воплощают их в жизнь, меняют условия, развивают его познавательную активность и определяют характер, судьбу будущего ученого, его чувство собственного достоинства «в битве цивилизаций» [5].

Примечания

1. Сандомирский М. Поколение Z: те, кто будет после. URL: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/russiantoplist/1450249/>
2. Галицких Е. О. Диалог в образовании как способ становления толерантности. М., 2004.
3. Ухтомский А. А. Интуиция совести. М., 2004. С. 363.
4. Щедровицкий П. «Бегство умов» из России будет только расти. URL: <http://www.e-xecutive.ru/education/adviser/1471541/>
5. Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций. М., 2011.

УДК 37.016:51

В. А. Далингер

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС УЧАЩИХСЯ И ЕГО РАЗВИТИЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ

В статье определяется сущность познавательного интереса, дана характеристика основных стадий его развития, показана его взаимосвязь с воспитательными задачами обучения математике, описаны пути и средства развития познавательного интереса.

The article defines the essence of cognitive interest, gives the characteristics of the main stages of its development, shows its relationship with the educational objectives of teaching mathematics, describes the ways and means of cognitive interest development.

Ключевые слова: познавательный интерес, мотив учебной деятельности, источники развития познавательного интереса.

Keywords: cognitive interest, the motivation of educational activity, the sources of cognitive interests development.

Важное место в комплексе воспитательных задач обучения математике занимает проблема развития познавательного интереса. Познавательный интерес – это одно из личностных свойств школьника, черта его характера, проявляющаяся в виде пытливости, любознательности, активности; интерес обнаруживается в виде избирательного отношения школьника к тому или иному учебному предмету. Познавательный интерес и воспитательные функции обучения взаимосвязаны: с одной стороны, познавательный интерес есть источник обеспечения воспитательных задач обучения, с другой – познавательный интерес есть результат воспитательных воздействий, способствующий процессу усвоения и добывания знаний по тому или иному учебному предмету.

В школьные годы, когда учебная деятельность становится главной, проблемы, связанные с познавательными интересами, играют значительную роль в формировании личности ученика.

Прежде чем описать проблемы развития познавательного интереса к математике, определим, что следует понимать под термином «познавательный интерес».

Познавательный интерес, по словам Г. И. Щукиной [1], – важнейшее образование личности, которое складывается в процессе жизнедеятельности человека, формируется в социальных условиях его существования и никоим образом не является имманентно присущим человеку от рождения.

Познавательный интерес – это устойчивое стремление личности к целенаправленной активно-познавательной деятельности по отношению к объектам, имеющим для нее важное значение. Под термином «познавательный» мы будем понимать «относящийся к процессу познания, то есть к процессу приобретения истинных знаний».

Именно в школьные годы, как утверждает Г. И. Щукина, познавательный интерес приобретает особую значимость, «когда учение становится фундаментальной основой жизни, когда к системообразующему познанию ребенка, подростка, юноши привлечены специальные учреждения и педагогически подготовленные кадры» [2].

Поскольку важных объектов может быть и несколько, то можно говорить не только о познавательном интересе, но и о познавательных интересах личности.

Применительно к учебному процессу можно говорить о познавательном интересе к математике в двух аспектах: познавательный интерес к теоретическим знаниям, познавательный интерес к учению вообще.

Познавательный интерес к математике – это очень тонкая структура личности, являющаяся важной частью общего феномена «интерес». Его положение в системе интересов человека можно представить следующей схемой (рис. 1).

Практические исследования показывают, что наиболее эффективно познавательный интерес к математике можно развить через организацию учебно-познавательной деятельности ученика. Успешная деятельность, приносящая школьнику удовлетворение, является сильнейшим побудителем его познавательного интереса.

Анализ литературы показывает, что существуют различные модификации познавательного интереса в учебном процессе: средство обучения; мотив учебной деятельности; свойство личности ученика.

Познавательный интерес как средство обучения

Познавательный интерес как средство обучения выступает в качестве педагогического инструмента учителя, но он может вызвать лишь любопытство внешней стороной, другими словами – начальные элементы любознательности.

Познавательный интерес как мотив учебной деятельности

Для расширения толкования понятия познавательного интереса, для выяснения его сущности отметим, что учебная деятельность совершается ради познания, удовлетворения познавательного интереса. Познавательная потребность как стремление получать новые знания основывается не только на увлеченности предметным содержанием, но и на заинтересованном отношении к процессу овладения этим содержанием, к приобретению способов познания.

Чтобы полнее раскрыть содержание категории «познавательный интерес как мотив учебной деятельности», необходимо остановиться на характеристике мотивационной сферы обучения.

Мотив выражает предметную направленность действий, характеризует психическое состояние человека, непосредственно связанное с объективными характеристиками предмета, на который направлена активность. Необходимой предпосылкой успешности всякой деятельности, в том числе учебной, является сформированность мотивационной сферы. Мотив – это «направленность школьника на отдельные стороны учебной работы, связанная с внутренним отношением ученика к ней» [3]. Не менее важной характеристикой мотивов, исходя из анализа психологической литературы, является его направленность. В этом случае принято различать познавательные мотивы, проявляющиеся в стремлении учащихся к усвоению знаний, к рефлексии своей деятельности, и социальные мотивы, если у ученика выра-

Рис. 1. Познавательный интерес к математике в системе интересов человека

жена направленность на другого человека в ходе учения.

Чтобы возбудить интерес, нужно создать мотив, а затем открыть школьникам возможность нахождения цели, системы целей.

Выделим следующие моменты, на которые указывает Г. И. Щукина [4]:

- познавательный интерес раньше других мотивов осознается школьником;
- познавательный интерес как мотив преобладает над другими мотивами учебной деятельности;
- познавательный интерес наиболее доступен для наблюдения: его легче обнаружить, распознать, вызвать, следовательно, легче управлять его развитием;
- познавательный интерес – сильный и значимый мотив, он существенно влияет на познавательную деятельность, учебную активность, успеваемость.

Мотив не может возникнуть сам по себе – необходим внешний толчок, побудитель, то есть стимул.

В отечественной педагогике, указывает И. В. Сапогова [5], разработаны три основных вида стимуляции познавательного интереса учащихся (рис. 2), где под понятием «стимул» понимают «побудительную причину к действию, заинтересованность в совершении чего-нибудь» [6].

Ведущими источниками развития познавательного интереса являются содержание учебного материала и организация учебного процесса. Каждый из источников обладает особыми, специфическими для него возможностями влияния на развитие познавательного интереса.

1. Стимуляция познавательных интересов учащихся при помощи содержания учебного материала

Важным стимулом является новизна содержания, вызывающая ориентировочную реакцию учащихся. Элементы новизны, внесенные в учебный процесс (новые факты, новые результаты сравнения, новый аспект передачи материала, новые формы деятельности), всегда оказывают свое побуждающее действие.

Но, чтобы пробудить интерес [7], предмет должен быть отчасти лишь новым, а отчасти знаком ученикам. Новое значение приобретает особый смысл для школьника тогда, когда происходит сравнение того, что он знал ранее, с тем, чем он овладел сейчас, сегодня.

Важными стимулами развития познавательного интереса, связанными с содержанием обучения, являются исторический аспект школьных знаний (сообщение сведений из истории науки, истории научных открытий); насущная практическая необходимость знаний для жизни, использование науки в целях практики; показ учащимся современных научных достижений; показ практического и прикладного значения математических знаний; наглядность; эмоциональность; математическое моделирование; постановка различных математических задач, в том числе и познавательных.

2. Стимуляция познавательных интересов, связанная с организацией и характером протекания познавательной деятельности учащихся

Другим источником, питающим познавательные интересы в обучении, является сама познавательная деятельность учащихся, которая, бу-

Рис. 2. Классификация основных видов стимуляции познавательного интереса

дучи педагогически целесообразно организованной, приносит учащимся иные впечатления, вызывает иные психические состояния, нежели те, какие возникают под воздействием учебного материала.

Многообразие форм самостоятельных работ, их сменяемость стимулируют активную деятельность учащихся. Проблемная ситуация, созданная на уроке, рождает у учащихся вопросы, в которых выражен внутренний импульс (потребность в познании данного явления), укрепляющий познавательный интерес. Интерес, вызванный проблемным обучением, становится стимулом активности и самостоятельности учащихся.

Стимулирующее влияние на познавательный интерес элементов проблемности находится в тесном единстве с таким стимулом, как приращение учебному процессу исследовательского характера, что активизирует эмоционально-волевые и интеллектуальные психические процессы и способствует формированию творческих способностей учащихся.

Познавательный интерес как свойство личности ученика

Устойчивая черта характера учащегося находит свое выражение в пытливости, любознательности, жажде знаний, постоянной готовности и стремлении к поисковой деятельности, определяет его активность в учении, инициативу в самостоятельной постановке целей. Наличие такого познавательного интереса весьма ценно для воспитания гармонично развитой личности и вполне соответствует целям современного образования, современной образовательной парадигме.

Мы разделяем точку зрения Г. И. Щукиной [8] на указание характеров и уровней развития познавательного интереса:

– *аморфные интересы*: неосознанность и неопределенность интереса, предпочтение репродуктивной деятельности, отсутствие стремления к познанию, ограниченность круга знаний, неустойчивость интереса или его отсутствие;

– *широкие интересы*: стремление к решению поисковых познавательных задач, личностное отношение к деятельности, стремление выйти за пределы программы, широкий кругозор, активность, любознательность;

– *стержневые интересы*: нацеленность, локальность предметной направленности, высокая активность и практическая действенность.

По характеру проявления познавательного интереса в процессе изучения предмета выделя-

ются несколько уровней развития познавательного интереса: низкий уровень, средний уровень, высокий уровень.

У учащихся с низким уровнем развития познавательного интереса активность на уроках ситуативная, часты отвлечения, предпочтение отдается задачам репродуктивного характера, со стереотипными действиями. Учащиеся со средним уровнем развития познавательного интереса предпочитают уже и поисковый характер деятельности, но не всегда склонны к выполнению творческих заданий, их самостоятельная деятельность зависит от внешних стимулов, носит эпизодический характер. Учащиеся с высоким уровнем развития познавательного интереса отличаются самостоятельностью, активным участием на уроке, предпочтением учебной деятельности более трудного характера [9].

Г. А. Синютина [10] также отмечает тот факт, что познавательный интерес как достояние личности имеет тесную связь со всеми сторонами учебного процесса. Он проникает в сферу деятельности и ученика и учителя, поскольку посредством познавательного интереса могут быть актуализированы и внешняя и внутренняя стороны учебного процесса.

Н. А. Демченко и Е. А. Моисеева [11] определяют место познавательного интереса (на примере познавательного интереса к математике) в структуре познавательного процесса (рис. 3).

ПИ – познавательный интерес к математике;

ПА (познавательная активность) – личностное отношение познающего субъекта к процессу познания;

ПС (познавательная самостоятельность) – характеристика личности ученика, связанная с инициативой в процессе учения, с поиском различных путей нового знания без участия учителя и помощи со стороны;

УПД (учебно-познавательная деятельность) – такая деятельность, результатом которой являются открытие учеником знаний, умений и навыков;

УД (учебная деятельность) – деятельность ученика, результатом которой является закрепление новых знаний, умений и навыков;

ПД (познавательная деятельность) – деятельность, результатом которой является открытие учеником нового, неизвестного для него научного знания.

Т. А. Блинова [12] выделила факторы, активизирующие развитие познавательного интереса школьника:

Рис. 3. Структура познавательного интереса

- личная заинтересованность в получении знаний;
- взаимоотношения, сложившиеся с учениками и учителем;
- характер взаимоотношений между учащимися;
- стиль общения и стиль преподавания;
- социальная ориентация;
- работа, позволяющая открывать себя, индивидуальное развитие.

Можно выделить последовательные стадии развития познавательного интереса [13]: любопытство, любознательность, познавательный интерес, теоретический интерес, которые в известной мере помогают более или менее точно определить состояние избирательного отношения ученика к предмету и степень влияния его на личность (см. таблицу).

«Глубокий интерес возникает и развивается не сразу. Для его возникновения и развития нужна система образования и самообразования, воспитания и самовоспитания, а не только поиски кратковременных средств воздействия, побуждающих и поддерживающих любопытство и заинтересованность ученика на уроке» [14].

Педагогическим механизмом, с помощью которого интерес становится способом активизации деятельности, а также формированием отношения к ней, является организация образовательного процесса в профильных классах, направленная на развитие профессиональных интере-

сов школьников, создание условий для изменения структуры интереса, его трансформации от познавательного до профессионального.

Превращению познавательного интереса в устойчивую черту личности способствуют развитие саморегуляции и самосознания учащихся, высокий уровень умственной деятельности, которая позволяет учащимся переходить от движения в предметном материале к логике материала.

Для правильной организации работы по развитию у учащихся познавательного интереса следует с помощью прогностических методов выявить те «за» и «против», которые влияют на этот процесс. Педагогический коллектив школы, располагающий подобным материалом, имеет возможность строить свою работу так, чтобы, снимая отрицательные факторы, целенаправленно формировать у школьников познавательный интерес.

Приведем две анкеты, позволяющие вскрыть причины, которыми определяется отношение школьников к математике – учебному предмету.

Анкета 1

«Почему ты не любишь предмет “математика”?»

(Для учащихся, отрицательно относящихся к предмету.)

1. На уроках математики скучно, неинтересно.
2. Не люблю сам предмет, так как увлекаюсь другим предметом.

Характеристики основных стадий развития познавательного интереса

Стадии развития	Описание стадий развития познавательного интереса
<i>Любопытство</i>	Элементарная стадия избирательного отношения, которая обусловлена чисто внешними, часто неожиданными обстоятельствами, привлекающими внимание человека. На стадии любопытства ученик довольствуется лишь ориентировкой, связанной с занимательностью того или иного предмета, той или иной ситуации. Эта стадия еще не обнаруживает подлинного стремления к познанию. И тем не менее занимательность как фактор выявления познавательного интереса может служить его начальным толчком
<i>Любознательность</i>	Это ценное состояние личности. Она характеризуется стремлением человека проникнуть за пределы увиденного. На этой стадии интереса обнаруживаются достаточно сильные выражения – эмоции удивления, радости познания, удовлетворенности деятельностью. Любознательность, становясь устойчивой чертой характера, имеет значительную ценность в развитии личности
<i>Познавательный интерес</i>	Эта стадия на пути своего развития обычно характеризуется познавательной активностью, ясной избирательной направленностью учебных предметов, ценной мотивацией, в которой главное место занимают познавательные мотивы. Эта стадия характеризуется поступательным движением познавательной деятельности школьника, поиском интересующей его информации
<i>Теоретический интерес</i>	Он связан как со стремлением к познанию сложных теоретических вопросов и проблем конкретной науки, так и с использованием их как инструментов познания. Эта ступень активного воздействия человека на мир, на его переустройство, что непосредственно связано с мировоззрением человека, с его убеждениями в силе и возможности науки. Эта ступень характеризует не только познавательное начало в структуре личности, но и человека как деятеля, субъекта, личность

3. Не люблю решать задачи.
4. Не умею самостоятельно решать задачи.
5. Не понимаю материал учебника; не могу в нем самостоятельно разобраться.
6. Имею серьезные пробелы в знаниях по предмету за предыдущие годы, что мешает усвоить новый материал.
7. Надо много запоминать механически, а у меня плохая память.
8. Предмет очень трудный.
9. На уроках математики очень строго спрашивают.
10. На уроках математики не очень строго спрашивают.
11. Необъективно оцениваются знания.
12. Я не вижу смысла в ее изучении; мне кажется, что учить математику не нужно.
13. Я не люблю выполнять домашнее задание.
14. Мало времени дается на изучение материала.
15. Родители не могут помочь при подготовке домашнего задания.

Анкета 2.

«Почему ты любишь предмет “математика”?»

(Для учащихся, положительно относящихся к предмету.)

1. Мне легко дается математика.
2. Математика нужна при решении практических задач.
3. Математика – интересный, увлекательный предмет.
4. При изучении математики повышается точность рассуждений, представляется возможность научиться строго доказывать.
5. Учитель математики хорошо объясняет материал, помогает его понять.
6. Мне нравится решать трудные задачи, это как игра.
7. Материал учебника изложен доступно, есть возможность самостоятельно в нем разобраться.

Перед анкетированием учащиеся должны определиться, нравится им математика или нет. Тем, кому математика не нравится, предлагается первая анкета, а тем, кому нравится, – вторая.

Результаты анкетирования позволяют определить эффективные пути развития у учащихся познавательного интереса к математике. Так, например, трудно говорить о развитии у школьников познавательного интереса в процессе обучения математике в VII классе, если 100% опрошенных (это результаты проведенного нами анкетирования) отнесли «неумение понять материал учебника, неумение в нем самостоятельно разобраться» к числу причин, определивших нега-

тивное отношение к математике. Безусловно, процесс развития познавательного интереса к предмету должен идти через выработку у учащихся умений и навыков работы с учебником математики.

Покажем, как строить эту работу с учащимися в разных классах.

5–7-е классы. Учащихся необходимо научить:

- пользоваться оглавлением учебника, ответами к задачам и упражнениям для проверки выполненной работы;

- разбивать материал параграфа на отдельные смысловые части, выделять материал для заучивания;

- находить в тексте учебника ответы на контрольные вопросы;

- отделять поясняющий материал и примеры от формулировок основных выводов;

- приводить примеры, иллюстрирующие утверждения текста.

7–9-е классы. Учащихся необходимо научить:

- пользоваться предметным и алфавитным указателями, словарем математических терминов, математическими таблицами;

- формулировать основные выводы после прочтения текста;

- составлять план прочитанного;

- излагать прочитанное в виде тезисов;

- по подобранному материалу составлять план ответа.

10–11-е классы. Учащихся необходимо научить:

- пользоваться библиографическим указателем и каталогом;

- составлять план, тезисы и конспект прочитанного;

- вести тезисные записи по ходу объяснения учителя.

В проведенном нами анкетировании 70% семиклассников и 80,8% девятиклассников (из числа не любящих математику) указали причину – «на уроках математики скучно, неинтересно». Для снятия этого фактора, отрицательно влияющего на развитие познавательного интереса, следует предложить учащимся такие задачи, решение которых требует от них в большей степени частично-поисковой и исследовательской самостоятельности. Эти задачи должны быть такими, чтобы их содержательная сторона и процесс решения вызвали бы у учащихся внутренний положительный отклик, делали саму учебную деятельность приятной и увлекательной. Уместно в связи с этим напомнить слова Д. Пойа, сравнившего учителя математики с продавцом, который на каждом уроке должен «продавать немножко математики». А чтобы «продавать математический товар», ученика надо заинтересовать.

Основой развития познавательного интереса у учащихся в процессе обучения математике должен выступать принцип «каждый ученик талантлив». Ценное познавательно-воспитательное воздействие на учащихся оказывает урок, на котором подчеркивается доверие и уважение к ученику, признание за школьниками прав растущей и нравственно развивающейся личности. Такие взаимоотношения способствуют лучшему усвоению материала, стимулируют познавательную деятельность учеников, вызывают творческую инициативу как учеников, так и учителя.

Примечания

1. *Шукина Г. И.* Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. М.: Педагогика, 1988.
2. Там же. С. 16.
3. *Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для вуза. 3-е изд. стер. М.: Академия, 2007. С. 19.
4. *Шукина Г. И.* Указ. соч.
5. *Сапогова И. В.* Культурно-педагогические факторы развития познавательного интереса // Культура педагогического труда в XXI веке: материалы Всерос. науч. конф. Проект № 04-06-14082 г. РГНФ (Хабаровск, 18–19 ноября 2004 г.): в 2 т. Т. 2. / под ред. Н. Г. Григорьевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2004. С. 168–172.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 767.
7. *Боярский М. Д.* Реализация педагогического потенциала общего математического образования в развитии познавательных интересов личности: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 1999.
8. *Шукина Г. И.* Эксперимент как метод изучения познавательных интересов школьников // Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. Вып. 1: сб. науч. тр. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1975. С. 132–142.
9. *Морозова Н. Г.* Учителю о познавательном интересе. М.: Знание, 1979.
10. *Синютина Г. А.* Развитие познавательных интересов старшеклассников как условие их подготовки к самообразованию: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1998. 28 с.
11. *Демченко Н. А., Моисеева Е. А.* Формирование познавательного интереса у учащихся // Математика. 2004. № 19. С. 2.
12. *Блинова Т. А.* Имитационные дидактические игры как средство развития познавательного интереса учащихся в процессе обучения математике в общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003.
13. *Шукина Г. И.* Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся.
14. *Блинова Т. А.* Указ. соч. С. 56.

УДК 378.18

Э. В. Онищенко

ФЕНОМЕН КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВУЗА В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье в контексте ведущих тенденций развития системы высшего профессионального образования анализируется такое явление, как познавательная активность студентов, ее структура и основные закономерности развития. В качестве одного из эффективных средств стимулирования развития познавательной активности рассматривается корпоративная культура. Представлена характеристика требований к организации процесса приобщения студентов к нормам и принципам функционирования вуза как корпоративного профессионального сообщества. Дается оценка потенциальных возможностей использования корпоративной культуры в процессе развития основных компонентов познавательной активности учащихся.

In an article in the context of major trends in higher professional education system analyzes the phenomenon of students' cognitive activity, its structure and the basic laws of development. As one of the most effective means of stimulating the development of cognitive activity is considered a corporate culture. Characteristics of the requirements for organizing the process of familiarizing students to the norms and principles in the university as a corporate professional community. Assesses the potential use of the corporate culture in the development of the main components of the cognitive activity of students.

Ключевые слова: организационная/управленческая/корпоративная культура, познавательная активность, профессиональная культура, система профессиональных ценностей.

Keywords: organizational/managerial/corporate culture, cognitive activity, professional culture, a system of professional values.

Начало третьего тысячелетия характеризуется кардинальными изменениями в культуре и системе образования, в том числе и в рамках деятельности высшей профессиональной школы в России. Динамика происходящих социальных, экономических, культурных и других перемен, ход научно-технического прогресса меняют представления о сущности профессиональной подготовки специалиста, которая все больше ориентируется на переход к концепции «многократного» или непрерывного образования человека на протяжении всей его активной жизни. Так, например, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» (более известной как Программа – 2020) отмечено, что развивающееся общество должно создавать условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала и его исполь-

зования в интересах инновационного развития страны. При этом особо выделяется необходимость обеспечения высокой профессиональной и территориальной мобильности учащихся и формирование их профессиональной культуры с учетом ценностных ориентиров в сфере трудовой и предпринимательской деятельности.

Одновременно в современных условиях обновления российского общества происходит значительная трансформация материальных и духовных ценностей, ценностных ориентаций всех слоев общества. Этот процесс детерминирован проявлением:

- отчетливых нарушений преемственности передачи профессионального опыта как элемента профессиональной культуры;
- роста индивидуализма и взаимной отчужденности между людьми, социальными слоями и профессиональными группами;
- ослабления устойчивых связей в профессиональном сообществе, зачастую приводящего к острой конкуренции между отдельными профессиональными группами.

Подобные тенденции являются, прежде всего, следствием неадекватного отношения к самому феномену культуры, в том числе и профессиональной. Сегодня статистика позволяет констатировать тот факт, что из общего числа выпускников вузов только около 20–30% продолжают работу в соответствии с полученной специальностью. Это свидетельствует о том, что в подготовке студентов отсутствует или не проявляется достаточно четко направленность на признание значимости и ценности получаемой профессии. Можно говорить, с одной стороны, о явно выраженной и широко распространенной в современных условиях профессиональной корпоративности, замкнутости и ограниченности, которые характеризуют отдельные отрасли высшего специального образования, а с другой – о значительной широте системы подготовки, которая позволяет им профессионально реализоваться в различных сферах трудовой занятости.

Разрешение подобных противоречий современной профессиональной подготовки может стать основанием для повышения эффективности организации учебного процесса в вузе. Что же является концептуальными доминантами подобной деятельности? В первую очередь необходимо сформировать объективную систему мотивации, направленную на освоение профессии и приобщение подрастающего поколения к системе этических ценностей, характеризующих будущую трудовую деятельность. Именно эта система целенаправленной мотивации на освоение основ профессиональной деятельности и может определить как результативность собственно процесса образования в вузе, так и его личностную зна-

чимость для каждого отдельного студента. Он должен получить целый спектр знаний, умений, навыков, чтобы мыслить и действовать «профессионально». Кроме того, будущий специалист должен быть «открыт» для постоянного профессионального роста и хорошо ориентироваться в своеобразии будущей профессиональной среды.

В силу объективных закономерностей проблема профессиональной мотивации учащихся имеет двойственную направленность: материальную и духовную. В связи с отсутствием у высшей школы возможностей последовательно влиять на первую составляющую, необходимо сосредоточить свое внимание на второй – духовной. При этом следует особое внимание уделить оформлению профессионально ориентированной среды уже в стенах самого образовательного учреждения (ОУ). Одновременно возникает потребность интенсификации процесса интеграции студентов в профессиональное сообщество, приобщения к процедуре обмена профессиональной информацией, а также изучения сферы профессиональной деятельности. Можно констатировать тот факт, что высшая школа должна возложить на себя ответственность не только за качественную профессиональную подготовку будущего специалиста, но и за обеспечение его дальнейшего личностного развития и профессионального роста. Поэтому каждый вуз должен предоставить возможность для формирования системы этических установок каждого студента, в том числе на основе становления его отношения к собственному учебному заведению как «*alma mater*».

При этом необходимо определиться как с новым образовательно-воспитательным идеалом, обеспечивающим ценностные установки, цели и задачи подобной деятельности, так и с инновационными механизмами и средствами его оформления в условиях образовательного процесса вуза. С этой целью деятельность учебного заведения следует ориентировать на признание системы нравственных ценностей, характерных как для общества в целом, так и для наиболее значимых для соответствующей сферы будущей профессиональной деятельности. Изучение работ А. А. Деркача, Е. А. Климова, В. И. Кнорринг, Н. В. Кузьминой, А. Г. Лаптева, Н. Ф. Масловой, Р. Х. Шакурова, Т. И. Шамовой и других позволяет сделать вывод о том, что система профессиональных ценностей в той или иной сфере деятельности применительно к конкретному учебному заведению (как реально функционирующей и целенаправленно управляемой организацией) может быть представлена в том числе и посредством такого феномена, как «*организационная, управленческая или корпоративная культура вуза*». Поэтому обращение к проблеме повышения качества оформления образовательного про-

странства вуза и его «профессионализации» может быть ориентировано именно на идею формирования корпоративной культуры ОУ.

Рассмотрим более подробно своеобразие данного явления. Теоретический анализ исследований, связанных с оценкой корпоративной культуры (М. Армстронг, Р. Л. Кричевский, И. Г. Са-

мойлова, В. В. Томилов, Б. Ф. Усманов, Е. Н. Хандурова и др.), показывает наличие многозначности трактовки самого этого понятия. Современными авторами выделяется более 40 сосуществующих сегодня определений «корпоративной культуры». Наиболее распространенные представлены в таблице.

Основные определения термина «корпоративная культура»

Автор(ы)	Определение
М. Армстронг	Совокупность убеждений, отношений, норм поведения и ценностей, общих для всех сотрудников данной организации. Они могут не быть четко выражены, но при отсутствии прямых инструкций определяют способ действий и взаимодействий людей и в значительной мере влияют на ход выполнения работы
К. Голд	Уникальные характеристики воспринимаемых особенностей организации, того, что отличает ее от всех других в отрасли
Б. Карлофф	Культура корпорации – определенные позиции, точки зрения, манеры поведения, в которых воплощаются основные ценности, выражение этих ценностей претворено в организационной структуре и в кадровой политике
А. Кромби, Л. Элдридж	Уникальная совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения и т. п., которые определяют способ объединения групп и отдельных личностей в организацию для достижения поставленных перед ней целей
Д. Мацумото	Организационная культура – динамическая система правил, разделяемых членами организации. Такие правила включают в себя разнообразные психологические конструкты, например отношения, ценности, убеждения, нормы и поведение. Это нечто большее, чем просто поведенческие практики, которые мы наблюдаем в повседневной производственной деятельности. Она имеет отношение к глубоко укорененным ценностям и убеждениям, которые считают важными для себя не только отдельные работники, но и вся организация в целом
В. Сате	Культура представляет собой набор важных установок (часто не формулируемых), разделяемых членами того или иного общества. Эти важнейшие понятия состоят из норм, ценностей, подходов, убеждений
Э. Шейн	Совокупность коллективных базовых правил, изобретенных, открытых или выработанных определенной группой людей, по мере того как она училась решать проблемы, связанные с адаптацией к внешней среде и внутренней интеграцией, и разработанных достаточно хорошо, для того чтобы считаться ценными
Р. Л. Кричевский	Корпоративная культура охватывает большую часть явлений духовной и материальной жизни коллектива: доминирующие в нем моральные нормы и ценности, принятый кодекс поведения и укоренившиеся ритуалы, манера персонала одеваться и установленные стандарты качества выпускаемого продукта и т. д.
А.А. Максименко	Отношения, нормы и ценности, стили поведения, которые воспроизводятся между людьми, считая признак воспроизводства ключевым в анализе и функционировании организационной культуры
З. П. Румянцева	Вырабатываемые организацией совместные ценности, социальные нормы, установки поведения, которые регламентируют действия личности
И. Г. Самойлова, Е. Н. Хандурова	Интегральная характеристика организации (ее ценностей, образцов поведения, способов оценки результатов деятельности, представленной в образе организации)
В. А. Спивак	Очень сложное, многослойное, динамичное явление, включающее и материальное, и духовное в поведении организации по отношению к субъектам внешней среды и к собственным сотрудникам
В. В. Томилов	Корпоративная культура – это совокупность мышления, определяющая внутреннюю жизнь организации; это образ мышления, действия и существования. Культура корпорации может рассматриваться как выражение основных ценностей в организационной структуре; системе управления; кадровой политике, оказывая на них свое влияние
Б. Ф. Усманов	Традиции и манера поведения, в которых воплощаются основные ценности организации, ее кадрового состава

Суммируя ведущие для данного термина характеристики, можно сделать обобщающий вывод о том, что под корпоративной культурой сегодня понимается *уникальная система, целостная совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения, форм отношений и взаимодействия между сотрудниками, которые регламентируют и определяют способы их профессионального объединения для достижения поставленных руководством ОУ и принимаемых всем коллективом целей развития как собственно организации, так и творческого совершенствования сотрудников и студентов*. Именно корпоративная культура позволяет определиться со своеобразием ОУ в системе профессиональной подготовки в целом и с его статусом среди себе подобных в частности.

Поэтому именно корпоративная культура может быть признана значимым условием, своеобразным импульсом развития вуза, мощным стратегическим инструментом совершенствования его учебной деятельности и внедрения инновационных технологий обучения будущих специалистов. Как отмечают современные исследователи, проявляется корпоративная культура, прежде всего, в поведении ее преподавателей как адептов этой культуры, их взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды. На этом основании можно сделать вполне оправданный вывод о том, что культуру ОУ можно рассматривать как одно из эффективных средств развития различных видов и форм активности учащихся.

Согласно типологии К. А. Абульхановой-Славской, многочисленные виды активности личности стратифицированы по видам деятельности: трудовая, интеллектуальная, познавательная, учебная, коммуникативная, религиозная и др. При этом каждому возрастному периоду соответствует свой вид активности. Так, например, в работах М. И. Володиковой отмечается, что ведущей активностью в младшем школьном возрасте является учебная, в подростковом – коммуникативная, в старшем – социальная. В современных психолого-педагогических исследованиях (К. А. Абульханова-Славская, Л. Ф. Алексеева, Б. Г. Ананьев, Ю. К. Бабанский, А. С. Белкин, Л. С. Выготский, О. С. Гребенюк, В. С. Данюшенков, Н. Ф. Добрынин, А. К. Дусавицкий, А. Г. Ковалев, А. И. Крупнов, А. Ф. Лазурский, В. Г. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Н. Г. Морозова, В. Н. Мясищев, А. В. Петровский, В. В. Репкин, С. Л. Рубинштейн, С. Д. Смирнов и др.) особо подчеркивается, что активность выступает собственным показателем эффективности самого образовательного процесса. Поэтому анализ своеобразия проявления активности в ходе профессиональной подготовки в вузе свидетельствует, что студент (как взрослый человек) выступает в каче-

стве субъекта познания и труда, его деятельность все более становится саморегулируемой и самоуправляемой. В процессе образования активность личности является одной из основных предпосылок достижения целей обучения и воспитания, общего и профессионального развития личности будущего специалиста.

В связи с этим на первый план выступает необходимость обеспечения качества образования за счет развития познавательной активности каждого человека, не только овладевающего в ходе своего образования определенным стандартом современных знаний, но и побуждаемого применять их в реальной жизни. Студент постоянно находится в режиме инновационного познавательного поиска необходимой информации с целью применения ее в существующих социально-экономических, интеллектуально-культурных условиях окружающей его жизни. Таким образом, одним из важнейших видов активности в студенческом возрасте, безусловно, является *познавательная*. Уровень развития познавательной активности определяется не только предметным содержанием в данном случае учебной деятельности, но и особенностями личности, ее направленностью.

Познавательная активность является важнейшим компонентом в системе профессиональной подготовки студентов, от которого напрямую зависит качество приобретаемых ими знаний. В структуре познавательной активности выделяются три составляющие:

- потребностно-мотивационная;
- операционно-познавательная;
- морально-волевая.

В основу оценки уровня познавательной активности студентов в ряде исследований положены:

– *побудительный критерий*, обращенный к характеру познавательной активности. В частности, направленность побуждения может быть профессионально детерминированной, личностно детерминированной, ситуативно детерминированной;

– *деятельностно-практический критерий*, оценивающий характер протекания деятельности (алгоритмизированная, трансформационная, креативная познавательная активность);

– *регулятивный критерий*, устанавливающий степень выраженности волевых усилий (высокая, средняя, низкая познавательная активность) (Ж. Г. Симонова).

Поэтому образование в высшей школе должно быть ориентировано на учет и использование таких факторов, которые в первую очередь учитывали бы внутреннюю мотивацию и избирательную активность студентов. Познавательная активность (как специфический интеллектуаль-

но-эмоциональный отклик на процесс познания, стремление студента к учению и выполнение индивидуальных и общих заданий) стимулирует интерес к учебной деятельности, исходя из особенностей своего структурирования. Этот феномен состоит из трех составляющих: *мотивационного, содержательно-операционного, волевого*. Особую значимость имеет мотивационный компонент как потребности, мотивы, интересы, т. е. все то, что обеспечивает включение студента в процесс активного учения и поддерживает эту активность на протяжении всех этапов учебной деятельности.

Основу развития познавательной активности составляет стимулирование и поощрение самих актов познавательной активности со стороны преподавателей, т. е. возникновение/создание ситуаций или наличие стимулов, обеспечивающих потребность в них. Так, например, в работах Л. Ю. Донской особо отмечается, что проявление активности студента в процессе обучения избирательно и характеризуется стремлением реализовать свои творческие силы [1]. На этой основе у учащихся должна формироваться потребность в непрерывном образовании и совершенствовании своего индивидуального опыта и постоянного освоения опыта других представителей своего профессионального пространства, а также достижений науки.

Ю. Н. Кулюткин подтверждает данный тезис. В частности, он констатирует: «Познавательная активность приобретает профессиональную направленность вследствие внутренних побуждений и потребностей личности в самоактуализации и самореализации в профессиональной деятельности» [2]. При этом доминирующей по содержанию и строению в структуре мотивационной сферы является направленность деятельности как совокупность профессионально значимых мотивов. Направленность, в свою очередь, детерминирована предметом деятельности, объективными целями и задачами, условиями их выполнения. Таким образом, согласно данным исследования О. В. Осиповой, профессиональная направленность личности представляет собой ее ориентацию в профессиональной деятельности на объектно-предметное содержание профессии, ее главные цели и задачи, которые приобретают личностную значимость для субъекта, реализующего данную деятельность [3].

В процессе формирования познавательной активности важная роль отводится формированию ценностной сферы обучаемого, являющейся регулятором социального поведения личности, где центральное место должна занять внешняя среда. В связи с этим вполне закономерно предположить, что в качестве одного из факторов развития познавательной активности студентов мо-

жет выступать корпоративная культура как феномен образовательного пространства современного ОУ. Модель формирования познавательной активности студентов на основе приобщения к корпоративной культуре вуза следует представить как специально спроектированную дидактическую систему, направленную:

- на сознательное и целенаправленное овладение профессиональными компетенциями,
- проявление познавательных интересов, расширение профессионального и общего кругозора,
- обогащение жизненного опыта и выработку субъектного характера знаний и овладение способами применения этих знаний и умений в измененных условиях,
- формирование глобального мышления, на создание условий для творческой самореализации студентов и предпосылок для их дальнейшего самообразования и саморазвития.

Модель включает в себя цель, дидактические и методические задачи, а также принципы, характерные для корпоративной культуры ОУ как центра формирования профессионального сообщества, содержание, технологию, критерии, показатели, обеспечивающие эффективную реализацию данной модели. Реализация модели формирования познавательной активности студентов обеспечивается посредством внедрения специальных механизмов формирования корпоративной культуры вуза, которые ориентируют:

- на освоение объема знаний, связанных с приобщением к культуре и осознанию ее основных раритетов;
- репрезентацию (знакомство с явлениями и фактами становления и развития вуза как профессиональной корпорации);
- овладение особенностями профессионального корпоративного поведения;
- проведение компаративного анализа культуры «своей» корпорации в сопоставлении с аналогичными (В. В. Кабакчи);
- разрушение стереотипов восприятия профессиональных традиций других регионов, подготовку к эффективной межкультурной коммуникации;
- интерпретацию, активизацию и систематизацию приобретенных знаний в процессе решения проблемных задач профессионально, личностно, социально и глобально ориентированного характера;
- развитие умений работать в команде с учетом имеющегося корпоративного опыта организации профессиональных коммуникационных процессов;
- оформление и презентацию оригинального индивидуального образовательного опыта корпоративной деятельности в различных сферах работы вуза.

Как признают современные исследователи, своеобразии корпоративной культуры ОУ задается в том числе и разработкой таких значимых средств, как «цель организации», ее «миссия и политика», существующая система стандартов (И. Н. Кузнецов), которые одновременно являются компонентами приобщения всего кадрового состава и студенчества вуза к нормам функционирования профессионального сообщества. При этом возможно выделить потенциальные возможности оказания управляющего воздействия на корпоративную культуру, что, в свою очередь, может стать условием реализации общей стратегии создания и совершенствования системы управления качеством на трех уровнях (согласно модели Э. Шейна):

- *поверхностный*: артефакты (материальные ресурсы и внешняя атрибутика);
- *внешний*: система декларируемых ценностей и норм (миссия, политика);
- *глубинный*: поведение персонала, признание и принятие архетипов, аксиологических установок, их реализация в собственной деятельности (О. Осипова).

Поэтому можно уверенно констатировать, что ведущие направления формирования познавательной активности студентов четко коррелируют с первичными и вторичными механизмами оформления корпоративной культуры, среди которых:

- выделение объектов внимания, оценки и контроля руководителя;
- декларация миссии и политики организации;
- намеренное создание образцов для подражания;
- критерии распределения поощрений и вознаграждений;
- критерии отбора при приеме на работу, повышении в должности и увольнении;
- композиция и структура организации;
- система и принципы деятельности организации;
- регламентация деятельности организации;
- история и «мифология» организации, ее культурные артефакты, ценности, символы, ритуалы;
- стратегии разрешения критических ситуаций и кризисов;
- дизайн и оформление способствующей рекламе символики организации и внутреннего интерьера помещений.

Это позволяет предположить, что наличие подобной связи может стать основанием для активизации процедуры взаимодействия данных феноменов и их соответствующего развития и

совершенствования. При этом целенаправленное формирование корпоративной культуры вуза позволяет оформить личностную и профессиональную культуру, адекватную статусу ОУ; повысить признание учащимися системы ценностей, пропагандируемых в соответствующей профессиональной сфере; сформировать творчески взаимодействующие профессиональные команды, группы преподавателей и студентов.

Для реализации задач повышения эффективности учебного процесса необходимо последовательно и системно организовать работу по вовлечению студентов в условиях вуза в своеобразную «профессиональную корпорацию», приобщение к «фирменной» культуре ОУ, культуре организации деятельности его сотрудников и профессорско-преподавательского состава, культуре созданной образовательной среды. Современные руководители, владеющие методологией развития и совершенствования своего ОУ, принимающие принципы менеджмента качества, адекватно оценивают значимость корпоративной культуры и используют ее как мощный стратегический инструмент, позволяющий ориентировать структурные подразделения и весь кадровый состав вуза на общие цели и ценностные установки, мобилизуя инициативу коллектива, обеспечивая преданность своей «alma-mater», облегчая общение и достигая взаимопонимания.

Таким образом, в использовании корпоративной культуры в ходе формирования познавательной активности учащихся в процессе обучения в вузе заключены значительные резервы для повышения качества профессиональной подготовки высококвалифицированного специалиста. Именно приобщение к корпоративной культуре направляет студентов на постоянное и непрерывное профессиональное самосовершенствование с учетом освоенных принципов, традиций, стандартов своего ОУ как профессиональной корпорации.

Примечания

1. Донская Л. Ю. Разнообразие видов и форм активности у студентов // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 123–126.

2. Кулюткин Ю. Н. Практическая деятельность учителя и его потребность в непрерывном образовании // Взаимосвязь теории и практики в процессе подготовки и повышения квалификации педагогических кадров / под ред. Ю. Н. Кулюткина. М., 1990. С. 4–8.

3. Осипова О. В. К определению понятия «профессионально направленная познавательная активность учителя» // Научный журнал КубГАУ. 2007. № 27(3). С. 1–16.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159,9

Н. А. Росина

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СВОЙСТВ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В НАЧАЛЕ ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена описанию результатов экспериментального исследования интеллектуальных свойств студентов-психологов на разных этапах обучения в вузе. Раскрывается сущность программы, развивающей интеллектуальные свойства, выделяются ее основные этапы.

The article describes the results of an experimental research of intellectual characteristics of students at psychological faculties on different stages of higher educational training. The author picks out the essence of developing programs and describes its basic stages

Ключевые слова: профессиональное обучение, индивидуализация, развитие, интеллектуальные свойства, рефлексивность.

Keywords: professional education, individualization, development, intellectual characteristics, reflexivity.

Современная практика вузовской подготовки психологов остро ставит ряд сложных вопросов: как совместить задачи профессионализации с задачами саморазвития, как в процессе обучения актуализировать потенциал студентов, как создать для них адекватное и эффективное образовательное пространство, обеспечивающее личностный рост. Важными характеристиками профессиональной обучаемости студентов выступают показатели продуктивности мышления. Исследования, включающие данные о специфике интеллектуальных свойств студентов-психологов, свидетельствуют, что их мышление по своему типу ближе к обыденному, чем к профессиональному. Н. Ф. Круглова указывает, что наименее сформированными выступают к окончанию школы умственные операции анализа, обобщения, абстрагирования [1]. Е. П. Кринчик, изучая студентов-психологов МГУ, отмечает, что современный выпускник школы мало подготовлен к восприятию научной психологической информации [2]. К проблемам студентов-психологов в учебно-профессиональной деятельности относят трудности анализа сложных профессиональных ситуаций,

выделение малого количества признаков того или иного явления, неправильное установление связей, нарушение логики интерпретации и др. [3]

Продуктивность мышления определяет система интеллектуальных свойств и, прежде всего, глубина ума, проявляющаяся в сущности признаков, которые человек может абстрагировать при решении проблем, а также в уровне их обобщенности [4]. Продуктивное мышление также предполагает преодоление барьера прошлого опыта, отход от привычных ходов мысли, разрешение противоречий между актуальными знаниями и требованиями проблемной ситуации, оригинальность решений и их своеобразие. Эту сторону мышления исследователи чаще обозначают как гибкость ума. Важнейшим качеством ума является осознанность мыслительной деятельности. Это способность выразить в слове или в других символах (схемах, моделях) цель и результат мышления, а также те способы, с помощью которых этот результат был найден, выявить ошибочные ходы мысли и их причины, способы их исправления. Качества ума образуют сложную динамическую систему интеллектуальных свойств личности, от которой зависит продуктивность деятельности. Как указывает Л. А. Ретуш, результативность решения познавательных задач зависит в большей мере от аналитичности, глубины, осознанности, гибкости [5].

Нами было проведено экспериментальное исследование особенностей развития интеллектуальных свойств, определяющих продуктивное мышление студентов-психологов. В нем в общей сложности участвовало 354 студента вузов городов Кирова и Нижнего Новгорода, обучающихся по специальности «Психология»: из них 130 – первого, 108 – третьего и 116 – пятого курсов.

Мы использовали методику Л. А. Ретуш «Способность к прогнозированию». Методика позволяет дать комплексную оценку развития интеллектуальных свойств, а также выявить показатели аналитичности, глубины, осознанности, гибкости. Областью применения методики выступают профотбор на педагогические специальности. Особенности развития интеллектуальных свойств студентов представлены на рис. 1.

Высокий уровень развития комплекса интеллектуальных свойств показали 28% первокурсников, 24% третьекурсников и 19% выпускников. Испытуемых отличало равномерное развитие всех

качеств ума: глубины, гибкости, аналитичности, осознанности. Для таких студентов характерны высокая осознанность мыслительных действий, гибкость, чувствительность к помощи (алгоритмизация заданий), познавательная инициатива, способность излагать знания компактно, обобщенно. Они демонстрируют краткость и полноту изложения, способность к выделению всех признаков явлений, умения перегруппировать, преобразовать материал. При выполнении учебных заданий они предпочитают выполнять схемы, таблицы, дают убедительную аргументацию при оценке явлений, принятии решений, могут увидеть способы практического применения знаний, способны к решению проблемных ситуаций, выдвиганию новых гипотез.

Уровень развития комплекса интеллектуальных свойств *выше среднего* показало небольшое количество испытуемых (от 9% на первом до 12% на пятом курсе). Студентов характеризовали меньшие, по сравнению с первым уровнем, показатели развития качеств ума. Они хуже, чем студенты на первом уровне, анализируют, показывают меньшую самостоятельность мышления, реже прибегают к трансформации знаний, схематизации. Тем не менее первый и второй уровни, которые можно охарактеризовать как уровни продуктивного мышления, показали 37% первокурсников, 42% трехкурсников и 29% выпускников.

Для большинства студентов-психологов первого (39%), третьего (44%), и пятого (59%) курсов типичным оказался *средний уровень* развития комплекса интеллектуальных свойств. Его характеризовала неравномерная выраженность качеств ума. У испытуемых преобладали показате-

тели гибкости ума, ниже оказались показатели аналитичности, осознанности и глубины.

В отличие от второго уровня при выполнении учебных заданий эти студенты хуже дифференцируют различия между явлениями, степень существенности признаков, менее полно анализируют условия, затрудняются в установлении причинно-следственных связей и в вербализации умственных действий. Их характеризует воспроизведение отдельных фактов, решение простых заданий, предполагающих манипуляцию с понятиями без достаточного осознания логики их взаимосвязи. При выполнении учебных заданий они ограничиваются перечислением и описанием фактов, обнаруживая низкую самостоятельность мышления, отсутствие способностей к трансформации и схематизации знаний. Их тип мышления можно охарактеризовать как репродуктивный.

Низкий уровень развития показали 24% первокурсников, 22% студентов третьего и 10% пятого курсов. У них отмечалась несформированность комплекса интеллектуальных свойств. При низких показателях аналитичности и гибкости ума у студентов отмечалось недоразвитие глубины и осознанности мышления. При выполнении учебных заданий такие учащиеся обычно показывают частичный учет условий задания, выделяют несущественные связи, используют минимум информации для принятия решений. Их отличает конкретность мышления. Анализ информации обычно неполный, односторонний, действия развернутые, шаблонно-стереотипные. Алгоритмизация заданий им помогает частично или не помогает совсем, в новых условиях студенты пассивны, а при побуждении к активности вы-

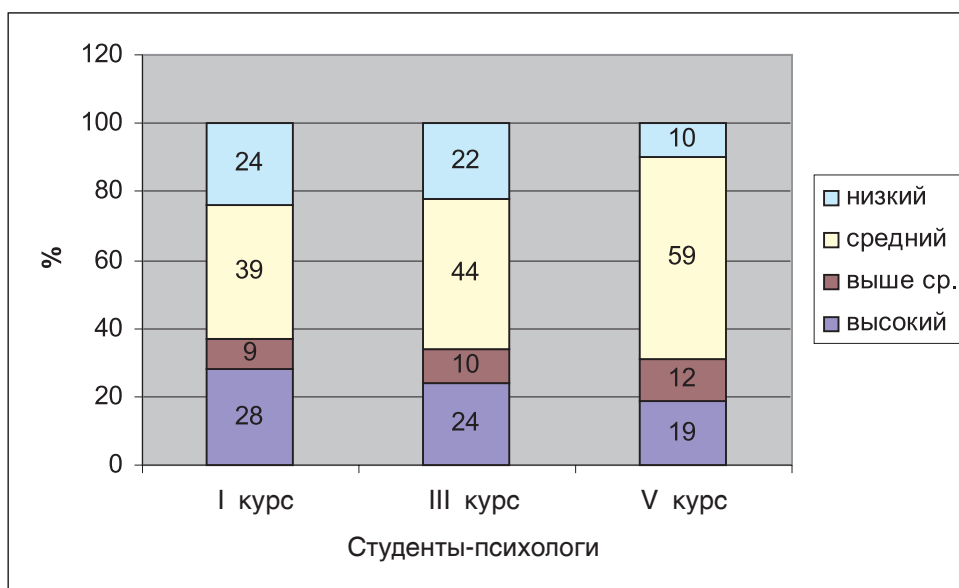

Рис. 1. Распределение испытуемых по уровням развития комплекса интеллектуальных свойств

полняют репродуктивное, мало осознанное изложение материала. На вопросы о причинах неудач студенты отвечают: «не понял», «не разобрался». Можно охарактеризовать этих студентов как интеллектуально пассивных.

Необходимый для профессионального обучения оптимум сформированности комплекса интеллектуальных свойств (1-й и 2-й уровни) показали не более 37% студентов-психологов. У основной массы выпускников (59%) зафиксирован репродуктивный тип мышления и средний уровень интеллектуальной активности.

Обращает на себя внимание, что с первого по третий курс отмечалась выраженная дифференциация испытуемых по уровням развития комплекса интеллектуальных свойств. В дальнейшем число студентов низкого уровня снижалось, однако количество их на высоких уровнях (1 и 2) не росло, хотя в целом можно говорить о незначительной динамике показателей (рис. 2).

Несмотря на некоторое возрастание показателей комплекса интеллектуальных свойств от первого к пятому курсу, отсутствие статистически значимых различий между ними свидетельствовало, что развития продуктивного мышления в ходе профессионального обучения не произошло.

Корреляционный анализ обнаружил своеобразные связи составляющих комплекса интеллектуальных свойств у разных групп испытуемых. У первокурсников были тесно положительно связаны показатели комплекса интеллектуальных свойств и гибкости ума (коэффициент корреляции $(r) = 0,676$; $p < 0,001$), менее тесно – глубины ума ($r = 0,263$; $p < 0,05$). Вероятно, гибкость как более «практическое» интеллектуальное свойство, на-

правленное на разрешение трудностей и проблем, лежит в основе интеллектуальных способностей психологов-первокурсников. В середине обучения (третий курс) были выявлены связи комплекса интеллектуальных свойств и аналитичности ($r = 0,649$, $p < 0,001$), менее тесными были связи с глубиной ума ($r = 0,347$; $p < 0,05$). В конце обучения это соотношение сохранялось. Глубина ума (способность проникать в суть явления) была менее выражена у испытуемых на всех этапах обучения в вузе. Это означает, что они затрудняются устанавливать существенные причинно-следственные связи между явлениями, стараются изложить все подробности, предпочитая конкретизировать, а не обобщать. Для студентов только к концу обучения становится привычным полный всесторонний анализ условий деятельности. Мы полагаем, что эти данные отражают направление совершенствования комплекса интеллектуальных свойств под влиянием опыта учебно-профессиональной деятельности. Студенты приобретают способности анализировать, начинают более полно осознавать причинно-следственные отношения, осмысленно подходят к решению проблемных ситуаций. Однако реализация их потенциальных возможностей в традиционных условиях обучения происходит медленно и малоэффективно, что свидетельствует о необходимости оказания им направленной психолого-педагогической помощи в обучении.

Нами была разработана комплексная программа, направленная на развитие интеллектуальных свойств студентов-психологов, которая была апробирована в условиях их вузовской подготовки. Программа состояла из трех взаимосвязанных блоков развивающих задач.

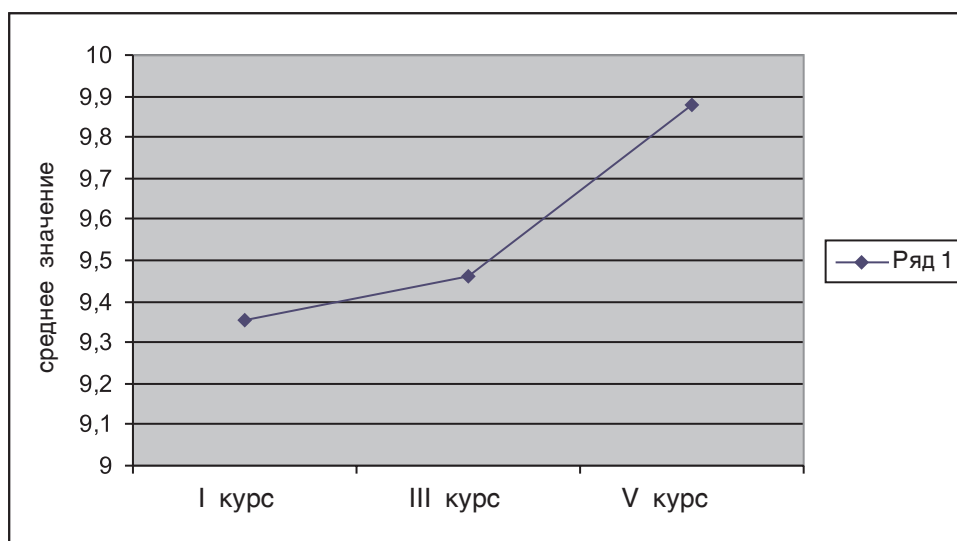

Рис. 2. Динамика развития комплекса интеллектуальных свойств студентов-психологов

Первый блок развивающей программы реализовывал задачи развития аналитичности и осознанности мышления, навыков аргументации, помощи в овладении понятийным аппаратом. Важно было осуществить перенос акцентов с позиции заучивания и репродукции на формы продуктивной мыслительной деятельности. Смыслами работы преподавателя была ориентировка студентов в специфике научного мышления.

Ведущими формами организации деятельности стали проблемные лекции, а также семинарские занятия на основе опережающей самостоятельной работы. Содержанием самостоятельной работы студентов был смысловой анализ научных текстов, что определялось целями развития аналитичности и осознанности мышления. Эффективными приемами для развития аналитических способностей выступили: резюмирование текстов, поиск ключевых слов, анализ аргументации, схематизация и алгоритмизация. Выполнение резюме как специфический вид учебной задачи позволяло овладеть навыками компрессии текста (логического и грамматического сжатия) и способствовало развитию обобщенности мышления. Схематизация материала осуществлялась при составлении опорных схем, что позволяло обобщать и структурировать большой объем учебного материала, выделять в нем главное. Фиксация содержания знания в опорной схеме исключала нагрузку на память, повышала качество осуществляемых мыслительных операций (сравнения, обобщения, классификации). Для развития анализа, синтеза, сравнения эффективным заданием стало выполнение сравнительных таблиц. В начале обучения для овладения системой понятий использовались тестовые задания, словарные разминки, составление кроссвордов. На занятиях вводилась роль «эрудита», выполнение которой требовало использования словарей и справочников. Поочередное выполнение студентами роли стимулировало активное усвоение понятийного аппарата психологии. На семинарах преподаватель предлагал студентам структурировать выступления, побуждая к передаче смысла. Слушателям предлагалось анализировать аргументацию выступающих, обобщать информацию, делать самостоятельные выводы. Для развития аналитичности и осознанности в ходе лекций предлагалось привести примеры из жизни и литературы, иллюстрирующие теоретические положения. По итогам лекции студенты получали задания сделать коллективный обобщающий вывод, а в ходе самостоятельной работы подобрать стихотворные или художественные тексты для иллюстрации теоретических положений, составить вопросы к теме или психологические задачи. Поскольку была выявлена выраженная дифференциация испытуемых по уровням развития

комплекса интеллектуальных свойств, организация самостоятельной работы включала разработку разноуровневых, индивидуализированных заданий. Для студентов, показавших уровни продуктивного мышления, основной формой организации выступала опережающая самостоятельная работа, когда студенты выполняли поисково-исследовательские задания по опорной схеме-алгоритму и формулировали вопросы для коллективного обсуждения по итогам изучения темы. Это давало возможность выступать на занятиях не пассивными слушателями, а мотивированными собеседниками, соучастниками, соавторами знаний. Системой работы преподавателя они направлены подводились к тому, что получали на лекциях ответы на собственные вопросы, возникшие при самостоятельном изучении темы. В работе со студентами с репродуктивным уровнем мышления важно было осуществить перенос акцентов с позиции заучивания и репродукции на формы продуктивной мыслительной деятельности. С этой целью использовались алгоритмизированные задания, которые фиксировали последовательность решения учебных задач. Задания проблемно-творческого характера на начальных этапах обучения предлагались им либо в группе, либо в паре с более активным студентом (например, при подготовке к семинару).

Второй блок развивающей программы предполагал развитие гибкости мышления, способности к самостоятельной постановке проблем. Смыслами работы преподавателя стала индивидуализированная помощь студентам в выборе заданий разного типа и уровня сложности. Содержанием деятельности выступало учебное сотрудничество при составлении и решении учебных задач, работа по интерпретации литературных и поэтических текстов. В качестве ведущих форм использовались деловые игры, воссоздающие ситуации профессиональной деятельности психолога. Основными методами стали дискуссии, коллективное решение проблем, составление тестовых заданий.

Разработка заданий проводилась на основе таксономии учебных задач Д. Толлингеровой [6]. Таксономия как средство целенаправленного проектирования и диагностики уровня сложности выполняемых интеллектуальных действий давала возможность осуществлять управление когнитивной деятельностью студентов и контролировать ее. Различные по операционному составу (пять уровней сложности), ориентированные на разные возможности мышления, задачи использовались на семинарских занятиях и в ходе итогового контроля. Так, мини-тесты и терминологические разминки в начале занятий предполагали воспроизведение определений, норм, правил и характеризовали первый уровень сложности.

При составлении опорных схем решались задачи второго уровня, требующие простых мыслительных операций: анализа, синтеза, сравнения, классификации, абстрагирования, обобщения. Третий уровень представляли задачи на сложные мыслительные операции: на интерпретацию художественных текстов (объяснение смысла, значения), аргументацию, оценку. Задачи четвертого уровня включали задания на обобщение знаний. Среди них составление резюме, анализ биографий для определения факторов, влияющих на развитие личности или ее отдельных свойств. Пятый уровень представляли задачи на применение знаний на практике, на решение проблемных ситуаций, целеполагание и постановку вопросов. Такие занятия проводились в форме деловых игр.

Для развития образно-символического мышления использовались притчи как задачи с открытой структурой, требующие для своего решения практики, интуиции, учета контекста. Притча позволяла подвести к обсуждению сложной темы, наглядно проиллюстрировать определенную проблему, подвести группу к необходимым умозаключениям. Наличие большого количества смыслов, позволяло студентам сделать множество выводов по одной и той же ситуации.

В *третьем блоке* развивающей программы основными задачами было развитие критичности и самостоятельности мышления.

Для развития критичности мышления использовались задания на аргументацию, поиск ошибок, рецензирование. Дискуссии, дебаты, метод «мозгового штурма», задания на проектирование экспериментальных ситуаций обеспечивали генерирование идей с последующим их анализом, оценкой, сопоставлением и выбором наилучшего варианта решения, освобождали от инерции мышления и стереотипов. Выполнение ролей позволяло акцентировать для студентов способы развития конкретных интеллектуальных свойств. «Эрудит» демонстрировал разносторонность знаний, осуществлял поиск необходимой информации, пользуясь справочником, словарем, предварительно составленной схемой или таблицей. «Специалист» пояснял термины, приводил примеры, высказывал собственное мнение. «Аналитик» выполнял анализ продуктивности совместной мыслительной деятельности, фиксировал достижения студентов, указывал недостатки и анализировал их причины. Первоначально в роли аналитика выступал преподаватель, в дальнейшем он оказывал студентам необходимую помощь при выполнении ролей.

Развитие проблемного мышления осуществлялось в ходе анализа конкретных ситуаций профессиональной практики. Ситуация-проблема предъявлялась в виде видеофрагмента, описания реального события, факта (в том числе подобран-

ного самими студентами). Использовались фрагменты бесед, интервью, докладов, документов (фотографии, графики, диаграммы). Например, в курсе «Методика преподавания психологии» студенты выполняли анализ учебного занятия в вузе после просмотра видеозаписи.

Развитию самостоятельности мышления способствовали опережающие задания к семинарам. Отсутствие возможности использования готового, систематизированного преподавателем лекционного материала при подготовке стимулировало исследовательскую активность, инициативу, позволяло становиться первооткрывателями знания. Выполняя задания на поиск научных сведений по самым разнообразным вопросам, студенты проявляли аналитичность, гибкость, самостоятельность, втягивались в научный поиск, и в результате на первый план постепенно выходили собственно познавательные мотивы. Обозначение узловых точек изучаемого явления разными участниками семинара делало учебную работу динамичной, насыщенной, вскрывало взаимосвязь разных точек зрения, обеспечивало диалог особого рода, содержание которого черпалось из первоисточников. Выступление студента было своеобразной репликой в этом обсуждении. Например, студентка предложила для обсуждения в группе высказывание С. А. Рубинштейна: «Только для тех, кто умеет самостоятельно мыслить, существуют проблемы. Они не существуют для тех, чей разум бездействует». Развитие самостоятельности мышления способствовали задания на составление комплекса учебных задач на основе таксономии, разработка студентами тестов по пройденным дисциплинам, проектирование ими учебных занятий и деловых игр. Результативным приемом оказалось выполнение обобщающих схем содержания учебного курса. Студенты отмечали, что схема позволяла переосмыслить содержание дисциплины, увидеть ее в целом, установить взаимосвязи всех изученных разделов и тем. Развитие интеллектуальных свойств продолжалось на занятиях научного кружка. Общение с преподавателями в новом проблемном поле осуществлялось и в ходе студенческих конференций.

Итоги работы показали эффективность продуманного профессионально-личностного взаимодействия, направленного на «выращивание» личностных новообразований. Опыт участия студентов в семинарских занятиях в режиме диалога, при соблюдении условий: посадка по кругу, обязательное участие каждого в совместной работе, выполнение вариативных заданий и рефлексивных упражнений – привели к повышению интеллектуальной активности уже к середине первого года обучения. Была определена логическая последовательность развивающей работы.

Развитие аналитичности и осознанности мышления как приоритетное направление совершенствования комплекса интеллектуальных свойств заложило фундамент для развития способности проблематизации и роста рефлексивных способностей. Это способствовало повышению самостоятельности и продуктивности учебных действий студентов. Студенты стремились к участию в коллективном анализе, смыслопоисковом диалоге, к интерпретации жизненного опыта в контексте теоретических знаний. Выполнение самоанализа способов действий и личностных свойств помогло сделать личностное развитие осознанным.

Систематическое выполнение студентами учебных задач разного уровня сложности, а также совместный рефлексивный анализ способов их решения стимулировали рост интеллектуальной активности. Эффективными приемами для развития самостоятельности и осознанности мышления стали упражнения в формулировке лично значимых вопросов и коллективных выводов по итогам изучения и обсуждения темы. Благодаря тому, что эти задания выполнялись в коллективной деятельности, они быстрее становились посильными для студентов.

Мы убедились, что темп и качество личностных изменений, а следовательно, эффективность развивающих воздействий были обусловлены актуальным уровнем развития студентов. Различия в потенциальных возможностях обуславливают необходимость обеспечения студентам более высоких уровней развития интеллектуальных свойств возможностей свободного выбора дифференцированных по уровню сложности учебных заданий. Надо давать им возможности проявить себя в роли обучающего, разъясняющего, помогающего другим, включать их в сообщество профессионалов (работа научных кружков, участие в конференциях). Для студентов с проблемами в развитии интеллектуальных свойств эффективна совместная деятельность с сокурсниками, работа со справочной литературой на занятиях, участие в выполнении ролей. Можно констатировать, что под влиянием целенаправленной помощи по развитию интеллектуальных свойств у обучающихся формируется эффективная система способов мыслительной деятельности уже к третьему курсу, изменяется характер ценностей, возрастает стремление к обретению компетентности в интеллектуальной деятельности.

Примечания

1. *Круглова Н. Ф.* Несформированность регуляторно-когнитивной структуры учебной деятельности – причина ее неуспешности // Журнал прикладной психологии. 2003. № 4–5. С. 67–74.

2. *Кринчик Е. П.* К проблеме психологического сопровождения профессионального становления студентов психологов. «Временной срез» литературного

контекста проблемы // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 2. С. 45–55.

3. *Фокин В. А.* Об особенностях профессионализации студентов психологов // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 2. С. 33–43.

4. *Калмыкова З. И.* Продуктивное мышление как основа обучаемости. М.: Педагогика, 1981. С. 132.

5. *Регуш А. А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. С. 262.

6. *Толлингерова Д. А.* Опережающее управление учебной деятельностью: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1981. С. 202.

УДК 159.9

О. В. Кузьмина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВО ВРЕМЕНИ У ЛИЦ С РАЗНОЙ МОТИВАЦИЕЙ

Статья посвящена описанию результатов эмпирического исследования особенностей осмысления необходимости организации времени и способа действия в различных временных режимах людьми с различной мотивационной направленностью. Проведен сравнительный анализ структуры корреляционных связей у лиц с мотивацией достижения успеха и избегания неудачи.

Article is devoted the description of results of empirical research of features of judgment of necessity of the organization of time and a way of actions in various time modes by people with a various motivational orientation. The comparative analysis of structure of correlation communications at persons with motivation of achievement of success and failure avoiding is carried out.

Ключевые слова: временная компетентность, организация деятельности в различных временных режимах, мотивация избегания неудач, мотивация достижения успеха.

Keywords: time competence, the activity organization of various time modes, motivation of avoiding of failures, motivation of achievement of success.

Умение организовывать свою жизнь во времени является одной из составляющих регуляторных возможностей человека, определяющих успешную социализацию и профессиональную самореализацию. Результативность деятельности напрямую связана с тем, насколько эффективно человек может оперировать критериями оценивания длительности временных интервалов, соразмерять время и на этой основе регулировать свое поведение.

Компетентность во времени рассматривается нами как интегральная характеристика личности, которая проявляется в способности управ-

© Кузьмина О. В., 2011

лять собой во временном континууме. Управление временем в данном контексте раскрывается через возможность правильно оценивать сложившуюся ситуацию и принимать в связи с этим соответствующее решение, позволяющее достичь успешности в проблемных ситуациях. Результаты временной компетентности проявляются в точности установления временных затрат на конкретный вид деятельности, в способности оптимального конструирования во временном пространстве программы достижения цели, в умении контролировать временной график выполнения работы.

Временная компетентность, с одной стороны, является характеристикой личности, с другой – она формируется и проявляется в деятельности. Поэтому структурные компоненты временной компетентности логично рассматривать в деятельностно-личностном аспекте через совокупность личностного и деятельностно-поведенческого уровней. Уровень личности включает в себя осознание необходимости организации времени, стремление рефлексировать свою деятельность с позиции своевременности, скорости, упорядочивания и представления результатов работы к сроку. Уровень практической организации времени может рассматриваться через применение различных приемов постановки цели, планирования, через предпочитаемый человеком временной режим деятельности, через осознанное использование техник контроля времени.

Общая структура временной компетентности личности может быть представлена пятью компонентами. Ценностно-смысловой компонент временной компетентности включает отношение человека ко времени, осознание социальной значимости эффективной организации времени, личную ответственность за реализацию своего времени как ресурса. Мотивационный компонент временной компетентности раскрывается через силу побуждения к организации времени жизни и деятельности, через стремление реализовать свой потенциал. Потребность во временной организации проявляется в желании ощущать самого себя источником собственной активности, знающим, как организовать время своего пространства, и умеющим это делать. Познавательный компонент временной компетентности включает в себя знания технологий, приемов организации времени. Уровень развития познавательного компонента временной компетентности отражает степень интереса к проблеме временной организации. Операционально-технологический компонент временной компетентности определяет технологию организации времени жизнедеятельности и обеспечивает процессуальную сторону реализации деятельности. Рефлексивный компонент временной компетентности раскрывает возмож-

ности человека предвидеть результаты действий до того, как они будут реально произведены, и осуществлять контроль временных показателей в процессе собственной жизнедеятельности [1].

Мотивационная сфера, согласно работам А. Г. Асмолова, Е. Н. Баканова, Д. Б. Богоявленской, А. И. Божович, Б. С. Братусь, Ю. М. Забродина, Т. В. Корниловой, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, Ж. Нюттена, С. Д. Смирнова, рассматривается как целостное, динамическое, иерархизированное образование личности, детерминирующее поведение и отношение человека к миру. Продуктивность деятельности, ее процесс и результат определяются направленностью мотивов и их содержанием. Мотивация в качестве движущей силы поведения человека занимает основное место в структуре личности, пронизывая ее основные структурные образования: направленность, характер, эмоции, способности, деятельность и психические процессы.

На сегодняшний день в психологии существует несколько интересных исследований, посвященных изучению мотивации и временной организации личности. В рамках изучения роли мотивации в построении временной транспективы личности выделяется несколько исследований. Согласно теории мотивационной регуляции, предложенной В. Г. Асеевым, мотивацию можно рассматривать как отражение в субъективной значимости и регулятивное осуществление объективно важных состояний действительности [2]. В структуре мотивации он выделяет содержательную и динамическую составляющие. Содержательная сторона мотивации поведения определяется смысловыми ориентациями личности и целевыми установками. «Одним из основных факторов формирования мотивации... считается сознательная интеллектуальная работа человека по все более глубокому и широкому отражению действительности, а не внутреннее спонтанное разрывание predetermined динамических тенденций мотивации» [3].

Динамическая сторона мотивации обусловлена особенностями нервной системы (сила, уравновешенность, подвижность, динамичность нервных процессов), уровнем общей активности нервной системы. Все это определяет такие динамические характеристики мотивации, как сила, степень ее возбудимости, устойчивость. «Взаимодополняя друг друга, содержательная и динамическая тенденции в комплексе выполняют регулируемую функцию в построении деятельности и определяют основные характеристики психологического времени» [4]. При описании психологического времени В. Г. Асеев обращает внимание на то, что «отрицание наличной действительности, стремление ее изменить... приводят к своеобразному “ускорению” психологических

часов, определяют эффекты переоценки временных интервалов. Установка на спокойную, деловую конструктивную активность, с увлечением самим процессом деятельности, наоборот, «примиряет» человека с естественным течением времени, частично корректирует искажения в оценке времени. ...Если человек вполне удовлетворен настоящим состоянием действительности... то с мотивационной точки зрения он как бы находится в будущем: неудовлетворенности нет, деятельностная мобилизация не нужна» [5].

Исследование, проведенное Е. С. Улитовой, показало «на различных временных интервалах соотношение содержательной и динамической сторон мотивации различны, а именно: психологическое настоящее характеризуется высокой необходимостью реализации побуждений и высокой деятельностной готовностью к этой реализации, а для психологических прошлого и будущего характерны высокая желательность и высокая динамическая сложность реализации» [6].

Ж. Нюттен предложил способ эмпирического исследования мотивации во времени с помощью разработанного им «метода мотивационной индукции». Временная перспектива, в его понимании, – это пространство, в котором строится когнитивно переработанная мотивация человеческой деятельности. Согласно Ж. Нюттену, «временная перспектива задается объектами, локализованными во времени. Именно эти объекты играют роль детерминант, регулирующих поведение» [7]. «Будущее является психологическим пространством, в котором потребности человека подвергаются когнитивной переработке в отдаленные цели и поведенческие проекты. В этом смысле умозрительный конструкт «будущее» есть место строительства поведения и развития человека» [8].

Чрезвычайно сложной и спорной является проблема соотношения временных характеристик деятельности и ее мотивации. Многие думают, чем мотивированнее деятельность, тем она скорее осуществляется и более оптимально организована во времени. Однако разработанная В. Г. Асеевым концепция соотношения динамических и содержательных аспектов мотивации вскрыла неоднозначность этой связи.

Сегодня назрела необходимость глубокого изучения связи мотивации с компонентами временной компетентности. В психологии отсутствуют данные, устанавливающие связь мотивации достижения успеха и избегания неудач со способами организации деятельности в различных временных условиях, недостаточно изучены связи между видами мотивации и отношением ко времени. Совместно с Е. Е. Виноградовой было проведено эмпирическое исследование, целью которого было установление различий, проявля-

ющихся в выраженности показателей компетентности во времени у людей с различной мотивацией на успех и избегания неудач.

Организация исследования

Диагностика компетентности во времени осуществлялась с использованием таких методик: «Временная компетентность личности» (О. В. Кузьмина) [9] и «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова) [10]. Опросник «Временная компетентность личности» позволяет оценить уровень осознания человеком необходимости организовывать время, определить мотивационную направленность на выполнение работы к сроку, особенности организации деятельности в режимах оптимальной временной заданности, временной неопределенности и дефицита времени. Методика «Стиль саморегуляции поведения» направлена на измерение особенностей постановки целей, планирования, контроля, оценки результатов и общего уровня саморегуляции поведения.

Мотивационные особенности личности диагностировались с помощью «Методики диагностики мотивации к достижению успеха» (Т. Элерс), «Методики диагностики мотивации к избеганию неудач» (Т. Элерс). Статистическая обработка данных проводилась с использованием непараметрического критерия U-Манна – Уитни, корреляционного анализа. При обработке была применена компьютерная программа SPSS STATISTICS 17.

В исследовании в качестве испытуемых принимали участие студенты заочного факультета Института социально-экономического развития г. Серова Свердловской области в количестве 121 человека. В момент проведения диагностических замеров студенты были на учебно-экзаменационной сессии и их жизнедеятельность организовывалась графиком учебных занятий.

Исследование осуществлялось в два этапа: на первом были выделены различия, проявляющиеся в выраженности особенностей компетентности во времени у людей с различной мотивацией достижения успеха и избегания неудач; на втором – проведен сравнительный анализ корреляционных связей между показателями временной компетентности при различной мотивации.

Результаты исследования

В рамках изучения мотивации достижения выделяют ориентацию на достижение успеха и ориентацию на избегание неудач. Люди, ориентированные на достижения успеха, обычно активны, инициативны. В основе их активности лежит надежда на успех. При мотивации избегания неудач активность связана с потребностью избегания срывов, наказания, уходом от ошибок и лишней траты нервов. Проведенное нами эмпирическое исследование позволило выделить особенности временной компетентности у лиц с

различной выраженностью мотивации достижения и избегания неудач.

Для анализа мотивации были выделены две группы с высокой и низкой мотивацией достижения успеха и две группы с высокой и низкой мотивацией избегания неудач. Данные группы соответствовали требованию адекватности, предъявляемому к выборке исследования.

Результаты статистически значимых различий выраженности компонентов временной компетентности личности при мотивации достижения успеха и избегания неудач представлены в таблице.

При анализе данных, представленных в табл. 1, можно констатировать, что для людей с ярко выраженной мотивацией достижения успеха в большей степени свойственна потребность в организации, упорядочивании и контроле времени, чем для лиц, не имеющих выраженной потребности в достижениях успеха (субшкала «Сохранение порядка» $U = 51,5$ при $p = 0,007$, субшкала «Контроль времени» $U = 70,5$ при $p = 0,042$). Люди, мотивированные на успех, стараются планировать свое время, определять перечень приоритетных дел, стремятся не тратить время зря. Для лиц, не обладающих данной мотивацией, эти характеристики свойственны в меньшей степени. Они целенаправленно организуют свое время только в сложных ситуациях, связанных с лимитом или дефицитом времени, в основ-

ном время не контролируется. Деятельность организуется без учета временных показателей.

Люди, мотивированные на успех, в отличие от немотивированных, испытывают большую потребность в предоставлении работы к сроку ($U = 33$ при $p = 0,001$). Им не свойственно опаздывать. Мотивация достижения определяет стремление человека выполнить дело на высоком уровне, срок (своевременность) выступает в данном случае показателем качества работы. При избытке времени они качественно прорабатывают все нюансы и предпочитают работать по графику.

Интересные данные были получены при сравнении показателей временной компетентности, фиксирующих уровень осознания необходимости организации времени у людей с разной мотивацией избегания неудач. Оказалось, что так же, как лица, мотивированные на успех, люди с выраженной мотивацией избегания неудач стремятся упорядочить свое время ($U = 444,5$ при $p = 0,032$). Только первые это, вероятно, делают для достижения максимально результата и успеха, а вторые – для избегания срывов и порицания.

Осуществление контроля времени и его рефлексия в большей степени свойственны для людей, имеющих невыраженную мотивацию избегания неудач ($U = 417$ при $p = 0,014$). При высоком уровне избегания неудач контроль времени не свойственен. Вероятно, это связано с за-

Таблица 1

Показатели статистических различий, проявляющиеся в выраженности компонентов временной компетентности у лиц с мотивацией достижения успеха и избегания неудачи

Показатели временной компетентности	Уровень мотивации	Мотивация достижения успеха			Мотивация избегания неудач		
		Средний ранг	U Манна – Уитни	p-значимость	Средний ранг	U Манна – Уитни	p-значимость
Осознание организации времени							
Сохранение порядка	Низкий	11,36	51,5	0,007	33,46	444,5	0,032
	Высокий	25,68			44,54		
Потребность в выполнении работы к сроку	Низкий	8,71	33	0,001	34,74	505	0,145
	Высокий	26,15			42,30		
Контроль времени	Низкий	30,93	70,5	0,05	42,13	417	0,014
	Высокий	21,81			29,44		
Практическая организация времени							
Интуитивная организация времени	Низкий	21,29	121	0,653	42,21	413	0,013
	Высокий	23,90			29,30		
Технологичная организация времени	Низкий	18,50	101,5	0,291	37,05	613,5	0,813
	Высокий	24,40			38,28		
Режим временной неопределенности	Низкий	27,00	112	0,471	41,52	445,5	0,033
	Высокий	22,87			30,50		
Режим точной временной заданности	Низкий	25,21	124,5	0,719	33,83	462	0,052
	Высокий	23,19			43,89		
Режим временного дефицита	Низкий	21,43	122	0,675	43,26	364	0,002
	Высокий	23,87			27,48		

Примечание: жирным начертанием выделены значимые коэффициенты различий.

щитным поведением. Изначально мотивированные на неудачу испытывают желание больше не возвращаться к сложной, вызывающей напряжение ситуации.

При анализе способов практической организации деятельности в различных временных условиях людьми с разной мотивацией были выделены следующие закономерности. 1. Отсутствуют статистически значимые различия в способах организации деятельности в условиях временной неопределенности, оптимальной заданности времени, дефицита времени у людей, имеющих разный уровень выраженности мотивации достижения успеха, независимо от выраженности мотивации. 2. Для лиц с низким уровнем проявления мотивации избегания неудач в большей степени свойственна интуитивная организация времени, чем для людей, имеющих высокий уровень выраженности данной мотивации ($U = 413$ при $p = 0,013$). 3. Люди с высоким уровнем мотивации избегания неудач не хотят работать в режиме временной неопределенности ($U = 445,5$ при $p = 0,03$) и дефицита времени ($U = 364$ при $p = 0,002$). Временная неопределенность и дефицит времени способствуют возникновению напряженности, увеличению тревожности. В связи с этим людям с высоким уровнем мотивации избегания неудачи сложно работать в таких условиях, поэтому они стремятся не допускать таких ситуаций.

Далее мы предприняли попытку установить различия, проявляющиеся в функциональных компонентах саморегуляции у людей с различной выраженностью мотивации достижения успехов и избегания неудач. Степень сформированности индивидуальной саморегуляции, как отмечает В. И. Моросанова, является значимым предиктором продуктивности различных видов деятель-

ности [11]. Осознанная саморегуляция деятельности представляет собой целостную систему психических средств, при помощи которой человек способен управлять своей целенаправленной активностью [12]. Среди функциональных компонентов модели саморегуляции О. А. Конопкин, В. И. Моросанова выделяют: цели деятельности; модель значимых условий; программу исполнительных действий; критерии успешности; оценивание результатов; коррекцию. Результаты статистически значимых различий представлены в табл. 2.

Люди, имеющие высокий уровень выраженности мотивации достижения успеха, отличаются от лиц, у которых данный мотив отсутствует, способностью самостоятельно регулировать свою деятельность ($U = 51$ при $p = 0,007$), большим стремлением планировать ($U = 60$ при $p = 0,018$), программировать ($U = 45,5$ при $p = 0,004$). По другим показателям саморегуляции статистически значимых различий не было обнаружено.

В результате анализа мотивации избегания неудач было обнаружено лишь одно отличие. Для лиц, имеющих более высокий уровень мотивации избегания неудач, характерна выраженная потребность в оценивании результатов ($U = 425,5$ при $p = 0,018$). У этих людей сформирована система субъективных критериев оценки результатов. Данная система не всегда может быть объективной. При сильно выраженном мотиве избегания неудач люди стремятся к самооценке, но склонны недооценивать свои возможности, быстро расстраиваются при неудачах, проявляют нежелание рисковать, выходить из зоны комфорта.

На втором этапе исследования был проведен корреляционный анализ с целью выделения различий в структуре взаимосвязей показателей вре-

Таблица 2

Показатели статистических различий в выраженности показателей саморегуляции у лиц с мотивацией достижения успеха и избегания неудачи

Показатели саморегуляции	Уровень мотивации	Мотивация достижения успеха			Мотивация избегания неудач		
		Средний ранг	U Манна – Уитни	p-значимость	Средний ранг	U Манна – Уитни	p-значимость
Планирование	Низкий	12,57	60	0,018	34,48	492,5	0,108
	Высокий	25,46			42,76		
Моделирование	Низкий	20,50	115,5	0,529	34,80	507,5	0,149
	Высокий	24,04			42,20		
Программирование	Низкий	10,50	45,5	0,004	34,55	496	0,116
	Высокий	25,83			42,63		
Оценка результатов	Низкий	21,86	125	0,742	33,05	425,5	0,018
	Высокий	23,79			45,24		
Общий уровень саморегуляции	Низкий	11,29	51	0,007	34,51	494	0,114
	Высокий	25,69			42,70		

Примечание: Жирным начертанием выделены значимые коэффициенты различий

менной компетентности у лиц с различной мотивацией. Корреляционный анализ проводился отдельно в группах мотивированных на достижение успеха и избегание неудач (рис. 1, 2).

У мотивированных на успех значимые корреляционные связи были обнаружены между показателями временной компетентности, характеризующей уровень осмысления организации времени. Чем сильнее человек ориентирован на успех, тем выше потребность в организации времени ($r = 0,405$ при $p = 0,001$), сильнее выражена направленность на выполнения работы к сроку ($r = 0,287$ при $p = 0,001$), технологичнее орга-

низация времени ($r = 0,271$ при $p = 0,002$). Индивиды, мотивированные на успех, испытывают потребность в своевременном выполнении работы, осознают необходимость специальной организации времени, стремятся быть организованными. Знают приемы управления собственным временем. Выделяют в делах приоритеты, ведут письменную фиксацию дел с указанием временных показателей, анализируют свои возможности при распределении времени.

Иная схема корреляционных связей показателей временной компетентности у лиц с мотивацией избегания неудач (рис. 2).

Рис. 1. Значимые корреляционные связи показателей временной компетентности у людей с мотивацией достижения успеха

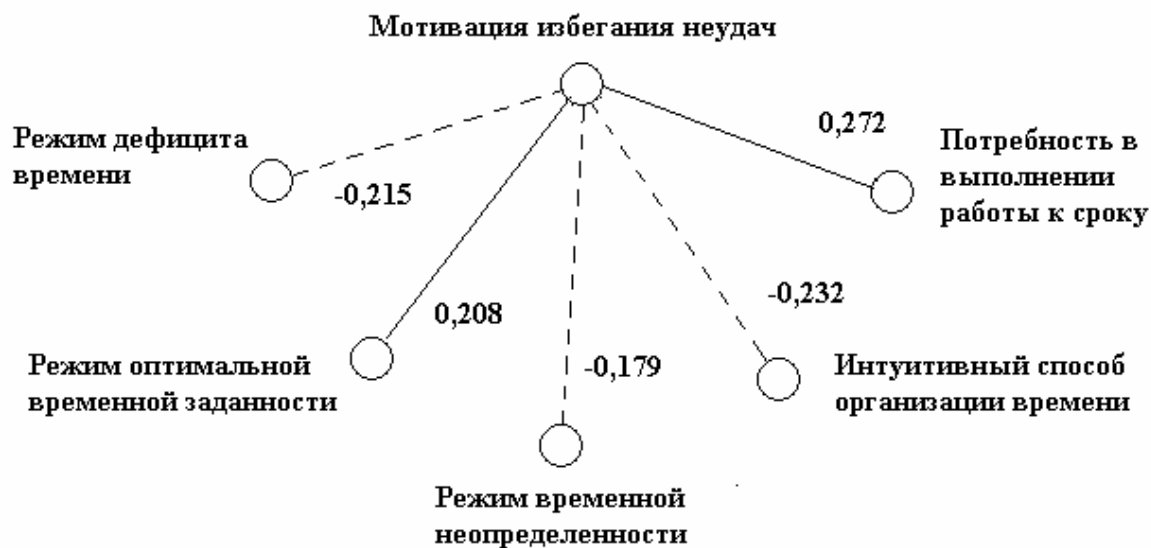

Рис. 2. Значимые корреляционные связи показателей временной компетентности у людей с мотивацией избегания неудач

Корреляционные связи доминируют между показателями, характеризующими способы организации работы. Чем выше мотивация индивида на избегание неудач, тем выше направленность на выполнение работы к сроку ($r = 0,272$ при $p = 0,002$), предпочтительнее работа в режиме оптимальной временной заданности ($r = 0,208$ при $p = 0,021$). Субъектам со склонностью к избеганию неудач не свойственна в основном интуитивная организация времени ($r = -0,232$ при $p = 0,01$). Они испытывают трудности при работе в условиях неопределенности временных ресурсов ($r = -0,179$ при $p = 0,048$), отсутствии временных ограничений и в ситуациях дефицита времени ($r = -0,215$ при $p = 0,005$).

Сравнивая обе корреляционные схемы, можно констатировать, что при мотивации достижения успеха важным является уровень осознания организации времени. Именно этот уровень временной компетентности представлен в корреляционных связях. Ни один способ организации деятельности во времени (деятельностный уровень) не включен в корреляции. При мотивации избегания неудач обратная картина. Корреляционная схема представлена из показателей временной компетентности, характеризующих способы выполнения работы в различных временных условиях. Таким образом, можно сделать заключение о том, что в основе организации деятельности при мотивации достижения успеха лежат ценностно-смысловой и мотивационные компоненты, а при мотивации избегания неудачи – организационно-технологический компонент, определяющий временные режимы работы.

Таким образом, обобщив полученные эмпирические данные, можно сделать вывод о существовании ярко выраженных отличий в проявлении показателей временной компетентности у субъектов с различной направленностью на успех и избегание неудач:

1. Люди с доминирующей мотивацией достижения успеха испытывают потребность в своевременности выполнения работы, чего нельзя сказать о субъектах с мотивацией избегания неудачи. Для них предоставление работы к сроку не является значимым показателем.

2. Потребность в упорядочивании своей жизни и деятельности одинаково выражена у людей, стремящихся к успеху и избегающих неудач. Только для первых это стремление рассматривается через призму достижения максимального результата, а для вторых – как избегание наказания, срыва.

3. При практической организации деятельности в различных временных ситуациях люди с низким уровнем мотивации избегания неудач в большей степени предпочитают работать в режиме временной неопределенности без указания срока предоставления работы и дефицита времени, чем индивиды с высоким уровнем мотивационной направленности на избегание неудач.

4. Люди с различной мотивацией имеют разные схемы корреляционных связей показателей временной компетентности. У индивидов с мотивацией достижения успеха в схеме корреляционных связей выделяется ценностно-смысловой компонент временной компетентности. У лиц с мотивацией избегания неудач – организационно-технологичный.

Выявленные эмпирическим путем закономерности проявления показателей компетентности во времени у людей с различной мотивацией представляют интерес, поскольку раскрывают механизмы регуляции поведения и деятельности. Полученные данные расширяют психологические знания о связях временной компетентности с мотивационной направленностью личности.

Примечания

1. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. М.: Когито-Центр, 2004. 44 с.

2. Ральникова И. А. Субъективное переживание времени личностью как предмет научного психологического исследования // Известия АГУ. 2001. № 2(20). С. 15–21.

3. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976. 158 с.

4. Асеев В. Г. О модальной структуре психологического времени // Психология личности и время: тез. докл. Т. 2. Черновцы, 1991. С. 19.

5. Асеев В. Г. Значимость и временная стратегия поведения // Психол. журнал. 1981. Т. 2. № 6. С. 25.

6. Улитова Е. С. Мотивационный анализ временной регуляции поведения личности // Психология личности и время: тез. докл. Т. 2. Черновцы, 1991. С. 27.

7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 9.

8. Nuttin J. Future time perspective and motivation. Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1985. С. 56.

9. Кузьмина О. В. Особенности временной компетентности у лиц с разными способами организации времени // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 2 (10). С. 9–15.

10. Кузьмина О. В. Разработка и стандартизация методики «Временная компетентность личности» // Известия УрГУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2(89). С. 186–196.

11. Там же.

12. Там же.

ПЕРСОНАЛИИ

ТАМАРА АЛЬБЕРТОВНА ВОРОБЬЁВА

Успех университета всецело зависит от людей, в нём работающих. Среди высококвалифицированных специалистов, обеспечивающих своим славным трудом достойное место ВятГГУ в образовательном и научном пространстве России, есть настоящий мастер своего дела, уважаемый коллегами и любимый студентами. Это почётный работник высшего профессионального образования РФ, кандидат исторических наук, доцент Тамара Альбертовна Воробьёва.

Т. А. Воробьёва родилась в г. Ленинграде. Окончив исторический факультет престижного Ленинградского госуниверситета, она посвятила свою жизнь педагогической деятельности и по собственному желанию уехала в Лебяжский район Кировской области работать учителем Окуневской средней школы. С 1964 г. Тамара Альбертовна преподаёт в нашем вузе. Постоянно совершенствуя свои педагогические и исследовательские способности и навыки, в 1984 г. она становится заведующей кафедрой всеобщей истории.

Путь Тамары Альбертовны в науку начался с аспирантуры Московского государственного педагогического университета. Знания, полученные ещё в студенческие годы в ленинградской исторической школе, были дополнены опытом научно-исследовательской работы, приобретённым в процессе выполнения аспирантской программы под руководством маститых московских историков. В 1971 г. Т. А. Воробьёва успешно защитила кандидатскую диссертацию. В разное время её учителями были известные советские учёные, среди которых ведущее место занимал академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий. В последующие годы любовь к научному поиску не была утрачена. Тамара Альбертовна продолжает свои исследования и постоянно совершенствует их качественный уровень. По сей день своей работоспособностью и глубиной научного анализа она показывает пример молодым коллегам. Т. А. Воробьёва – настоящий труженик науки, не мыслящий себя без творческого поиска. Она автор нескольких десятков публикаций в академических журналах и двух монографий, одна из которых вышла в свет в издательстве «Наука». Её статьи в журнале «Народы Азии и Африки» до настоящего времени не утратили научной актуальности и цитируются специалистами. Сейчас в

сфере её научных интересов находятся различные аспекты истории Китая, американско-советские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Арабском Востоке, палестинская проблема. Настоящий эрудит, глубокий знаток и неутомимый исследователь, Тамара Альбертовна является ведущим специалистом кафедры всеобщей истории ВятГГУ по политике США и СССР в азиатском регионе. Она участвует в выполнении НИР по Тематическому плану Министерства образования и науки РФ и Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Т. А. Воробьёва пользуется заслуженным признанием коллег в Москве и Санкт-Петербурге и сохраняет тесные научные связи с Институтом востоковедения РАН.

Результаты исследовательской деятельности Тамара Альбертовна широко применяет на практике. Будучи ведущим преподавателем истории стран Азии и Африки, она является грамотным специалистом по геополитике и истории религии. Круг её преподавательских интересов широк, и во всём ей удаётся достичь высокой степени качества. Лекции Т. А. Воробьёвой отличаются логикой и глубиной, сочетают в себе научный уровень и понятный студентам стиль повествования. Она всегда работает с аудиторией творчески, увлекает слушателей за своей мыс-

лю. Многие разделы преподаваемых ею курсов подготовлены в оригинальном изложении. В основе написанных Тамарой Альбертовной учебных пособий – огромный опыт, пылкий ум, поражающая окружающих эрудированность и завидная трудоспособность. Убедительным доказательством тому является высокая оценка, данная в МГИМО и Институте США и Канады РАН подготовленному ею Краткому словарю-справочнику по геополитике. В текущем году её учебное пособие «Страны Азии между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.)» получило гриф Министерства образования и науки Российской Федерации и рекомендовано к использованию студентами при освоении учебных программ по истории и международным отношениям.

Т. А. Воробьёва удивительный человек – отзывчивый, готовый помочь любому студенту. Она не приемлет никакой схематичности, к каждому своему ученику подходит индивидуально. Многие выпускники исторического факультета благодарны ей за бесценную поддержку, оказанную в процессе подготовки выпускных квалификационных работ. Каждый год Тамара Альбертовна берёт под свою опеку студентов вне зависимости от того, является она их научным руководителем или нет. Она осуществляет научное консультирование, помогает разобраться в понятийном аппарате, знакомит их с иностранными источниками, приносит редкие книги из личной библиотеки. В преподавательской деятельности Тамара Альбертовна состоялась как превосходный педагог. Её уважают и любят выпускники и студенты.

Заслуги Т. А. Воробьёвой отмечены Почетными грамотами Министерства образования РСФСР, Кировской городской Думы и нашего университета. За многолетнюю, кропотливую работу по подготовке квалифицированных кадров – учителей, преподавателей высшей школы, работников органов народного образования – Тамара Альбертовна награждена знаком «Отличник народного просвещения», значком «Отличник просвещения СССР», знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ». За добросовест-

ное служение ВятГГУ ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник Вятского государственного гуманитарного университета».

Тамара Альбертовна вносит весомый вклад в подготовку научных и административных кадров. Она по праву гордится тем, что в 1985 г. пригласила на кафедру всеобщей истории своего лучшего ученика Валерия Теодоровича Юнгблуда. Работа в должности заведующей кафедрой, Т. А. Воробьёва разглядела незаурядные способности будущего ректора и помогла ему на самом сложном, начальном этапе тернистого пути в науку. Среди её учеников – заведующий Научно-историческим архивом и группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН И. В. Лукоянов, Федеральный инспектор по Кировской области Р. А. Береснев, проректор по НИР Ю. А. Балыбердин, деканы А. В. Сергеев, А. В. Семенов, К. С. Бажин, зам. декана Т. Н. Ермакова, заведующие кафедрами М. С. Судовиков, А. А. Костин и многие другие.

Умение выстоять в любой ситуации, спокойствие, рассудительность, жизненная мудрость и интеллект позволяют Тамаре Альбертовне сохранять высокий уровень преподавания и научного поиска. Пройдя путь от ассистента до заведующей кафедрой, Тамара Альбертовна уверенно сохраняет позиции наиболее ценного и незаменимого сотрудника кафедры всеобщей истории. Она первоклассный специалист, настоящий профессионал и просто добрый товарищ.

Тамара Альбертовна, от всей души поздравляем Вас с Юбилеем!

Желаем Вам успехов и процветания, воплощения в жизнь самых смелых планов, реализации всех творческих начинаний!

Пусть надёжной основой новых научных достижений станут Ваши интеллектуальные качества, талант исследователя, доверие и поддержка коллег, близких и родных, верность друзьям!

Примите самые искренние пожелания доброго здоровья, неиссякаемого жизнелюбия и благополучия!

АРКАДИЮ МИХАЙЛОВИЧУ СЛОБОДЧИКОВУ – 70 ЛЕТ

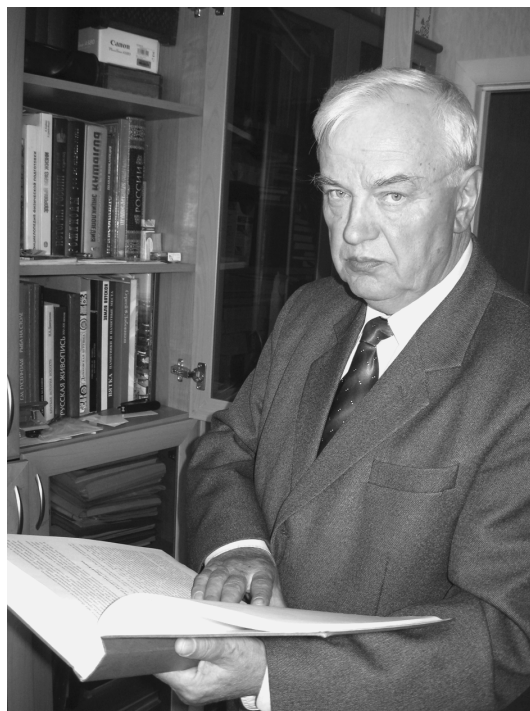
Вся жизнь Аркадия Михайловича Слободчикова связана с Вятским краем. Здесь он родился практически за неделю до начала Великой Отечественной войны в деревне Галки Курчумского сельского совета Сунского района третьим сыном в крестьянской семье Слободчиковых Михаила Ивановича и Анны Михайловны. В самом начале войны, летом 1941 г., отец ушёл на фронт, а 6 июля 1942 г., в день рождения (ему исполнилось 32 года), он погиб под городом Тулой. Мама, трудолюбивая, добрая и мужественная сельская труженица осталась одна с тремя сыновьями. Самый младший из сыновей, Аркадий, так и не успел запомнить отца. Военное и послевоенное детство Аркадия было, как и у всех сельских ребятшек, оставшихся без отца, не простым, трудным и по-настоящему трудовым.

Он учился в Курчумской средней школе, в 1958 г. поступил на физико-математический факультет Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Здесь он встретил спутницу своей жизни, женился на студентке педагогического института Нине Николаевне, всю жизнь проработавшей в школе № 22 г. Кирова учителем физики. В их дружной педагогической семье родились двое сыновей – продолжателей рода Слободчиковых – Владимир и Алексей и их дети, два внука и внучка.

В Кировском государственном педагогическом институте, в настоящее время Вятском государственном гуманитарном университете, проходит многогранная трудовая деятельность Аркадия Михайловича, которая началась ещё в студенческие годы, с учителя физики в школе рабочей молодёжи № 15 г. Кирова.

С 1964 г. А. М. Слободчиков работает на кафедре химии Кировского государственного педагогического института в должности ассистента. В 1969 г. он был избран на должность старшего преподавателя, а в октябре того же года переведён в очную аспирантуру Ярославского государственного педагогического института, которую успешно окончил в 1971 г. с защитой кандидатской диссертации на тему «Физико-химическое исследование гетерогенных равновесий и характеристика твёрдых фаз в водных системах из карбамида, нитратов, хроматов калия, магния, кальция».

Научными руководителями у Аркадия Михайловича по теме кандидатской диссертации были профессор, доктор химических наук Лепешков Иван Никонович (Институт общей и неорганической химии РАН, г. Москва) и Карнаухов Алексей Степанович, профессор, зав. кафедрой неорганической химии Ярославского государственного педагогического института.

После возвращения из аспирантуры Аркадий Михайлович работал старшим преподавателем кафедры химии, доцентом, заведующим кафедрой химии. 29 октября 1976 г. А. М. Слободчиков был избран деканом естественно-географического факультета. Стиль работы Аркадия Михайловича в роли декана был по душе многим. Он сам брался за большие и малые дела, в любой ситуации был требовательным, спокойным, доброжелательным руководителем одного из крупнейших факультетов института – естественно-географического, где он снискал любовь и уважение студентов, выпускников, учителей, коллег. Удивительно, но факт, Аркадий Михайлович знает многих студентов и выпускников факультета не только по фамилии, но по имени и отчеству. О работе со студентами он всегда говорит с особым вдохновением и отмечает, что это по-настоящему благородная и благодарная работа.

Затем Аркадий Михайлович стал руководителем одного из самых старейших и крупных вузов на Вятской земле – Вятского государственного педагогического университета в сложнейшее перестроечное время. Неоднозначные процессы, происходившие в умах людей, в народном образовании и в обществе в целом, легли не простым грузом на его плечи.

Умелый руководитель, его всегда отличает высокая работоспособность, принципиальность, умение общаться с людьми, творческое отношение к делу, бережное, доброжелательное и трепетное отношение к студентам и коллегам – педагогам, руководителям всех звеньев института.

Его преданность делу, высочайший профессионализм, глубокий аналитический ум, требовательность и корректность, внимательный и неформальный подход к людям, к решению их проблем помогли выстоять в те сложные времена, сохранить коллектив и повысить статус возглавляемого Кировского государственного педагогического института до университета, который стал одним из ведущих образовательных и научных центров России.

Пройдя тернистый путь от рядового учителя до руководителя одного из крупнейших педагогических вузов страны, Аркадий Михайлович остаётся образцом человеколюбия и интеллигентности.

Умелое сочетание административной деятельности с научно-исследовательской работой – ещё одна замечательная черта этого талантливого человека. Он автор 165 научных, научно-методических печатных работ. На протяжении нескольких десятилетий является руководителем научно-исследовательской группы студентов по любимому для него научному направлению – физико-химический анализ. Под его руководством подготовлено несколько десятков дипломных работ студентов с отличными оценками.

На протяжении всего жизненного пути Аркадий Михайлович Слободчиков сохраняет верность делу образования и подготовке высококвалифицированных кадров для образовательных учреждений Кировской области. Его высокая гражданская ответственность, глубокое знание проблем подготовки педагогических кадров, подвижническая деятельность заслуживают самой высокой награды – доверия и уважения учительства области, руководителей образования. Аркадий Михайлович Слободчиков всегда желанный лектор в учительской аудитории.

Уважение и признательность вызывали и вызывают его участие в общественной работе в качестве депутата городского Совета, члена облисполкома, председателя Совета общественности Пер-

вомайского района, члена коллегии департамента образования. В течение многих лет он организовывал встречи ветеранов войны, педагогического труда с молодёжью, со студентами на факультете.

Неоценим вклад Аркадия Михайловича в создание истории факультетов, кафедр и университета, которые он пишет к 100-летию университета. В 2009 г. А. М. Слободчиков собрал материалы к 90-летию кафедры химии. Подготовил к изданию материал «У истоков индустриально-педагогического факультета», в настоящее время собирает и завершает материал по истории естественно-географического и химического факультетов.

Аркадий Михайлович поистине является источником знаний, житейской мудрости, а главное – того нравственного света, который вселяет веру в доброту и порядочность для многих поколений учеников. Он всегда был и остаётся добрым, надёжным другом, рядом с которым тепло друзьям и коллегам.

Мы знаем его как работника, обладающего всеми необходимыми качествами современного руководителя, педагога, наставника, разносторонне интересного человека, отличника народного просвещения, почетного и заслуженного работника ВятГГУ, заслуженного работника высшей школы РФ, Почётного работника высшего и профессионального образования РФ, академика РАЕН, первого профессора года в рамках научного конкурса ВятГГУ, отдающего теплоту своего сердца, знания, опыт молодому поколению.

2011 год для Аркадия Михайловича знаменательный и юбилейный. Дружная семья преподавателей, студентов и выпускников химического факультета, кафедры химии и кафедры экологии поздравляют своего дорогого, всеми любимого коллегу с юбилеем и выражают сердечную благодарность за тот труд, те силы и знания, с которыми он идёт по жизни, желают доброго здоровья, благополучия и успехов в дальнейшей плодотворной работе.

РЕЦЕНЗИИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Борисова Е. Б. *Художественный образ в британской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: монография.* – Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. – 356 с.

Монография Е. Б. Борисовой посвящена одной из актуальных проблем – обоснованию принципов и приемов лингвопоэтического анализа художественного текста в применении к его образной системе, который открывает новые возможности для межпредметного диалога, в частности взаимодействия лингвистики, литературоведения, лингвокультурологии, теории перевода и др. В работе создается пространство «дискурсивной гетероглоссии», организуемой интерпретационными практиками лингвистики и литературоведения, и мы убеждаемся в том, что концептология, которая в настоящее время видится многим исследователям перспективным направлением взаимодействия двух филологических дисциплин, – не единственное поле, в котором, если использовать образное выражение академика В. В. Виноградова, «разрешается охотиться лингвисту и литературоведу». Автор монографии совершенно справедливо говорит о необходимости комплексного анализа, который способствовал бы преодолению разрыва между исследованиями, нацеленными на изучение семантики художественного текста без учета его сюжета, структуры и композиции, и работами, в которых изолированно рассматривается строй текста в отрыве от анализа особенностей его языковой ткани (с. 5).

В соответствии с поставленной задачей выстраивается безупречная логика исследования, которое имеет классическую композицию и раскрывает проблемы лингвопоэтического анализа художественной образности сначала в теоретическом аспекте, а затем – на разных уровнях художественных и языковых структур – в практическом плане, на примере конкретных произведений английской литературы XX в.

Рассмотрев лингвистические и литературоведческие представления о художественном образе, Е. Б. Борисова намечает пути их сближения на основе общепилологического подхода. Для этого она обращается к основным понятиям интерпретации художественного текста как процесса

декодирования и таким необходимым компонентам, конституирующим литературную компетенцию, как фоновые знания, вертикальный контекст («пресуппозиция адресата»), включающий феномены прецедентности и интертекстуальности. Достаточный общекультурный тезаурус реципиента художественного текста, как показано в работе, является необходимым условием осуществления лингвопоэтического анализа.

В монографии убедительно показаны интерпретационные возможности лингвопоэтического метода на примере произведений, отбор которых оправдан тем, что они органично вошли в отечественную культуру, являются облигаторными и аксиологически значимыми, – романов «Собственник» Дж. Голсуорси, «Смерть героя» Р. Олдингтона и «Возвращение в Брайдсхед» И. Во. Ценным представляется то, что Е. Б. Борисова рассматривает образы природы в этих произведениях как часть общехудожественного авторского замысла, герменевтическое прочтение которого во многом углубляется благодаря вдумчивому исследованию в рецензируемой работе параллельных текстов, сопоставлению английской и русской литературных традиций в изображении ландшафтной топики. «Пристальное чтение» данных текстов, не имеющее ничего общего с ограниченным сциентизмом «новых критиков», включает в себя выяснение необходимых для объективного лингвопоэтического анализа параметров, таких, как эстетические взгляды писателя, особенности его художественного метода.

Обстоятельное исследование образов природы позволило Е. Б. Борисовой внести уточняющие акценты в характерологию анализируемых романов, выявить через лингвопоэтическую характеристику пейзажа не совсем очевидные при первом рассмотрении средства психологизации повествования, создания лирического фона или эксплицирования сатирического содержания, а благодаря введению в исследование компаративистского элемента обогатить представления о специфике создания образов природы у каждого из анализируемых авторов с учетом колористического, ольфакторного и других аспектов.

Совершенно закономерным, а не факультативным, является введение в монографию параграфа 3.1 о переводе как предмете научно-филологического анализа текста, вводящего в основные проблемы современного переводоведения и обос-

новывающего необходимость осуществления филологического перевода, который, как справедливо отмечает автор, «помогает глубже понять лингвопоэтически значимые средства создания художественного образа, которые могут остаться незамеченными при анализе лишь первоначальной, национальной формы существования произведения словесно-художественного творчества, т. е. на языке оригинала» (с. 119).

Возможности филологического перевода художественного текста убедительно представлены в работе на примере переводов произведений Дж. Голсуорси, Р. Олдингтона, И. Во на русский язык на уровне слов, словосочетаний, ритмико-синтаксической организации, при этом выделяются основные трудности передачи идейно-художественного замысла авторов, даются оптимальные филологические варианты переводов.

Доказав возможности применения лингвопоэтического метода для интерпретации художественного воплощения образа природы, Е. Б. Борисова переходит к категории персонажа. Важно отметить, что в качестве исходного пункта выбирается такой существенный этап поэтологического анализа художественного текста, как характеристика его сюжетно-композиционной структуры, в которую затем исследователем вписывается образ персонажа (на примере конкретного произведения – романа Р. Пилчер «Семейная реликвия»).

Е. Б. Борисова обстоятельно и глубоко рассматривает интродукцию, портрет, речевую характеристику персонажа, выражение категории автора и др. Этот комплексный анализ, осуществленный на фонографическом, лексико-фразеологическом и морфосинтаксическом уровнях языка, показал, как «совокупность языковых средств различных уровней участвует в создании образа», обеспечивая реализацию авторских интенций и эстетическое воздействие произведения. Следует особо отметить проницательный анализ в монографии средств авторского психологизма, реализации семантического и метасемантического потенциала языковых единиц, конвергенции стилистических приемов в характерологически наиболее значимых фрагментах художественного текста.

Исследование Е. Б. Борисовой является перспективным и намечает положения, которые в дальнейшем целесообразно развивать. Так, лингвопоэтический подход в сочетании с методами лингвокультурологии и психолингвистики будет плодотворным при изучении художественной актуализации лингвокультурного типажа, гендерных аспектов художественного произведения, вызывающих в наши дни повышенный интерес как лингвистов, так и литературоведов. Сопоставительный анализ воплощения лингвокультурных реалий в

параллельных текстах перспективен для развития имагологической науки. Наконец, в монографии даются важные ориентиры для переводоведения в плане применения к прозаическим текстам метода филологического перевода.

Монография Е. Б. Борисовой представляет собой фундаментальное научное исследование, имеющее большую теоретическую и практическую значимость. Ее материалы могут быть использованы и лингвистами, и литературоведами, их можно и необходимо включать в курсы лингвопоэтики, лингвокультурологии, интерпретации текста, теории и практики перевода, спецкурсы. Они будут полезны и историкам зарубежной литературы, поскольку позволяют углубить анализ образных систем художественных произведений.

*О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук,
профессор по кафедре русской
и зарубежной литературы ВятГГУ*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОБЛАСТЬ НЕВЕДОМОГО

Россохин А. В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 304 с.

В монографии профессионального психоаналитика Андрея Владимировича Россохина нашло отражение созданное им новое научное направление – психология рефлексии измененных состояний сознания.

Содержанием книги является описание теоретических и эмпирических исследований измененных состояний сознания, возникающих в психоаналитическом процессе у пациента и у аналитика. В работе обсуждаются проблемы, которые могут быть интересны не только психологам, но и философам, лингвистам, психотерапевтам, а также многим другим специалистам, интересующимся проблемами развития личности. В числе рассматриваемых вопросов: рефлексия измененных состояний сознания в философии и психологии, взаимосвязь рефлексии и внутреннего диалога в сознании и интерсознании, проблема перехода от внутреннего диалога к полилогу и интерполилогу. На материале сновидений своих пациентов автор представляет микрорефлексивный анализ интерсознания и психолингвистический анализ психоаналитического процесса. Завершается монография обсуждением скрытых содержаний психоаналитического процесса и описанием переживания времени в интерсознании.

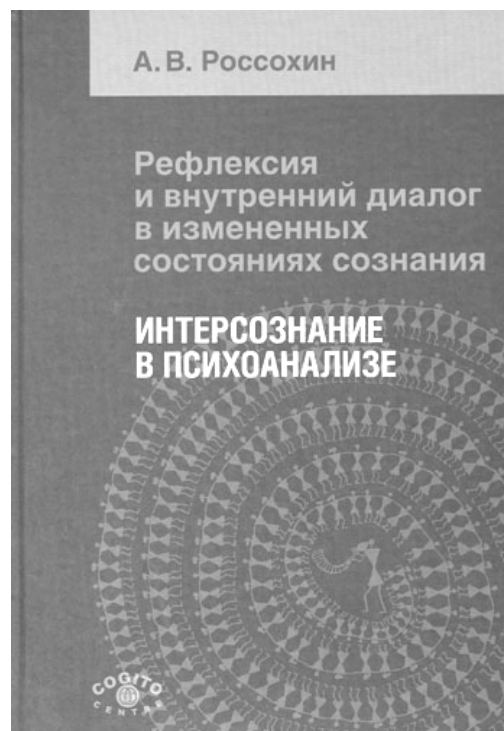
Специфика работы состоит в том, что в ней парадоксальным образом соединяются «искусство» психоаналитического процесса и строгие на-

учные измерения. Еще одной особенностью исследовательского подхода А. В. Россохина является сближение (если не сказать синтез) психоанализа с культурно-исторической психологией.

Книга А. В. Россохина воодушевляет позицией веры в силы и возможности человека изменить себя для лучшей жизни. Человек здесь не выступает пассивным заложником прошлых или будущих событий, а рассматривается как субъект саморазвития. Но возникает вопрос, как возможно саморазвитие человека в психоаналитическом процессе, где все, казалось бы, подчинено «стихии» проявлений бессознательного пациента, направляемой и регулируемой волей аналитика? Ответ на этот вопрос мы находим в самой работе. С точки зрения автора книги, сформированной не только теоретическими изысканиями, но и многолетней психоаналитической практикой, индивидуальные сознания психоаналитика и пациента становятся в аналитическом процессе интерсознанием, обеспечивающим необходимые для пациента «прорывы» в прошлое, конструктивную работу в настоящем и «наведение мостов» в будущее. Психоанализ реализуется А. В. Россохиным не только как психотерапевтический метод, но и как исследовательская процедура, направленная на изучение и развитие личности человека.

Безупречна научная стилистика монографии. Тексты отличаются тонкой рефлексивностью и внутренним диалогизмом, что, вероятно, отчасти объясняется принадлежностью автора к психоанализу. Неоднократно на страницах книги автор полемизирует с другими исследователями, утверждая свой взгляд на природу рефлексии в измененных состояниях сознания, а также на возможности психоанализа в целом.

Полиграфическое исполнение монографии не разочарует читателя, что также немаловажно, ведь в книге, как и в человеке, «все должно быть прекрасно». В данном случае есть еще какое-то соответствие книги и ее автора. Андрей Россохин – красивый, сильный, творческий человек, масштабная и цельная по своим устремлениям личность. Кировским читателям А. В. Россохин интересен еще и тем, что его родословная, согласно семейным преданиям, восходит к основателю нашего города новгородскому ушкуйнику, воеводе и боярину Михайле Россохину. Свое увлечение психоанализом Андрей Владимирович связывает с бессознательной исторической памятью о событии, широко известном как «битва слепородов», когда в ходе сражения с дружест-

венными устюжанами, принятыми глубокой безлунной ночью за неприятельское войско, polegавшего много воинов с обеих сторон. Многовековая «работа горя» вятчан, осуществляющаяся вначале в архаических, а затем в культурно-символических формах, возможно, как считает сам Андрей Россохин, и привела его к психоанализу.

«Путешественником в область неведомого» назвал А. В. Россохина в предисловии к книге член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова В. Ф. Петренко. И действительно, монография раскрывает новые грани научного таланта ее автора как исследователя во многом еще не изученного микрокосма сознания и бессознательного. Вместе с автором и мы имеем возможность совершить сложное и увлекательное путешествие в область неведомого – мир интерсознания в психоанализе. Книга является серьезным вкладом в развитие психоанализа на новых для этого подхода культурно-исторических и психосемантических основаниях.

*Н. А. Низовских,
кандидат психологических наук,
доцент по кафедре
практической психологии ВятГГУ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКУЛИН Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

БАТЮК Кирилл Ярославович – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

БЕРЕЗИН Сергей Викторович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

БЛАГОДИР Алла Леонтьевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре гражданско-правовых дисциплин Института (филиала) МПЮА имени О. Е. Кутафина в городе Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: ablagodir@yandex.ru

ГАЛИЦКИХ Елена Олеговна – доктор педагогических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: galitskiheo@ Rambler.ru

ГЕНИЯТОВА Эльмира Нурутдиновна – ассистент кафедры английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: elmiro4ka06@ Rambler.ru

ДАЛИНГЕР Виктор Алексеевич – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики обучения математике Омского государственного педагогического университета. 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, д. 14.

E-mail: dalinger@omgru.ru

ДОЛГИХ Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophi@vshu.kirov.ru

ИЛЬИН Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КВАСКОВ Владимир Николаевич – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и биоэтики Пермской государственной медицинской академии им. академика Е. А. Ватнера. 614000, г. Пермь, ул. Куйбышева, д. 39.

E-mail: rector@psma.ru

КОВРИЖНЫХ Любовь Александровна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре правовой информатики Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в городе Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: kla_62@mail.ru

КОЛОБОВА Юлия Игоревна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КОЩЕЕВА Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре гражданского процесса Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в городе Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: koscheeva@yandex.ru

КУЗЬМИНА Ольга Викторовна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей психологии Уральского гуманитарного института. 620078, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 63.

E-mail: kuzminaov@yandex.ru

МАКСИМЮК Елена Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. 644077, г. Омск, просп. Мира, д. 55а.

E-mail: Grechko_EV@mail.ru

МАМАЕВ Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН. 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.

E-mail: andreidx2006@yandex.ru

МОТОРИНА Любовь Евстафьевна – кандидат философских наук, профессор по кафедре философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет); руководитель Межвузовского центра гуманитарного образования Министерства образования и науки России; гл. редактор научно-образовательного журнала «Философское образование» (г. Москва). 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4.

E-mail: lubov-motorina@yandex.ru

ОНИЩЕНКО Элла Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией методологии, истории и оценки качества педагогического образования Учреждения Российской академии образования «Институт педагогического образования» (ИПО РАО). 191119, г. Санкт-Петербург, ул. Черняховского, д. 2.

E-mail: eleonoraon@mail.ru

ОРЕХАНОВ Юрий Леонидович (священник Георгий Ореханов) – доктор церковной истории, кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории Русской Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23, корп. 5А.

E-mail: oGeorgO@pstgu.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПЕТРОВА Ирина Александровна – ассистент кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

РОСИНА Наталья Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: natalirosina@mail.ru

СЕМЁНОВА Анна Валерьевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии РАН, Москва. 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

E-mail: mansurov@isras.ru

СЕРГЕЕВ Сергей Леонидович – аспирант кафедры отечественной и региональной истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 428000, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38.

E-mail: rehistory414@mail.ru

ФЕЩЕНКО Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент по кафедре криминологии, психологии и уголовного права Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в городе Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.

E-mail: fpn2005@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAKULIN Vladimir Ivanovich – Doctor of History, Professor of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

BATYUK Kirill Yaroslavovich – Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

BEREZIN Sergey Viktorovich – Postgraduate Student of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

BLAGODIR Alla Leontyevna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil-Law Disciplines in Kirov Institute of Kutafin Moscow State Law Academy. 610000. Kirov, 30 Moskovskaya str.

E-mail: ablagodir@yandex.ru

GALIZKIKH Elena Olegovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: galitskiheo@rambler.ru

GENIYATOVA Elmira Nurutdinovna – Associate Professor of the Department of English and German and methods of teaching foreign languages in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: elmiro4ka06@rambler.ru

DALINGER Viktor Alekseevich – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Mathematics in Omsk State Pedagogical University. 644099, Omsk, 14 Tukhachevskogo nab.

E-mail: dalinger@omgpu.ru

DOLGIKH Andrey Yuryevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: philosophi@vshu.kirov.ru

ILYIN Dmitriy Vladimirovich – Postgraduate student of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail:

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of History, Senior Professor of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KALININA Darya Alexandrovna – Candidate of History, Senior Professor of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

KVASKOV Vladimir Nikolaevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Bioethics in Perm State Medical Academy. 614000, Perm, 39 Kuybusheva str.

E-mail: rector@psma.ru

KOVRIZHNYKH Lyubov Alexandrovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Legal Informatics in Kirov Institute of Kutafin Moscow State Law Academy. 610000. Kirov, 30 Moskovskaya str.

E-mail: kla_62@mail.ru

KOLOBOVA Yulia Igorevna – Candidate of Cultural Studies, Senior Teacher of the Department of Culture and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

KOSTIN Aleksey Aleksandrovich – Candidate of History, Associate Professor of the Department of General History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KOSHCHEEVA Elena Sergeevna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Procedure in Kirov Institute of Kutafin Moscow State Law Academy. 610000. Kirov, 30 Moskovskaya str.

E-mail: koscheeva@yandex.ru

KUZMINA Olga Viktorovna – Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General Psychology in the Ural Institute for the Humanities. 620078, Ekaterinburg, 63 Komsomolskaya str.

E-mail: kuzminaov@yandex.ru

MAKSIMYUK Elena Valentinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language in Omsk F. M. Dostoevsky State University. 644077, Omsk, 55a prosp. Mira.

E-mail: Grechko_EV@mail.ru

MAMAEV Andrey Vladimirovich – Candidate of History, Research Assistant in Institute of History of the Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, 19 Dm. Ulyanov str.

E-mail: andreydx2006@yandex.ru

MOTORINA Lyubov Evstafyevna – Candidate of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy in Moscow Aviation Institute (MAI); Head of the Inter-University Centre of Humanitarian Education of the Russian Ministry of Education and Science; Senior Editor of the magazine in education and research “Philosophical Education” (Moscow). 125993, Moscow, 4 Volokolamskoe sh.

E-mail: lubov-motorina@yandex.ru

ONISHCHENKO Ella Vasilyevna – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the laboratory of methodology, history, and evaluation of pedagogical education of the Russian Academy of Education, Institute of Pedagogical Education. 191119, St. Petersburg, 2 Chernyakhovskogo str.

E-mail: eleonoraon@mail.ru

OREKHANOV Yuriy Leonidovich (priest G. Orekhanov) – Doctor of Church History, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian Church History in St. Tikhon’s Orthodox University. 115184, Moscow, 23/5A Novokuznetskaya str.

E-mail: oGeorgO@pstgu.ru

OSIPOVA Nina Osipovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Culture and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

PETROVA Irina Alexandrovna – Assistant of the Department of Theory and History of the State and Law in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

POZDEEV Vyacheslav Alekseevich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: slava@pozd.kirov.ru

ROSINA Natalia Leonidovna – Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Practical Psychology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: natalirosina@mail.ru

SEMENOVA Anna Valeryevna – Candidate of Philosophy, Senior Research Assistant in the Center of methodology of sociological research of the Institute of Sociology RSA. Moscow. 117218, Moscow, 24/35, bulk 5, Krzhizhanovskiy str.

E-mail: mansurov@isras.ru

SERGEEV Sergey Leonidovich – Postgraduate Student of the Department of Native and Regional History in Chuvash State Pedagogical University. 428000, Chuvash Republic, Cheboksary, 38 K. Marks str.

E-mail: rehistory414@mail.ru

FESHCHENKO Pavel Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of criminology, psychology and criminal law in Kirov Institute of Kutafin Moscow State Law Academy. 610000, Kirov, 30 Moskovskaya str.

E-mail: fpn2005@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3(1)

Подписано в печать 25.08.2011 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Тираж 1000. Заказ № 1878.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674